
Русская Старина
№ 1.
1885 г.

250. – 1000
250 – 250.

150. —
100. —

250/
1500

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ шестнадцатый. ЯНВАРЬ. 1885 года.

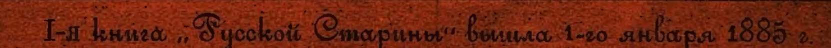
СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Андрея Ивановича Подолинскаго (1847 г.), гравиров. по фотографіи И. И. Матюшинъ. — II. Портретъ Карла Өедоровича Детлова, гравиров. г. Панпемакеръ въ Парижѣ. — III. Видъ и планъ крѣпости Баязета въ 1877 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1885.

Сборникъ краткихъ благоговѣйныхъ чтеній графъ П. А. Валуева на всѣ дни года. Спб., 1885 г., въ 8 д., стр. 653. Цѣна 4 р. Продается въ магазинѣ Глазунова.

Сборникъ этотъ можно считать весьма полезнымъ вкладомъ въ собраніе книгъ духовнаго содержанія. На русскомъ языкѣ, именно въ такомъ порядкѣ, какъ составленъ «Сборникъ», едва-ли до сего времени существовалъ; за текстомъ помѣщены высоконравственныя бесѣды на каждый день, которыя заставляютъ каждаго читающаго невольно углубиться, подумать о прошедшихъ и будущихъ дняхъ. Если бы мысль о смерти не представлялась намъ, такъ сказать, чѣмъ-то невозможнымъ, то жизнь человѣческая не была бы полна страданій и горечи. «Читатель, — говоритъ въ сборникѣ П. А. Валуева Клербсъ, — быть можетъ, ты на склонѣ къ цѣли. Перевалъ за тобою. Быть можетъ, твой взглядъ различаетъ въ вечернихъ сумеркахъ тотъ крестъ, который для тебя поставленъ въ концѣ пути». Хорошее чтеніе укрѣпляетъ духъ, вѣру въ добро; книга П. А. Валуева даетъ свѣтлыя минуты, внушая хорошія чувства. Е. М. С.

Исторія Россіи. Соч. Д. Иловайскаго. Т. II. Московско-литовскій періодъ или собиратели Руси. М. 1884. 587 стр. Ц. 3 р.

Должно порадоваться продолженію давно начатаго почтеннаго труда автора, въ которомъ такъ нуждается наша историческая литература, не смотря на обширныя сочиненія по русской исторіи, уже существующія, и достаточное число монографій, появившихся въ последнее время. О значеніи новаго тома своей «исторіи» авторъ справедливо замѣчаетъ, что въ немъ впервые, параллельно съ исторіей московской Руси, излагается исторія Руси литовской, т. е. дается последней самостоятельное мѣсто въ обработкѣ общей русской исторіи; такъ какъ въ предшествующихъ большихъ исторіографическихъ изданіяхъ отдѣлъ западной или литовской Руси самостоятельнаго, послѣдовательнаго изложенія не имѣлъ.

Все содержаніе этого тома распадается на 12 главъ, представляющихъ слѣдующія рубрики: 1) Москва и Тверь. Калита и его сыновья; 2) Гедиминъ, Ольгердъ и судьба юго-западной Руси; 3) Дмитрій Донской и начало освобожденія; 4) Ягелло и начало польско-литовской уніи; 5) Василій московскій и Витовтъ литовскій; 6) Василій Темный и Русь восточная; 7) Свидригелло и Казимиръ IV. Начало Крымскаго царства; 8) Вѣчевыя общины Новгородъ и Псковъ; 9) Русская гражданственность въ татарскую эпоху; 10) Церковь и книжная словесность; 11) Торжество объединенія и независимости при Иванѣ III; 12) Литовскія отношенія и внутреннія дѣла при Иванѣ III. Обзоръ внутренняго состоянія Литовской Руси въ XV в. и первой половинѣ XVI в., по причинѣ значительнаго объема книги, авторъ перенесъ въ слѣдующій томъ. Изъ приведеннаго перечня главъ видно уже то вниманіе, съ какимъ относится онъ къ внутреннему строю общества въ каждый разсматриваемый періодъ. Въ своихъ очеркахъ авторъ воспользовался въ значительной степени послѣдними археологическими трудами и монографическими работами, помимо того, что основной историческій матеріалъ (лѣтописи, акты) вездѣ занимаетъ соотвѣтствующее мѣсто. Въ концѣ книги (532—582) приложены обширныя примѣчанія, которыя, кромѣ ссылокъ и указаній на литературу, представляютъ и изслѣдованіе нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ. Сверхъ того къ книгѣ приложена статья «о ереси жидовствующихъ и митрополитѣ Зосимѣ», посвященная разъясненію вопроса, составлявшаго предметъ спора на 6-мъ археологическомъ съѣздѣ, въ Одессѣ.

При всей полнотѣ обзора литературы не можемъ не отмѣтить, что авторъ не обратилъ вниманія на критическія статьи по исторіи литовскаго княжества Н. П. Дашкевича, написанныя по поводу соч. проф. Антоновича (въ Унив. Изв. 1882—1884 г.). Нельзя не пожалѣть также, что авторъ не помѣщаетъ при каждомъ томѣ алфавитнаго указателя именъ и предметовъ. Это значительно облегчило бы справки съ матеріаломъ, находящимся въ его трудѣ.

Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. А. Чистовича. Ч. II. 1884. Спб. 419 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Намъ приходилось уже упоминать о выходѣ въ свѣтъ 1-й части этого труда; вторая часть обнимаетъ конецъ XVI вѣка, XVII и первую половину XVIII вѣка. Разсказъ автора, хотя краткій, но вездѣ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1885

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLV.

ЯНВАРЬ. — ФЕВРАЛЬ. — МАРТЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

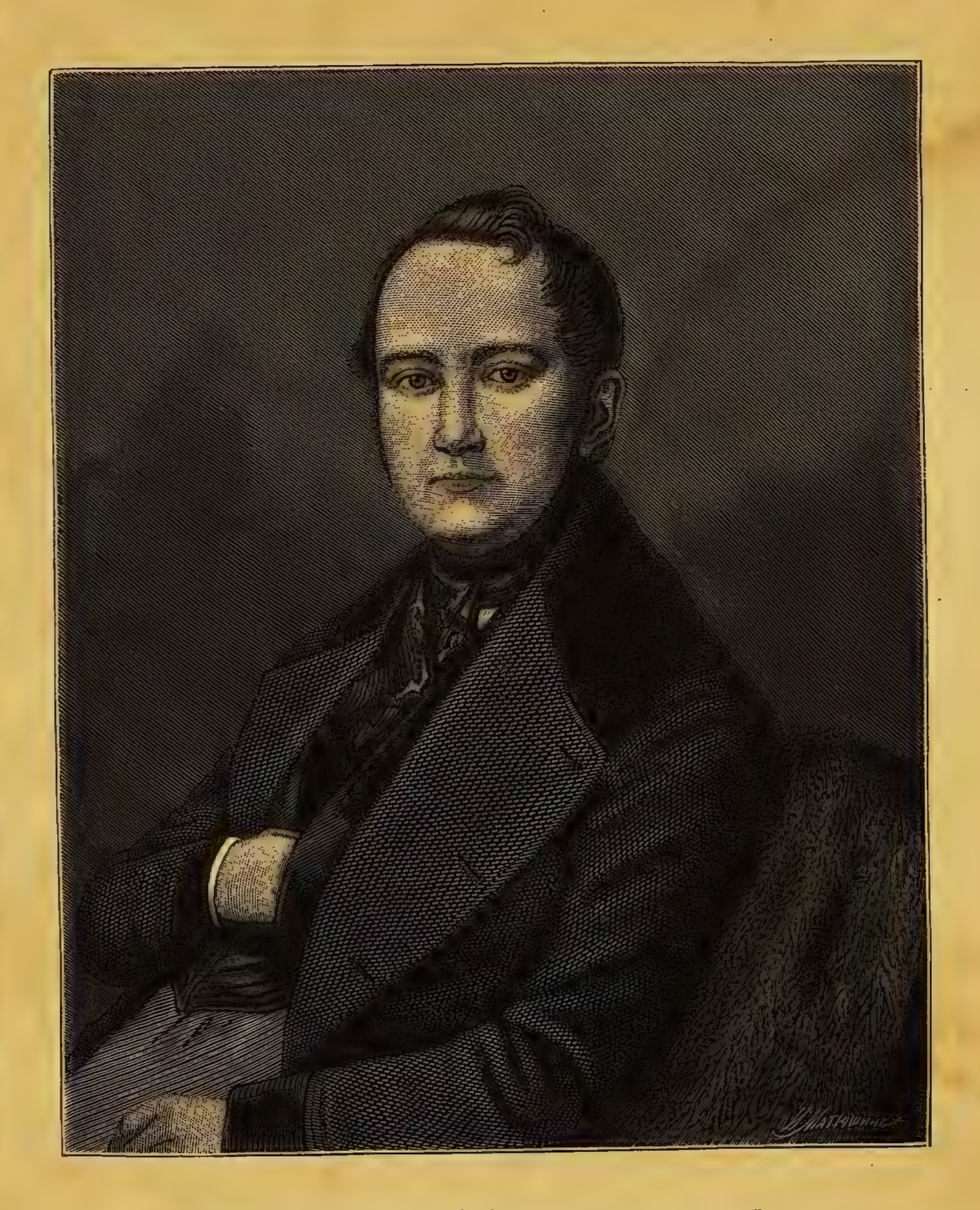
1885.

Рис. К. Брожъ.

Состав. Л. Шарлеманъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 августа 1884 г.

Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

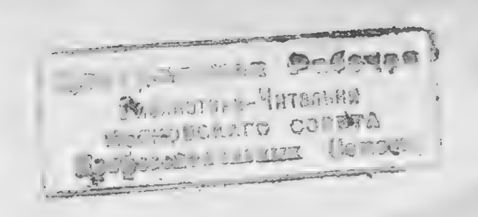

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ПОДОЛИНСКІЙ

1847 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1885 г. т. XLV, янв.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 20 ДЕКАБРЯ 1884 г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА.

ДѢТСТВО И ЮНОСТЬ.

XXXV [1]).

Si la jeunesse savait, si la vieillesse pouvait... Вотъ самое приличное мотто для этого вступленія.

Я изобразилъ мой теперешній внутренній бытъ; каковъ же онъ былъ 56 лѣтъ тому назадъ? Посмотримъ, насколько память передастъ о немъ, сравнимъ; и сходства, и различія можетъ быть объяснятся потомъ описаніемъ того, чѣмъ выполненъ былъ 56-тилѣтній промежутокъ жизни.

Я уже говорилъ о бѣдствіи, нанесенномъ отцу воровствомъ коммисіонера Иванова. Описанное въ казну имѣніе, долги, семейное горе отъ потери дочери и сына, все это не могло не подѣйствовать на человѣка, любившаго свою семью и желавшаго ей всевозможнаго счастія. Отецъ видѣлъ ясно, что умри онъ сегодня — и завтра же мы всѣ пойдемъ по міру. А время не терпѣло и онъ рѣшился взять меня изъ пансіона Кряжева, платить которому за меня не хватало средствъ, а испортить карьеру мальчика, по отзывамъ учителей, способнаго—не хотѣлось. Въ гимназію отдать казалось поздно, да гимназіи въ Москвѣ тогда какъ-то не пользовались хорошею репутаціею, и вотъ мой отецъ вздумалъ обратиться за совѣтомъ къ Ефр. Осипов. Мухину, уже поставившему одного сына на ноги, авось поможетъ и другому.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 455—502; т. XLIV, октябрь, стр. 1—52; ноябрь, стр. 223—274; декабрь, стр. 445—496.

Непремѣнно предопредѣлено было Е. О. Мухину повліять очень рано на мою судьбу. Въ глазахъ моей семьи онъ былъ посланникомъ Неба, въ глазахъ 10-ти-лѣтняго ребенка, какимъ я былъ въ 1820-хъ годахъ нашего вѣка, онъ былъ благодѣтельнымъ волшебникомъ, чудесно исцѣлившимъ лютыя муки брата. Родилось желаніе подражать; надивившись на доктора Мухина, началъ играть въ лекаря; когда мнѣ минуло 14 лѣтъ, Мухинъ, профессоръ, совѣтуетъ отцу послать меня прямо въ университетъ, покровительствуетъ на испытаніи, а по окончаніи курса онъ же приглашаетъ вступить въ профессорскій институтъ. И за все это чѣмъ же я отблагодарилъ его? Ничѣмъ. Скверная черта, но она не могла не проявиться во мнѣ. Почему,—скажу потомъ. Si la jeunesse savait! Теперь бы я готовъ былъ наказать себя поклономъ въ ноги Мухину; но его давно и слѣдъ простылъ. Si la vieillesse pouvait! Такъ на каждомъ шагу придется восклицать то же самое. Даже не вѣрится—я-ли былъ тогда на моемъ мѣстѣ.

Отецъ, внявъ совѣту Е. О. Мухина, тотчасъ же взялъ меня изъ пансіона и нанялъ для приготовленія меня къ университету, по рекомендаціи секретаря правленія (кажется Кондратьева, навѣрное не знаю), студента медицины, кончавшаго курсъ, Ѳеоктистова, порядочную дубинку, впрочемъ, добраго и смирнаго человѣка. Я разстался съ моими школьными товарищами, еще наканунѣ игравшими со мною въ саду въ солдаты, причемъ я отличился изумительною храбростію, разорвавъ нѣсколько сюртуковъ и надѣлавъ не мало синяковъ; прощаясь, я не могъ не замѣтить насмѣшливой зависти, съ которою товарищи слушали мои разсказы о предстоящемъ поступленіи въ студенты; замѣтивъ же это, чтобы поддразнить завистниковъ, кой-что и прихвастнулъ. Занятія съ Ѳеоктистовымъ, студентомъ изъ семинаристовъ, поселившимся у насъ въ домѣ, ограничивались латинскою грамматикою, переводами съ латинскаго и кой чѣмъ еще.

Что же я былъ такое за штука за нѣсколько дней до вступительнаго университетскаго экзамена? Нравственность моя была не такъ распущена какъ прежде, я сдѣлался сдержаннѣе, пересталъ ходить тайкомъ для бесѣдованія съ писарями и кучерами; но я многое зналъ такого, чего въ мои лѣта не слѣдовало бы знать; чувственность моя была также слишкомъ рано развита.

Знанія были менѣе чѣмъ ограниченныя для моего возраста; вкусъ къ искусствамъ мало развитъ, только любовь къ изящному слову и стиху была сильна; съ другой стороны остались неутраченными еще и дѣтская наивность, и дѣтская вѣра, и любовь къ занятію и труду.

Вѣра была, какъ и прежде, въ первомъ дѣтствѣ, чисто обрядная и формальная; наивность дѣтская была еще такъ велика, что я съ наслажденіемъ слушалъ еще сказки Прасковьи Кирилловны, крѣпостной служанки матери, плотной, коренастой дѣвки, съ толстыми, красными, какъ гусиныя лапы, руками, съ истыканнымъ до невѣроятности оспою и усѣяннымъ веснушками лицемъ,—но мастерской сказочницы, и я какъ теперь помню ея двѣ сказки, одну о Водѣ-Водогѣ,—такъ названномъ потому, что родился отъ какой-то чудесной воды, данной волшебницею его матери, а другую: о трехъ человѣчкахъ: бѣломъ, черномъ и красномъ. Водъ-Водогъ воевалъ съ разными лицами, всегда сопровождаемый цѣлымъ звѣринцемъ разныхъ животныхъ, пойманныхъ имъ на охотѣ; во время опасности онъ обращался къ нимъ съ крикомъ: „охотушка, не выдай", и звѣри бросались опрометью на непріятеля. А три человѣчка были посланцы старой бабушки (Яги); она лежитъ, какъ слѣдуетъ, на печкѣ, къ ней приходитъ маленькая внучка. „Что же ты видѣла по дорогѣ?" спрашиваетъ бабушка. „Видѣла я, бабушка, видѣла я, сударыня,—отвѣчаетъ внучка, — бѣлаго мужичка, на бѣленькой лошадкѣ, въ бѣленькихъ саночкахъ".—„То мой день, то мой день, говоритъ глухимъ басомъ бабушка. А еще что?"—„Видѣла я, бабушка, видѣла я, сударыня, чернаго мужичка, на черненькой лошадкѣ, въ черненькихъ саночкахъ".—„То моя ночь, то моя ночь. Еще что?"— „Видѣла я, бабушка, видѣла я, сударыня, краснаго мужичка, на красненькой лошадкѣ, въ красненькихъ саночкахъ". — „То мой огонь, то мой огонь, заревѣла бабушка. Говори еще что?"— „Видѣла я, бабушка, видѣла, сударыня, что у васъ ворота пальцемъ заткнуты, кишкою замотаны". — „То мой замокъ, то мой замокъ. Ну, а еще что?" рычитъ уже бабушка. — „Видѣла я, бабушка, видѣла я, сударыня, у васъ въ сѣняхъ рука полъ мететъ".—„То моя слуга, то моя слуга. Еще что? говори скорѣй", огрызнулась бабушка. — „Видѣла я, бабушка, видѣла я, сударыня, тутъ, возлѣ васъ голова чья-то виситъ у печки". — „То

моя колбаса, то моя колбаса", заревѣла и заскрежетала зубами бабушка, схватила внучку,—и уже не помню, что̀ сдѣлала, съѣла ли или въ печь бросила.

Откуда наша Прасковья Кирилловна брала эти побасенки, одному Богу извѣстно; читать она не умѣла, вѣрно одною наслышкою; мнѣ потомъ нигдѣ не приходилось читать слышанныя отъ нея сказки, и, я думаю, она составляла сама и импровизировала, компилируя изъ нѣсколькихъ, слышанныхъ ею прежде. Вѣрно память у нея была отличная; я помню, отъ нея слыхалъ и разные стихи, какъ, напримѣръ, сатиру на пріѣздъ шведскаго посланника въ Москву:

„Солнце къ вечеру стремится,
Тьма каретъ въ вокзалъ катится" и проч.

Часто, часто приходилось мнѣ потомъ повторять моимъ и чужимъ дѣтямъ сказки Прасковьи о трехъ мужичкахъ, и даже съ тою же интонаціею въ голосѣ, съ которою Прасковья старалась наглядно мнѣ изобразить свирѣпую бабушку и наивную внучку. И всегда сказки Прасковьи Кирилловны производили эффектъ на слушавшихъ меня дѣтей.

Другая черта, свидѣтельствовавшая о моей дѣтской наивности, въ ту пору, была привязанность къ моей старой нянѣ. Эта замѣчательная для меня личность называлась Катериною Михайловною,—солдатская вдова изъ крѣпостныхъ, рано. лишившаяся мужа и поступившая еще молодою къ намъ въ домъ, слишкомъ 30 лѣтъ оставалась она нашимъ домашнимъ человѣкомъ, хотя и не все это время жила съ нами; горевала вмѣстѣ съ нами и радовалась нашими радостями. Я сохранилъ мою привязанность, вѣрнѣе — любовь къ ней до моего отъѣзда изъ Москвы въ Дерптъ. Видѣлъ ее и потомъ еще раза два; но въ послѣдніе годы начала сильно зашибаться; и прежде это добрѣйшее существо, съ горя и съ радости, иногда прибѣгало къ рюмочкѣ,—но уже одна рюмка вина уже сейчасъ выжимала слезы изъ глазъ. „Михайловна заливается слезами", это значило, что Михайловна, съ горя или съ радости, выпила рюмку. Мы,—и дѣти, и взрослые,—все̂ это знали, и зная, иногда съ нею же плакали, не зная о чемъ. Все существо этой женщины было пропитано насквозь любовью къ намъ, дѣтямъ, вынянченнымъ ею.

Я не слыхалъ отъ нея никогда ни одного браннаго слова, всегда любовно и ласково останавливала она упрямство и шалость, мораль ея была самая простая и всегда трогательная, потому что выходила изъ любящей души. „Богъ не велитъ такъ дѣлать, не дѣлай этого, грѣшно",—и ничего болѣе.

Помню, однако же, что она обращала вниманіе мое и на природу, находя въ ней нравственные мотивы. Помню, какъ теперь, Успеньевъ день, храмовой праздникъ въ Андроньевомъ монастырѣ; монастырь и шатры съ пьянымъ, шумящимъ народомъ, раскинутые на зеленомъ пригоркѣ, передо мною, какъ на блюдечкѣ, а надъ головами толпы черная грозовая туча; блещетъ молнія, слышатся раскаты грома. Я, съ нянею, у открытаго окна и смотримъ сверху. „Вотъ, смотри, слышу", говоритъ она, „народъ шумитъ, буянитъ и не слышитъ, какъ Богъ грозитъ; тутъ шумъ да веселье людское, а тамъ, вверху, у Бога свое".

Это простое указаніе на контрастъ между небомъ и землею, сдѣланное кстати любящею душою, запечатлѣлось навсегда, и всякій разъ какъ-то заунывно настроиваетъ меня, когда я встрѣчаю грозу на гуляньи. Бѣдная моя нянька, какъ это нерѣдко случается у насъ съ чувствительными, простыми людьми, начала пить, и не перенося много вина, захирѣла и такъ, что собралась уже умирать; не знаю уже почему, но рѣшено было поставить промывательное; я былъ тогда уже студентомъ и въ первый разъ въ жизни совершилъ эту операцію надъ моею нянею; она удивилась моему искусству и послѣ сюрприза тотчасъ же объявила: „ну теперь я выздоровлю". Черезъ три дня она, дѣйствительно, поднялась съ постели и жила еще нѣсколько лѣтъ, прожила бы, можетъ быть, и болѣе, если бы, на свою бѣду, не нанялась у Авдотьи Егоровны Драгутиной, молодой жены пожилого мужа-купца. Былъ у нихъ сынокъ, Егорнька; къ нему и взяли мою няню, а черезъ няню познакомилась и наша семья съ Драгутиными.

O tempora, o mores! Цицеронъ, котораго я тогда не читалъ,—кажется, всегда и вездѣ кстати.

Замоскворѣчье; хорошенькая, веселенькая, красиво меблированная квартира во второмъ этажѣ. Хозяйка лѣтъ 25, красивая, всегда наряженная, брюнетка, съ притязаніемъ на интеллигенцію,

съ замѣтною и для меня, подростка, склонностью къ мужскому полу, съ ранняго утра до ночи одна съ маленькимъ сыномъ, нянею и учителемъ, кандидатомъ университета, рослымъ и виднымъ мущиною, Путиловымъ. Мужъ, угрюмый, нѣсколько напоминающій медвѣдя, впрочемъ не изъ дюжинныхъ и добропорядочный во всѣхъ отношеніяхъ, цѣлый день въ лавкѣ, въ гостинномъ дворѣ; домъ какъ полная чаша; чай пьется разъ пять въ день, кстати и не кстати.

Мужъ, возвращающійся поздно домой, усталый, идетъ прямо къ себѣ въ комнату, пьетъ чай, ужинаетъ и ложится спать. Ребенокъ уходитъ спать въ дѣтскую съ нянею. Хозяйка и учитель остаются наединѣ, въ двухъ большихъ комнатахъ, пьютъ чай, запираютъ и входныя, и выходныя двери, и такъ на цѣлую ночь до разсвѣта. Ежедневно одна и та же исторія.

— Да что же они тамъ дѣлаютъ одни,—любопытствовалъ я узнать отъ моей няни.

— „Да кто же ихъ, батюшка, знаетъ; никого не пускаютъ къ себѣ, какъ тутъ узнаешь“.

— Да вѣдь слышно же что нибудь черезъ двери,—продолжаю я разспрашивать.

— „Слышно, что тò говорятъ, тò молчатъ“.

— А мужъ что?

— „Мужъ спитъ“.

Такъ продолжается цѣлые годы. Я охотно посѣщалъ этотъ домъ, забавлялся и съ мальчикомъ, шутилъ и сплетничалъ съ Авдотьею Егоровною, и всегда въ присутствіи няни (не упускавшей меня изъ виду) пилъ чай, кофе, шоколадъ сколько въ душу влѣзало. Однажды прихожу,—молчанье, темнота, шторы спущены; что такое? Авдотья Егоровна что-то нездорова. Смотрю — моя Авдотья Егоровна лежитъ на полу, въ одномъ спальномъ бѣльѣ; въ комнатѣ чѣмъ-то летучимъ пахнетъ. Слышу, что-то бормочетъ; няня около нея и дѣлаетъ мнѣ какіе-то знаки, чтобы я вышелъ. Что за притча? Оказалось, что эта милая дамочка чиститъ себѣ зубы табакомъ и потомъ упивается гофманскими каплями, бывшими тогда въ большомъ употребленіи, какъ домашнее средство противъ всѣхъ лихихъ болѣзней. Потомъ гофманскія капли замѣнились полынною, а наконецъ и простякомъ.

Учитель кончилъ курсъ. Хозяинъ обрюзгъ болѣе прежняго

и сдѣлался еще неприступнѣе, а хозяйка, спившись съ круга, увлекла въ запой и мою добрую милую няню, Катерину Михайловну.

Кстати уже, говоря о чисто дѣтской наивности, памятной мнѣ въ то время, какъ готовился уже къ изученію медицины, не забуду напомнить себѣ и еще трехъ занимавшихъ меня тогда и нравившихся мнѣ, вслѣдствіе этой же самой ребяческой простоты, знакомыхъ. Это были Григорій Михайловичъ Березкинъ, Андрей Михайловичъ Клаусъ и Яковъ Ивановичъ Смирновъ. Первые оба изъ врачебнаго персонала, старые сослуживцы Московскаго воспитательнаго дома; оба не доктора и не лекаря. Березкинъ, циникъ, съ замѣтною наклонностію къ спиртнымъ напиткамъ, занималъ меня разсказами, очевидно иностраннаго (нѣмецкаго) происхожденія о Петрѣ Первомъ. „Мы должны, говорятъ нѣмцы,—такъ сказывалъ мнѣ Березкинъ,—Богу молиться на Петра, да свѣчки ему ставить, — вотъ что“. Изъ медицины Григорій Михайловичъ сообщалъ мнѣ также что-то, тогда меня крѣпко интересовавшее, но уже не припомню что̀ именно; подарилъ какой-то писанный на латинскомъ языкѣ сборникъ съ описаніемъ, въ алфавитномъ порядкѣ, растительныхъ веществъ, употребляемыхъ въ медицинѣ; я много узналъ и наизустъ запомнилъ научныхъ терминовъ emeticum, drasticum, diureticum, radix ipecacuanhae, jalappae и т. п.

За годъ и болѣе до вступленія на медицинскій факультетъ я уже зналъ массу названій и терминовъ, и это мнѣ много пригодилось впослѣдствіи. Но дѣтская привязанность къ словоохотному Березкину у меня основывалась, конечно, не на разсчетѣ профитировать отъ него что-нибудь, а на потѣшавшихъ меня шуточкахъ и прибауткахъ; ими изобиловала наша бесѣда.

— „Ну-те-ка, ну-те“, бормочетъ скороговоркою Григорій Михайловичъ, „напишите-ка: во-ро-бей“.

Я и пишу, и, написавъ послѣдній слогъ, вдругъ получаю щелчокъ по головѣ.

— Это что?

— „Самъ же просилъ, прочти послѣдній слогъ“, отвѣчаетъ, заливаясь отъ смѣха, Григорій Михайловичъ. „А хочешь, спою пѣсеньку?“

— Какую?

— „Ай ду-ду".

Я притворяюсь, будто не знаю значенія этой пѣсни, уже не разъ испытанное моимъ лбомъ.

— Ну-ка, спойте.

— „Ай-ду-ду, Ай-ду-ду", затягиваетъ хриплымъ голосомъ Березкинъ, „сидитъ баба на дубу".

Полный текстъ таковъ: „Ай ду-ду, сидитъ баба на дубу, прилетѣла синица, что станемъ дѣлати? пива что-ли намъ варите; сына что-ли намъ жените. Ай сынъ мой, отдай бабѣ голову: ударь бабу по лбу... отдай мою голову, ударь бабу по лбу"— я убѣгаю со смѣхомъ. Березкинъ промахнулся, я не баба, и лобъ не получилъ щелчка.

— „А вотъ, латинистъ, отгадай-ка, что такое—и опять стаккато: Si caput est, currit; ventrem adjunge, volabit; adde pedes, commedes; sine ventre, bibes".

Отвѣчаю, не запинаясь:

— Mus, musca, muscatum, mustume.

— „А, знаешь уже, а отъ кого узналъ?"

— Да не отъ васъ (я лгу), я и прежде зналъ.

— „То-то прежде зналъ; отчего же прежде не говорилъ?"

— Да я нарочно.

А всего пріятнѣе моему дѣтски наивному тщеславію было слышать отъ старика, какъ онъ меня хвалилъ и величалъ; вѣрно и я для него былъ занимателенъ. „Ну, смотри, братъ, изъ тебя выйдетъ, пожалуй, и большой человѣкъ; ты умникъ, вонъ не тому, не Хлопову, чета". Хлоповъ это былъ ученикъ изъ пансіона Кряжева, жившій нѣкоторое время у насъ, грубоватый и какъ-то свысока обходившійся съ Березкинымъ.

Андрей Михайловичъ Клаусъ—оригинальнѣйшая и многимъ тогда въ Москвѣ извѣстная личность. Это былъ знаменитый оспопрививатель еще екатерининскихъ временъ. Аккуратнѣйшій старикашка, въ рыжемъ парикѣ, съ красною добрѣйшею физіономіею, въ короткихъ штаникахъ, прикрѣпленныхъ пряжками выше колѣнъ, въ мягкихъ плисовыхъ сапогахъ, не доходившихъ до колѣнъ; между черными штанами и сапогами виднѣлись бѣлые чулки.

Всей нашей семьѣ, въ теченіи многихъ лѣтъ, Андрей Михайловичъ привилъ оспу и потому считалъ своею обязанностію еже-

годно навѣщать насъ въ табельные дни, завтракалъ, съ особеннымъ аппетитомъ кушалъ буттербродтъ, зимою — съ сыромъ, а весною (на Святой)—съ рѣдиской.

Меня лично онъ занималъ, кромѣ своей оригинальной наружности, маленькимъ микроскопомъ, всегда находившимся при немъ въ карманѣ. Раскрывался черный ящичекъ, вынимался крошечный, блестящій инструментъ, брался цвѣтной лепестокъ съ какого-нибудь комнатнаго растенія, отдѣлялся иглою, клался на стеклышко, и все это дѣлалось тихо, чинно, аккуратно, какъ будто совершалось какое-то священнодѣйствіе. Я не сводилъ глазъ съ Андрея Михайловича, и ждалъ съ замираніемъ сердца минуты, когда онъ приглашалъ взглянуть въ его микроскопъ.

— Ай, ай, ай, какая прелесть. Отчего это такъ видно, Андрей Михайловичъ?

— „А это, дружокъ, тутъ стекла вставлены, что въ 50 разъ увеличиваютъ.—Вотъ смотри-ка". Слѣдовала демонстрація.

Третій вхожій въ нашъ домъ и занимательный для меня знакомый, Яковъ Ивановичъ Смирновъ, сослуживецъ отца, привлекалъ мою ребяческую наивность собственно глупостью. Не то, чтобы онъ самъ былъ глупъ, но какой-то точно еловый, неповоротливый, высокій, прямой, какъ шестъ. Когда онъ, поздоровавшись, садился, я тотчасъ же являлся возлѣ его стула и приготовлялся смотрѣть, какъ Яковъ Ивановичъ начнетъ вынимать изъ кармана свой клѣтчатый синій платокъ, складывать его въ кругленькій комочекъ, а потомъ поднесетъ къ носу, утрется и подержитъ его въ рукѣ съ полчаса прежде, чѣмъ опять положитъ въ карманъ. Яковъ Ивановичъ (сынъ священника, учился когда-то въ семинаріи) разсказываетъ матушкѣ, а она крестится отъ содраганія,—что попы частицы вынутыхъ просфоръ сбираютъ, сушатъ и ѣдятъ со щами.

— Что это, Яковъ Ивановичъ, вы разсказываете за ужасы, да еще и при дѣтяхъ,—какъ вамъ это не грѣхъ?

— „Помилуйте, сударыня, да то-ли еще дѣлаютъ наши попы; они грѣха не знаютъ. А что, вотъ ты", обращается Яковъ Ивановичъ ко мнѣ, „учишься по латыни, а знаешь-ли, что́ значитъ curva culina (читай Акулина) scit quid perdit", и, обращаясь къ матушкѣ, которая съ удивленіемъ слышитъ сальныя слова отъ Якова Ивановича, думая не охмѣлѣлъ-ли онъ, Яковъ Ивановичъ

говоритъ: „это такъ по-латыни выходитъ, сударыня, уже извините, если оно немного того...“

Я разражаюсь смѣхомъ и убѣгаю отъ стыда, не понявъ смысла сказаннаго.

Потомъ Яковъ Ивановичъ объясняетъ, что онъ нарочно такъ произнесъ, какъ будто бы это была Акулина, а не латинское culina, сирѣчь мельница.

— „Напрасно сконфузились“, говоритъ онъ матери и мнѣ; „теперь выходитъ просто: кривая мельница знаетъ, что теряетъ. Ну, а вотъ переведи-ка славную поговорку, за нее насъ вѣрно и маменька похвалитъ: Amicus certus in re incerta cernitur“.

Я перевожу.

Василій Феклистычъ Феклистовъ, такъ звали наши домашніе студента Феоктистова, доставлялъ мнѣ также чисто дѣтскую радость. Я дѣтски радовался, что готовлюсь въ университетъ и занимался прилежно съ Феоктистовымъ; мнѣ доставляло наслажденіе и осмотръ его медицинскихъ книгъ, какой-то старинной анатоміи съ картинками, какой-то терапіи съ рецептами, но всего болѣе и съ какимъ-то невыразимо пріятнымъ трепетомъ сердца,—это я какъ будто еще теперь чувствую,—разбиралъ я принесенный однажды Феоктистовымъ каталогъ университетскихъ лекцій.

— „Какія лекціи буду я слушать? Вотъ Юстъ Христіанъ Лодеръ—анатомія человѣческаго тѣла. Буду?“

— Непремѣнно.

— „Вотъ Ефремъ Осиповичъ Мухинъ, физіологія по Ленгоссеку. Это что такое? да Мухинъ, чтобы ни читалъ, буду, непремѣнно буду слушать. Василій Михайловичъ Котельницкій—фармакологія или врачебное веществословіе. Василій Феоктистычъ! Это что за наука“?

— Да о дѣйствіи лекарствъ.

— „Ахъ, вотъ любопытно-то, какъ дѣйствуетъ рвотное, какъ слабительное; а я вѣдь уже знаю, что radix ipecacuanhae—emeticum; radix jalappae—drasticum“.

— А почемъ это вы знаете, откуда это вы взяли?

— „А вотъ позвольте, я сейчасъ принесу вамъ книжку Григорія Михайловича Березкина,—все, все есть, преинтересная“.

Приношу и показываю. Феоктистовъ съ важнымъ видомъ и

презрительно улыбаясь (эту улыбку я воображаю, когда пишу эти строки, диктуемыя воспоминаніемъ), перелистываетъ драгоцѣнный даръ Березкина и, отдавая мнѣ назадъ, говоритъ:

— Старье! старье! будете студентомъ, такъ просите папеньку купить вамъ фармакологію Іовскаго, переводъ съ нѣмецкаго Шпренгеля.

— „А дорого она стоитъ?“

— Да рубля три или четыре.

— „Попрошу непремѣнно“.

Между тѣмъ время идетъ. Мы сходили къ Троицѣ помолиться. Феоктистовъ съ нами; экскурсія продолжалась дня четыре и служила отдыхомъ, хотя, по правдѣ сказать, ни я, ни Феоктистовъ не уставали отъ нашихъ занятій. Въ этой экскурсіи мы не останавливались въ Мытищахъ и Троицкую ризницу не посѣщали, поэтому все, что я говорилъ прежде о моихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ о Троицѣ, относится, несомнѣнно, къ прежнему времени (т. е. къ моему 7—8-лѣтнему возрасту, къ 1817—1818 гг.).

Наконецъ, настало время и вступительнаго экзамена.

Я не помню рѣшительно ничего о томъ, что я чувствовалъ, когда ѣхалъ съ отцемъ въ университетъ на экзаменъ; но вѣрно ни надежда, ни страхъ не волновали меня черезчуръ; я живо помню, напримѣръ, мой первый экзаменъ въ пансіонѣ Кряжева; волненіе, съ которымъ я отвѣчалъ тогда на заданные вопросы, какъ только вспомню о немъ, кажется мнѣ неулегшимся еще до сихъ поръ; вижу, какъ въ отдаленномъ туманѣ, Дружинина (директора гимназій, присутствовавшаго на экзаменѣ), сидящаго въ большихъ, для него нарочно приготовленныхъ, креслахъ; смотрю на проходящаго съ подносомъ толстаго пансіоннаго дядьку, плутовски улыбающагося мнѣ мимоходомъ и подмигивающаго однимъ глазомъ. Помню живо чью-то добрую усмѣшку и колкое замѣчаніе священника на мое слишкомъ наглядное изложеніе сновидѣній Фараона. „Ему грезилось“, повторялъ я нѣсколько разъ въ моемъ одушевленномъ жестами разсказѣ. „Снилось, снилось, снилось“, замѣчалъ, останавливая меня каждый разъ на полсловѣ, законоучитель. И все это было два года ранѣе моего перваго университетскаго испытанія.

Вступленіе въ университетъ было такимъ для меня громад-

нымъ событіемъ, что я, какъ солдатъ, идущій въ бой, на жизнь или смерть, осилилъ и перемогъ волненіе и шелъ хладнокровно. Помню только, что на экзаменѣ присутствовалъ и Мухинъ, какъ деканъ медицинскаго факультета, что, конечно, не могло не ободрять меня; помню Чумакова, похвалившаго меня за воздушное рѣшеніе теоремы,—вмѣсто черченія на доскѣ, я размахивалъ по воздуху руками; помню, что спутался при извлеченіи какого-то кубическаго корня, не настолько однако-же, чтобы совсѣмъ опозориться.

Знаю только навѣрное, что я зналъ гораздо болѣе, чѣмъ отъ меня требовали на экзаменѣ. Въ пріемной меня ожидали, послѣ окончанія экзамена, отецъ, секретарь правленія—Кондратьевъ, и, рекомендованный имъ, мой приготовитель — Феоктистовъ. Отецъ повезъ меня изъ университета прямо къ Иверской и отслужилъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Помню отчетливо слова его, когда мы выходили изъ часовни. „Не видимое ли это Божіе благословеніе, Николай, что ты уже вступаешь въ университетъ; кто могъ этого надѣяться?“

Затѣмъ мы заѣхали въ кондитерскую Педотти, гдѣ и послѣдовало угощеніе меня шоколадомъ и сладкими пирожками.

Моя студенческая жизнь въ Москвѣ.

XXXVI.

Это было въ сентябрѣ 1824 г. Съ этого дня началась новая эра моей жизни. Но, странно, вѣдь я собственно не увѣренъ— было ли это въ 1824 году? Справляться не стоитъ; а странно именно то, что мнѣ кажется теперь будто отецъ мой долѣе жилъ послѣ вступленія моего въ Московскій университетъ, чѣмъ оказывается по разсчету. Навѣрное отецъ мой умеръ почти за годъ до смерти государя Александра I, т. е. за годъ до 1825 года. Не вступилъ же я въ Московскій университетъ въ 1823 году, 13-ти лѣтъ отъ роду.

Пережитое время, оставаясь въ памяти, кажется то болѣе короткимъ, то болѣе долгимъ; но, обыкновенно, оно укорачивается въ памяти. Прожитыя мною 70 лѣтъ, изъ коихъ 64 года навѣрное оставили послѣ себя слѣды въ памяти, кажутся мнѣ

иногда очень короткимъ, а иногда очень и долгимъ промежуткомъ времени. Отчего это? Я высказалъ уже какое значеніе я придаю иллюзіямъ. Намъ суждено,—и я полагаю къ нашему счастію,—жить въ постоянномъ миражѣ, не замѣчая этого.

Можно, пожалуй, утверждать, что еще счастливѣе тотъ, кто не только не подозрѣваетъ, но и не имѣетъ никакого понятія о существованіи чувственныхъ и психическихъ миражей.

Въ сущности же все равно, выгоды незнанія равняются невыгодамъ. Больному врачу плохо бываетъ иногда отъ его знанія, а здоровому это же знаніе небезполезно для его здоровья.

Такъ и убѣжденіе въ существованіи постояннаго, пожизненнаго миража, съ одной стороны, не очень вредно, потому что убѣжденіе это все таки не уничтожаетъ благодѣтельную иллюзію и, убѣжденные и неубѣжденные въ ней, мы будемъ продолжать жить попрежнему, все въ томъ же миражѣ. Сколько лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ намъ сдѣлалось извѣстно, что „das Ding an und für sich selbst“ для насъ навсегда останется terra incognita; такъ нѣтъ же! Мы все таки продолжаемъ думать и дѣйствовать въ жизни такъ, какъ будто бы это „das Ding an und für sich selbst“ было намъ досконально извѣстно и коротко знакомо.

Такъ вотъ и представленіе наше о прожитомъ нами времени такъ же миражно, какъ и все прочее въ жизни.

Когда я обращаю усиленное вниманіе на какой нибудь отрывокъ изъ прожитаго времени, т. е. направляю мою внимательность на память,—съ чѣмъ бы сравнить это? вотъ, я дѣлаю это въ настоящую минуту, когда пишу эти строки: я какъ будто внимательно роюсь въ моей памяти, не то смотрю въ нее, не то силюсь, будто бы, что-то открыть и вынуть,... нѣтъ, ни съ чѣмъ не сравнишь,—тогда мнѣ представляется этотъ, вынутый изъ памяти, отрывокъ чрезвычайно близкимъ ко мнѣ, къ моему настоящему, какъ будто все припоминаемое происходило вчера.

Вотъ живые портреты припоминаемыхъ лицъ, ихъ платье, ихъ манеры, голосъ, усмѣшка, все какъ есть... чудеснѣйшій миражъ. А начни только дѣйствовать, окунись въ водоворотъ жизни—и все куда-то далеко, далеко ушло, исчезло,—новый миражъ! Существовавшее представляется какъ будто бы не существовавшимъ.

Такъ, съ той минуты, когда мы съ отцемъ вышли изъ часовни

Иверской,—отъ нея, отъ этой минуты, остались въ памяти только слова отца, — и до того страшнаго мгновенія, когда я увидѣлъ его на столѣ посинѣвшимъ трупомъ, — какъ будто отца и вовсе не было у меня; едва, едва въ густомъ туманѣ мелькаетъ предо мною его блѣдный обликъ и усталая поступь, видѣнные мною въ послѣдніе дни его жизни. А все-таки протекшее, между двумя уцѣлѣвшими въ памяти значками, время мнѣ кажется теперь очень долгимъ, такъ долгимъ, что сомнѣваюсь было-ли это менѣе двухъ лѣтъ.

Началось посѣщеніе лекцій. Выдали матрикулъ безъ всякихъ церемоній. Приходъ Троицы въ Сыромятникахъ не близокъ къ университету, будетъ съ часъ ходьбы; положено было оставаться въ обѣденное время у Феоктистова, и только въ 4 — 5 часовъ вечера возвращаться домой на извощикѣ.

Феоктистовъ былъ казенно-коштный студентъ и жилъ вмѣстѣ съ пятью другими студентами въ 10 № корпуса квартиръ для казенно-коштныхъ.

Надо остановиться на воспоминаніи о 10 № и объ извощикѣ.

Немудрено, что воспоминанія эти сохранились. 10-й № я посѣщалъ ежедневно, нѣсколько лѣтъ сряду, а на извощикѣ ѣздилъ, пока нужда не заставила ходить пѣшкомъ,—и 10-й №, и вечерняя ѣзда на извощикѣ совпадаютъ съ первымъ выходомъ на поприще жизни; дебюты не забываются.

Вхожу въ большую комнату, уставленную по стѣнамъ пустыми кроватями со столиками; на каждомъ столикѣ наложены кучки зеленыхъ, желтыхъ, красныхъ, синихъ книгъ и пачки тетрадей; вижу лежитъ на одной кровати чья-то фуражка, дномъ наружу, на днѣ надпись; читаю: „Hunc pil...—тутъ стерто, не разберу... Fur rapidis manibus tangere noli; possessor cujus fuit semperque erit Tschistof, qui est studiosus quam maxime generosus.

Понимаю. Гдѣ же этотъ г. Чистовъ? А вотъ, онъ входитъ въ дверь; испитой, съ густыми темными волосами, свинцоваго цвѣта лицемъ, темно-синею, выбритою гладко, бородою; за нимъ приходитъ съ лекціи и мой Феоктистовъ; дверь начинаетъ безпрестанно отворяться и затворяться; являются одно за другимъ все новыя и новыя лица, рекомендуются, привѣтливо обращаются ко

мнѣ; вотъ г. Лейченко, самый старшій, — дѣйствительно, — на видъ лѣтъ много за 30; вотъ Лобачевскій, длинный, рыжій, усѣянный, должно быть, веснушками по всему тѣлу, судя по лицу и рукамъ, и еще человѣкъ шесть нумерныхъ и постороннихъ.

Начинаются бесѣды, закуриваніе трубокъ, говорятъ всѣ разомъ, ничего не разберешь, дымъ подымается столбомъ, слышится по временамъ и брань неприличными словами.

Мой бывшій наставникъ, Феоктистовъ, представляется мнѣ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, не тѣмъ, какимъ я его зналъ до сихъ поръ; онъ тутъ передъ нѣкоторыми просто пассъ,—тише воды, ниже травы.

Вотъ хоть бы Чистовъ, обладатель фуражки съ латинскими стихами,—тотъ беретъ со стола книгу, ложится на кровать и, обращаясь ко мнѣ (я стою вблизи его кровати), спрашиваетъ: „съ какими римскими авторами вы знакомы?“ Я краснѣю. „Что же? Феоктистовъ вѣрно вамъ немногое сообщилъ, гдѣ же ему, онъ и самъ ничего не понимаетъ въ латыни. Садитесь-ка вотъ здѣсь, я вамъ кой-что прочту изъ Овидія; слыхали о Метаморфозахъ Овидія? А? слыхали?“—„Да, немного слыхалъ“—„Ну, слушайте-же“, и Чистовъ началъ скандировать плавно и съ увлеченіемъ, и тутъ же я научился у него больше, чѣмъ во все время моего приготовленія къ университету отъ Феоктистова. Оказалось потомъ, что Чистовъ былъ, дѣйствительно, знатокъ римскихъ классиковъ; я рѣдко видалъ его за медицинскими книгами; всегда, бывало, лежитъ и читаетъ своего любимаго Овидія Назона, или Горація.

Родомъ изъ духовныхъ, воспитанникъ семинаріи, Чистовъ отличался однако же рѣзко отъ другихъ сотоварищей, по большей части тоже семинаристовъ; это была мебель изъ еловаго, а онъ изъ краснаго дерева и должно быть поэтъ въ душѣ.

Чего я не насмотрѣлся и не наслышался въ 10-мъ нумерѣ.

Представляю себѣ теперь, какъ все это видѣнное и слышанное тамъ дѣйствовало на мой 14—15-лѣтній умъ! Является, напримѣръ, какой-то гость Чистова, хромой, блѣдный, съ растрепанными волосами, вообще страннаго вида на мой взглядъ,—теперь его можно бы было, по наружности, причислить къ нигилистамъ,—по тогдашнему это былъ только вольнодумецъ.

Говорилъ онъ, какъ-то захлебываясь отъ волненія и обдавая своихъ собесѣдниковъ брызгами слюны.

Въ разговорахъ быстро, скачками переходитъ отъ одного предмета къ другому, не слушая или не дослушивая никакихъ возраженій. „Да что Александръ I, куда ему, онъ въ (сравненіи) Наполеону не годится. Вотъ геній, такъ геній; а читали вы Пушкина „Оду на вольность“? А? Это, впрочемъ, винигретъ какой-то. По нашему не такъ; révolution, такъ révolution, какъ французская съ гильотиною“, и услыхавъ, что кто-то изъ присутствующихъ говорилъ другому что-то о бракѣ, либералъ 1824—1825 гг. вдругъ обращается къ разговаривающимъ: „да что тамъ толковать о женитьбѣ; что за бракъ; на что его вамъ; кто вамъ сказалъ, что нельзя по просту спать съ любою женщиною......; вѣдь это все ваши проклятые предразсудки; натолковали вамъ съ дѣтства ваши маменьки, да бабушки, да нянюшки, а вы и вѣрите. Стыдно, господа, право стыдно“. А я-то, я, стою и слушаю, ни одного слова не проронивъ.

Вдругъ соскакиваетъ съ своей кровати Катоновъ, хватаетъ стулъ и бацъ его посрединѣ комнаты. „Слушайте, подлецы“, кричитъ Катоновъ, „кто тамъ изъ васъ смѣетъ толковать о Пушкинѣ; слушайте, говорю“,—вопитъ онъ во все горло, потрясая стуломъ, закатывая глаза, скрежеща зубами:

„Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей
Я съ злобной радостью вижу,
Ты ужасъ міра, стыдъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ“...

Катоновъ, восторженный обожатель Мочалова, декламируя, выходитъ изъ себя, не кричитъ уже, а вопитъ, реветъ, шипитъ, размахиваетъ во всѣ стороны поднятымъ вверхъ стуломъ, у рта пѣна, жилы на лбу переполнились кровью, глаза выпучились и горятъ. Изступленіе полное. А я стою, слушаю съ замираніемъ сердца, съ нервною дрожью; не то восхищаюсь, не то совѣщусь.

Ревъ и изступленіе Катонова, наконецъ, надоѣдаютъ; на него наскакиваетъ рослый и дюжій Лобачевскій. „Замолчишь-ли ты, наконецъ, скотина“, кричитъ Лобачевскій, стараясь своимъ крикомъ заглушить ревъ Катонова. Начинается схватка; у Ло-

бачевскаго ломается высокій каблукъ. Паденіе. Хохотъ и апплодисменты. Бросаются разнимать борющихся на полу.

Не проходило дня, въ который я не услыхалъ бы или не увидѣлъ чего-нибудь новенькаго, въ родѣ описанной сцены, особенно памятной для меня потому только, что она была для меня первою невидалью; потомъ, все вольнодумное сдѣлалось уже дѣломъ привычнымъ.

За исключеніемъ одного или двухъ, обитатели 10-го нумера были всѣ изъ духовнаго званія и отъ нихъ-то, именно, я наслышался такихъ вещей о попахъ, богослуженіи, обрядахъ, таинствахъ и вообще о религіи, что меня на первыхъ порахъ, съ непривычки, морозъ по кожѣ подиралъ...

Всѣ запрещенные стихи, въ родѣ „Оды на вольность“, „Къ временщику“ Рылѣева, „Гдѣ тѣ, братцы, острова“ и т. п., ходили по рукамъ, читались съ жадностію, переписывались и перечитывались сообща при каждомъ удобномъ случаѣ.

Читалась и барковщина, но весьма рѣдко; а замѣняла въ то время болѣе современная поэзія, подобнаго же рода, студента Полежаева.

О Богѣ и церкви сыны церкви изъ 10-го № знать ничего не хотѣли и относились ко всему божественному съ полнымъ пренебреженіемъ.

Понятій о нравственности 10-го нумера, не смотря на мое раскороткое съ нимъ знакомство, я не вынесъ ровно никакихъ. Разгулъ при наличныхъ средствахъ, полный индифферентизмъ къ добру и злу при пустомъ карманѣ,—вотъ вся мораль 10-го №, оставшаяся въ моемъ воспоминаніи.

Вотъ настало первое число мѣсяца. Получено жалованье. Нумеръ накопляется. Дверь то и дѣло хлопаетъ. Солдатъ, старикъ Яковъ, ветеранъ, служитель нумера, озабоченно приходитъ и уходитъ для исполненія разныхъ порученій. Являются чайники съ кипяткомъ и самоваръ.

Входятъ разомъ человѣка четыре, двое нумерныхъ студентовъ, одинъ чужой и высокій, здоровенный протодьяконъ. Шумъ крикъ и гамъ. Протодьяконъ что-то баситъ. Всѣ хохочутъ. Яковъ является со штофомъ подъ черною печатью за пазухою, въ рукахъ несетъ колбасу и паюсную икру. Печать со штофа сры-

вается съ восклицаніемъ: „ну-ка, отецъ дьяконъ, бѣлаго пантало́ннаго хватимъ“. — „Весьма охотно“, глухимъ басомъ и съ разстановкою отвѣчаетъ протодьяконъ. Начинается попойка. Приносится Яковомъ еще штофъ и еще, такъ до положенія ризъ.

— „Знаете-ли вы, говоритъ мнѣ кто-то изъ жильцовъ 10-го нумера, что у насъ есть тайное общество, я членъ его, я и массонъ“.

— Что же это такое?

— „Да такъ, надо же положить конецъ“.

— Чему?

— „Да правительству, ну его къ чорту“.

И я, послѣ этого открытія, смотрю на господина, сообщившаго мнѣ такую любопытную вещь, съ какимъ-то подобострастіемъ.

Массонъ! Членъ тайнаго общества. То-то у него книги все въ зеленомъ переплетѣ. А я уже прежде гдѣ-то слыхалъ, что у массоновъ есть книги въ зеленомъ переплетѣ.

— „А слышали, господа, наши съ Полежаевымъ и хирургами (студентами московской медико-хирургической академіи) разбили вчера ночью б.....ь на Трубѣ. Вотъ молодцы-то“.

Начинаются разсказы со всѣми сальными подробностями. И это откровеніе я выслушиваю съ тѣмъ же наивнымъ любопытствомъ, какъ и сообщенную мнѣ тайну объ обществѣ и массонствѣ.

— Ну, братцы, угостилъ сегодня Матвѣй Яковлевичъ.

— „А что?“

— Да надо ручки и ножки его разцѣловать за сегодняшнюю лекцію. Не даромъ сказалъ: „запишите себѣ отъ слова до слова, что я вамъ говорилъ, этого вы нигдѣ не услышите. Я и самъ недавно узналъ это изъ Бруссе“. И пошолъ, и пошолъ...

— „Теперь уже, братцы, Франковъ, и Петра, и Іосифа, побоку; теперь подавай Пинеля, Биша, Бруссе“.

— А въ клиникѣ-то, въ клиникѣ какъ Мудровъ отдѣлалъ старье. Про тифознаго-то что сказалъ. Вотъ, говоритъ, смотрите онъ уже почти на ногахъ послѣ того, какъ мы поставили слишкомъ 80 піявицъ къ животу; а пропиши я ему, попрежнему, валеріану, да арнику, онъ бы уже давно былъ на столѣ.

— „Да, Матвѣй Яковлевичъ молодецъ, геній! Чудо, не профессоръ. Читаетъ божественно“.

— „Говорятъ, въ академіи хорошъ также Дидковскій. Наши

ходили его слушать. Да гдѣ ему противъ Мудрова. Онъ недосягаемъ".

— „Ну, ну, а Лодеръ Юстъ-Христіанъ!"

— „Да, невелика птичка, старичекъ невеликъ, да носъ востеръ. Слышали, какъ онъ оберъ-полиціймейстера отдѣлалъ. Ѣдетъ это онъ на парадъ въ каретѣ, а оберъ-полиціймейстеръ подскакалъ и кричитъ кучеру во все горло: „пошолъ назадъ, назадъ"; Лодеръ-то высунулся изъ кареты, да машетъ кучеру впередъ-молъ, впередъ. Полиціймейстеръ прямо и къ Лодеру. „Не велю, кричитъ, я оберъ-полиціймейстеръ".—„А я, говоритъ тотъ, Юстъ Христіанъ Лодеръ; васъ знаетъ только Москва, а меня вся Европа". Вчера-то, слышали, какъ онъ на лекціи спохватился"?

— А что?

— „Да началъ было: „Sapientischissima (Лодеръ шамкалъ немного) natura, да спохватившись и прибавилъ: aut potius, Creator sapientischissimae naturae voluit".

— Да, нынѣ, братъ, держи ухо востро.

— „А что?"

— Теперь, тамъ въ Петербургѣ, говорятъ, министръ нашъ Голицынъ такія штуки выкидываетъ, что на поди.

— „Что такое?"

— Да, говорятъ, хочетъ запретить вскрытіе труповъ.

— „Неужели, что ты?"

— Да, у насъ чего нельзя, вѣдь деспотизмъ. Послалъ, говорятъ, во всѣ университеты запросъ: нельзя-ли обойтись безъ труповъ или замѣнить ихъ чѣмъ нибудь.

— „Да чѣмъ тутъ замѣнишь?"

— Извѣстно, ничѣмъ,—такъ ему и отвѣтятъ.

— „Толкуй, а не хочешь картинами или платками"?

— Чѣмъ это, что ты врешь какъ сивый меринъ, — слышу чей-то вопросъ.

— „Нѣтъ, не вру, уже гдѣ-то, сказываютъ, такъ дѣлается. Профессоръ-то анатоміи привяжетъ одинъ конецъ платка къ лопаткѣ, а другой—къ плечевой кости, да и тянетъ за него; вотъ, говоритъ, посмотрите, это Deltoideus".

Дружный хохотъ, кто-то плюнулъ съ остервенѣніемъ.

Да, № 10-й былъ такою школою для меня, уроки которой,

какъ видно, пережили въ моей памяти много другихъ болѣе важныхъ воспоминаній.

Впослѣдствіи почуялись и въ 10 нумерѣ вѣянія другого времени; послышались чаще имена Шеллинга, Гегеля, Окена. При ежедневномъ посѣщеніи университетскихъ лекцій и 10-го нумера, все мое міровоззрѣніе очень скоро измѣнилось; но не столько отъ лекцій остеологіи Терновскаго (въ первый годъ Лодера не слушали) и физіологіи Мухина, сколько, именно, отъ образовательнаго вліянія 10 нумера.

На первыхъ же порахъ, послѣ вступленія моего въ университетъ, 10-й № снабдилъ меня костями и гербаріемъ; кости конечностей, нѣсколько реберъ и позвонковъ были, по всѣмъ вѣроятіямъ, краденныя изъ анатомическаго театра отъ скелетовъ, что доказывали проверченныя на нихъ дыры, а кости черепа, отличавшіяся бѣлизною, были, вѣрно, украдены у Лодера, раздававшаго ихъ слушателямъ на лекціяхъ остеологіи.

Когда я привезъ кулекъ съ костями домой, то мои домашніе не безъ душевной тревоги смотрѣли, какъ я опорожнивалъ кулекъ и раскладывалъ драгоцѣнный подарокъ 10-го нумера по ящикамъ пустого комода, а моя нянюшка, Катерина Михайловна, случайно пришедшая въ это время къ намъ въ гости, увидѣвъ у меня человѣческія кости, прослезилась почему-то и когда я сталъ ей демонстрировать, очень развязно поворачивая въ рукахъ лобную кость, бугры, вѣнечный шовъ и надбровныя дуги,—то она только качала головою и приговаривала: „Господи, Боже мой, какой ты вышелъ у меня безстрашникъ“.

Что касается до пріобрѣтенія гербарія, то оно не обошлось мнѣ даромъ. Надо знать, что это былъ дѣйствительно замѣчательный для того времени травникъ, хотя Москва и могла считаться истиннымъ отечествомъ травниковъ всякаго рода, только не ботаническихъ, а ерофѣечивыхъ; гербарій же 10 нумера былъ очевидно несоотечественный. Вѣроятно его составлялъ какой-нибудь ученый аптекарь, нѣмецъ; онъ собралъ около 500 медицинскихъ растеній, прекрасно засушилъ, наклеилъ каждое на листъ бумаги, опредѣлилъ по Линнею и каждый листъ съ растеніемъ вложилъ въ листъ пропускной бумаги. Чисто, аккуратно, красиво. Когда студентъ 10 № Лобачевскій показалъ мнѣ въ первый разъ это, принадлежавшее ему, сокровище, я такъ и

ахнулъ отъ восхищенія. Лобачевскій предложилъ мнѣ купить эту, по моимъ тогдашнимъ понятіямъ, драгоцѣнную вещь за 10 рублей, разумѣется ассигнаціями, и, сверхъ того, привезти ему еще на память шелковый шнурокъ для часовъ, вязанный сестрою; Лобачевскій былъ galant homme и гдѣ-то видѣлъ моихъ сестеръ. Я, не возражая, не торгуясь, внѣ себя отъ радости пріобрѣтенія, попросилъ тотчасъ же уложить гербарій въ какой-то старый лубочный ящикъ; старый Яковъ связалъ ящикъ веревкою, стащилъ внизъ и положилъ въ сани къ извощику.

Въ мечтахъ, наслаждаясь разсматриваніемъ гербарія, я и не замѣтилъ, какъ доѣхалъ до дому; тутъ только взяло меня раздумье, а что, какъ мнѣ денегъ-то не дадутъ, что тогда? да не можетъ быть,—ну, а если... ахъ, Боже мой, какъ же это такъ я и не подумалъ прежде; ну будь, что будетъ.

— „Прасковья! Прасковья! Ульяна! да подите сюда, помогите вытащить ящикъ изъ саней".

Тащутъ. Вхожу въ комнаты уже ни живъ, ни мертвъ отъ волненія.

— Что это такое, спрашиваютъ сестры.

— „Да это гербарій".

— Что такое гербарій?

— „Ботаника".

— Да вѣдь у тебя есть уже ботаника.

— „Какая?"

— Да ты развѣ не помнишь, сколько сушилъ разныхъ цвѣтовъ.

— „Ахъ, это совсѣмъ не то; это настоящій, какъ есть ботаническій гербарій, и все медицинскія растенія. Просто чудо, драгоцѣннѣйшая вещь, рѣдкость".

— Да откуда же ты досталъ?

А я, между тѣмъ, распаковываю ящикъ, вынимаю пачки пропускной бумаги.

— „А вотъ, посмотрите-ка сначала, каково, а? вотъ смотрите-ка Atropa Belladonna, нездѣшняя, у насъ не растетъ. Это—красавица, ядъ страшный; а вотъ это растетъ и у насъ, видите: Hyosciamus niger. L, это значитъ Линней, по Линнею—бѣлена. Что? Каково?"

— Кто же тебѣ подарилъ?

— „Вотъ тебѣ разъ, подарилъ! прошу покорно, да гдѣ найдешь такихъ благодѣтелей, чтобы все дарили вамъ; я купилъ".

— Купилъ! а деньги гдѣ?

— „Буду просить“.

А о шнуркѣ я ни гу-гу.

Начинаются переговоры и пересуды. Мать узнаетъ и называетъ мою покупку самоуправствомъ, легкомысліемъ, расточительностію, угрожаетъ, что отецъ не дастъ денегъ. Я въ слезы, ухожу къ себѣ, ложусь въ постель и плачу навзрыдъ,—и такъ на цѣлый вечеръ, нейду ни къ чаю, ни къ ужину; приходятъ сестры, уговариваютъ, утѣшаютъ. Я угрожаю, что останусь дома и не буду ходить на лекціи. Обѣщаютъ, во что бы то ни стало, достать къ завтрашнему дню 10 рублей. А про шнурокъ я все-таки ни гу-гу. Такъ, благодаря ходатайству сестеръ, дѣло и уладилось. Я принесъ Лобачевскому на другой день 10 рублей, а про шнурокъ что-то сболтнулъ, не помню; только Лобачевскій его никогда не получалъ, хотя и при каждомъ удобномъ случаѣ напоминалъ мнѣ о моемъ обѣщаніи; а я, въ досадѣ на свою легкомысленность, посылалъ Лобачевскаго, внутренно, ко всѣмъ чертямъ.

Съ этихъ поръ гербарій доставлялъ мнѣ долго, долго, неописанное удовольствіе; я перебиралъ его постоянно и, не зная ботаники, заучилъ на память наружный видъ многихъ, особливо медицинскихъ, растеній; лѣтомъ ботаническія экскурсіи были моимъ главнымъ наслажденіемъ, и я, непремѣнно, сдѣлался бы порядочнымъ ботаникомъ, если бы нашелъ какого нибудь знающаго руководителя; но такого не оказалось и мой драгоцѣнный гербарій, увеличенный мною и долго забавлявшій меня, сдѣлался потомъ снѣдью моли и мышей; однако же, цѣлыя 16 лѣтъ онъ просуществовалъ, сберегаемый безъ меня матушкою, пока она рѣшилась подарить его какому-то молодому студентику.

Кромѣ костей и гербарія, я принесъ еще домой изъ 10-го нумера и мое новое міровоззрѣніе, удививъ и опечаливъ этимъ не мало мою благочестивую и богомольную матушку. Въ церковь къ заутренямъ и даже всенощнымъ я продолжалъ еще ходить, соблюдалъ посты и всѣ обряды; но при каждомъ случаѣ, когда заходила рѣчь съ матерью и домашними о святости внѣшняго богопочитанія, о страшномъ судѣ, мукахъ въ будущей жизни и т. п., я сильно протестовалъ, глумился надъ повѣствованіями изъ Четьи-Минеи о дьяволѣ и его проказахъ и пр.

— „Да разсудите, сдѣлайте милость, маменька, сами“, доказывалъ я логически, „какъ же это можетъ быть? Вѣдь Богъ, вы знаете, всевѣдущъ, всевидящъ, правосуденъ, милосердъ, поэтому Онъ зналъ навѣрное, что мы будемъ злы, и все-таки накажетъ насъ потомъ за то, что мы были злы, гдѣ же тутъ справедливость и милосердіе?“

— Да вѣдь тебѣ Богъ далъ волю, выбирай, не дѣлай зла.

— „А, позвольте, къ чему же мнѣ эта воля, когда Богу ранѣе было извѣстно, — вѣдь Онъ всевѣдущъ,—что я согрѣшу и буду грѣшникомъ“.

Такъ резонировалъ я съ моею старушкою (тогда она не была еще такъ стара) и замѣчу, кстати, что этимъ же самымъ пошленькимъ резонерствомъ я затыкалъ не однажды ротъ православнымъ догматикамъ изъ семинаристовъ.

Я помню, что съ старымъ товарищемъ по профессорскому институту (онъ былъ годами 20 старше меня), я цѣлые часы ночью, болталъ на эту тему. И ни ему, ни мнѣ не приходило въ башку, что ни о всевѣдѣніи, ни о правосудіи, ни о милосердіи творческомъ намъ не суждено знать и не намъ, не нашему человѣческому уму судить о свойствахъ абсолюта.

Когда наше нравственное начало ищетъ себѣ опору въ Божествѣ, то мы неминуемо должны остановиться на откровеніи и вѣрить Христу, разрѣшавшему подобныя моимъ сомнѣнія тѣмъ, что невозможное для человѣка—возможно для Бога.

Справедливо кто-то замѣтилъ, что двумъ, мало-мальски образованнымъ, русскимъ нельзя сойдтись вмѣстѣ, чтобы не заговорить тотчасъ же объ отвлеченныхъ предметахъ.

Это должно быть признакъ молодости нашей культуры; все ново, зелено, незрѣло, непередумано, неперечувствовано, неосмыслено. Такъ и со мною,—лишь только я выскочилъ изъ дома на волю и сблизился съ университетскою молодежью, тотчасъ же давай слушать, судить и рядить о матеріяхъ отвлеченныхъ. Почти съ того же давняго времени у меня составилось и крѣпло вѣрованіе и я началъ убѣждаться въ предопредѣленіи.

Сначала оно мнѣ представлялось въ видѣ нравственнаго немезиса, а потомъ сдѣлалось роковымъ логическимъ выводомъ. При складѣ моего ума, я никогда не могъ себѣ представить ни

физическаго, ни нравственнаго міра безсвязнымъ и безцѣльнымъ, а потому и предопредѣленіе я основываю на непрерывной и безконечной связи зависящихъ другъ отъ друга причинъ и слѣдствій.

Немудрено, что, при моемъ складѣ ума, при моемъ воспитаніи, при моемъ возрастѣ, формація моего міровоззрѣнія, тотчасъ же по вступленіи въ университетъ, началась не снизу; ломка началась сверху. Сначала я сталъ потихоньку мести мою лѣстницу съ верхнихъ ступеней; но выбрасывать соръ не смѣлъ. Обрядность и внѣшность богопочитанія сохранялись мною отчасти по привычкѣ, отчасти изъ страха. Но если прежнее дѣло оставалось in statu quo, то прежняя мысль уже сильно потрясалась и рушилась.

— „Какой, право, Яковъ Ивановичъ (Смирновъ, о которомъ я говорилъ, кажется) пересудникъ и зубоскалъ, — говоритъ матушка,—какъ можно такъ отзываться о священнослужителяхъ".

Я. Да, послушали бы вы, что поповскіе сынки въ университетѣ говорятъ о своихъ батюшкахъ, такъ другое бы и сами подумали о попахъ; вѣдь это жрецы.

Матушка. Что ты, Богъ съ тобою; вѣдь у насъ безкровная жертва.

Я. Да что же, что безкровная. Все-таки и наши попы надуваютъ народъ, какъ жрецы прежде надували.

Матушка. Какъ это можно такъ сравнивать!

Я. Да отчего же не сравнивать; вѣдь религія вездѣ, для всѣхъ народовъ была только уздою (это выраженіе я слышалъ наканунѣ разговора отъ одного стараго семинариста на лекціи); а попы и жрецы помогали затягивать узду.

Матушка. Религія—вѣдь это значитъ вѣра, такъ неужели же теперь по вашему и вѣры не надо имѣть?

Я. Послушали бы вы, маменька, что говоритъ вонъ нѣмецкій философъ Шеллингъ (я только что слышалъ о немъ въ 10-мъ нумерѣ отъ одного яраго поклонника—профессора петербургской медико-хирургической академіи Велланскаго).

Маменька. Да я читала его „Угрозъ Свѣтовостоковъ".

Я (съ насмѣшкою). Да это не Шеллинга, а Штиллинга вы читали. Гдѣ же вамъ, маменька, понять Шеллинга; его и не всякій ученый пойметъ. Это натурфилософъ.

Матушка. Да ты, Николаша, уже не хочешь-ли сдѣлаться массономъ.

Я. А что же такое массонъ? у насъ, тамъ, въ университетѣ, между нашими студентами есть и массоны (я намекаю на сдѣланное мнѣ втайнѣ сообщенiе изъ 10-го нумера).

Маменька (крестится). Ну, Богъ съ тобою, съ тобою теперь не сговоришь. Вотъ время-то какое настало, куда это свѣтъ идетъ?

Я. Да куда же ему идти, и что такое время? Прошедшее невозвратимо; настоящаго не существуетъ; его не поймаешь; оно то было, то будетъ; а будущее неизвѣстно.

Эта послѣдняя тирада понравилась матушкѣ, и она долго послѣ напоминала мнѣ всегда: „а помнишь ли, какъ ты мнѣ говорилъ, что прошедшее не возвратишь, настоящаго нѣтъ, а будущее неизвѣстно. Это такъ, такъ“.

Десятый нумеръ остался мнѣ памятнымъ навсегда не только потому, что воспоминанiе о немъ совпадаетъ у меня съ развитiемъ перваго въ жизни мiровоззрѣнiя, но и потому еще, что слышанное и виданное мною въ этомъ нумерѣ, въ теченiи цѣлыхъ трехъ лѣтъ, служило мнѣ съ тѣхъ поръ всегда руководною нитью въ моихъ сужденiяхъ объ университетской молодежи. 10-й нумеръ 1824 года, перенесенный въ наше время, навѣрное считался бы притономъ нигилистовъ. И тогда почти все отрицалось; Бога не нужно было; религiя была вредною уздою; не отрицались только свобода, вольность и даже буйство, при полученiи жалованья. Формы, конечно, измѣнились. Отъ революцiи, пожалуй бы, и не прочь, на словахъ, но систематическое осуществленiе принциповъ было не по силамъ. Осуществлять что-либо задуманное и передуманное, дѣйствовать, это не нашего поля ягода; это нѣчто западное, пришлое къ намъ вмѣстѣ съ паромъ и желѣзными колеями.

Но университетское воспитанiе молодежи, предоставленное до 1824 года почти исключительно силамъ природы, едва ли не дало, въ нравственномъ отношенiи, лучшiе плоды, чѣмъ позднѣйшее, искусственное.

Что вышло изъ всѣхъ этихъ энтузiастовъ вольности, этихъ отрицателей божества, вѣры и поклонниковъ Вольтера, натур-

философіи, революцій и т. п. То же самое, что выходитъ изъ всѣхъ ультрабуршей въ германскихъ и въ нашемъ Дерптскомъ университетахъ. Я встрѣчался не разъ въ жизни и съ прежними обитателями 10-го нумера, и съ многими другими товарищами по Московскому и Дерптскому университетамъ, закоснѣлыми приверженцами всякаго рода свободомыслія и вольнодумства, и многихъ изъ нихъ видѣлъ потомъ тише воды и ниже травы, на службѣ, семейныхъ, богомольныхъ и посмѣивавшихся надъ своими школьными (какъ они называли) увлеченіями. Того господина, напримѣръ, изъ 10-го №, который горланилъ во всю ивановскую оду на вольность, я видѣлъ потомъ тишайшимъ штабъ-лекаремъ, женатымъ, игравшимъ довольно шибко въ карты и служившимъ отлично въ госпиталѣ.

Про германскихъ и дерптскихъ буршей и про нашихъ кутилъ-студентовъ и говорить нечего. Извѣстное и переизвѣстное дѣло, что этотъ разрядъ университетской молодежи даетъ впослѣдствіи значительный контингентъ отличныхъ доцентовъ, чиновниковъ-бюрократовъ, пасторовъ, докторовъ и пр. Перебѣсятся—и людьми станутъ. Die Jugend muss austoben. Правда, это поговорка нѣмецкая, а что для нѣмца здорово, то русскому, пожалуй, и не въ прокъ. Вѣдь русскіе, поступавшіе, въ бытность мою въ Дерптѣ, студентами прямо изъ нашихъ училищъ, спивались съ кругу нерѣдко и очень немногіе изъ нихъ вышли въ люди. Но молодежь каждой націи должна перебѣситься по своему и русской надо перебѣситься по своему, по русски.

Вотъ, въ 1824—1825 годахъ, мнѣ кажется, такъ и дѣлалось. Тогда университетская молодежь, предоставленная самой себѣ, жила, гуляла, училась, бѣсилась по своему. Не было ни попечителей, ни инспекторовъ въ современномъ значеніи этихъ званій. Попечителя, князя Оболенскаго, видали мы только на актѣ, разъ въ годъ, и то издали; инспекторы тогдашніе были тѣ же профессора и адъюнкты, знавшіе студенческій бытъ потому, что сами были прежде (иные и не такъ давно) студентами.

Экзаменовъ курсовыхъ и полукурсовыхъ не было. Были переклички по спискамъ на лекціяхъ и репетиціи, у иныхъ профессоровъ и довольно часто; но все это дѣлалось такъ себѣ, для очищенія совѣсти. Никто не заботился о результатахъ. Между тѣмъ аудиторіи были биткомъ набиты и у такихъ профессоровъ,

у которыхъ и слушать было нечего и нечему научиться. Проказъ было довольно, но чисто студенческихъ. Болтать, даже и въ самыхъ стѣнахъ университета, можно было вдоволь, о чемъ угодно, и вкривь и вкось. Шпіоновъ и наушниковъ не водилось; университетской полиціи не существовало, даже и педелей не было; я въ первый разъ съ ними познакомился въ Дерптѣ. Городская полиція не имѣла права распоряжаться съ студентами и провинившихся должна была доставлять въ университетъ. Мундировъ еще не существовало. О какихъ нибудь демонстраціяхъ никогда никто не слыхалъ. А надо замѣтить, что это было время тайныхъ обществъ и недовольства; всѣ грызли зубы на Аракчеева; запрещенныя цензурою вещи ходили по рукамъ, читались студентами съ жадностію и во всеуслышаніе; чего-то смутно ожидали.

Правда, общественная жизнь того времени не была еще, какъ теперь, взбаломученнымъ моремъ. О меньшей братіи не было еще толковъ. Культурный слой заботился только о себѣ, и смотрѣлъ вверхъ, а не внизъ. Буржуазія еще стояла на пьедесталѣ. Но развѣ все это не было для насъ гораздо натуральнѣе и проще. Тогда, какъ и теперь, всѣмъ извѣстно было, что въ сущности, что бы тамъ ни говорилось, всякій заботится исключительно о себѣ; но тогда люди были, должно быть, откровеннѣе и, заботясь о себѣ, не толковали о меньшей братіи и не поступали такъ, какъ будто бы изъ кожи лѣзутъ для другихъ. Всесвѣтское горе, Weltschmerz, не волновало еще умы людей и не было моднымъ занятіемъ тѣхъ, кому нечего было дѣлать. Правда, и тогда знали, что во времена оны Сынъ человѣческій скорбѣлъ этимъ горемъ не для Себя; но знали также, что то былъ Единый, Непогрѣшимый, Безгрѣшный, имѣвшій власть отпускать и грѣхи другихъ; а потому, считая самоотверженіе и безкорыстное служеніе общему благу не дѣломъ во грѣхѣ рожденныхъ сыновъ человѣческихъ, подозрительно смотрѣли на вожаковъ и агентовъ вспомоществованія всесвѣтному горю.

Конечно, молодежь, какъ самый чувствительный къ вѣяніямъ времени барометръ, всегда обнаруживаетъ замѣтнѣе признаки небывалыхъ стремленій; такъ немудрено, что современная молодежь, при появленіи на свѣтъ новыхъ соціальныхъ ученій, тотчасъ же изъявила готовность донкихотствовать и окунаться въ взбаломученное море.

Я убѣжденъ, однако же, что не тяготѣй надъ нашими студентами съ 1826 года, цѣлыя 30 лѣтъ, систематическій гнетъ попечительствъ, инспекторствъ и т. п., молодежь встрѣтила бы вѣянія новаго времени совсѣмъ инымъ образомъ. Не смотря на мою незрѣлость, неопытность и дѣтски наивное равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, я, всетаки, тотчасъ же почувствовалъ начинавшійся съ 1825 года гнетъ въ университетѣ.

Гнетъ этотъ, какъ извѣстно, усиливался crescendo и даже до сегодня, съ нѣкоторыми перемежками, слѣдовательно, не 30, какъ я сейчасъ сказалъ, позабывъ, что дѣлалось въ послѣднія 20 лѣтъ,— а цѣлыя 50 лѣтъ. Довольно времени, чтобы, исковеркавъ lege artis молодую натуру и ожесточивъ нравы, перепортить и погубить многія сотни и тысячи душъ.

Вотъ, куда зашелъ я изъ 10-го нумера и забылъ, что хотѣлъ еще говорить о московскихъ извощикахъ, возившихъ меня почти ежедневно съ Неглинной,—университетъ, по понятіямъ тогдашнихъ извощиковъ, находился на Неглинной,—къ Троицѣ въ Сыромятники. Species моихъ возницъ именовалось волочками, и я имѣлъ удовольствіе, въ теченіи цѣлаго года, по вечерамъ, ѣздить изъ университета домой на волочкахъ.

Этотъ, теперь не существующій, родъ возницъ перетаскивалъ человѣческія тѣлеса на дровняхъ. Незатѣйливый экипажъ, волочка, дѣйствительно, былъ ничто иное какъ большія дровни, покрытыя какимъ-то подобіемъ подушки; садились на эти дровни съ боку, ноги оставались свѣшенными на землю, и если были очень длинны, то едва не волочились по землѣ; когда было грязно, то предлагалось для прикрытія колѣнъ и голеней дерюга или мѣшокъ, нисколько, впрочемъ, не оправдывавшій возлагавшихся на него надеждъ.

Какъ бы современному прогрессу ни казались ненормальными извощичьи московскія волочки 1825 года,—но онѣ вполнѣ гармонировали съ тогдашнимъ состояніемъ столичныхъ переулковъ и моего кармана. За 10 и за 5 копѣекъ, смотря по тому, гдѣ я садился на волочки, онѣ везли меня цѣлыя 8 верстъ, въ темные, осенніе вечера, по непроходимой грязи различныхъ переулковъ и закоулковъ, путешествіе пѣшкомъ по которымъ было сопряжено съ опасностію для жизни, и я это испыталъ нѣсколько разъ, когда мнѣ приходилось отправляться по инфантеріи.

Разъ, въ безлунный, темный, осенній вечеръ, я, не желая передать извощику болѣе пятачка, загрязъ по щиколки въ какомъ-то глухомъ закоулкѣ и былъ атакованъ собаками; перепугавшись не на шутку, я кричалъ во все горло, отбивался бросаніемъ грязи и, наконецъ, кое-какъ выкарабкался изъ нея, весь испачканный и съ потерею калошъ.

Извощики и учащаяся молодежь—это два самые вѣрные барометры культурнаго общества: по нимъ узнается очень скоро и настроеніе, и степень культуры общества. Иначе и не могло быть. Чѣмъ дѣятельнѣе обмѣнъ веществъ, тѣмъ живѣе и совершеннѣе организмъ. Чѣмъ дѣятельнѣе обмѣнъ идей, а съ ними и умственныхъ и матеріальныхъ произведеній, тѣмъ культурнѣе и совершеннѣе общество. А кто, какъ ни школа и молодежь, укажетъ намъ прямо и вѣрно умственную жизнь общества, его стремленія, силу и скорость обмѣна господствующихъ въ немъ идей. Кто, какъ не извощики и главный ихъ raison d'être,—пути сообщенія,—покажетъ намъ силу и скорость обмѣна въ матеріальномъ бытѣ общества.

XXXVII.

Прошло менѣе года, судя по разсчету времени, и гораздо болѣе, судя по однимъ воспоминаніямъ, съ тѣхъ поръ, какъ я вступилъ въ московскій университетъ, и страшное горе-злосчастіе разразилось надъ нашею семьею.

Уже года два тянулась исторія съ покражею казенныхъ денегъ комиссіонеромъ Иваковымъ; домъ и имѣніе были уже описаны въ казну, были и частные долги; но отецъ умѣлъ вести дѣла, былъ повѣреннымъ по разнымъ дѣламъ и между прочими и по имѣнію генерала Николая Мартыновича Сипягина, женатаго на богатой Всеволожской.

Въ теченіи этого времени, помню, толковали много у насъ о пріѣздѣ въ Москву для ревизіи коммисаріата какого-то грознаго Аббакумова, называли его аракчеевцемъ. Онъ упекъ многихъ подъ судъ; отецъ, однако же, избѣжалъ суда и вышелъ по-просту въ отставку; мы продолжали жить почти-что попрежнему, какъ въ былые счастливые дни. Я помню еще какъ отецъ, вышедъ въ отставку, въ первый разъ надѣлъ темнокоричневый

съ темными пуговицами фракъ и сапоги съ кисточками; помню, кажется мнѣ, и то, что онъ сталъ какъ-то задумчивѣе, неподвижнѣе; прежде мы только по вечерамъ его видали дома, теперь мы заставали его нерѣдко посреди дня спящимъ на диванѣ; онъ чаще сталъ жаловаться на головныя боли и характеръ его, должно быть, измѣнился; вспыльчивый и горячій по природѣ, отецъ сдѣлался равнодушнымъ. Какъ теперь вижу, онъ сидитъ и брѣется; входитъ низенькая, толстая фигура баньщика и торговца дровами и начинаетъ тянуть предлинную канитель объ уплатѣ денегъ за купленныя у него дрова и, замѣтивъ, наконецъ, равнодушіе отца къ его доводамъ, говоритъ: „нѣтъ, я уже теперь вижу, придется идти мнѣ не къ Ивану Ивановичу (моему отцу), а къ Александру Алексѣевичу“ (т. е. къ московскому оберъ-полиціймейстеру Шульгину съ жалобою на должника). На всю тираду баньщика отецъ не отвѣчаетъ ни полслова; я стою и слушаю, и вѣрно слушалъ очень внимательно, если до сихъ поръ помню.

Въ половинѣ апрѣля отецъ приходитъ изъ бани и выпиваетъ стаканъ квасу. Ночью въ домѣ тревога. Захватило духъ, посылаютъ за лекаремъ, пускаютъ кровь, затѣмъ слѣдуетъ облегченіе, отецъ чрезъ нѣсколько дней встаетъ съ постели, прохаживается по саду, но не выздоравливаетъ; лекарь изъ воспитательнаго дома Кашкадаловъ призываетъ на консиліумъ все того же Ефр. Осип. Мухина, нашего стараго знакомаго и добродѣя.

Вспоминаю два разсужденія по поводу этого консиліума. Оканчивавшіе курсъ изъ 10-го нумера, услыхавъ отъ меня, что Ефремъ Осиповичъ прописалъ отцу magnesia sulfurica въ растворѣ, рѣшили съ самоувѣренностію, что они сдѣлали бы то же самое, что и Мухинъ; а мой почтенный подлекарь Григ. Мих. Березкинъ, съ нависшими бровями, полузакрытыми глазами, хриплымъ голосомъ, скороговоркою и отрывисто, какъ-то подъ носъ себѣ, бормоталъ: „тутъ бы, эдакъ, надо бы amara, amara roborantia бы, эдакъ“. И я, вспоминая блѣдно-желтоватый, безкровный обликъ въ послѣдній разъ въ жизни видѣннаго отца, невольно думаю: старикъ Березкинъ правъ былъ...

Насталъ день 1 мая, гулянье въ Сокольникахъ, день превосходный, солнечный, теплый; мы вздумали вывести отца за городъ на нѣсколько часовъ, условились, чтобы я воротился изъ

университета къ часу, и мнѣ помнится, какъ будто отецъ, вставъ по утру въ этотъ день, говорилъ намъ,—что во снѣ кто-то ему сказалъ очень внятно: „слышалъ-ли, что Иванъ Иванычъ Пироговъ умеръ“. Не берусь рѣшить навѣрное, слышалъ-ли я это изъ устъ самого отца, какъ мнѣ кажется, или узналъ послѣ изъ разсказовъ отъ домашнихъ.

Радостно я уходилъ въ университетъ, въ надеждѣ, возвратившись, тотчасъ же поѣхать съ отцомъ за городъ; грустно было мое возвращеніе, и теперь, 56 лѣтъ спустя, сердце ноетъ, когда привожу на память, что̀ я увидѣлъ, возвратившись домой.

Что-то зловѣщее чуялось мнѣ, когда я приближался къ дому. У воротъ стояло нѣсколько человѣкъ и ворота были отперты, слышался шумъ и бѣготня. Меня забыли или не могли предупредить. Чуя что-то недоброе, я пробѣжалъ чрезъ дворъ въ сѣни и переднюю и лишь только отворилъ дверь въ большую комнату (залу), мнѣ представился столъ, а на столѣ темно-багровое, раздутое лицо отца, окаймленное воротникомъ мундира; у меня закружилась голова, сердце сжалось, ноги подкосились и я упалъ на руки къ подбѣжавшимъ ко мнѣ сестрамъ.

Одна изъ нихъ разсказала потомъ мнѣ, что, не болѣе какъ за часъ до моего прихода, она подала отцу ложку съ лекарствомъ; онъ сидѣлъ на стулѣ и лишь только поднесъ ложку ко рту, какъ побагровѣлъ, захрапѣлъ и повалился со стула. Apoplexie foudroyante.

Остановлюсь на наслѣдственныхъ характерныхъ чертахъ нашей семьи. Современный вопросъ о вліяніи наслѣдственности на организмъ только тогда рѣшится удовлетворительно, когда соберется достаточный и надежный матеріалъ изъ описаній наслѣдственной характеристики огромнаго числа семей и особей.

Въ нашемъ семействѣ весьма рѣзко выразились два различные типа; одна часть мужского и женскаго поколѣнія (братья и сестры) была почти черноволосая, долголицая, съ продолговатыми носами, темно-карими глазами, густыми волосами на головѣ и тѣлѣ; другая половина, напротивъ, была круглолица, съ черепомъ болѣе широкимъ, чѣмъ высокимъ, сплюснутымъ широкимъ носомъ, нѣсколько выдавшимися скулами, свѣтлыми и голубыми глазами, свѣтло-русыми и жидкими волосами на головѣ;

мужское поколѣніе этого типа плѣшива, плѣшь начинается со лба, а не съ макушки головы, но борода окладистая и густая.

Изъ шести оставшихся на моей памяти членовъ нашей семьи (3 братьевъ и 3 сестеръ) только двое принадлежали къ первому типу долголицыхъ (братъ и сестра), тогда какъ нашъ отецъ, мать и четверо насъ остальныхъ дѣтей (2 братьевъ и 2 сестеръ) были представителями второго типа.

Дѣда и бабушку мою я не помню, но, судя по разсказамъ, дѣдъ принадлежалъ также къ этому разряду, хотя и былъ на старости совершенно плѣшивъ; находили нѣкоторое сходство между нимъ и старшимъ моимъ братомъ, Петромъ.

Разсказывали, что дѣдъ Иванъ Михайловичъ былъ высокій, плотный мущина, и жилъ болѣе ста лѣтъ; увѣряли даже, что передъ смертью у него начали прорѣзываться новые зубы!?? Онъ служилъ прежде въ арміи и помнилъ еще многое изъ временъ Петра Перваго, потомъ поселился въ Москвѣ, завелъ какую-то, для того времени новую, пивоварню, женился и былъ строгимъ мужемъ; бабушка въ послѣдніе годы жизни помѣшалась, капризничала, бранилась и дралась съ мужемъ.

Помѣшательство перешло по наслѣдству и на старшую сестру мою, какъ разсказывали, очень похожую лицомъ на бабушку. Я наблюдалъ эту болѣзнь сестры съ самаго начала ея развитія, съ 1841 г., а смерть постигла сестру въ 1869 г.

Все наше семейство было характера вспыльчиваго и горячаго; но вспышки никогда не продолжались долго. Эти черты нрава перешли отъ дѣда и бабки къ отцу, отъ отца къ намъ. Мать моя принадлежала, какъ сказано уже, ко второму типу, имѣла характеръ сходный съ отцовскимъ, но отличалась большею сдержанностью, за то и гнѣвъ ея не проходилъ такъ скоро, какъ отцовскій, а расположеніе духа не такъ быстро мѣнялось, какъ у отца; она была и разсчетливѣе, и бережливѣе.

Мнѣ кажется, я многое наслѣдовалъ отъ нея и съ физической, и съ нравственной стороны, и между прочимъ тонкія руки и ноги, худощавость, наклонность къ катаррамъ, шумъ въ ушахъ, религіозное настроеніе духа, охоту къ занятіямъ и бережливость [1]).

[1]) Далѣе съ 153 листа по 223 листъ II-й части посмертныя Записки Н. И. Пирогова прерываются отдѣльнымъ, весьма цѣльнымъ, законченнымъ и всестороннимъ обзоромъ всего царствованія императора Александра II и

XXXVIII.

28 марта.

Но прежде, чѣмъ возвращусь къ моей біографіи, замѣчу, что прошлаго года я въ эту пору сильно озабоченъ былъ о состояніи моихъ полей; я велъ тогда дневникъ о погодѣ и температурѣ. Нынѣшній годъ было не до того. Я покупалъ новое имѣніе и дѣлалъ завѣщаніе; — замѣтно старѣюсь. Прошлаго года выпавшій въ ноябрѣ снѣгъ на талую землю угрожалъ озими большимъ вредомъ; всѣ боялись, что густые какъ войлокъ всходы вымокнутъ; но въ декабрѣ начались сильные морозы, и хотя снѣга навалило цѣлые сугробы—земля замерзла подъ нимъ на аршинъ и болѣе. Когда снѣгъ, лежавшій до конца марта, стаялъ, то озими оказались нетронутыми и, какъ осенью, густыми и зелеными. Урожай прошлаго 1880 года былъ у меня, однако же, не плохой и, если бы не дожди во время цвѣта пшеницы, былъ бы еще лучше; отъ этихъ дождей пострадалъ умолотъ, но все-таки урожай пшеницы, вообще, у меня былъ самъ-восемь.

Сильные весенніе морозы, въ мартѣ до 20° слишкомъ R., погубили множество деревьевъ въ саду; пострадали, особливо, вишни, сливы, груши; у меня изъ 2,000 погибло до 200. 5 мая выпалъ снѣгъ и лежалъ 2 дня, пострадалъ виноградъ; не было ни яблоковъ, ни грушъ.

Про нынѣшній годъ еще труднѣе предсказать. Снѣгъ не падалъ на талую землю. Но снѣга вообще было мало до весны и онъ зимою 2 раза сходилъ совсѣмъ, тогда какъ прошлаго года не сходилъ ни разу. Отличные осенніе всходы озими, густые какъ и прошлогодніе, стояли по недѣлямъ открытые безъ снѣжнаго покрова. Впрочемъ, сильныхъ морозовъ не было. Въ цѣлую зиму разъ или два доходило до 20° слишкомъ и то на нѣсколько часовъ. За то, теперь мартъ необыкновенно холоденъ

всѣхъ его реформъ внутренняго строя русской жизни. Очеркъ этотъ составленъ и написанъ Николаемъ Ивановичемъ со 2-го по 27-ое марта 1881 г.

Такъ какъ онъ составляетъ слишкомъ большой перерывъ въ автобіографическихъ Запискахъ, а главное является какъ бы отдѣльною монографіею, то мы переносимъ его въ самый конецъ Записокъ Н. И. Пирогова. Теперь же обращаемся къ продолженію его автобіографіи. Ред.

и сыръ. Падалъ раза 3 снѣгъ и одинъ разъ лежалъ около 2-хъ недѣль, защитивъ всходы отъ мартовскихъ вѣтровъ.

Тепла болѣе 10—12° еще не было. Всходы не зеленые, какъ прошлогодніе, а сѣрые, желтоватые, но отъ дождей и мокраго снѣга начинаютъ зеленѣть; боюсь, не повредили бы имъ морозы въ 2—5° на мокрую землю, не пострадали бы корни всходовъ.

Перехожу опять къ дѣламъ давно прошедшихъ дней. Не прошло и мѣсяца послѣ внезапной смерти отца, какъ мы всѣ, мать, двое сестеръ и я, должны были предоставить нашъ домъ и все, что въ немъ находилось, казнѣ и частнымъ кредиторамъ. Приходилось съ кой-какими крохами идти на улицу и думать о слѣдующемъ днѣ. Въ это время явилась неожиданная помощь. Троюродный (если не ошибаюсь) братъ отца, Андрей Филимоновичъ Назарьевъ, самъ обремененный семействомъ,—у него было на рукахъ 3 дочери (одна уже взрослая, двѣ подростки),—служившій засѣдателемъ въ какомъ-то московскомъ судѣ (помѣщавшемся близъ Иверскихъ воротъ), предложилъ намъ переѣхать къ нему. Онъ съ семействомъ жилъ у Прѣсненскихъ прудовъ, въ приходѣ Покрова въ Кудринѣ, въ собственномъ маленькомъ домикѣ; внизу, въ 4 комнатахъ, помѣщалось семейство Назарьевыхъ, а мезонинъ съ 3 комнатами и чердачкомъ предоставленъ былъ намъ. Окна одной изъ комнатъ выходили на Дѣвичье поле, виднѣлись Воробьевы горы, и я, смотря на этотъ ландшафтъ, вспоминалъ подобный же видъ изъ верхняго этажа нашего прежняго дома на Андроньевъ монастырь. Но вспоминать было нелегко, впрочемъ не мнѣ собственно, а старшимъ. Что я тогда? Развѣ 14-тилѣтнему подростку знакома бываетъ продолжительная грусть и недовольство судьбою.

Жизнь моя пошла попрежнему, какъ заведенные часы. Два раза въ день я путешествовалъ въ университетъ по Никитской, что брало болѣе 2 часовъ времени въ день; объ извощикахъ, и даже розвальняхъ, теперь и подумать нельзя было.

Лѣтомъ, въ сухую погоду, куда ни шло,—я бѣгалъ по Никитской исправно; но въ грязь, осенью, ночью, ой, ой, ой, какъ плохо приходилось мнѣ, бѣдному мальчику. Мой дядюшка,—такъ я называлъ,—Андрей Филимонычъ, былъ добрѣйшее и тишайшее существо тогдашняго чиновничьяго міра; небольшого

роста отъ природы, да еще согнувшійся отъ постояннаго писанья, онъ былъ истинный типъ небольшого чиновника-муравья. Дома я его никогда иначе не видывалъ какъ за бумагами, цѣлую кипу которыхъ онъ приносилъ съ собою изъ суда, а въ судѣ, разумѣется, другого дѣла также не было; весь вѣкъ свой добрѣйшій Андрей Филимонычъ писалъ, писалъ и писалъ, за что и награжденъ былъ Владимірскимъ крестомъ; про него не помню, но другой, такой же типическій чиновникъ, удивлялъ меня всегда, не на шутку, вѣшаніемъ своего Владимірскаго креста за 30-лѣтнюю службу передъ образомъ, по возвращеніи домой изъ присутственнаго мѣста. Андрей Филимонычъ говорилъ мало и тихо; всѣ его наслажденія ограничивались слушаніемъ птичьяго пѣнія во время письменной работы, покуриваніемъ табаку изъ длиннаго чубука съ перышкомъ вмѣсто мундштука и чаепитіемъ. Эта добрѣйшая и тишайшая душа поила иногда и меня чаемъ въ ближайшемъ трактирѣ, когда я заходилъ въ судъ у Иверскихъ воротъ, отвозилъ меня иногда на извощикѣ изъ университета домой, и однажды, этого я никогда не забывалъ, замѣтивъ у меня отставшую подошву, купилъ мнѣ сапоги.

Въ семействѣ дядюшки Назарьева съ жениной стороны, именно у сестры его жены, водились нечистые духи. Я почти всякій день слыхалъ разсказы о разныхъ продѣлкахъ домовыхъ, обитавшихъ, по общему убѣжденію, въ квартирѣ Надежды Осиповны (такъ звали невѣстку дяди); я было забылъ всѣ слышанныя тогда розсказни, какъ небылицы, но, прочитавъ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ статью профессора Вагнера о чудесахъ одного американскаго спирита, чрезъ 50 лѣтъ вспомнилъ снова о пресловутыхъ похожденіяхъ Надежды Осиповны. Живо вспоминаю теперь, какъ и она сама, и ея домашніе повѣствовали о томъ, что у нихъ происходило дома по ночамъ и по вечерамъ: стукъ, шумъ, трескотня разнаго рода, шорохъ и ползанье по стѣнамъ и за обоями, переставливаніе съ мѣста на мѣсто мебели по ночамъ, катаніе какихъ-то клубковъ и темныхъ массъ по полу.

Перемѣна квартиры не помогала, и въ этомъ-то я и нахожу сходство Надежды Осиповны съ американскимъ спиритомъ. И онъ, и она, какъ медіумы, вызывали однимъ личнымъ присутствіемъ духовъ изъ невидимаго міра. И я помню также, что родственники Надежды Осиповны считали ее не то тронувшеюся,

не то какою-то чудною, и посмѣивались надъ нею, и какъ будто побаивались ея. Она была уже очень пожилая женщина, лѣтъ за 50, сухощавая, и пересказывала все испытываемое ею и ея домашними по ночамъ весьма наивно, какъ будто все это такъ и должно было быть. Жаль, что я тогда ничего не смыслилъ о медіумахъ, я бы подробнѣе вникнулъ въ странную личность Надежды Осиповны, а то я слушалъ ея розсказни какъ интересныя сказки, смѣялся отъ души, когда она описывала продѣлки своихъ домовыхъ, и только. То вѣрно, что это не была обманщица, не изъ чего, и не кого было обманывать. Вѣроятно также, что она подвергалась галлюцинаціямъ, но вопросъ, для меня нерѣшенный и въ отношеніи къ Надеждѣ Осиповнѣ, и въ отношеніи къ современнымъ медіумамъ, тотъ—не свойственно-ли нѣкоторымъ личностямъ сообщать свои чисто субъективныя галлюцинаціи и другимъ воспріимчивымъ особамъ?

Мы жили въ домѣ дяди, не платя ничего за квартиру, болѣе года. Послѣ, въ 1837 году, сдѣлавшись профессоромъ въ Дерптѣ, я считалъ себя обязаннымъ отблагодарить добраго Андрея Филимоновича и, признаюсь, не столько за даровой пріютъ, сколько за сапоги. У дяди, къ тому времени, подросъ маленькій сынишка, лѣтъ 10, и я предложилъ отпустить его со мною въ Дерптъ для ученья на мой счетъ. Мальчикъ учился у какого-то попа и кое-какъ мараковалъ грамоту. Признаюсь, я потомъ не радъ былъ жизни, что взялъ на себя такую обузу, не сообразивъ, насколько я въ состояніи былъ справиться съ нею. Я увидѣлъ потомъ, но поздно, что я тогда ничего не понималъ въ дѣлѣ воспитанія, считая его дюжиннымъ дѣломъ. Я сдѣлалъ изъ неудавшагося мнѣ воспитанія мальчика Назарьева одно заключеніе, которое, я думаю, относится и не ко мнѣ только, а и къ многимъ другимъ, а именно: молодому неженатому человѣку не нужно браться за воспитаніе ребенка; это опасное предпріятіе для нравственности воспитанника.

Я хотѣлъ приготовить маленькаго Николая къ гимназіи въ Дерптѣ и, по совѣту какого-то педагога, помѣстилъ его полупансіонеромъ въ приготовительное училище Лаланда.

Меня не бывало по цѣлымъ днямъ дома и мальчикъ, приходившій изъ школы, оставался на рукахъ, жившей у меня въ услу-

женіи, очень почтенной и богомольной женщины (латышки и піетистки). Вскорѣ узналъ я отъ нея, что мой Николай воруетъ. Вѣроятно, онъ привезъ эту привычку уже съ собою изъ Москвы. Родные, отпуская его со мною, дали нѣсколько денегъ мнѣ на сохраненіе, и какъ мальчикъ ни въ чемъ не нуждался, то я и заперъ его деньги, въ его присутствіи, вмѣстѣ съ моими, въ ящикъ комода. Служанка моя, почтенная Лена, чрезъ нѣсколько же дней послѣ нашего пріѣзда, увѣдомила меня, что Николай что-то долго оставался возлѣ комода, и она нашла потомъ ключъ отъ ящика, гдѣ были деньги, на комодѣ; но могло быть, что я и самъ забылъ ключъ на комодѣ. Стали наблюдать. Лена ухитрилась всунуть маленькую бумажку въ замочную дыру ящика, положила ключъ на прежнее мѣсто, сочли хорошенько мелкія деньги. На другой же день нашли бумажку вынутую и дефицитъ. Потомъ накрыли воришку и au flagrant délit.

Лена совѣтывала непремѣнно его высѣчь на мѣстѣ преступленія, увѣривъ меня, что это очень помогаетъ. Я, въ первый разъ въ жизни, произвелъ эту операцію и весьма неловко; Лена была слишкомъ слаба, чтобы хорошенько подержать мальчишку, оравшаго во все горло и брыкавшаго и руками, и ногами; я горячился и розга не попадала по назначенію. Воровство, впрочемъ, прекратилось. Но ученье шло, видимо, плохо, и мѣсто воровства заступила другая привычка, уже не знаю, привезенная ли также изъ Москвы или дерптскаго происхожденія.

Однажды Лена увѣдомила меня, что нашъ Николай что-то пасмуренъ и часто уходитъ въ нужное мѣсто; посмотрѣвъ пристальнѣе мальчику въ лицо, я замѣтилъ также что-то нехорошее во взглядѣ, какую-то тусклость и смущеніе. „Что съ тобою?“ спрашиваю. Вмѣсто отвѣта слезы. „Болѣнъ?“ Отвѣта нѣтъ; слезы. Онъ что-то рукою за нижнее мѣсто хватаетъ, говоритъ мнѣ при немъ Лена. „Спусти штаны; покажи“. Открывается paraphymosis и сильная опухоль члена. Я кладу мальчика на постель и сейчасъ же вправливаю. Услышавъ, что этого рода занятіямъ онъ предавался и въ школѣ Лаланда, я взялъ его оттуда и отдалъ въ пансіонъ въ городѣ Верро, пользовавшійся большою извѣстностью въ то время.

Когда черезъ годъ я переѣхалъ въ Петербургъ, женился

и поселился вмѣстѣ съ женою, матерью и сестрами, то Николая я снова привезъ къ себѣ въ домъ и помѣстилъ полупансіонеромъ въ гимназію, въ надеждѣ, что пребываніе его въ хорошемъ учебномъ заведеніи его перемѣнило къ лучшему, а жизнь въ семействѣ окончательно исправитъ. Бился съ нимъ я тутъ уже не одинъ: и жена, и мать, и сестры принимали участіе. Но ученье не шло на ладъ, а въ головѣ были постоянныя шалости, какое-то тупое упрямство, а потомъ явилось и желаніе идти въ солдаты. „Голъ, да соколъ буду", возражалъ Николай на всѣ представленія. Такъ, побившись съ нимъ еще годъ, мы, наконецъ, принуждены были отправить его опять въ Москву. Что изъ него вышло — не знаю; кто-то, кажется, говорилъ мнѣ, что мой воспитанникъ получилъ мѣсто въ московской полиціи. Могъ-ли я ожидать, что сдѣлаюсь воспитателемъ квартальныхъ!

И другой птенецъ изъ семейства моего добраго Андрея Филимоновича, сынъ его старшей дочери, вышедшей замужъ за какого-то офицера, по фамиліи Солонина, и потомъ овдовѣвшей, попалъ ко мнѣ на руки, когда я былъ уже попечителемъ въ Кіевѣ.

Считая себя все еще въ долгу у этой семьи за доброту ея отца, я рѣшился еще разъ попробовать счастья въ воспитаніи чужихъ дѣтей и принялъ маленькаго Солонину къ себѣ, къ своимъ дѣтямъ, которыя были старше его и могли подготовить нѣсколько дикаго и безграмотнаго ребенка.

Но и на этотъ разъ не было удачи. Солонина, и по наружности очень похожій на Николая Назарьева, не поддавался нашей культурѣ. Я самъ, конечно, не имѣлъ досуга заниматься воспитаніемъ Солонины, но жена, сестры и на этотъ разъ еще мои мальчики ничего не могли вдолбить; ученье на дому не шло, а въ школу я боялся его отдать, чтобы не испортить еще болѣе. Такъ и возвратилъ я и этого питомца обратно на руки его матери, не достигнувъ никакого результата отъ моей культуры.

Я включилъ эти два образчика неудачи въ мою біографію потому, что они доказываютъ, во первыхъ, какъ трудно быть истинно благодарнымъ, т. е. принести пользу своею благодарностію тому, кто оказалъ намъ нѣкогда истинное благодѣяніе; во

вторыхъ, они подтверждаютъ печальную истину, что добрый примѣръ и добрая воля воспитателей не ведутъ еще къ достиженію благихъ результатовъ въ дѣлѣ воспитанія. На дѣлѣ выходитъ совершенно противное тому, чего мы хотѣли достигнуть, подавая примѣръ дѣтямъ собственною жизнью и собственными дѣлами; объ этомъ я буду имѣть случай еще многое сказать впослѣдствіи; а о трудности быть благодарнымъ скажу теперь еще слѣдующее.

Неуваженіе къ заслугамъ, а еще болѣе неблагодарность представлялись всегда моему воображенію въ видѣ самыхъ отвратительныхъ гадинъ. Въ душѣ я никогда не былъ неблагодарнымъ но, увы! на дѣлѣ я не съумѣлъ, или даже не захотѣлъ (кто доберется до правды, роясь въ хламѣ стараго сердца) быть благодарнымъ именно тамъ, гдѣ благодарность была священнымъ долгомъ.

Правда, во всей моей жизни я нахожу не болѣе трехъ случаевъ такого долга. Объ одномъ изъ нихъ я сейчасъ разсказалъ. Въ другомъ я имѣлъ твердое намѣреніе отблагодарить,— и не однажды,—но судьба не дала мнѣ этого сдѣлать. Этотъ случай касается цѣлаго періода моей дерптской жизни; здѣсь скажу только, что я считалъ себя обязаннымъ благодарностью почтенному семейству дерптскаго профессора Мойера, и именно его почтеннѣйшей тещѣ, Екатеринѣ Афанасьевнѣ Протасовой, урожденной Буниной (сестрѣ по отцу Вас. Андр. Жуковскому). Я былъ принятъ въ этомъ семействѣ какъ родной и, занявъ потомъ профессуру Мойера, мечталъ о женитьбѣ на его дочери, сыновней благодарности и пр. и пр. Мечтамъ юности не суждено было осуществиться и я, поневолѣ, остался въ долгу у незабвенной Екатерины Афанасьевны.

Наконецъ, третій и самый священный долгъ, оставшійся не такъ выполненнымъ, какъ бы мнѣ теперь (но, увы, поздно) хотѣлось это сдѣлать, былъ долгъ благодарности къ моей матери и двумъ старшимъ сестрамъ. Со смерти отца, съ 1824 по 1827 годъ, эти три женщины содержали меня своими трудами. Кое-какія крохи, оставшіяся послѣ разгрома отцовскаго состоянія, не долго тянулись; и мать, и сестры принялись за мелкія работы; одна изъ сестеръ поступила надзирательницею въ какое-то

благотворительное дѣтское заведеніе въ Москвѣ и своимъ крохотнымъ жалованьемъ поддерживала существованіе семьи.

Переѣхавъ черезъ годъ изъ дома дяди Андрея Филимоновича на наемную квартиру, мать рѣшила отдавать одну половину квартиры въ наймы нахлѣбникамъ; одинъ, и очень порядочный, человѣкъ скоро нашелся; это былъ студентъ математическаго факультета Жемчужниковъ (бывшій потомъ вице-губернаторъ въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ я его и встрѣтилъ черезъ 37 лѣтъ, въ 1862 г.). Жемчужниковъ былъ человѣкъ достаточный и потому могъ платить за квартиру въ 2 комнаты, столъ, чай и проч. 300 руб. ассигнаціями, т. е. 75 руб. сер. въ годъ; а мать за всю квартиру (и, если не ошибаюсь, съ отопленіемъ) платила 300 руб. ассигн. ежегодно; таковы были цѣны въ то время!

Уроковъ я не могъ давать,—одна ходьба въ университетъ съ Прѣсненскихъ прудовъ брала взадъ и впередъ часа 4 времени, да мать и не хотѣла, чтобы я на себя работалъ и еще менѣе того, чтобы я сдѣлался стипендіатомъ или казеннокоштнымъ; куда это, и руками, и ногами противъ казенныхъ обязательствъ. Это считалось, какъ будто, чѣмъ-то унизительнымъ: „ты будешь, говорилось, чужой хлѣбъ заѣдать; пока хоть какая нибудь есть возможность, живи на нашемъ“. Такъ и перебивались, какъ рыба объ ледъ. Къ счастью нашему, въ то блаженное время не платили за лекціи, не носили мундировъ, и даже когда введены были мундиры, то мнѣ сшили сестры, изъ стараго фрака, какую-то мундирную куртку съ краснымъ воротникомъ и я, чтобы не обнаружить несоблюденія формы, сидѣлъ на лекціяхъ въ шинели, выставляя на видъ только свѣтлыя пуговицы и красный воротникъ.

XXXIX [1]).

Какъ я или, лучше, мы пронищенствовали въ Москвѣ во время моего студенчества, это для меня осталось загадкою. Квартира и отопленіе были, правда, даровыя у дяди въ теченіи года, а содержаніе? а платье? Двѣ сестры, мать и двѣ служанки и я на прибавку. Сестры работали, продавались кое-какіе остатки, но какъ этого доставало—не понимаю. Иногда, только иногда, въ торжественные праздники присылались чрезъ меня или другимъ путемъ вспомоществованія; помогалъ иногда мой крестный отецъ Сем. Андр. Лупутинъ, помогали кое-какіе старые знакомые.

Однажды матушка, узнавъ, что генералъ Сипягинъ женится на второй женѣ послѣ вдовства, уговорила меня пойти къ нему съ поздравленіемъ и поднести хлѣбъ-соль на новоселье. Сипягинъ былъ одно время патрономъ отца, завѣдывавшаго нѣкоторое время его дѣлами по имѣніямъ; я было заказалъ большой сдобный крендель и явился по утру къ генералу, поздравилъ его, передалъ хлѣбъ-соль; а онъ, поблагодаривъ довольно любезно, приказалъ своему казначею выдать мнѣ 25 рублей, но не сказалъ ассигнаціями, а просто 25 рублей. И каково же было мое изумленіе, когда этотъ казначей потребовалъ съ меня 2 рубля (четвертакъ) сдачи съ бѣлой бумажки, ходившей въ то время съ лажемъ и стоившей потому не 25, а 27 рублей...

Черезъ годъ наше положеніе нѣсколько поправилось тѣмъ, что мы наняли квартиру побольше и стали сами держать нахлѣбниковъ изъ студентовъ.

Порядочное помѣщеніе и сытный столъ доказываютъ, что въ то, благодатное для бѣдняковъ, время можно было учиться, не смотря на бѣдность. За то и ученье было таковское —на мѣдныя деньги.

Между тѣмъ московскій университетъ того времени могъ похвалиться именами такихъ ученыхъ какъ Юстъ Христ. Лодеръ (анатомъ), Фишеръ (зоологъ), Гофманъ (ботаникъ); такихъ практиковъ-врачей, какъ М. Я. Мудровъ, Е. О. Му-

[1]) Здѣсь начинается третья, послѣдняя, часть Записокъ Н. И. Пирогова. Она состоитъ изъ 182 листовъ, 728 стр.; изъ нихъ 158 листовъ писаны чернилами, а 24 послѣднихъ листа писаны карандашомъ и видимо крайне ослабѣвшею рукою, почеркъ, сравнительно съ предыдущими частями Записокъ, гораздо менѣе разборчивъ. Ред.

хинъ, Фед. Андр. Гильдебрандтъ (хирургъ); такихъ знатоковъ русскаго слова и русской старины, какъ Мерзляковъ и Каченовскій.

Къ сожалѣнію, не всѣ изъ этихъ извѣстныхъ профессоровъ пеклись о полномъ изложеніи своего предмета, а главное (за исключеніемъ Лодера) не владѣли достаточными научными средствами для преподаванія своей науки; а, сверхъ того, несравненно большая часть профессоровъ московскаго университета составляли живой и уморительный контрастъ съ своими знаменитыми коллегами.

Теперь нельзя себѣ составить и приблизительно понятіе о томъ господствѣ комическаго элемента, который я засталъ еще въ университетѣ.

Мы, мальчиками 14—17 лѣтъ, ходили на лекціи своего и другого факультетовъ нерѣдко для потѣхи. И теперь безъ смѣха нельзя себѣ представить Вас. Мих. Котельницкаго, идущаго въ нанковыхъ, бланжевыхъ штанахъ въ сапоги (а сапоги съ кисточками), съ кулькомъ въ одной рукѣ и съ фармакологіею Шпренгеля, переводъ Іовскаго, подъ мышкою. Это онъ, Вас. Мих. Котельницкій (проживавшій въ университетѣ), идетъ утромъ съ провизіею изъ Охотнаго ряда на лекцію. Онъ отдаетъ кулекъ сторожу, а самъ ранехонько утромъ отправляется на лекцію, садится, вынимаетъ изъ кармановъ очки и табакерку, нюхаетъ звучно, съ храпомъ, табакъ и, надѣвъ очки, раскрываетъ книгу, ставитъ свѣчку прямо передъ собою и начинаетъ читать слово въ слово и при томъ съ ошибками. Вас. Мих., съ помощью очковъ, читаетъ въ фармакологіи Шпренгеля, переводъ Іовскаго: „Клещевинное масло, oleum ricini, — китайцы придаютъ ему горькій вкусъ“. Засимъ кладетъ книгу, нюхаетъ съ вхрапываніемъ табакъ, и объясняетъ намъ, смиреннымъ его слушателямъ: „вотъ, видишь-ли, китайцы придаютъ клещевинному-то маслу горькій вкусъ“. Мы, между тѣмъ, смиренные слушатели, читаемъ въ той-же книгѣ: вмѣсто китайцевъ—„кожицы придаютъ ему горькій вкусъ“. У Вас. Михайловича на лекціи что ни день, то репетиція. „Ну-те-ка, ты тамъ, Пеше, обращается онъ къ одному студенту (сыну нѣмецкаго шляпнаго мастера), ты приходи;—постой-ка, я тебя вотъ изъ Тенара жигану. А! что? небось замялся, а еще нѣмецъ. Ну-те-ка, ты, Пироговъ, скажи-ка мнѣ, какъ французская водка по латыни?“

— „Spiritus gallicus“.

— Молодецъ!

Другой экземпляръ, curiosum своего рода, Алекс. Леонтьев. Ловецкій, адъюнктъ знаменитаго Фишера, проф. естественной исторіи на медицинскомъ факультетѣ, дѣлаетъ съ нами ботаническія экскурсіи на Воробьевыхъ горахъ, то есть гуляетъ, срываетъ нѣсколько цвѣтковъ, называетъ ихъ по имени, а когда мы приносимъ ему нашу находку и просимъ опредѣлить растеніе, мы уже знаемъ по опыту, что отвѣтъ одинъ: „отдайте ихъ моему кучеру, я потомъ дома у себя опредѣлю“. Этотъ же ученый вдругъ возжелалъ демонстрировать на лекціи половые органы пѣтуха и курицы,—прежде за нимъ этого не водилось,—онъ демонстрировалъ иногда только картинки. Помощникъ его приготовляетъ ему препаратъ для демонстраціи. Препаратъ лежитъ на тарелкѣ, обвернутой вокругъ салфеткою. Алексѣй Леонтьевичъ беретъ тарелку и, не отнимая салфетки, объясняетъ своей аудиторіи устройство половыхъ органовъ пѣтуха; но на самой срединѣ демонстраціи помощникъ, сконфуженный и изумленный, приближается къ нему и говоритъ въ полголоса:

— „Алексѣй Леонтьевичъ! вѣдь это курица“.

— Какъ курица, развѣ я не велѣлъ вамъ приготовить пѣтуха?

Со стороны помощника возраженія,—аудиторія чрезвычайно довольна сюрпризомъ.

— Пойдемте, господа, смотрѣть, какъ сегодня такой-то или такой-то профессоръ будетъ выгонять чужаковъ изъ аудиторіи.

Такого рода чужеѣдовъ было нѣсколько и въ нашемъ факультетѣ, и въ другихъ. Отправляемся.

Большая аудиторія амфитеатромъ. Входимъ. Какое зрѣлище! Профессоръ сидитъ на кафедрѣ, а по скамьямъ аудиторіи бѣгаютъ слушатели, гоняясь гурьбою одинъ за другимъ съ восклицаніями: „чужакъ, чужакъ, гони его! а-ту!“

А въ другомъ случаѣ слушатели, зная антипатію профессора къ чужимъ посѣтителямъ его аудиторіи, сначала сидятъ тихо и даютъ набраться нѣсколькимъ чужакамъ, и въ самомъ разгарѣ профессорскаго чтенія подсылаютъ къ профессору одного изъ его приближенныхъ сказать:

— Василій Петровичъ, или: Григорій Васильевичъ! есть много чужаковъ!

Лекція прекращается. Начинается розыскъ. Нетерпимость и ненависть къ чужакамъ были какимъ-то повѣтріемъ. Комизмъ, соединенный съ преслѣдованіемъ чужаковъ на лекціяхъ, доходилъ поистинѣ до чудовищныхъ размѣровъ. Студенты эксплуатировали эту странную антипатію профессоровъ: къ одному, совершенно глухому профессору (кажется, если не ошибаюсь, Гаврилову), набралась, однажды, полная аудиторія студентовъ; предвидѣлась потѣха, спектакль; на лекцію былъ приведенъ гарнизонный офицеръ изъ бурбоновъ (въ мундирѣ сѣраго цвѣта съ желтымъ воротникомъ) и былъ посаженъ на самую заднюю скамью. Какъ только началась лекція, репетиторъ (студентъ, державшій списокъ слушателей для перекличекъ) подходитъ къ глухому профессору и кричитъ ему на ухо: „на лекціи есть чужакъ". Начинается конверсація.

— Гдѣ? спрашиваетъ профессоръ.

Въ это время задніе ряды студентовъ раздвигаются и взору изумленнаго профессора представляется военный чинъ, сидящій смиренно и прямо на скамьѣ.

— „Вставайте, вставайте скорѣе",—шепчутъ ему сосѣди-студенты.

Гарнизонный офицеръ вытягивается въ струнку, руки по швамъ.

— „Зачѣмъ вы здѣсь?"—спрашиваетъ лекторъ.

— Говорите, подсказываютъ студенты офицеру, что лекціи въ университетѣ публичныя и всякій имѣетъ право ихъ посѣщать.

Офицеръ бормочетъ сквозь зубы подсказанное.

Профессоръ ничего не слышитъ; репетиторъ во всеуслышаніе громко передаетъ ему слова офицера.

— „Онъ говоритъ, Вас. Гаврил., что лекціи публичныя".

— Такъ что-же, что публичныя, а въ аудиторіяхъ для порядка не должны быть терпимы чужаки.

Конверсація въ такомъ духѣ продолжается нѣкоторое время. Наконецъ, студенты, сидящіе около офицера, шепчутъ ему: „уходите, уходите, дѣлать нечего".

Ряды сидящихъ раздвигаются и гарнизонный офицеръ маршируетъ чрезъ всю аудиторію мимо каѳедры къ выходу, а аудиторія, пользуясь абсолютною глухотою наставника, сопровождаетъ ретираду офицера громогласнымъ пѣніемъ: „изыдите, изыдите,

нечестивіи“, или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Профессоръ продолжаетъ читать.

У другого профессора слушатели приводятъ нѣсколькихъ товарищей, лежавшихъ въ клиникѣ и уже выздоравливающихъ, въ больничномъ костюмѣ; сажаютъ ихъ также въ заднихъ рядахъ и во время лекціи объявляютъ, что какіе-то больные забрались на лекціи изъ госпиталя. Опять спектакль. Больные изгоняются съ шумомъ и скандаломъ.

Элементъ смѣшного, впрочемъ, свойственъ былъ въ то время всѣмъ коллегіямъ не въ одной Москвѣ: и въ европейскихъ университетахъ встрѣчались курьозные оригиналы между учеными; но у насъ оригинальность была не только смѣшна, но и глупа, потому что была отставшею отъ времени и науки. Дѣйствительно, отсталость того времени была невообразимая; читали лекціи по руководствамъ 1750-хъ годовъ, и это тогда, какъ у самихъ студентовъ, по крайней мѣрѣ у многихъ, ходили уже по рукамъ учебныя книги текущаго столѣтія. Правда, были и новаторы, и даже между пожилыми профессорами; но тутъ, опять на бѣду, примѣшивалась къ новаторству какая-то не по лѣтамъ горячность и пристрастность. Такъ, М. Я. Мудровъ вдругъ пересѣдлалъ и изъ броуниста сдѣлался отчаяннымъ бруссеистомъ.

Мало или почти вовсе незнакомый, по его собственному признанію, съ паталогическою анатоміею—онъ хотѣлъ увѣрить свою аудиторію и, дѣйствительно, увѣрилъ, не хуже самого Бруссэ, въ существованіе воспаленія слизистой (оболочки) кишечнаго канала тамъ, гдѣ его вовсе не было.

Но Мудровъ едва-ли не былъ единственнымъ исключеніемъ изъ профессоровъ. Потомъ уже, когда я кончилъ курсъ, обуяла нѣсколькихъ изъ молодыхъ философія Шеллинга, но она уже не была новостью въ Европѣ, тогда какъ бруссеизмъ былъ, дѣйствительно, еще животрепещущею новизною, и притомъ философію Шеллинга привозили къ намъ изъ Германіи посланные туда отъ университета молодые ученые; а Мудровъ, сидя дома, и притомъ въ 50-лѣтнемъ возрастѣ, напалъ на бруссеизмъ.

Наглядность ученія и демонстрацію можно было найдти только на лекціяхъ Лодера; но и при изученіи анатоміи отъ студентовъ вовсе не требовали обязательнаго упражненія на трупахъ. Я, во все время моего пребыванія въ университетѣ, ни разу не

упражнялся на трупахъ въ препаровочной, не вскрылъ ни одного трупа, не отпрепарировалъ ни одного мускула и довольствовался только тѣмъ, что̀ видѣлъ приготовленнымъ и выставленнымъ послѣ лекцій Лодера. И странно: до вступленія моего въ дерптскій университетъ я и не чувствовалъ никакой потребности узнать что-нибудь изъ собственнаго опыта, наглядно.

Я довольствовался вполнѣ тѣмъ, что изучилъ изъ книгъ, тетрадокъ, лекцій.

Я сказалъ сейчасъ, что это странно. Нѣтъ, вовсе не странно, когда бо̀льшая часть моихъ наставниковъ была того же убѣжденія. Вотъ на каѳедрѣ стоитъ Петръ Иллар. Страховъ, проф. химіи, медиц. факультета,—человѣкъ, очевидно начитанный и изъ книгъ много знающій. Онъ читаетъ намъ какъ дѣлаютъ термометры, чертитъ мѣломъ на доскѣ, распространяется; а у него въ аудиторіи сидитъ много такихъ, которые еще и въ жизни не имѣли термометра въ рукахъ, а видали его только издали. Идетъ-ли дѣло объ оксигенѣ, Петръ Илларіон. опять распространяется цѣлыя 2 лекціи, опять чертитъ мѣломъ, приноситъ на лекцію французскія книги съ рисунками, но самаго оксигена мы не видимъ.

И такъ-то цѣлый курсъ: ни одного химическаго препарата въ натурѣ; вся демонстрація состоитъ въ черченіи на доскѣ. Только на послѣднемъ году курса, съ вступленіемъ въ университетъ профессора Геймана (молодого, живого и практичнаго еврея), я первый разъ въ жизни увидалъ въ натурѣ оксигенъ и гидрогенъ.

Но не на одномъ медицинскомъ факультетѣ химія читалась по книгамъ, безъ опытовъ; и на естественномъ факультетѣ проф. Рейсъ читалъ ее по своимъ тетрадямъ, да еще въ добавокъ читалъ-то намъ и не химію, а какое-то ученіе о міровомъ эѳирѣ на латинскомъ языкѣ; за то этотъ ученѣйшій, какъ полагали, профессоръ и былъ самаго высокаго мнѣнія о себѣ, такого, что по его собственному выраженію: primus—Deus, secundus—Reus, tertius—adjunctus meus.

Физика на математическомъ факультетѣ преподавалась гораздо нагляднѣе. На лекціяхъ у Двигубскаго слышалось хлопанье, трескъ, когда его лаборантъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и въ трезвомъ состояніи; въ медицинскомъ же фа-

культетѣ и физику д-ръ Веселовскій читалъ по тому же способу, какъ Страховъ химію; математическія формулы и черченіе разныхъ машинъ и приборовъ изслѣдовались ежедневно на черной доскѣ.

Физіологія,—ну, она въ первую половину текущаго столѣтія излагалась демонстративно только передовыми физіологами Франціи и Германіи. Физіологи 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія во всей Европѣ, за нѣкоторыми исключеніями, кажется, совсѣмъ потеряли изъ виду великаго ихъ предшественника — Галлера, хотя и ни одинъ изъ нихъ не могъ не отдать ему преимущества предъ всѣми другими. Рудольфи въ Берлинѣ въ 1828—1830 годахъ говаривалъ слушателямъ: „если вы спросите у профессоровъ физіологіи, какая физіологія лучшая, каждый изъ нихъ непремѣнно отвѣтитъ: во-первыхъ моя, а во-вторыхъ Галлера; выходитъ математически вѣрно, что физіологія Галлера и есть до сихъ поръ все еще лучшая“. Нечего и говорить, что физіологія въ московскомъ университетѣ того времени преподавалась по книгѣ; а книга была физіологиста Ленгоссека на латинскомъ языкѣ, перепечатанная въ Москвѣ съ прибавленіями и коментаріями Е. О. Мухина. Сей ученый мужъ, которому я, какъ уже высказалъ, лично такъ много обязанъ, собственно былъ врачъ-практикъ и, сколько мнѣ извѣстно, самоучка (разсказывали въ то время, что онъ участвовалъ фельдшеромъ въ арміи Суворова при осадѣ Очакова); въ физіолога же онъ превратился вѣроятно потому, что, бывъ сначала профессоромъ анатоміи въ московской медико-хирургической академіи, тутъ онъ издалъ свою извѣстную анатомію, конкурировавшую въ Москвѣ съ петербургскою анатоміею Загорскаго, но отличавшуюся отъ сей послѣдней тѣмъ: 1) что всѣ анатомическіе термины были переведены на невозможный русскій языкъ; 2) къ шести частямъ анатоміи Загорскаго прибавлена 7-я, вновь изобрѣтенная Ефремомъ Осиповичемъ, часть: ученіе о мокротныхъ сумочкахъ; 3) бедреная артерія названа была Ефремомъ Осиповичемъ артеріею баронета Виллье, arter. cruralis, s. femoralis, s. Willie, съ примѣчаніемъ внизу, что баронетъ Виллье при посѣщеніи анатомическаго театра въ московской медико-хирургической академіи называлъ эту артерію своею любимою, или какъ-то въ этомъ родѣ. А къ физіологіи Ленгоссека Е. О. Мухинъ присоединилъ еще

ученіе о стимулахъ. Лекціи же Ефр. Осип. Мухина для меня тѣмъ достопамятны, что я, посѣщая ихъ аккуратно въ теченіи 4-хъ лѣтъ, ни разу не усомнился въ глубокомысліи наставника, хотя и ни разу не могъ дать себѣ отчета, выходя съ лекціи, о чемъ собственно читалось; это я приписывалъ собственному невѣжеству и слабой подготовкѣ.

Только впослѣдствіи, пріѣхавъ въ Москву на время, послѣ окончанія курса въ Дерптѣ, и нарочно сходивъ на лекцію Мухина, я убѣдился въ моей невинности. Я слушалъ цѣлую лекцію съ большимъ вниманіемъ, не пропустивъ ни слова, и къ концу ея все таки потерялъ нить, такъ что потомъ никакъ не могъ дать себѣ отчета, какимъ образомъ Ефремъ Осиповичъ, начавъ лекцію изложеніемъ свойствъ и проявленій жизненной силы, ухитрился перейти подъ конецъ „къ малинѣ, которую мы съ такимъ аппетитомъ въ лѣтнее время кушаемъ со сливками". Пропускаю другой приведенный имъ примѣръ „о букашкѣ, встрѣчаемой иногда нами въ кусочкѣ льда, которая, отогрѣвшись на солнцѣ, улетаетъ съ хрустальнаго льда, воспѣвая (т. е. жужжитъ) хвалу Богу"—пропускаю потому, что догадываюсь о связи жизненной силы съ оттаившею букашкою въ этомъ примѣрѣ. Мухинъ, однако же, добросовѣстно, по своему конечно, исполнялъ обязанности профессора и прочитывалъ свою физіологію на лекціяхъ отъ доски до доски и если что изъ своихъ лекцій откладывалъ, то потомъ не оставался въ долгу у слушателей; откладывалъ же онъ постоянно чтеніе о половыхъ женскихъ органахъ, приходившееся обыкновенно въ великій постъ: „намъ слѣдовало бы теперь говорить, повторялъ онъ ежегодно въ это время, о дѣторожденіи и половыхъ женскихъ органахъ; но такъ какъ это предметъ скоромный, то мы и отлагаемъ его до болѣе удобнаго времени".

Не такъ совѣстлива и пунктуальна была въ изложеніи своего предмета другая московская знаменитость тогдашняго времени—Матвѣй Яковлевичъ **Мудровъ**. Хотя мнѣ и сказывали, что прежде, придерживаясь Іосифа **Фриша**, онъ излагалъ въ теченіи года (по 3 часа въ недѣлю) полный synopsis терапіи; но при мнѣ, когда онъ пересѣдлался уже въ бруссеисты, Матвѣй Яковлевичъ читалъ, что называли, черезъ пень въ колоду, останавливаясь исключительно только на новомъ ученіи о горячкахъ. Онъ много мнѣ принесъ пользы тѣмъ, что безпрестанно толковалъ о необхо-

димости учиться патологической анатоміи, о вскрытіи труповъ, объ общей анатоміи Бине и тѣмъ поселилъ во мнѣ желаніе познакомиться съ этою terra incognita.

Но самъ онъ, какъ я видѣлъ однажды при вскрытіи тифознаго, былъ бѣлоручкою, очевидно незнакомымъ съ этимъ дѣломъ. Когда одинъ студентъ началъ вскрывать кишку, чтобы найти тамъ inflammatio membranae mucosae gastro-intestinales, мой Матвѣй Яковлевичъ убѣжалъ на самую верхнюю ступень анатомическаго амфитеатра и смотрѣлъ оттуда, конечно, притворяясь, будто что нибудь видитъ, и въ извиненіе своего бѣгства отъ паталогической анатоміи приводилъ только: „я-де старъ, мнѣ не по силамъ нюхать вонь" и т. п.

Кромѣ того, что онъ не излагалъ намъ, да и не могъ изложить всей науки, хотя бы въ краткихъ очеркахъ, М. Я. терялъ много времени на разныя alutria, часто приходившія ему ни съ того, ни съ сего въ голову. Такъ, однажды, бо̀льшая половина лекціи состояла въ томъ, что онъ какого-то провинившагося кутилу-студента изъ семинаристовъ заставилъ читать молитву на Троицынъ день. Часто пристрастіе свое къ бруссеизму онъ обнаруживалъ тѣмъ, что въ длинныхъ рапсодіяхъ начиналъ насмѣхаться надъ броунонизмомъ. Сравните-ка наше теперешнее простое и раціональное леченіе тифа съ прежнимъ! Сначала r. valeriana, потомъ serpentariae и arnica, камфора, moschus и, наконецъ, когда все это не помогало—Иверская Божія Матерь.

Чтеніе о добродѣтеляхъ врача и истолкованіе притчи Иппокрита брало отъ научныхъ лекцій также немало времени. Не забудемъ, что клиника и лекціи были не ежедневно, а только 3 раза въ недѣлю. Иногда же встрѣчались выходки и другого рода, сокращавшія время преподаванія. Такъ, однажды, мы сидѣли въ аудиторіи, дожидаясь пріѣзда Мудрова; наконецъ, онъ является и велитъ всей аудиторіи идти куда-то за нимъ, надѣвъ шинели (дѣло было зимою). Мы повинуемся и Матвѣй Яковлевичъ ведетъ насъ изъ клиники черезъ дворъ въ анатомическій театръ на лекцію къ Лодеру. Что за притча такая? Мы ввалиoff ваемся цѣлою массою въ аудиторію и видимъ, что Лодеръ сидитъ съ анненскою звѣздою на фракѣ. Мудровъ, мы видимъ, становится предъ новымъ кавалеромъ (Лодеръ, какъ мы узнали

потомъ, только-что получилъ звѣзду), вынимаетъ изъ кармана листокъ и читаетъ гласомъ проповѣдника: „красуйся свѣтлостію звѣзды твоея, но подожди еще быть звѣздою на небесѣхъ" и проч. и проч.

Лодеръ, нѣсколько сконфуженный, принимается, наконецъ, обнимать Мудрова и что-то, не помню, отвѣчаетъ ему на привѣтствіе по латыни.

Мудровъ не былъ закоренѣлымъ противниковъ нѣмцевъ, какъ Е. О. Мухинъ; былъ большимъ почитателемъ Лодера и вмѣстѣ съ нимъ и нѣкоторыми другими профессорами придерживался, вѣроятно только для вида, а можетъ быть и по своему происхожденію изъ духовныхъ, господствовавшаго въ то время (при министерствѣ Голицына) мистицизма.

И въ клиникѣ у Мудрова, и въ анатомическомъ театрѣ у Лодера мы читали на стѣнахъ надписи и распятія. Въ клиникѣ при входѣ былъ вдѣланъ въ стѣну крестъ съ надписью: per crucem ad lucem. Нѣсколько далѣе стояла на другой стѣнѣ надпись: medice, cura te ipsum (врачу, исцѣлися самъ). На стѣнѣ въ окнахъ анатомическаго театра красовалось огромными буквами: Gnothi seauton — познай самого себя. Въ анатомической аудиторіи, расположенной полукружнымъ амфитеатромъ вверху, у самаго потолка, вдоль всей стѣны надпись огромными золотыми буквами гласила: „руце Твоя создаста мя и сотвориста мя, вразуми мя, и научуся заповѣдемъ Твоимъ".

Не надо забывать, что все это было во времена оны, когда хоронились на кладбищахъ съ отпѣваніемъ анатомическіе музеи (въ Казани, во времена Магницкаго) и когда былъ поднятъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія или въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ вопросъ: нельзя ли обходиться при чтеніи анатомическихъ лекцій безъ труповъ, и когда въ нѣкоторыхъ университетахъ (въ Казани) и дѣйствительно читали міологію на платкахъ.

Профессоръ анатоміи, разсказывали мнѣ его слушатели, привяжетъ одинъ конецъ платка къ acromion и спинкѣ лопатки, а другой—къ плечевой кости и увѣряетъ свою аудиторію, что это musculus deltoideus.

Хирургія,—предметъ, которымъ я почти вовсе не занимался

въ Москвѣ,—была для меня въ то время наукою непригдядною и вовсе непонятною. Объ упражненіяхъ въ операціяхъ надъ трупами не было и помину; изъ операцій надъ живыми мнѣ случилось видѣть только нѣсколько разъ литотомію у дѣтей и только однажды видѣлъ ампутированную голень. Передъ лекарскимъ экзаменомъ нужно было описать на словахъ или на бумагѣ какую нибудь операцію на латинскомъ языкѣ, и только. Ѳед. Андр. Гильдебрандтъ, искусный и опытный практикъ, особливо литотомистъ, умный острякъ, какъ профессоръ былъ изъ рукъ вонъ плохъ. Онъ такъ сильно гнусилъ, что, стоя въ 2-хъ, 3-хъ шагахъ отъ него на лекціи, я не могъ понимать ни слова, тѣмъ болѣе, что онъ читалъ и говорилъ всегда по латыни. Вѣроятно, профессоръ Гильдебрандтъ страдалъ хроническимъ насморкомъ и курилъ постоянно сигарку. Это былъ единственный индивидуумъ въ Москвѣ, которому разрѣшено было курить на улицахъ. Лекціи его и его адъюнкта Альфонскаго состояли въ перефразированіи изданнаго Гильдебрандтомъ краткаго, и краткаго до nec plus ultra, учебника хирургіи на латинскомъ языкѣ.

XL.

Итакъ я окончилъ курсъ; не дѣлалъ ни одной операціи, не исключая кровопусканія и выдергиванія зубовъ, и не только на живомъ, но и на трупѣ не сдѣлалъ ни одной и даже не видалъ ни одной, сдѣланной на трупѣ, операціи.

Отношенія между нами, слушателями, и профессорами ограничивались однѣми лекціями; только съ нѣкоторыми молодыми адъюнктами и нами иногда отношенія принимали болѣе интимный характеръ. Я, напримѣръ, нерѣдко навѣщалъ по вечерамъ ад. химіи Іовскаго, только что возвратившагося изъ заграницы; онъ разсказывалъ мнѣ про университетскую, научную жизнь въ Германіи и Франціи, подтрунивая, вмѣстѣ со мною, надъ отжившими и отсталыми нашими учеными; но потомъ, какъ я слышалъ, и самъ попалъ въ эту же колею.

На лекціяхъ же отношенія наставниковъ нашихъ,—по край-

ней мѣрѣ чистокровныхъ русскихъ,—были весьма патріархальныя; многіе изъ профессоровъ, какъ то: Мудровъ, Котельницкій, Сандуковъ и др. говорили студентамъ „ты", Мудровъ съ прибавкою: „ты, душа"; допускались на лекціяхъ и патріархальныя остроты надъ отдѣльными личностями и надъ цѣлою аудиторіею. Такъ, Мудровъ, однажды, на своей лекціи о нервной психической болѣзни учителей и профессоровъ, обнаруживающейся какою-то непреодолимою боязнью, при входѣ въ аудиторію сказалъ своимъ слушателямъ: „а чего бы васъ-то бояться, вѣдь вы бараны", и аудиторія наградила его за эту остроту общимъ веселымъ смѣхомъ.

За то и слушатели, какъ видно изъ приведенныхъ мною авантюръ на лекціяхъ, не церемонились—и съ чудаками чудаствовали и проказили на лекціяхъ. Кромѣ приведенныхъ, приведу и еще два похожденія такого же рода.

Одинъ изъ профессоровъ-чудаковъ былъ такъ слабъ глазами, что безъ очковъ не могъ ни одной буквы прочесть въ своей тетрадкѣ, а вся лекція у него и состояла въ прочтеніи слушателямъ своей тетрадки.

Ясно было, что лишить его очковъ значило сдѣлать лекцію для него вполнѣ невозможною. Слушатели, замѣтивъ, что онъ, приходя на лекцію, прежде всего снимаетъ свои очки и кладетъ ихъ на каѳедру, умудрились устроить такъ, что положенныя очки должны были неминуемо провалиться въ пустоту каѳедры на самое ея дно. Положеніе профессора было критическое; онъ видимо потерялъ голову и не зналъ, что ему дѣлать. Тогда тѣ-же слушатели явились предъ нимъ совѣтниками на помощь: одинъ изъ нихъ, долго не думая, притащилъ отъ сторожа кочергу, запустилъ ее въ провалъ и началъ, къ ужасу профессора, ковырять ею во всѣ стороны такъ безжалостно, что очкамъ, очевидно, грозила опасность полнаго разрушенія. Вся аудиторія между тѣмъ собралась около каѳедры и злополучнаго наставника; совѣтамъ, толкамъ, сожалѣніямъ не было конца, и вотъ, наконецъ, общимъ совѣтомъ рѣшили, что нѣтъ другого, болѣе надежнаго, средства сдѣлать лекцію возможною, то есть достать очки, какъ перевернуть каѳедру верхъ дномъ и вытрясти ихъ оттуда. Принялись за дѣло, увѣнчавшееся успѣхомъ: вытрясли полуразрушенныя кочергою

очки; когда достигли этого результата и профессоръ разсматривалъ уныло нарушеніе цѣлости своего зрительнаго инструмента, въ аудиторію вошелъ другой профессоръ и остолбенѣлъ при видѣ необыкновеннаго зрѣлища. Такимъ образомъ лекціи, то есть прочтенію тетрадки, къ удовольствію многихъ слушателей, не суждено было состояться.

У другого профессора того же (если не ошибаюсь словеснаго) факультета было заведено въ началѣ лекціи читать протоколъ прошедшей, и это чтеніе поручалось имъ одному репетитору. Всѣ знали, что̀ репетиторъ этотъ непремѣнно скажетъ въ началѣ чтенія протокола, и многіе изъ другихъ факультетовъ являлись изъ любопытства на лекцію, чтобы услышать заранѣе извѣстный всѣмъ curiosum. Curiosum состоялъ въ томъ, что репетиторъ начиналъ чтеніе протокола всегда слѣдующими словами:

„На прошедшей лекціи 182... года, такого-то числа, Василій Григорьевичъ такой-то, надворный совѣтникъ и кавалеръ, излагалъ своимъ слушателямъ то-то и то-то". Профессоръ же постоянно и непремѣнно всякій разъ прерывалъ чтеніе репетитора замѣчаніемъ, что онъ дѣйствительно надворный совѣтникъ, но вовсе не кавалеръ. На это замѣчаніе, въ свою очередь, репетиторъ всякій разъ отвѣчалъ: „Какъ же, Вас. Григор., вы удостоены медали за 1812 годъ на владимірской лентѣ".

Но не смотря на комизмъ и отсталость, у меня отъ пребыванія моего въ московскомъ университетѣ, вмѣстѣ съ куріозами разнаго рода, остались впечатлѣнія глубоко, на цѣлую жизнь, врѣзавшіяся въ душу и давшія ей извѣстное направленіе на всю жизнь. Такъ, лекціи Лодера, не смотря на мое полное незнакомство съ практическою анатоміею, поселили во мнѣ желаніе заниматься анатоміею, и я зазубривалъ анатомію по тетрадкамъ, кое-какимъ учебникамъ и кое-какимъ рисункамъ. Даже обычныя выраженія Лодера: „Sapientissima natura, aut potius Creator sapientissimæ naturæ voluit" не остались безъ вліянія на меня.

Я и теперь еще, чрезъ 50 слишкомъ лѣтъ, какъ будто слышу ихъ. Но и самыя надписи на стѣнахъ анатомическаго театра и клиники слились у меня какъ бы въ одно цѣлое съ начатками моихъ научныхъ свѣдѣній въ Москвѣ. Мистическое и мистицизмъ

никто не искоренитъ изъ глубины человѣческаго духа. Монотонность и односторонность никогда не будутъ ему свойственны, и я не вѣрю, чтобы человѣческое общество когда нибудь остановилось на одномъ избранномъ имъ направленіи, и всего менѣе вѣрю, чтобы оно когда нибудь сдѣлалось позитивистомъ.

Н. И. Пироговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ КУДРЯВЦЕВЪ

въ 1842—1845 гг.

I.

При имени Петра Николаевича Кудрявцева, бывшаго профессора всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ, съ горестью вспоминается упрекъ Пушкина русскимъ людямъ: «замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнивы и нелюбопытны».

Болѣе 25-ти лѣтъ прошло со времени кончины Кудрявцева [1]) и что же мы знаемъ о немъ? Гдѣ его біографія, которая, несомнѣнно, была бы поучительна для всѣхъ возрастовъ, особенно для юношества, крѣпко нуждающагося въ добрыхъ примѣрахъ? поучительна потому, что онъ своею жизнію, богатою не внѣшними событіями и обстоятельствами, а внутренними фактами—фактами ума и чувства,—проявилъ, во всей чистотѣ, наилучшія качества человѣческой природы, которыя долженствовали бы неизмѣнно оставаться при насъ въ каждый періодъ нашего существованія. Вмѣсто полной и обстоятельной біографіи мы имѣемъ большею частью только некрологи. Самая объемистая статья (сравнительно), подъ названіемъ «Воспоминанія», принадлежащая пишущему эти строки, занимаетъ всего на все тридцать страницъ [2]); она посвящена студентамъ московскаго университета, которые хорошо знали своего преподавателя, искренно его любили и уважали. Студенты настоящаго времени, къ сожалѣнію, вовсе его не знаютъ; а какъ бы полезно имъ было покороче познакомиться съ этою свѣтлою, безупречною личностью, съ ея высоконравственными качествами, съ ея любовью къ искусствамъ и наукѣ, съ ея серьезнымъ образомъ мыслей!

Будемъ же, за неимѣніемъ біографіи Кудрявцева, по крайней мѣрѣ готовить для нея матеріалы. Приступаю къ этому съ удовольствіемъ,

---

[1]) Род. 4-го августа 1816 г., скончался 18-го января 1858 г. **А. Г.**

[2]) „Русскій Вѣстникъ" изд. 1858, № 4.

тѣмъ болѣе, что я долго и неизмѣнно находился въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ къ покойному. На первый разъ матеріаломъ послужатъ письма къ одной изъ бывшихъ его ученицъ, которая обязательно сообщила ихъ мнѣ, дозволивъ воспользоваться ими для указанной цѣли [1]). Получивъ очень хорошее образованіе, зная основательно французскую и нѣмецкую литературу, не говоря уже объ отечественной, страстная любительница изящныхъ искусствъ, особенно поэзіи и музыки, она дѣлилась съ своимъ наставникомъ мыслями и чувствами по поводу этихъ и другихъ предметовъ, возбуждавшихъ ея любопытство и сочувствіе. По окончаніи курса въ одномъ изъ московскихъ институтовъ, она поступила гувернанткой въ провинцію; сюда-то адресовалъ изъ Москвы свои письма Петръ Николаевичъ. Переписка продолжалась два года съ половиной: съ сентября 1842 г. по мартъ (включительно) 1845 года, т. е. до отъѣзда его заграницу. Исправимъ при этомъ неточное указаніе времени отъѣзда (именно 1843 г.) въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ московскаго университета». Дѣйствительно, высочайшее соизволеніе на отправку молодыхъ людей, для усовершенствованія въ наукахъ, состоялось въ 1843 году, но Кудрявцевъ, по распоряженію попечителя московскаго учебнаго округа, графа С. Г. Строгонова, долго еще послѣ того оставался въ Москвѣ для окончанія и напечатанія своей магистерской диссертаціи [2]). Эта работа требовала не мало времени, такъ что онъ могъ отправиться не прежде марта 1845 года, сначала въ Петербургъ, гдѣ оставался нѣсколько дней, а затѣмъ въ Берлинъ. Воротился въ началѣ лѣта 1847 г. слѣдовательно прожилъ заграницей только два года съ небольшимъ, а не четыре (съ 1843 по 1847 гг.), какъ ошибочно сказано въ «Словарѣ».

Университетское начальство имѣло виды на Кудрявцева еще въ то время, когда онъ былъ студентомъ. По окончаніи имъ курса, гр. Строгановъ, постоянно заботившійся о замѣщеніи каѳедръ воспитанниками университета, выдающимися по своимъ дарованіямъ и трудолюбію, предложилъ Кудрявцеву держать экзаменъ на степень магистра, что этотъ и исполнилъ. Когда министерство народнаго просвѣщенія потребовало назначенія молодыхъ людей для отправки ихъ заграницу, Кудрявцевъ поступилъ въ ихъ число. Его назначали для всеобщей исторіи, но вмѣстѣ съ этимъ онъ долженъ былъ прослушать курсъ и философіи, и права, для чего предполагалось пробыть ему года полтора или два въ Германіи, а затѣмъ полгода въ Италіи для личнаго знакомства съ древностями. Окончивъ диссертацію и представивъ ее,

---

[1]) Е. Я. Д—э, рожденной Я—нъ.

[2]) „Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ". А. Г.

по обычному порядку, на разсмотрѣніе факультета, Петръ Николаевичъ былъ неожиданно встревоженъ послѣ одного разговора съ попечителемъ, который объявилъ ему, что отправленіемъ его заграницу надобно на нѣкоторое время пріостановиться, такъ какъ образъ его мыслей оказывается неодобрительнымъ. И чтобы не оставить его безъ занятій, предложили ему читать лекціи русской исторіи — дѣло, къ которому онъ чувствовалъ себя неготовымъ и которое безъ всякой пользы должно было отнять у него цѣлый годъ. Онъ отказался. Жалко, что въ письмѣ не разъяснено, въ чемъ именно состоялъ образъ мыслей, не одобряемый такимъ начальникомъ, какъ гр. Строгоновъ, слѣдившій за занятіями даровитыхъ молодыхъ людей, открывавшій имъ дорогу къ дальнѣйшему научному образованію и дававшій возможность образовывать, въ свою очередь, молодежь слѣдующихъ поколѣній. Письмо оканчивается загадочными словами: «знаю я пути, которыми можно бы пройти скорѣе и безопаснѣе, но въ душѣ слишкомъ много гордости, чтобы наклониться этотъ разъ до низкаго искательства. Пусть будетъ, что будетъ; я же останусь тѣмъ, чѣмъ былъ». Нельзя-ли выраженнаго попечителемъ мнѣнія объяснить неодобрительнымъ отзывомъ какого-либо профессора, разсматривавшаго диссертацію? Это очень могло быть при господствѣ въ наукѣ и литературѣ того времени двухъ противоположныхъ воззрѣній: славянофильства и западничества? Петръ Николаевичъ вполнѣ принадлежалъ къ западникамъ и слѣдовательно не пользовался расположеніемъ слявянофиловъ, въ числѣ которыхъ находились и профессоры.

Исторія была издавна любимымъ предметомъ Петра Николаевича, какъ «наука наукъ». Такимъ именемъ называлъ онъ ее, относя къ ней то, что другими приписывалось философіи. Изъ нея вынесъ онъ свой образъ мыслей, свои убѣжденія, почти все свое нравственное достояніе, потому что собственный двадцативосьми-лѣтній опытъ далъ ему еще немного. Исторія, говоритъ онъ, для меня то-же, что «коранъ для мусульманства». Послѣднія слова потребовали разъясненія со стороны лица, которому адресовано письмо, и будущій профессоръ разъясняетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

«Исторія излагаетъ жизнь человѣчества не съ одной только лицевой стороны, но во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, не того человѣчества, какимъ оно иногда кажется или какимъ бы мы хотѣли его видѣть, но какимъ оно дѣйствительно было. Тутъ нѣтъ ни воздушныхъ замковъ, ни высокопарныхъ мечтаній, ни мнимаго знанія того, чего нельзя знать, ни косыхъ взглядовъ, ни лжи, ни самообольщенія: тутъ есть только, что есть, тутъ есть истина—то, чего съ такимъ усиліемъ ищемъ мы цѣлую жизнь... Никогда не будете вы знать человѣка, когда не будете имѣть понятія о человѣчествѣ, а человѣчество знаетъ только

исторія: она только знаетъ, что человѣчество въ силахъ сдѣлать и что превышаетъ его силы... Кто не научился еще разбирать, хотя по складамъ, тѣ великіе и священные іероглифы, которые пишетъ исторія, тотъ никогда не можетъ сказать о себѣ, чтобы онъ былъ свободенъ отъ предразсудковъ; скажу болѣе: въ томъ каждое убѣжденіе есть предубѣжденіе или недоразумѣніе, тотъ каждую минуту своей жизни жертвуетъ мечтѣ, всѣ вещи мѣряетъ только на свой аршинъ, т. е. на свое предубѣжденіе, въ полной увѣренности, что только его мѣра есть истинная... Пока мы знаемъ единственно себя, смотримъ единственно съ своихъ высотъ, мы владѣемъ только частію истины. Но часть истины есть у всякаго народа. Гдѣ же взять общую мѣру? Ее можетъ дать только исторія, потому что она только скажетъ намъ все, что есть, т. е. всю истину... Таковъ этотъ коранъ, изъ котораго учусь я искусству—отличать предразсудокъ отъ истины и, если можно, побѣждать его въ себѣ. Надобно только пріобрѣсти сначала довѣріе къ исторіи, а потомъ вѣру въ исторію».

Итакъ исторія, знакомя насъ съ жизнію человѣчества, освобождаетъ отъ предубѣжденій, замѣщая ихъ разумными сужденіями, истинными убѣжденіями. Она указываетъ законы развитія какъ отдѣльныхъ членовъ человѣчества, т. е. народовъ, такъ и всей ихъ совокупности, раскрывая причинную связь событій: одно событіе объясняетъ другимъ, послѣдующее, какъ плодъ, выводитъ изъ предъидущаго, какъ его завязи. Благодаря историческому созерцанію, имѣющему дѣло не съ мечтательнымъ, а съ дѣйствительнымъ и разумнымъ, Кудрявцевъ отвращался отъ всего, гдѣ мысль была осуждена на бездѣйствіе, отъ всего, что существовало лишь въ болѣзненномъ воображеніи. Таковы: мистицизмъ, фатализмъ, такъ называемая судьба. Къ мистицизму, особенно аскетическому, онъ чувствовалъ непреодолимую антипатію. Особенно былъ ему противенъ тотъ родъ мистицизма, который думаетъ убить жизнь или заглушить, въ чемъ бы то ни было, ея голосъ: «жизнь», говоритъ онъ, «убивается только дѣйствительною, а не мнимою смертію, т. е. она умираетъ, а не умерщвляется». Само собою разумѣется, что онъ возставалъ и противъ предопредѣленія, какъ видно изъ одного письма, содержащаго въ себѣ опроверженіе слѣдующей мысли бывшей своей ученицы: «я вѣрю, что здѣсь, съ самой первой минуты моего бытія, назначенъ тамъ весь его жребій». Такое вѣрованіе ставило бы человѣка,—существо, одаренное разумомъ и волей, наравнѣ съ бездушными предметами. Петръ Николаевичъ вѣровалъ только въ судьбу историческую—въ судьбу человѣчества, подъ которой разумѣлъ неизмѣнные законы духа, проявляющіеся въ жизни народовъ. Такую же вѣру имѣемъ мы въ судьбу небесныхъ свѣтилъ, совершающихъ свое движеніе по неизмѣннымъ законамъ тяготѣнія. Въ дру-

гихъ же отношеніяхъ, слово судьба «была для него синонимомъ слова случай», т. е. дѣйствіе такихъ внѣшнихъ силъ, которымъ законъ не писанъ,—дѣйствіе безнамѣренное и слѣпое, хотя часто и жестокое. Выразивъ желаніе себѣ быстрой смерти, не предшествуемой никакою злостною болѣзнью, которая человѣка, еще живого, превращаетъ въ мумію, Кудрявцевъ внезапно останавливается:

— «Куда зашелъ я, Боже мой! какъ будто все это въ нашей власти? какъ будто мы знаемъ себя лучше, чѣмъ не мы? какъ будто, наконецъ, нѣтъ надъ нами судьбы, которая хоть и вовсе недальновиднѣе насъ, видитъ впередъ менѣе нашего, менѣе самыхъ близорукихъ изъ насъ, однако по самой слѣпотѣ своей часто смѣшиваетъ насъ съ деревами и камнями и вовсе неожиданно, по одной ошибкѣ, даетъ намъ щелчки, отъ которыхъ не устояло бы и крѣпкое дерево. Здѣсь упала она грозою и, конечно, ошибкою сожгла цѣлое селеніе; тамъ, на морѣ, разыгралась она бурею и, конечно забывшись, потопила цѣлый корабль со всѣмъ его живымъ грузомъ, безъ разбора праведника отъ неправедника; тамъ промчалась язвою, тамъ пронеслась голодомъ, а вотъ недавно еще, зашевелившись подъ землею, почти опрокинула вверхъ дномъ цѣлый городъ—людей наравнѣ съ домами. Неужели она пошутила надъ нимъ съ мыслью? неужели съ мыслью когда-то истребила она Лиссабонъ, сгладила съ лица земли Помпею, залила Нидерланды, и проч. и проч.? Если съ мыслью, то развѣ съ такою же, съ какою душитъ она воробья во время холода, другое животное во время зноя, или у одного отнимаетъ глазъ, другому даетъ горбъ... Но, право, въ такой мысли я ровно ничего не смыслю... я молчу».

Строки эти, по своей сущности, сходятся съ воззрѣніемъ Тургенева на равнодушіе и безжалостность природы ко всему живущему,— воззрѣніемъ, выраженнымъ въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ, между прочимъ въ его «Поѣздкѣ въ Полѣсье».

Не любилъ также Кудрявцевъ давать волю догадкамъ и предположеніямъ, если они не могутъ быть оправданы никакими свидѣтельствами или соображеніями ума. Въ одномъ письмѣ къ нему говорилось о загробной жизни. Онъ обратилъ вниманіе на слова: «au ciel tout s'oublie». «Это вѣрно и очень умно», отвѣчаетъ онъ, «туда не перенесемъ мы ни нашихъ страстей, ни нашихъ наклонностей; землѣ не восходить на небо, и въ небѣ живетъ только небесное. Итакъ, чтобы ни было съ нами тамъ, здѣсь все должно кончиться смертью—все только до этого предѣла; дальше, мнѣ кажется, не должны простираться и самыя наши желанія. Все здѣсь. И чего же намъ больше? зачѣмъ хотѣть еще перейти черезъ черту уничтоженія и перенести за нее нѣкоторыя любимыя игрушки нашей жизни, когда—и это почти общая участь — мы большею частію разбиваемъ ихъ еще гораздо

прежде, чѣмъ завидимъ этотъ роковой предѣлъ? Не умираютъ ли наши страсти гораздо прежде, чѣмъ умираемъ мы сами? Самая любовь не опускаетъ-ли часто крылья прежде, чѣмъ глаза человѣка, который носитъ или носилъ ее въ себѣ, завидятъ берегъ смерти?»

Выписываю еще слѣдующія строки въ отвѣтъ на письмо, въ которомъ говорилось о молитвѣ:

«Дай Богъ, чтобы святой огонь, котораго пламя есть молитва, долго, долго горѣлъ въ вашемъ сердцѣ. Не потому такъ говорю я, чтобы съ понятіемъ о молитвѣ соединялъ надежду на исполненіе соединенныхъ съ нею обѣтовъ и желаній, но потому, что вѣрю въ ея непосредственное дѣйствіе, въ ея возвышающую, укрѣпляющую и умиряющую силу. Съ нѣкотораго времени это благо не существуетъ для меня. Какъ могъ произойдти такой переворотъ? Это не случайная перемѣна одной только мысли, но коренной, внутренній переворотъ почти всѣхъ основныхъ убѣжденій. Это не то, что называлось у насъ въ двадцатыхъ годахъ разочарованіемъ. Говоря собственно, оно было не разочарованіе, а пресыщеніе очарованіемъ: человѣкъ еще въ раю, но отъ частаго и неумѣреннаго употребленія ему прискучили сладости рая; ему стоитъ отдохнуть и для него опять начинается рай наслажденій. Есть другое разочарованіе—разочарованіе мыслью, которая открываетъ ошибку не въ томъ, что вы вѣрили въ райскія наслажденія, а въ томъ, что вы вѣрили въ самый рай: передъ нею падаетъ ограда, будто бы отдѣляющая рай отъ жизни, и открывается весь обширный горизонтъ жизни, въ которой нѣтъ нигдѣ рая, а есть только райскія минуты. Тутъ есть истинное разочарованіе, потому что ему предшествовало истинное очарованіе, которое имъ совершенно и навсегда отринуто; но это уже не пресыщеніе, а чувство новыхъ потребностей, это не новое искусственное самообольщеніе, а мужественное, хотя и горькое, отрицаніе всякаго обольщенія. Но мысль убиваетъ чувство: вотъ почему въ этомъ состояніи рѣдко можно встрѣтить энергію чувства—оно таетъ отъ дыханія мысли».

II.

Петръ Николаевичъ одаренъ былъ отъ природы не только вѣрнымъ и сильнымъ чувствомъ красоты, но въ извѣстной мѣрѣ и даромъ творчества, какъ доказываютъ его повѣсти, о которыхъ будемъ говорить дальше. Поэтому изящныя искусства доставляли ему самое чистое, самое упоительное наслажденіе. Въ этомъ отношеніи, два года сряду (1843 и 1844 гг.) оказались самыми благосклонными для московскихъ любителей музыки и пѣнія. До того времени Москва имѣла только русскую оперу, репертуаръ которой былъ крайне скуденъ. Можно сказать, что онъ весь заключался въ одной только оперѣ: «Аскольдова

могила», постоянно привлекавшей публику, благодаря удовлетворительному исполненію и болѣе всего прекрасной игрѣ и пѣнію Бантышева, обладавшаго очень пріятнымъ, симпатичнымъ теноромъ. Кто изъ насъ, жившихъ въ то время въ Москвѣ, не восхищался пѣснью Торопки: «Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ?» Но другихъ родовъ и характеровъ сокровища музыкальнаго искусства были намъ совершенно невѣдомы. Съ ними впервые познакомила насъ нѣмецкая оперная труппа, прибывшая въ 1843 г. изъ Петербурга. Въ ней заключались такіе артисты, какъ Ферзингъ и Брейтингеръ [1]), басъ и баритонъ, приводившіе слушателей въ восторгъ. Изъ данныхъ ею оперъ наибольшее впечатлѣніе производила «Жидовка» (Галеви). Это впечатлѣніе предшествовало еще сильнѣйшему: постомъ 1843 г. пріѣхалъ Рубини и далъ три концерта. Хотя голосъ его и потерялъ въ это время свою первоначальную свѣжесть, но все-таки чувствовалось нами, что пѣніе его было совершенствомъ этого искусства. Мы поняли, что человѣческій голосъ есть наилучшій въ мірѣ инструментъ. Какою силою владѣлъ онъ! Сколько въ немъ было энергической страсти, томительной нѣги, невыразимаго очарованія! Вскорѣ послѣ его отъѣзда, пѣвица Мэрти доставляла намъ удовольствіе прекраснымъ исполненіемъ Шубертовыхъ пѣсенъ, особенно серенады. Въ концертахъ ея участвовалъ и Блазъ, знаменитый кларнетистъ, умѣвшій извлекать изъ своего инструмента чистые, мягкіе, «лобзающіе души звуки, отъ которыхъ таетъ сердце». Наконецъ явился Листъ... Однимъ словомъ, никогда въ Москвѣ не собиралось столько первоклассныхъ артистовъ, и мы съ Петромъ Николаевичемъ не пропускали почти ни одного случая, когда тотъ или другой сзывалъ москвичей на свой концертъ, гдѣ выказывался безспорный художественный талантъ.

Пріѣздъ Листа произвелъ, какъ нынѣ говорится, большую сенсацію не только среди любителей музыки, но и въ высшемъ кругу. Нѣкоторыя дамы сильно за нимъ ухаживали. Были слухи, что у двухъ соперницъ дѣло чуть-чуть не дошло до дуэли. А кавалеры, интересовавшіеся этими дамами, въ припадкѣ ревности, мстили ни въ чемъ неповинному художнику пошлыми каламбурами: одинъ изъ нихъ называлъ его солистомъ (soliste—sot Liste).

Въ Листѣ Петръ Николаевичъ видѣлъ идеалъ художника. «По крайней мѣрѣ», писалъ онъ, «ни въ комъ изъ извѣстныхъ мнѣ художниковъ не соединены въ такой степени странныя силы таланта и изученія съ рѣдкими достоинствами человѣка... Я нѣсколько былъ предубѣжденъ не въ пользу его инструмента, которому такъ трудно быть органомъ сердца, голосомъ живаго чувства, ему, созданному, кажется,

---

[1]) Можетъ статься, я ошибаюсь въ ихъ фамиліяхъ. А. Г.

только для блестящей фейерверочной игры звуковъ; но за то тѣмъ ярче свѣтитъ здѣсь огонь божественнаго таланта, тѣмъ ощутительнѣе его вдохновенное присутствіе, когда онъ касается неблагодарнаго инструмента и даетъ чувствовать себя не столько въ мелодіи звуковъ, сколько въ своей собственной силѣ, въ своей непосредственности, какъ бы вырываясь изъ тѣсныхъ предѣловъ инструмента и носясь передъ вами неосязаемымъ геніемъ... Да, мы слышали не фортепьяно: мы слышали самую душу Листа, одну изъ глубочайшихъ человѣческихъ душъ; оттого можетъ быть и дѣйствіе его игры такъ раздражительно, такъ электрически дѣйствуетъ она на нервы». По поводу вторичнаго пріѣзда въ Москву Рубини (1844 г.), Петръ Николаевичъ сравниваетъ впечатлѣніе, произведенное его пѣніемъ, съ «демонической» игрой Листа: «какая огромная разница! Тамъ (у Листа) было какое-то нервическое сотрясеніе, которое насильственно вырывало душу изъ ея обычнаго покоя и бросало въ море тревожныхъ ощущеній; подъ пѣніемъ Рубини уничтожаешься до самозабвенія и сливаешься съ звуками, но въ этомъ уничтоженіи, въ этомъ, такъ сказать, разліяніи души по мелодіи звуковъ есть какая-то невыразимая сладость упоенія».

Въ 1844 г. Москва ждала Рубини и Тамбурини (баритона), но Петербургъ удержалъ ихъ у себя. Вмѣсто нихъ прибыла оперная труппа италіянскихъ артистовъ, въ слѣдующемъ составѣ: теноръ Сальви, сопрано Ассандри, контральтъ синьора Віетти, баритонъ Корради. Сальви по своему чистому, свѣжему и полному голосу, отличавшемуся и энергіей, и сладостью, принадлежалъ къ числу тѣхъ художниковъ, которые совершенно удовлетворяли публику, такъ что заставляли ее вполнѣ предаваться таланту, наслаждаться имъ безъ мысли о какомъ-либо сравненіи. Сравненіе могло приходить въ голову лишь по окончаніи спектакля... Да и съ кѣмъ же было сравнивать? развѣ только съ Рубини. Оперы давались преимущественно двухъ композиторовъ: Доницетти (Лукреція Борджія, Лючія) и Беллини (Пуритане, Сомнамбула). Въ первыхъ Сальви выказывалъ энергію, драматизмъ голоса; во вторыхъ—пріятность и глубокую грусть до такой степени, что кто-то послѣ представленія замѣтилъ: «у него въ голосѣ есть слезы». Любопытно дѣйствіе, произведенное первыми представленіями италіянской оперы на тѣхъ москвичей, которые до того были вовсе съ ней незнакомы. Ихъ охватило чувство недоумѣнія: что это такое — хорошо или нѣтъ? Лучше или хуже того, что они ощущали въ русской оперѣ? Многіе рѣшили, что въ русской оперѣ лучше, потому что она «понятнѣй»—не только по языку, но и по характеру пѣнья. Не таково было впечатлѣніе другихъ, въ томъ числѣ Петра Николаевича. Онъ сразу поддался художественному обаянію. «Слушать италіянскую оперу необходимо»—писалъ онъ своей ученицѣ, «иначе въ жизни чувства

останется огромный пробѣлъ, котораго ничѣмъ не наполнишь». Но какъ для полноты эстетическаго впечатлѣнія требуется извѣстное ознакомленіе съ одними и тѣми же звуками, извѣстная къ нимъ привычка, то понятенъ слѣдующій совѣтъ его: «одинъ разъ слышать оперу—это мало. Это все равно, что первое знакомство съ человѣкомъ, первая встрѣча съ нимъ. Лючію надо слышать десять разъ, и тогда уже говорить о наслажденіи искусствомъ». О его врожденномъ сочувствіи къ изящному, о художественномъ тактѣ свидѣтельствуетъ особенно то, что онъ не удовлетворялся прекраснымъ исполненіемъ отдѣльныхъ мѣстъ оперы, тѣхъ или другихъ музыкальныхъ нумеровъ: онъ требовалъ общаго склада, цѣльной гармоніи, такъ называемаго ensemble, который иногда составлялся италіянскими артистами: «а гдѣ только это есть, тамъ вашъ другъ—простите ему эту невольную слабость—теряетъ все свое равнодушіе, забываетъ даже недалекое горе и отдается наслажденію съ полной свободой». Дѣйствительно такъ, иначе и быть не можетъ, ибо каждое произведеніе искусства есть своего рода организмъ, котораго всѣ органы должны служить одной и той же цѣли—выраженію идеи. Поэтому гармоническое сочетаніе частей въ одно цѣлое и есть главное существенное отличіе художественнаго факта, условіе, безъ котораго нѣтъ изящества.

Но какъ ни любилъ Кудрявцевъ музыку и пѣніе, все же его сердце лежало больше къ словесному изящному искусству. Съ самаго начала переписки онъ обѣщалъ держать свою бывшую ученицу au courant литературнаго движенія, увѣдомлять ее о современныхъ поэтическихъ произведеніяхъ и вновь выходящихъ книгахъ, указывать, а иногда и въ самыхъ письмахъ помѣщать небольшія піесы или отрывки изъ піесъ, обратившихъ на себя его вниманіе. Эта часть писемъ имѣетъ двойной интересъ: выражая взгляды писавшаго на значеніе новыхъ сочиненій и чувства, ими возбужденныя, они также знакомятъ и съ литературнымъ вкусомъ наиболѣе образованныхъ москвичей въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ. Мы находимъ свѣдѣнія о стихотвореніяхъ Фета, пользовавшихся большимъ сочувствіемъ читателей; о первыхъ опытахъ Полонскаго, достоинство которыхъ было впервые оцѣнено Петромъ Николаевичемъ; о новомъ изданіи Лермонтова (1842—44 гг.), заключавшемъ въ себѣ неизвѣстную дотолѣ драму «Маскарадъ». Изъ иностранной литературы часто говорится о Гейне: нѣкоторыя его піесы, исполненныя нѣжности и граціи, помѣщены въ письмахъ. Онъ и Жоржъ-Сандъ, романы котораго часто переводились и помѣщались въ «Отечественныхъ Запискахъ», были любимцами Петра Николаевича. Одинъ изъ этихъ романовъ (Жакъ) надолго заполонилъ его вниманіе. Изъ лицъ нравились ему особенно Жакъ и Сильвія, но Жакъ смущалъ его своимъ величіемъ: «мнѣ кажется», пишетъ онъ, «поэтъ престу-

пилъ здѣсь границы естественности и впалъ въ излишнюю искусственность. Словомъ, Жакъ—лице идеальное, какого никогда не отыщемъ мы въ дѣйствительности, а въ подобныхъ случаяхъ—мнѣ всегда кажется — страдаетъ истина. Сильвія исполнена высокой поэзіи, и однако это лице натуральнѣе, потому что это—женщина. Извиняю-ли я слабости Фернанды? О, всеконечно, всеконечно: уже и потому я прощаю ей все, что въ ней столько натуры, что она свободно отдается чувству своего сердца и не напрягается любить Жака, котораго не можетъ она любить, какъ существо иного разряда. По крайней мѣрѣ, Жакъ въ этомъ случаѣ столько же виноватъ, сколько и она. Да, если онъ могъ ошибиться въ ней и не угадать ея природы, то какъ же было не ошибиться ей и не принять своего уваженія къ нему за любовь?» Впечатлѣніе, произведенное «Жакомъ», вызвало подражаніе ему, именно повѣсть: «Полинька Саксъ», написанную А. В. Дружининымъ и напечатанную въ «Современникѣ». Она читалась съ большимъ, хотя и скоро охладѣвшимъ, интересомъ. Нельзя было не признать таланта въ авторѣ, но выборъ одного изъ главныхъ лицъ (мужа Полиньки) поражалъ читателей странностью и приводилъ ихъ въ недоумѣніе. Оно взято изъ среды чиновниковъ по особымъ порученіямъ. Конечно, отчего же не быть хорошимъ человѣкомъ и такому чиновнику, который, кромѣ того, могъ даже именоваться Яковомъ (тезкой Жака)? Но дѣло въ томъ, что такое лицо противорѣчило понятію о сказанномъ классѣ чиновниковъ,—понятію, сложившемуся на знакомствѣ съ характеромъ ихъ службы, которая большею частію состояла въ ничего недѣланіи или въ дѣланіи пустяковъ. Трудно было повѣрить, чтобы въ ряду подобныхъ субъектовъ могли являться лица, способныя на героическое самоотверженіе Жака. Во всякомъ случаѣ, мужъ Полиньки имѣлъ значеніе не типа, а только рѣдкаго, счастливаго исключенія, всегда мало цѣнимаго въ художественныхъ произведеніяхъ. Для характеристики тогдашняго литературнаго направленія упомянемъ, что образованнымъ читателямъ очень нравились романы и повѣсти, сходственные по мысли съ романомъ Жоржъ-Санда, хотя и прежде него явившіеся, напримѣръ Manon Lescant (аббата Прево) и Wahlverwandschaft (Гете); послѣдній переведенъ и напечатанъ въ «Современникѣ», подъ названіемъ «Оттилія».

Сочиненіе французскаго писателя Сенанкура «Оберманъ» заставило Кудрявцева много передумать и перечувствовать. При своемъ появленіи (1804) оно не произвело впечатлѣнія даже во Франціи, что объясняется направленіемъ умовъ при Наполеонѣ въ такую сторону и на такіе предметы, которые не имѣли ничего общаго съ оригинальнымъ трудомъ автора-мыслителя. Только по паденіи Наполеона, въ 1818 г., слушатели философскихъ лекцій Кузена съ восторгомъ начали

читать его. Статья Сенъ-Бева, приложенная ко второму изданію «Обермана» (1837), опредѣлила его идею и глубину чувствъ. Мы, русскіе, познакомились съ нимъ при третьемъ изданіи (1852), благодаря умному предисловію Жоржъ-Санда; книга читалась нами съ жаднымъ любопытствомъ и воспріимчивостью. Чѣмъ же именно понравилась намъ она? Тѣмъ, что «Оберманъ» есть типъ печальныхъ, страдающихъ душъ начала XIX вѣка, типъ человѣческой немощи и оцѣпенѣнія передъ лицемъ безконечной природы. «Что поставить на мѣсто безконечнаго, чувство котораго живетъ въ душѣ моей и котораго требуетъ моя мысль?» такъ восклицаетъ авторъ или замѣнившій его, придуманный имъ Оберманъ. Желаніе объять необъятное и невозможность исполнить желаніе породили въ немъ сознаніе человѣческой ничтожности, горькое разочарованіе, суровую меланхолію, скуку... Послѣдняя была отличительною болѣзнію не одного Обермана, но и всѣхъ мыслящихъ его современниковъ, и потому книга, о которой идетъ рѣчь, приналлежала къ самымъ истиннымъ твореніямъ эпохи и могла назваться вѣрнымъ зеркаломъ, въ которомъ многіе узнавали себя.

Узнавалъ себя и Кудрявцевъ по своей нѣжной, на все отзывавшейся, внутренней организаціи, по своему расположенію къ меланхоліи, по складу своей мысли, безустанно работавшей. «Оберманъ» не могъ ему не нравиться, какъ человѣку съ головой и сердцемъ. «Его надобно читать по-немногу», пишетъ онъ при посылкѣ книги, «это не словоохотливый романистъ, а умный и задушевный собесѣдникъ, который, при всей скудости содержанія [1]), въ состояніи дать желающему въ нѣсколько минутъ гораздо болѣе, нежели сколько можно взять у иныхъ изъ цѣлаго тома. Какъ съ другомъ бесѣдовалъ я съ Оберманомъ тихо и покойно по нѣскольку минутъ и потомъ, закрывъ книгу, оканчивалъ бесѣду уже одинъ, съ самимъ собою».

Выписываемъ еще нѣсколько мѣстъ изъ тѣхъ писемъ, въ которыхъ характеризуется сущность книги и ея дѣйствіе на мыслящаго читателя.

«Съ перваго раза лице Обермана поражаетъ васъ своею странностью: это—человѣкъ, исполненный глубокой любви къ человѣчеству и въ то-же время не уживающійся съ людьми, ни даже съ природою, хотя онъ первый знатокъ и первый почитатель красотъ ея; въ городѣ ему тѣсно, въ полѣ ему душно; онъ странствуетъ и ничего не дѣлаетъ и горько жалуется на свое бездѣйствіе. Но за то какая дѣятельность безпрестанно происходитъ во внутреннемъ мірѣ этого человѣка! Какъ работаетъ его голова и сердце! Нѣтъ ни одного вопроса, котораго бы онъ не коснулся и на который не взглянулъ бы по своему...

---

[1]) Въ смыслѣ сюжета (фабулы).

«Не жалѣю, что послалъ вамъ Обермана. Не утѣшитъ онъ васъ въ горѣ—это я знаю: слишкомъ тяжелое бремя лежитъ у него самого на сердцѣ. Но что же? Развѣ отъ того онъ менѣе вѣрный другъ въ горѣ? Развѣ можетъ кто-нибудь лучше разсказать тайную исторію вашего же сердца? Развѣ есть кто-нибудь, знающій лучше болѣзни душевныя? А вѣдь это уже половина утѣшенія, когда вы видите человѣка, страдающаго почти тою же болѣзнію. Это не то, чтобы тутъ была недобрая радость видѣть и другого въ такихъ же страданіяхъ, но то, что всегда есть больше сочувствія между людьми, поставленными въ одно положеніе, хотя бы мы даже знали такихъ только изъ книги, нежели между тѣми, у которыхъ въ положеніи нѣтъ ничего общаго, какъ бы ни близко были они поставлены другъ къ другу жизнью. А всякое сочувствіе есть даръ. Вѣдь это не пустая фраза, когда Оберманъ говоритъ, что прожилъ въ одну ночь нѣсколько лѣтъ. Это не ложь, которая не въ его природѣ, дышащей одной истиной. Прожить въ одну ночь нѣсколько лѣтъ... какое море чувствъ должно было пройти черезъ это сердце, чтобы оно могло сказать такое слово! Какая страшная способность жить сердцемъ и мыслію, и какъ бѣдна, какъ пуста кажется эта жизнь! Но нѣтъ—она не бѣдна и не пуста: въ ней каждый шагъ есть живая мысль, каждое слово—звукъ сердца, которое въ одну ночь можетъ прожить нѣсколько лѣтъ. Гдѣ же, скажите, вокругъ насъ такія натуры? Нѣтъ, я не жалѣю, что познакомилъ васъ съ Оберманомъ. Не все же искать сладкихъ знакомствъ—это можетъ быть, наконецъ, приторно. Лучше пусть я буду плакать съ кѣмъ-нибудь, нежели ни съ кѣмъ не радоваться: все же это больше по-человѣчески.

«Никто такъ какъ Оберманъ не разскажетъ вамъ самыхъ глубокихъ тайнъ вашего же собственнаго сердца. На что у насъ есть только звуки, у него готовы слова. И какія слова? Слова, которыя мы всѣ знаемъ, которыми мы говоримъ другъ съ другомъ и которыя у него получаютъ новый смыслъ, впрочемъ не менѣе понятный всякому, у кого только есть умъ и сердце. Въ чемъ же тутъ тайна? Это тайна таланта, но таланта рѣдкаго, и книга Обермана тѣмъ дороже, что подобные ему люди, богатые внутренними откровеніями, не любятъ публиковать своихъ тайнъ, дѣлать ихъ гласными, тѣмъ менѣе предавать ихъ тисненію. Много самой задушевной откровенности и у Руссо, человѣка, который не постыдился обнаружить передъ свѣтомъ всей своей внѣшней и внутренней жизни, который добровольно исповѣдался всему свѣту, какъ исповѣдуются духовнику, но въ сравненіи съ Оберманомъ вы найдете его болтливымъ».

Такимъ образомъ талантъ чувствовать и понимать изящное не былъ зарытъ Кудрявцевымъ въ землю; напротивъ, все время своей жизни—къ сожалѣнію недолгое, всего 42 года—онъ постоянно изощрялъ его—

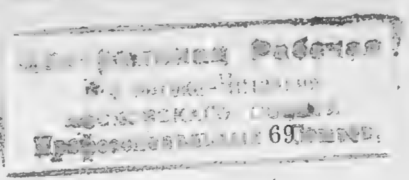
и благо ему! Благо каждому, кто до самыхъ позднихъ лѣтъ сохранилъ способность «порой упиваться гармоніей, порой обливаться слезами надъ вымысломъ»! Въ немъ не умиралъ человѣкъ, какъ образъ Божества, отражающій въ себѣ изящество, истину и благо.

III.

Кромѣ способности воспринимать изящное, Петръ Николаевичъ былъ одаренъ и способностью поэтическаго творчества, хотя не въ большой степени. Фантазія его, по его собственному сознанію, была слишкомъ скудна и немощна, чтобы произвести нѣчто классическое: довольно и того, что ея легкіе образы могли въ свое время нравиться. Послѣ повѣсти («Флейта»), удачно передавшей чувство отроческой любви, Бѣлинскій возлагалъ большія надежды на автора. Изъ другихъ повѣстей замѣчательны «Послѣдній визитъ» и «Безъ разсвѣта». По своей мягкой, женственной натурѣ Кудрявцевъ давалъ главное мѣсто женскимъ лицамъ: ему легче было входить въ ихъ характеръ, чѣмъ въ характеръ своего брата—мужчины. Всѣ симпатіи его склонялись къ слабой половинѣ человѣческаго рода, по своему зависимому, стѣсненному положенію возбуждающей особенное вниманіе гуманныхъ натуръ. Замѣчательно, что и предметомъ своихъ историческихъ разсказовъ онъ выбралъ женщинъ римскихъ. Разсказы эти, какъ извѣстно, имѣли успѣхъ. Сочувствіе къ «женскому вопросу» было сильно въ немъ развито. Сюжетомъ повѣсти «Безъ разсвѣта», написанной въ Берлинѣ и напечатанной въ «Современникѣ» 1847 г., послужила дѣйствительная исторія, къ которой авторъ не могъ оставаться равнодушнымъ по родственнымъ и дружескимъ отношеніямъ, не говоря уже объ общечеловѣческихъ. Героиня повѣсти — его кузина, выросшая на его глазахъ и находившаяся подъ его образовательнымъ вліяніемъ Отецъ выдалъ ее за человѣка, по его мнѣнію, со всѣми достоинствами, а по мнѣнію дочери — недостойнаго. Но ея согласія не спрашивали. Голосъ матери, взявшей на себя заступничество, затерялся въ хорѣ мужскихъ голосовъ, и бѣдная дѣвушка, изъ любви къ отцу, согласилась принести печальную жертву, хотя такія жертвоприношенія, какъ доказалъ опытъ, ни къ чему хорошему не приводили. На Петрѣ Николаевичѣ тяжело отозвалось это подневольное замужество, тѣмъ болѣе, что на его кузину имѣлъ уже виды хорошій молодой человѣкъ, котораго и она тоже любила. Сюда-то относятся слѣдующія слова героини въ письмѣ къ ея подругѣ: «какъ можно иногда однимъ разомъ убить все, что человѣку дорого въ жизни, не оставить ему даже и луча надежды! За что же, еще на половинѣ жизни, осуждена я потерять все

свое будущее, погубить его даромъ, пожертвовать имъ другому? Хорошо приносить жертвы любви, ей—всепрощающей и всевосполняющей; но жертвовать собою, не любя—этого я не умѣю понять». Повѣсть эта сначала привела Бѣлинскаго въ восторгъ: «Чудесная вещь! глубокая вещь! Это—судьба, жизнь, положеніе русской женщины нашего времени! Характеръ героини выдержанъ, а муженекъ и любовникъ ея—чудо совершенства». Но очень скоро затѣмъ послѣдовало охлажденіе. Повѣсть не имѣла успѣха въ Петербургѣ, что удивляло Бѣлинскаго. Недоумѣніемъ своимъ онъ дѣлился съ В. П. Боткинымъ и И. С. Тургеневымъ. Къ первому онъ пишетъ: «повѣсть Кудрявцева никому не нравится. Поди ты тутъ!», а ко второму: «повѣсть Кудрявцева не имѣла никакого успѣха: откуда ни послышишь — не то, что бранятъ, а холодно отзываются». Дѣло, мнѣ кажется, объясняется просто чрезмѣрнымъ увлеченіемъ Бѣлинскаго повѣстями Кудрявцева; а что повѣсть «Безъ разсвѣта» не понравилась кружку литераторовъ, въ которомъ критикъ жилъ и дѣйствовалъ, это можно объяснить перемѣною вкуса, или вѣрнѣе, другими требованіями отъ беллетристовъ. Требовали характеровъ болѣе оригинальныхъ, необыкновенныхъ; требовали не столько преданности элегическимъ чувствамъ, погруженія въ нихъ, сколько умѣнья отрѣшаться отъ чувства безъ сожалѣнія и безъ раскаянія. Намъ хорошо помнится впечатлѣніе, произведенное повѣстью Тургенева «Андрей Колосовъ», явившеюся за два или за три года до «Разсвѣта». Всѣмъ нравилась рѣшимость Колосова,—то, что онъ не возвращался къ минувшему. По нѣскольку разъ читали его оправдательныя слова въ отвѣтъ на укоръ одного изъ дѣйствующихъ лицъ: «Варя прекрасная дѣвушка и ни въ чемъ передо мной не виновата. Я пересталъ ходить къ ней по весьма простой причинѣ: я разлюбилъ ее, Богъ знаетъ отчего... Что-жъ? ты мнѣ прикажешь притворяться, прикидываться влюбленнымъ? Изъ чего? Изъ жалости къ ней? Если она порядочная дѣвушка, такъ она сама не захочетъ такой милостыни, а если она рада тѣшиться моимъ участьемъ—такъ чортъ-ли въ ней?» Вотъ какое лице начертано нашимъ первоклассным художникомъ! Что передъ этимъ естественнымъ, необыкновеннымъ лицемъ, какъ называется Колосовъ въ повѣсти, значитъ героиня «Безъ разсвѣта»—одна изъ десяти тысячъ подобныхъ субъектовъ?

Читатели и въ особенности читательницы, интересовавшіяся Петромъ Николаевичемъ, думали примѣнять его повѣсти къ нему самому, къ обстоятельствамъ его собственной жизни. Но они очень ошибались. Если въ этихъ повѣстяхъ и отражался ихъ авторъ, то не внѣшнимъ образомъ, а внутреннимъ, то есть не біографическими фактами, а моральнымъ настроеніемъ, душевными состояніями. Правда, рѣдкій изъ его разсказовъ не былъ плодомъ начинавшагося движенія чувства

любви. Но простирать личное примѣненіе дальше этого—значило бы терять напрасно время. За первыми же словами дѣйствовала фантазія, мечта, въ которой не оказывалось и тѣни дѣйствительности. Этого мало: автору стоило только приступить къ разсказу, чтобы положить конецъ движенію своего собственнаго чувства, такъ что разсказъ былъ почти всегда и гробомъ этого чувства. Это странно, но тѣмъ не менѣе и истинно: значитъ, странность лежала въ природѣ автора, а природы не измѣнишь. Ученицѣ Кудрявцева очень хотѣлось узнать повѣсть его жизни, въ которой, какъ полагала, любовь играетъ важную роль. Отвѣтомъ ей служили слѣдующія строки:

«Въ моей жизни нѣтъ повѣсти; есть только нѣсколько отдѣльныхъ, разрозненныхъ страницъ, но и тѣ безъ колорита. Эта жизнь была бѣдна, безцвѣтна: ни большого горя; ни радости безъ границъ; все въ порядкѣ вещей, ровно и большею частію весьма постепенно, но всегда такъ безстрастно, и потому такъ пусто и глупо. Едва есть нѣкоторыя мгновенія, къ которымъ еще привязано воспоминаніе; но и они такъ легки, такъ эѳирны, что съ каждымъ годомъ теряютъ для меня свою цѣну и—я боюсь—современемъ изгладятся вовсе... Странно, однако-жъ: ничего, почти ничего не имѣть въ прошедшемъ и ровно столько же видѣть въ будущемъ».

Какъ въ повѣстяхъ, такъ и въ письмахъ Петра Николаевича, при всей его неохотѣ говорить о себѣ и раскрывать событія своей жизни—внѣшней и внутренней, есть однако-жъ нѣкоторыя указанія на тѣ и другія. Онъ не смотрѣлъ на нихъ, какъ на завѣтныя, священныя тайны, но просто не любилъ толковать о нихъ, выставлять ихъ какъ нѣчто важное, имѣющее право быть интереснымъ не для него одного, но и для другихъ. Но мы не послѣдуемъ его примѣру, потому что обязаны знакомить со всѣмъ, что можетъ уяснить личность, дорогую для насъ и для всѣхъ его знавшихъ.

Петръ Николаевичъ рано лишился матери, и это лишеніе чувствовалось имъ постоянно, ибо оставило печальные слѣды на всю его жизнь. Вотъ что говорится имъ объ этомъ въ двухъ письмахъ:

«Какъ счастливы дѣти, которыхъ первое образованіе совершилось подъ вліяніемъ прекрасной женской души! Завидую имъ. Такое счастіе дается немногимъ. По крайней мѣрѣ я не зналъ его. Рука матери ласкала меня немного; смерть отняла ее такъ рано, что я не унесъ ни одной ея черты въ своей памяти. И я бы до сихъ поръ горько жаловался на этотъ существенный недостатокъ въ моемъ воспитаніи, если бы ему не помогала моя натура, довольно счастливо организованная».

Отецъ Петра Николаевича, личность добрая и почтенная, при всей своей попечительности о сынѣ, не могъ замѣнить ею любви материнской, той любви, которая особенно дорога и необходима въ періоды

дѣтства и отрочества. Онъ былъ окруженъ добрыми родственниками, которыхъ любилъ. «Но какъ ни близки наши родственныя отношенія»—говоритъ онъ—«они не уничтожаютъ многихъ разностей въ нашихъ симпатіяхъ. Сестрамъ за ихъ искреннюю любовь плачу тѣмъ же, но не думаю, чтобы самая искренняя братская любовь была одно и то же съ довѣренностью дружбы». Лишенный счастія имѣть своимъ первымъ воспитателемъ сердце женщины—сердце матери, Петръ Николаевичъ обнаруживалъ излишнюю недовѣрчивость къ себѣ самому и къ другимъ, постоянную осторожность, если не робость, въ чемъ самъ сознается и за что во многихъ мѣстахъ переписки осуждаетъ себя, хотя скорѣе слѣдовало бы осудить природу, которая одного производитъ экспансивнымъ, а другого замыкаетъ въ немъ самомъ. Какъ бы то ни было, а дѣло въ томъ, что Петръ Николаевичъ роптал на себя за свою скрытность и неподатливость чувствамъ, за свое благоразуміе, за то, что голосъ разсудка бралъ у него всегда верхъ надъ инстинктомъ, надъ влеченьемъ чувства.

«Вините мою натуру. Взаимности нѣтъ въ ней. При всѣхъ своихъ хорошихъ свойствахъ, она осуждена на вѣчное уединеніе въ самое себя, на вѣчное заключеніе въ своемъ личномъ, нераздѣляемомъ чувствѣ. Боязливая, недовѣрчивая къ самой себѣ натура, которая не сдѣлаетъ ни одного движенія, не скажетъ ни одного слова безъ того, чтобы тотчасъ не остановить себя, не ограничить и не наложить узды на самое слово. Она хочетъ, отъ всей души хочетъ, чтобы въ этихъ отношеніяхъ царствовала полная искренность, и однако не вѣритъ, не смѣетъ вѣрить себѣ, чтобы они и въ самомъ дѣлѣ вполнѣ были искренни, зная по опыту, какъ мало она можетъ довѣрять себя. Я чувствую—никогда не увлекусь я до страсти, никогда не увлекусь до самозабвенія. Жалкая организація!

«Не спѣшите дѣлать мнѣ новый упрекъ за то, что я только призываю васъ къ удовольствіямъ и не хочу раздѣлить ихъ съ вами, не хочу раздѣлить даже просто времени,—не спѣшите: довольно ихъ я дѣлаю себѣ—и остаюсь по прежнему «благоразумнымъ». Нечаянно вы сказали великую правду: «vous êtes trop prudent». Такъ слишкомъ, что не умѣю быть неблагоразумнымъ. О, не дай Богъ вамъ быть столько благоразумнымъ. Это значитъ—постоянно водить чувство на привязи и никогда, никогда не давать ему простора. Это значитъ—заранѣе похоронить его въ себѣ и быть ему вѣчнымъ тюремщикомъ. Плохая должность, признаться—оскорбительная для другихъ, тяжелая для самого себя!»

А. Д. Галаховъ.

С.-Петербургъ.
27-го октября 1884 г.

РОД. 1-ГО ІЮЛЯ 1806 Г.

Андрей Ивановичъ Подолинскій

СОБРАНІЕ

НЕИЗДАННЫХЪ ЕГО СТИХОТВОРЕНІЙ

1830—1884 гг.

Съ приложеніемъ портрета автора
(1847 г.).

КІЕВЪ.
1885 г.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ПОДОЛИНСКІЙ

собраніе его неизданныхъ стихотвореній.

1830—1884.

Въ апрѣлѣ 1884 года мы были истинно порадованы присылкою къ намъ прелестнаго стихотворенія, озаглавленнаго: „Бывшимъ Тургеневскимъ крѣпостнымъ", написаннаго по случаю похоронъ знаменитаго писателя.

Стихотвореніе принадлежало Андрею Ивановичу Подолинскому и явилось на страницахъ „Русской Старины" изд. 1884 г., т. XLII, май, стр. 405.

Андрей Ивановичъ Подолинскій, нынѣ старѣйшій русскій поэтъ (род. 1 іюля 1806 г.), единственный представитель эпохи Пушкина. Талантливыя произведенія музы Подолинскаго, явившіяся въ печати въ концѣ 1820-хъ годовъ, были встрѣчены похвалами и одобреніемъ Пушкина и всего русскаго общества; съ тѣхъ поръ онѣ вошли въ сборники лучшихъ произведеній русскихъ поэтовъ, перешли въ хрестоматіи, заучивались наизусть и до нынѣ Подолинскій принадлежитъ къ наиболѣе даровитымъ и симпатичнымъ поэтамъ.

Съ чувствомъ искренняго уваженія обратились мы къ маститому представителю русскихъ поэтовъ съ убѣдительнѣйшею просьбою сообщить на стр. „Русской Старины" какъ неизданныя его стихотворенія, такъ и нѣкоторыя данныя для его біографіи.

Андрей Ивановичъ былъ столь обязателенъ, что сообщилъ намъ собраніе его поэтическихъ произведеній, до сихъ поръ неизданныхъ, а на наши вопросы о его біографіи доставилъ нѣсколько краткихъ свѣдѣній.

Приводимъ, прежде всего, автобіографическую его замѣтку; въ дополненіе къ ней помѣщаемъ уже бывшіе въ печати отрывки изъ воспоминаній Андрея Ивановича Подолинскаго, именно о встрѣчѣ его съ Пушкинымъ; затѣмъ выдержку изъ статьи Н. В. Гербеля о нашемъ писателѣ изъ сборника „Русскіе поэты"; также выдержку изъ одного польскаго изданія 1830 годовъ съ отзывомъ о поэзіи Подолинскаго и проч.

Затѣмъ помѣщаемъ сорокъ шесть неизданныхъ стихотвореній Андрея Ивановича Подолинскаго.

Мы вполнѣ увѣрены, что читатели „Русской Старины" съ тѣмъ же удовольствіемъ, съ какимъ мы печатаемъ эти стихотворенія, прочтутъ произведенія маститаго поэта, поэтическая дѣятельность котораго вызывала восторгъ

въ современникахъ Пушкина, а также похвалы и одобренія самого великаго поэта; читатели, конечно, замѣтятъ, что многія изъ стихотвореній А. И. Подолинскаго дышутъ искренностью чувства, увлекаютъ прекраснымъ стихомъ и вполнѣ художественными поэтическими образами. Юмористическія его произведенія добродушно веселы и остроумны.

Приводимъ всѣ эти стихотворенія въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они расположены и затѣмъ двукратно просмотрѣны въ корректурѣ самимъ поэтомъ. Ред.

I.

Я родился въ Кіевѣ 1-го іюля 1806 года. Первоначальное воспитаніе получилъ въ Кіевѣ же, въ частномъ, отлично веденномъ, пансіонѣ германскаго уроженца Графа,—человѣка, котораго рѣдкія достоинства я могъ оцѣнить вполнѣ только впослѣдствіи и о которомъ и до сихъ поръ вспоминаю съ глубочайшею признательностію. Въ 1821 году я былъ помѣщенъ въ С.-Петербургскій университетскій благородный пансіонъ и въ іюлѣ 1824 года выпущенъ съ высшей наградой,—правомъ на чинъ 10-го класса.

Уже въ пансіонѣ Графа возбуждена была во мнѣ любовь къ поэзіи. Одинъ изъ преподавателей, весьма образованный свитскій (генеральнаго штаба) офицеръ, Александръ Федоровичъ Фурманъ, постепенно знакомилъ насъ, еще дѣтей, увлекая своимъ превосходнымъ чтеніемъ, съ тогдашнею современной и предшествовавшей ей русской литературой. Онъ заставлялъ заучивать стихи Жуковскаго, Батюшкова, Крылова и вообще нашихъ лучшихъ поэтовъ и, между прочимъ, чтобы насъ позабавить, прочелъ наизусть всего Трумфа, какъ отличный драматическій артистъ. Не мудрено, что двѣнадцати-тринадцати лѣтъ проявлялись уже и мои собственные порывы, а дальнѣйшіе литературные опыты продолжались въ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ я написалъ двѣ-три повѣсти въ стихахъ и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. Но я умѣлъ сознавать ихъ незрѣлость и не только не осмѣливался мечтать о печати, но даже старался скрывать ихъ и отъ большинства товарищей.

Въ службу вступилъ я въ 1824 году немедленно по выпускѣ изъ университетскаго пансіона и почти тотчасъ же былъ опредѣленъ секретаремъ при директорѣ почтоваго департамента, при которомъ занимался и по существовавшему тогда библейскому обществу, оставаясь въ Петербургѣ до отъѣзда въ 1831 году въ Одессу, гдѣ я получилъ мѣсто помощника начальника VII почтоваго округа, въ составъ котораго входилъ весь Новороссійскій край.

Служба въ Петербургѣ не мѣшала мнѣ увлекаться и любимымъ занятіемъ, но все, что я тогда писалъ, не выходило изъ тѣснаго дружескаго круга, состоявшаго преимущественно изъ наиболѣе образованныхъ пансіонскихъ товарищей, между которыми проявлялись литературныя и замѣчательныя музыкальныя дарованія.

Въ печати мое имя стало извѣстно только въ 1827 году, когда я рѣшился издать мою первую поэму Дивъ и Пери. За нею послѣдовали повѣсти въ стихахъ: въ 1829 г. Борскій и въ 1830 г. Нищій, котораго все изданіе было куплено книгопродавцемъ Смирдинымъ. Право на второе изданіе этихъ повѣстей пріобрѣтено было кіевскимъ книгопродавцемъ Литовымъ, напечатано имъ въ 1837 году и озаглавлено Повѣсти и мелкія стихотворенія, такъ какъ въ него вошли и мои стихотворенія, разбросанныя въ разныхъ альманахахъ: «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» Дельвига, «Невскомъ Альманахѣ» Аладьина, «Альбомѣ Сѣверныхъ Музъ» Ивановскаго, «Кіевлянинѣ» Максимовича, «Кометѣ Бѣла» NN, «Новогодникѣ» Кукольника, «Одесскомъ Альманахѣ» 1831 года Морозова и Розберга, Одесскомъ же Альманахѣ 1840 г. Княжевича и «Утренней Зарѣ» Владиславлева.

Въ журналахъ было мною помѣщено только въ 1837 году въ «Современникѣ», издаваемомъ тогда Жуковскимъ, посвященное памяти Пушкина стихотвореніе Переѣздъ чрезъ Яйлу, въ которомъ, благодаря цензурѣ, были замѣнены точками многіе стихи, въ томъ числѣ и относившіеся прямо къ Пушкину: «Онъ избранникъ, увѣнчанный въ народѣ» и пр.

Кромѣ этого, напечатаны въ 1837 году въ «Библіотекѣ для чтенія», пріобрѣтенныя Смирдинымъ, поэма Смерть Пери и въ 1838 г. Дружба; въ 1854 г. въ «Русскомъ Инвалидѣ» стихи: Передъ войной и въ 1855 г. два стихотворенія въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Затѣмъ въ 1860 г. вышло, подъ наблюденіемъ Николая Герасимовича Устрялова, третье изданіе моихъ сочиненій, въ 2-хъ частяхъ.

Все, написанное мною послѣ этого, оставалось до сихъ поръ не изданнымъ [1]).

Получили извѣстность только посланные мною стихи, по случаю юбилея с.-петербургскаго университета, 8 октября 1869 года.

Стихотвореніе это, розданное въ отдѣльныхъ оттискахъ всѣмъ 750 присутствовавшимъ на юбилейномъ обѣдѣ С.-Петербургскаго университета 8 февраля 1869 года, было потомъ напечатано въ книгѣ, оза-

---

[1]) Изъ нихъ сорокъ шесть стихотвореній являются въ настоящей книгѣ „Русской Старины", изд. 1885 г., январь; прочее явится въ послѣдующихъ книгахъ нашего же изданія. Ред.

главленной «Юбилейный Актъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета». Собравшееся же къ празднеству общество, въ тотъ же вечеръ, отозвалось ко мнѣ въ двухъ телеграммахъ такъ сочувственно, какъ я вовсе не смѣлъ ожидать.

Въ память этого юбилея выбита медаль и на ней помѣщены изъ моего стихотворенія два заключительные стиха:

Гдѣ высоко стоитъ наука
Стоитъ высоко человѣкъ!

А. И. Подолинскій.

Примѣчаніе ред. Вотъ тѣ телеграммы, о которыхъ упоминаетъ нашъ маститый поэтъ:

— Кіевъ. Андрею Ивановичу Подолинскому. 750 старыхъ студентовъ, празднующіе за общимъ обѣдомъ юбилей Петербургскаго университета, приведены въ восторгъ вашимъ поэтическимъ откликомъ юбилею. Они сердечно благодарятъ васъ, жалѣютъ о вашемъ отсутствіи и заочно обнимаютъ. Распорядители обѣда: И. И. Домонтовичъ, М. Н. Любощинскій, М. Ф. Гедда, А. С. Вороновъ, В. Е. Краузольдъ, графъ К. И. Паленъ, Д. Б. Бергъ, графъ Н. Ф. Литке. Петербургъ, въ залѣ Дворянскаго собранія. 8 го февраля 1869 года.

— Кіевъ. Андрею Подолинскому. Благодаримъ, помнимъ, гордимся вашими прекрасными произведеніями отъ имени наставниковъ и товарищей бывшаго благороднаго при Петербургскомъ университетѣ пансіона. 8 февраля 1869 года. Александръ Струговщиковъ. Спб. Никольская, д. Пеля.

II [1]).

Знакомство съ А. С. Пушкинымъ и бар. А. И. Дельвигомъ.

«...Я съ раннихъ поръ далъ себѣ слово избѣгать всякой журнальной стачки, не входить ни въ какую полемику и не принадлежать ни къ какой исключительной литературной партіи. Да и вообще я мало водился съ записными литераторами, предпочитая имъ знакомства въ обществѣ, а въ особенности небольшой товарищескій кругъ по университетскому пансіону. Нѣкоторые изъ составлявшихъ эти дружескія сходки, называвшіяся у насъ ассамблеями, имѣли впослѣдствіи почетную извѣстность, а геніальный М. И. Глинка постоянно въ нихъ участвовалъ и часто приводилъ въ восторгъ или возбуждалъ общую веселость своими вдохновенными импровизаціями.

Если же до размолвки моей съ барономъ Дельвигомъ, о которой упомяну

[1]) Помѣщаемая здѣсь статья есть отрывокъ изъ разсказа А. И. Подолинскаго, напечатаннаго въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872 г. Ред.

ниже, я посѣщалъ постоянно его еженедѣльные вечера, этому были совершенно другія причины. Небольшое, собиравшееся у барона, общество мнѣ вообще нравилось, и въ особенности въ немъ пріятны были нерѣдкія встрѣчи съ Пушкинымъ и Мицкевичемъ [1]), доставившія мнѣ возможность нѣсколько ближе съ ними сойтись.....

На этихъ же вечерахъ мнѣ неоднократно случалось слышать продолжительныя и упорныя пренія Пушкина съ Мицкевичемъ, то на русскомъ, то на французскомъ языкѣ. Первый говорилъ съ жаромъ, часто остроумно, но съ запинками, второй тихо, плавно и всегда очень логично.

Мицкевича я встрѣтилъ въ первый разъ на вечерѣ у В. Н. Щастнаго, хорошаго переводчика нѣсколькихъ его стихотвореній [2]). Поэтъ, тогда уже знаменитый, молча курилъ въ уголку, такъ что я не вдругъ его замѣтилъ. Когда же былъ ему представленъ, онъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе своею скромною привѣтливостію и добродушною простотою обращенія. Послѣ этого знакомства я бывалъ и у него и всегда съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ сороковыхъ годахъ, по напечатаніи моей поэмы «Смерть Пери», какой-то пріѣзжій изъ Варшавы сообщилъ моему отцу помѣщенный въ одномъ изъ польскихъ журналовъ переводъ большого отрывка изъ этой поэмы, увѣряя, что онъ переведенъ Мицкевичемъ. Справедливо-ли это, я, къ сожалѣнію, не имѣлъ возможности удостовѣриться, но переводъ вѣренъ и необыкновенно хорошъ.

Въ 1824 году, по выпускѣ изъ Петербургскаго университетскаго пансіона, я ѣхалъ, въ концѣ іюля, съ Н. Г. К. къ роднымъ моимъ въ Кіевъ. Въ Черниговѣ мы ночевали въ какой-то гостинницѣ. Утромъ, войдя въ залу, я увидѣлъ въ сосѣдней, буфетной комнатѣ, шагавшаго вдоль стойки молодого человѣка, котораго, по мѣсту прогулки и по костюму, принялъ за полового. Нарядъ былъ очень не представительный: желтые, нанковые, небрежно надѣтые шаровары и русская цвѣтная, измятая рубаха, подвязанная вытертымъ, чернымъ шейнымъ платкомъ; курчавые, довольно длинные и густые волосы развѣвались

---

[1]) Однажды у Дельвига, проходя гостиную, я былъ остановленъ словами Пушкина, подлѣ котораго сидѣлъ Шевыревъ: „Помогите намъ состряпать эпиграму"... Но я спѣшилъ въ сосѣднюю комнату и упустилъ честь сотрудничества съ поэтомъ. Возвратясь къ Пушкину, я засталъ дѣло уже оконченнымъ. Это была знаменитая эпиграмма: „Въ Элизіи Василій Тредьяковскій". Насколько помогъ Шевыревъ—я, конечно, не спросилъ.

Въ другой разъ, у Дельвига же, Пушкинъ сталъ, шутя, сочинять пародію на мое стихотвореніе. А. П.

[2]) Ред. „Русской Старины" пріобрѣла отъ вдовы Щастнаго нѣсколько замѣчательныхъ и обширныхъ автографовъ А. С. Пушкина. Ред.

въ безпорядкѣ. Вдругъ эта личность быстро подходитъ ко мнѣ съ вопросомъ:

— «Вы изъ Царскосельскаго лицея?» На мнѣ еще былъ казенный сюртукъ, по формѣ одинаковый съ лицейскимъ.

Сочтя любопытство полового неумѣстнымъ и не желая завязывать разговоръ, я отвѣчалъ довольно сухо.

— «А! Такъ вы были вмѣстѣ съ моимъ братомъ», возразилъ собесѣдникъ.

Это меня озадачило и я уже вѣжливо просилъ его назвать мнѣ свою фамилію.

— «Я Пушкинъ; братъ мой Левъ былъ въ вашемъ пансіонѣ».

Слава Пушкина свѣтила тогда въ полномъ блескѣ, вся молодежь благоговѣла предъ этимъ именемъ, и легко можно себѣ представить, какъ я, семнадцатилѣтній школьникъ, былъ обрадованъ неожиданною встрѣчею и сконфуженъ моею опрометчивостію.

Тѣмъ не менѣе мой спутникъ и я скоро съ нимъ разговорились. Онъ разсказалъ намъ, что ѣдетъ изъ Одессы въ деревню, но что усмиреніе его не совсѣмъ еще кончено и, смѣясь, показалъ свою подорожную, гдѣ по порядку были прописаны всѣ города, на какіе именно онъ долженъ былъ ѣхать. Затѣмъ онъ попросилъ меня передать въ Кіевѣ записку генералу Раевскому, тутъ же имъ написанную. Надобно было ее запечатать, но у Пушкина печати не оказалось. Я досталъ свою, и она пришлась кстати, такъ какъ вырѣзанныя на ней буквы А. П. какъ разъ подходили и къ его имени, и фамиліи. Признаюсь, эта случайность суевѣрно меня порадовала; я въ тихомолку начиналъ уже рифмовать и потому видѣлъ въ такой тождественности счастливое для себя предзнаменованіе.

Описанная встрѣча не была однакожъ началомъ моего знакомства съ Пушкинымъ. Онъ вскорѣ забылъ и самую мою фамилію, какъ я могъ удостовѣриться изъ того, что когда въ 1827 году появилась моя первая поэма «Дивъ и Пери», повѣсть въ стихахъ, Спб., 1827, 8°, Пушкинъ приписывалъ ее то тому, то другому изъ извѣстныхъ уже въ то время поэтовъ, будто бы скрывшемуся подъ псевдонимомъ. Онъ разувѣрился только тогда, когда по изданіи моей второй повѣсти, я, при выходѣ изъ театра, былъ ему представленъ, помнится, Булгаринымъ, съ которымъ онъ не былъ еще въ открытой войнѣ. Пушкинъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо и имѣлъ любезность насказать мнѣ много лестнаго. Съ тѣхъ поръ знакомство наше продолжалось, но не долго, такъ какъ года черезъ два я оставилъ Петербургъ.

Перехожу теперь къ тому, что было напечатано о моей размолвкѣ съ барономъ Дельвигомъ. Въ статьѣ г. Гаевскаго о Дельвигѣ, помѣщенной въ «Современникѣ», говорится, что я разсердился на барона за

его рецензію на мою поэму Нищій. Поэтому можно бы меня обвинить въ раздражительномъ самолюбіи; но я, по совѣсти, могу сказать, что это было бы совершенно несправедливо. Разскажу какъ было въ дѣйствительности.

Избалованный дружбою Пушкина, баронъ Дельвигъ до того ревновалъ къ славѣ великаго поэта, отражавшейся косвенно и на немъ, что малѣйшій успѣхъ другого начинавшаго поэта его уже тревожилъ. При томъ онъ принялъ на себя роль какого-то Аристарха и имѣлъ притязаніе, чтобы посѣщавшіе его, въ особенности юные литераторы спрашивали его совѣтовъ, и обижался, если они ихъ не слушали. Я же не любилъ никому навязывать чтеніе моихъ произведеній и, не слишкомъ довѣряя непогрѣшимости Дельвиговской критики, не счелъ необходимымъ предъявить барону въ рукописи мою новую поэму, о которой (мнѣ на бѣду) неосторожные друзья успѣли оповѣстить черезчуръ восторженно.

Дельвигъ не простилъ мнѣ, какъ онъ полагалъ, моей самоувѣренности, а въ преждевременныхъ отзывахъ о моемъ новомъ трудѣ нѣкоторыя, вполнѣ сознаю, неумѣстныя сравненія раздражили его тѣмъ болѣе, что подобныя сравненія были уже прежде высказаны въ одномъ изъ тогдашнихъ московскихъ журналовъ. Онъ вывелъ заключеніе, что я много о себѣ возмечталъ и что, поэтому, надобно, какъ тогда говорилось, порядочно меня отдѣлать.

Плодомъ такой, совершенно неосновательной, догадки и была рецензія, написанная Дельвигомъ, не совсѣмъ добросовѣстно и съ явнымъ намѣреніемъ уколоть меня побольнѣе.

Дружеская услуга такого рода не могла мнѣ быть пріятною; но главное дѣло не въ ней, а единственно въ томъ, что рецензія печаталась въ Дельвиговской «Литературной газетѣ» въ тотъ самый вечеръ, который, по обыкновенію, я проводилъ у барона и въ который онъ былъ со мною, по обыкновенію же, дружелюбенъ, не упомянувъ однако же ни слова о приготовленной на меня грозѣ, чего при нашихъ отношеніяхъ онъ не долженъ былъ бы сдѣлать, если бы не допускалъ оскорбительной для меня мысли, что я, быть можетъ, стану просить объ уничтоженіи или, по крайней мѣрѣ, о смягченіи его злой филиппики.

Вотъ что собственно охладило меня къ барону, разсѣявъ и мое заблужденіе о пріязни его ко мнѣ. Но я не сказалъ ему ни слова; на рецензію, по моему обыкновенію, не возражалъ, а только пересталъ у него бывать. Впослѣдствіи Дельвигъ сознаіъ, что онъ былъ не правъ, потому что, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, встрѣтивъ меня на улицѣ, первый подалъ мнѣ руку. Но это было почти наканунѣ моего выѣзда изъ Петербурга, а вскорѣ онъ умеръ, о чемъ я узналъ уже въ Одессѣ.

III.

Замѣтки Н. В. Гербеля.

...Въ 1827 году вышла въ свѣтъ первая поэма Подолинскаго «Дивъ и Пери», встрѣченная единодушными похвалами журналовъ. Этотъ успѣхъ свелъ его съ нѣкоторыми изъ литераторовъ, въ томъ числѣ съ Пушкинымъ и Дельвигомъ, изъ которыхъ первый отнесся къ нему при встрѣчѣ самымъ радушнымъ образомъ, а со вторымъ онъ сошелся еще ближе, помѣщая свои стихотворенія въ его «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1828—1830 годовъ, причемъ бывалъ у него очень часто, независимо отъ еженедѣльныхъ вечеровъ, на которые собирался у него избранный литературный кружокъ. Дружба эта продолжалась до появленія въ печати, въ 1830 году, новой поэмы Подолинскаго «Нищій», вызвавшей самыя оживленные и противурѣчивые споры. Дельвигъ оказался въ числѣ порицателей—и его рецензія, довольно рѣзкая и заносчивая, разорвала навсегда дружественныя отношенія двухъ поэтовъ. Въ 1829 году Подолинскій напечаталъ свою стихотворную повѣсть въ двухъ частяхъ «Борскій», а въ началѣ 1831 года оставилъ службу въ Петербургѣ и переѣхалъ въ Одессу. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ журналахъ, альманахахъ и сборникахъ того времени стали появляться его мелкія стихотворенія, отличавшіяся необыкновенною гладкостью и звучностью стиха, изъ которыхъ три: «Гурія», «Отчужденный» и «Сиротка», напечатанныя въ 9-й книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» на 1836 годъ, обратили на себя общее вниманіе.

Напечатавъ въ 3-мъ №.«Библіотеки для Чтенія» на 1837 годъ свою новую поэму «Смерть Пери», Подолинскій, въ концѣ того же года, издалъ въ Петербургѣ первое собраніе своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ: «Повѣсти и мелкія стихотворенія», куда вошло все написанное имъ по 1837 годъ. Большинство журналовъ, въ томъ числѣ «Библіотека для Чтенія», «Сѣверная Пчела» и «Одесскій Вѣстникъ, встрѣтили появленіе книги весьма благосклонно. Весной того же года Подолинскій объѣхалъ Крымъ—и результатомъ этой поѣздки былъ рядъ стихотвореній, а въ томъ числѣ и лучшія изъ нихъ: «Переѣздъ черезъ Яйлу», напечатанное въ 7-мъ томѣ «Современника» на 1837 годъ, «Дружба», помѣщенное въ «Библіотекѣ для Чтенія» (1838, № 10), и «Мелодія», «Цвѣты» и «Стансы», появившіяся, два года спустя, въ «Утренней Зарѣ» на 1839 годъ. Затѣмъ стихотворенія его перестали встрѣчаться на страницахъ журналовъ до самаго 1855 года, когда севастопольскія событія побудили его прервать молчаніе и помѣстить въ 12-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» того же года послѣднее свое стихотвореніе: «Союзникамъ». Полное собраніе его сочиненій, съ пріобщеніемъ 37 новыхъ стихотвореній, издано Н. Г. Устряловымъ, подъ заглавіемъ: «Сочиненія А. И. Подолинскаго. Двѣ части. Спб. 1860».

IV.

Замѣтки А. И. Подолинскаго.

Въ изданіи Гербеля «Русскіе поэты» онъ сообщаетъ обо мнѣ вообще довольно вѣрныя свѣдѣнія. Разсказъ о первой встрѣчѣ съ Пушкинымъ въ 1824 году взятъ имъ изъ моей статьи въ «Русскомъ Архивѣ» изд. 1872 года. Въ ней же я упоминаю и о размолвкѣ съ Дельвигомъ, но Гербель сократилъ свою выписку, почему и объясненная мною настоящая причина этой размолвки оставлена имъ недосказанной. Кромѣ этого у Гербеля есть еще слѣдующія неточности: въ службу я поступилъ не въ 1825, а въ 1824 году, тотчасъ по выпускѣ изъ пансіона, а стихотворенія Гурія, Отчужденный и Сиротка напечатаны не въ «Библіотекѣ для Чтенія»: «Гурія» помѣщена въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1830 года, а другія два—не помню гдѣ, но вѣроятно въ которомъ нибудь изъ альманаховъ или появились въ первый разъ въ Собраніи моихъ сочиненій въ 1837 году. Кромѣ напечатаннаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1855 года стихотворенія «Союзникамъ» было еще, незадолго до крымской войны, помѣщено въ «Русск. Инвалидѣ» 1854 г. другое, озаглавленное: Передъ войной.

Упоминаемая статья въ «Русск. Архивѣ» была вызвана повѣствованіемъ: «Мое знакомство съ Воейковымъ» бывшаго Булгаринскаго фельетониста Бурнашова, помѣщеннымъ въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ «Русскаго Вѣстника» 1871 года. Бурнашовъ столько обо мнѣ сочинилъ, что я, врагъ всякой полемики, вынужденъ былъ отозваться.

А. П.

V.

О поэзіи А. И. Подолинскаго.

Имя Подолинскаго было извѣстно въ иностранной прессѣ. Нерѣдко пріѣзжавшіе изъ заграницы говорили ему, что находили въ тамошнихъ изданіяхъ, преимущественно нѣмецкихъ, переводы его мелкихъ стихотвореній и отрывковъ изъ Борскаго и др. повѣстей. Но собственно до насъ дошелъ только нѣмецкій переводъ стихотворенія «Природа», въ прежнемъ изданіи названнаго «Волшебница», и помѣщенная въ одномъ франкфуртскомъ журналѣ 1831 года небольшая статейка, озаглавленная: Litterature Russe. О нашей литературѣ выразилась она вообще не лестно, отзываясь о ней, какъ о только что вышедшей изъ варварства, подражающей всѣмъ возможнымъ европейскимъ литературамъ, преимущественно французской, а въ особенности Байрону. Слегка упоминаетъ она о нѣкоторыхъ русскихъ произведеніяхъ и называетъ имена Пушкина, кн. Вяземскаго, Крылова, Загоскина, Булгарина,

Свиньина, Погорѣльскаго и др. О Подолинскомъ говоритъ: Podolinsky déjà si avantageusement connu par deux poèmes Div und Peri et Borski, vient de faire paraitre un nouveau roman en vers Nischtschii (le mendiant). Затѣмъ вкратцѣ, но вѣрно, изложено содержаніе этой повѣсти.

Und въ названіи поэмы Дивъ и Пери изобличаетъ, что всѣ эти сообщенія, по всей вѣроятности, позаимствованы у нѣмцевъ.

Изъ упоминаній о поэзіи Подолинскаго въ польской журналистикѣ намъ извѣстенъ только, сообщаемый ниже, отзывъ Познанскаго журнала Tygodnik Literacki (№ 32, 5 ноября 1838 года) и прекрасный переводъ довольно большого отрывка изъ поэмы «Смерть Пери». Могло быть, что этотъ переводъ сдѣланъ Мицкевичемъ, такъ какъ онъ относился къ стихамъ г. Подолинскаго весьма сочувственно. Андрей Ивановичъ Подолинскій вспоминаетъ съ удовольствіемъ, что Мицкевичу въ особенности понравилось его, т. е. г. Подолинскаго, «Предвѣщаніе». Извѣстно, что Мицкевичъ самъ увлекался чудеснымъ, что доказываютъ его «Дзяды» и «Панъ Твардовскій».

Tygodnik однако же говоритъ совершенно ошибочно, будто бы сюжетъ поэмы заимствованъ г. Подолинскимъ изъ Лалла-Рукъ Мура. «Мысль къ этой поэмѣ,—пишетъ намъ Андрей Ивановичъ,—подала «Смерть Ангела» Жанъ-Поль Рихтера. Содержаніе же у меня совсѣмъ другое и хотя «Пери» могла быть замѣнена Ангеломъ, но, благодаря цензурѣ, я вынужденъ былъ обратиться къ восточнымъ повѣрьямъ и перенесть дѣйствіе на Востокъ, всегда впрочемъ увлекавшій мое воображеніе».

Вотъ выдержка изъ упомянутой выше статьи польскаго журнала о поэзіи Подолинскаго:

„Александръ Подолинскій. Одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ россійскихъ поэтовъ нынѣшняго времени занимаетъ Александръ Подолинскій. Онъ ученикъ Пушкина и частію замѣняетъ его потерю своимъ соотечественникамъ. Сила и пріятность слога, наслѣдственнаго, кажется, имъ отъ своего наставника, и нѣжность чувства суть отличительнѣйшею характеристикою его сочиненій, пріобрѣтающею имъ великое уваженіе у женщинъ. Къ числу значительнѣйшихъ сочиненій принадлежитъ его поэма: Смерть Пери, сюжетъ которой заимствованъ имъ изъ одного эпизода изданнаго Муромъ: Лалла-Рукъ. Не взирая на погрѣшности, какія можно было бы найти въ ея общности, она отличается изяществомъ отдѣльныхъ картинъ. Таково, между прочими, самое начало“.

Изъ журнала: „Tygodnik Literacki“, издающагося въ Познанѣ (№ 32-й, 5 ноября 1838).

Примѣчаніе. Александромъ Подолинскій названъ по ошибкѣ, безъ сомнѣнія потому, что онъ никогда не подписывался своимъ полнымъ именемъ, а только его первою буквою. Его имя и отчество не означены даже полностію и въ собраніи его сочиненій. Ту же ошибку въ имени повторилъ и покойный Гербель въ своемъ полезномъ сборникѣ: „Русскіе поэты“; онъ называетъ Подолинскаго Александромъ вмѣсто Андрей. Ред.

I.

На праздникъ пятидесятилѣтней годовщины основанія
С.-Петербургскаго университета

1869 г.

Изъ стороны родной, но дальной,
Къ призыву дружному спѣша,
Тепло, отрадно и печально
Отозвалась моя душа.
Тамъ, гдѣ сойдетесь вы, какъ братья,
Подъ сѣнью взросшіе одной,
И мнѣ бы не было изъятья
Въ семьѣ, по чувству, не чужой ..

* * *

Не суждена мнѣ эта встрѣча!
На думу грусти пала тѣнь,
Но мыслью, сердцемъ, издалеча
Я съ вами праздную нашъ день.
День этотъ былъ уже когда-то,
Онъ канулъ въ безднѣ вѣковой,
И вдругъ воскреснулъ для возврата
Намъ нашей жизни молодой.

* * *

Чтобы, въ немногія мгновенья,
Душа опять пережила
Надежды, замыслы, волненья,
И все, чѣмъ юность такъ свѣтла,
Когда, казал сь, каждый въ правѣ
За трудъ отъ жизни много ждать,
И, можетъ быть, о самой славѣ
Мечту отважную питать!

* * *

Блаженъ, кто вѣруетъ, какъ вѣрилъ,
Кто не обманутъ жизнью былъ,
И въ трудной съ ней борьбѣ не мѣрилъ
Напрасно мужества и силъ,
Кого же гнала безпощадно
Судьба желѣзною рукой,
Пускай межъ насъ дохнетъ отрадно
Былой, безпечною весной...

* * *

Счастливы, нѣтъ-ли, все-жъ живые
Еще мы сблизились хоть разъ,
Но кругъ не полонъ... Гдѣ-жъ другіе,
Быть можетъ, лучшіе изъ насъ?
Ихъ тщетно ищетъ взоръ печальный,
Имъ не услышать нашъ привѣтъ —
Почтимъ же чашей поминальной
И тѣхъ, кто былъ — кого ужъ нѣтъ!..

* * *

А ты, питомникъ строгой мысли,
Ревнитель правды и труда,
Свои лѣта вѣками числи;
Какъ путеводная звѣзда,
Свѣти отъ внука и до внука
И ярче, ярче каждый вѣкъ,
Гдѣ высоко стоитъ наука,
Стоитъ высоко человѣкъ!

Кіевъ, 1869 г.

II.

Не вѣримъ мы ни въ рай, ни въ адъ,
Но чья же сила, чья же злоба
Невозмутимыя велятъ,
Чтобъ жизнь окончилась у гроба?

Ужель, за зло, не знать добра,
Ужели нѣтъ намъ воздаянья,
И наши слезы и страданья
Пустого случая игра?..

1879 г.

III.

Послѣ франко-прусской войны

1871 г.

Покорный голода мучительному кличу,
Звѣрь хищный, бросившись внезапно на добычу,
Трепещущую грудь на части злобно рветъ,
И съ жадностію кровь дымящуюся пьетъ,
Но свой окончивъ пиръ, спокойный и безъ злости,
Бросаетъ онъ въ лѣсу оглоданныя кости;
Ты не таковъ... о нѣтъ! Коварная рука
Умѣла заманить врага издалека,
И мышцы, между тѣмъ, безъ шума напрягая,
Ты не задумался весь цвѣтъ родного края
Безжалостно сомкнуть въ безчисленную рать,
На семьи наложивъ унынія печать,
Отъ мирнаго труда отторгнуть гражданина,
Отнять у матери единственнаго сына,
И всѣхъ ихъ заурядъ поставивъ подъ штыки,
Надвинуть тучами громадные полки
Въ цвѣтущую страну, гдѣ грозди винограда,
Смиренной хижины надежда и отрада,
Гдѣ, жизни полные и цѣннаго труда,
Роскошно разрослись густые города,
Храня сокровища отъ вѣка и до вѣка,
Какими только умъ гордится человѣка,
И ты прошелъ по нимъ, какъ древній Остроготъ,
Гоняя ужасомъ обнищенный народъ;
Гдѣ-жъ былъ тебѣ отпоръ отважнѣй и честнѣе,
Ты, безъ стыда, казнилъ и мстительнѣй и злѣе;
Пощады не нашлось ни старцу, ни женѣ;
Твой мечъ свирѣпствовалъ повсюду наравнѣ,
Огонь твой жегъ равно и селы и твердыни;
Сады, лѣса, поля ты обратилъ въ пустыни,
Усѣялъ трупами и кровью напоилъ,
Чтобъ долго, изъ среды безчисленныхъ могилъ,
Еще дышала смерть заразою тлѣтворной,
И, наконецъ, врагу даруя миръ позорный,
Еще не сытый ты жестокимъ торжествомъ,
Свой подвигъ заключилъ всеобщимъ грабежемъ!..
Доволенъ?.. Гдѣ же всѣ, кого ты велъ съ собою,
Не придутъ-ли сюда, рыдающей толпою,
И изъ твоей земли сестра, супруга, мать
Межъ трупами враговъ и тѣлъ родныхъ искать,
Чтобъ, послѣ, возвратясь въ домъ скорбно-опустѣлый,
Безрадостно влачить свой вѣкъ осиротѣлый!..

Что-жъ вызвало тебя? Необходимость? Рокъ?..
Дать человѣчеству кровавый твой урокъ,
Высокій-ли порывъ, иль помыселъ тщеславный,
Что твой могучій умъ не встрѣтитъ силы равной,—
Вопросъ не разрѣшенъ; свой безпристрастный судъ
Потомки нѣкогда пускай произнесутъ;
Мы не услышимъ ихъ суда и приговора,
Достоинъ славы ты иль тяжкаго укора,
Но знаемъ проклятъ былъ блестящій твой погромъ
И въ племени враговъ — и въ племени твоемъ!

1871 г.

IV.

Во время парижской коммуны

1871 г.

Когда еще дымится пламя
Изъ грудъ развалинъ здѣсь и тамъ,
И гордо вражеское знамя,
Грозя, повсюду блещетъ вамъ,
Въ борьбѣ измучившись упорной,
Пора вамъ было бы понять,
Предъ Кѣмъ вы голову покорно
Должны, смиряясь, преклонять!

* * *

А вы... кровавый, долгій опытъ
Васъ ничему не научилъ,
Онъ только гнѣвъ и злобный ропотъ
Въ тщеславномъ сердцѣ раздражилъ;
Привыкъ народъ вашъ бранной славой
Хвастливо міру угрожать,
Но въ чемъ еще нашелъ онъ право
Себя великимъ называть?

* * *

Теперь вамъ жаль померкшей чести,
Вѣнца, который сорванъ былъ,
Душа горитъ, алкая мести,
Но вѣдь для мести надо силъ!
О братствѣ міру вы шумѣли,
Такъ почему-жъ, съ терпѣньемъ, вновь
Сомкнуться братски не съумѣли,
Чтобъ стать за честь свою и кровь!

* * *

Не оскорбилъ бы васъ укоромъ
Никто; несчастье не позоръ,
Но васъ клеймитъ теперь позоромъ
Корыстный, буйный вашъ раздоръ.
Насмѣшкой стали ваши власти,
Вы робко черни отдались,
Чтобы распущенныя страсти
Потокомъ грознымъ разлились.

* * *

Въ своей безсмысленной боязни,
И въ самомъ мщеніи слѣпа,
Уже неправедныя казни
Рѣшаетъ звѣрская толпа.
Въ ней живъ кровавыхъ дѣлъ наслѣдникъ,
И грезы вашихъ мудрецовъ
Ея голодный проповѣдникъ
На дѣлѣ выполнить готовъ.

* * *

Смотрите — вотъ уже краснѣетъ
На флагѣ той зари восходъ,
Которой вслѣдъ воспламенѣетъ,
Быть можетъ вновь, постыдный годъ,
Когда, что день стучала плаха,
Какъ смѣхъ отвѣтомъ былъ на плачъ,
И цѣпенѣлъ не разъ отъ страха
И самъ трепещущій палачъ...

* * *

Въ недоумѣньи ждемъ тревожно,
Куда злой геній васъ ведетъ,
Ужель не броситъ путь свой ложный
Вашъ легкомысленный народъ?
Опомнясь, могъ бы онъ поруку
Хотя за будущее дать,
Чтобъ протянуть вамъ смѣло руку,
А не какъ Паріевъ бѣжать!..

1871 г.

V.

Пора!

Покуда Франція, подъ ужасомъ разгрома,
Казалась къ гибели стремительно несома,
Хоть ею брошено и много міру зла,
Участіемъ къ себѣ она еще влекла,
Нежданный ей ударъ на сердце падалъ больно.
За человѣка въ ней скорбѣли мы невольно...
Но вотъ затихнула свирѣпая война,
Вздохнуть бы легче ей... Что-жъ дѣлаетъ она?
Въ безсильной ярости какой-то Демонъ злобный
Внезапно въ ней зажегъ раздоръ междоусобный:
Встаетъ на брата братъ, и полилася вновь
На улицахъ, въ домахъ, своя, родная кровь...
И внемля издали всходящей бури шуму,
Не надобно-ль и намъ подумать крѣпко думу?
Постыдны ихъ дѣла, но, истину любя,
Краснѣть-ли намъ за нихъ иль больше за себя?
Ужели мы еще народа не узнали,
Которому досель упорно подражали!
Какъ шли мы сотню лѣтъ за этимъ образцомъ,
Рѣчь исторически-правдиво поведемъ:
Себя преобразить стремяся безразсудно,
Чужое все сперва мы прививали трудно,
Неповоротливо работали умы,
За внѣшностью одной погнались жадко мы,
Надѣли парики, роброны и кафтаны
И выглянули въ нихъ прямыя обезьяны;
Да чтобы сгладилась смѣшная старина,
Коверкать начали родныя имена,
Сталъ Теодоромъ вдругъ нашъ неуклюжій Ѳедя,
Зашаркалъ съ ловкостью ученаго медвѣдя,
Хвастливо пару книгъ безнравственныхъ прочелъ,
Но дальше этого сначала не пошелъ,
Ни бывшій куафёръ, ни бѣглый изъ Бисетра
Не создалъ изъ него прямого петиметра
И какъ ни силился нашъ матушкинъ сынокъ,
Коварной буквы N преодолѣть не могъ.
Но вотъ, наставники грядущихъ русскихъ франтовъ,
Нахлынули толпы голодныхъ эмигрантовъ;
Науки къ намъ внесли, какъ перышко легки,
Но остроуміемъ любезнымъ далеки,
Растолковали намъ, что мы еще не люди,
Что сердце русское не кстати въ русской груди,
Что выбросить пора негодный этотъ грузъ,
А мыслить, чувствовать свободно, какъ французъ;

И понесли мы дичь о вольности, свободѣ,
Безчинствуя въ семьѣ, свирѣпствуя въ народѣ...
Усвоивъ отъ пеленъ языкъ себѣ чужой,
Мы начали ломать съ презрѣньемъ свой родной,
Бѣжали въ перегонъ къ прилипчивой заразѣ,
Ловили легкій умъ мы въ заученой фразѣ,
И кто рожденъ глупцомъ—сталъ тонокъ и остеръ
Затѣмъ, что въ немъ засѣлъ незримо гувернеръ.
Шли годы и успѣхъ нашъ двигался съ годами,
Заглядывать въ Парижъ мы начали и сами.
Былъ доступъ долго намъ къ Парижу трудноватъ,
Но вѣкъ чудесъ насталъ—изъ мчавшихся громадъ
Паръ свиснулъ—грязные бросаемъ мы проселки,
И одурѣвъ, летимъ на свистъ, какъ перепелки;
Сбылася наконецъ давнишняя мечта
И вотъ въ желанный рай дверь настежъ отперта.
Стремленіемъ къ нему настойчиво упрямы,
Опередили всѣхъ примѣромъ наши дамы,
Умѣнья подражать міръ изумилъ ихъ даръ:
Въ Булонской рощицѣ, въ Мабилѣ, у Мюзаръ
Недавно чопорной и чинной москвитянки
Теперь не отличишь отъ кровной парижанки;
Она, изъ царства модъ живой хамелеонъ,
Движенья, поступь, взглядъ, чудовищный шиньонъ,
Умѣла все занять у львицъ изъ полусвѣта,
Блеснула легкостью прозрачной туалета
И раздражая страсть и соблазняя взоръ,
Двусмысленный ведетъ игриво разговоръ...
Переродился вдругъ и бывшій нашъ повѣса,
Наткнувшійся въ кафе на проповѣдь прогресса,
Обнищившійся мотъ сталъ ярый либералъ,
Поборникомъ труда, налегъ на капиталъ
И началъ толковать, вступая жарко въ споры,
Что власть чудовище, а собственники воры...
Въ пустыхъ теоріяхъ блудящаго ума
Затмѣніе и къ намъ прокралось, какъ чума,
Подъ бѣшеный смычокъ запѣли наши струны;
Коммуны тамъ дались—и мы кричимъ: коммуны!
Все гнило старое, все прежнее долой!
Чтобъ рухнулъ безъ слѣда складъ жизни вѣковой.
Насмѣшкою клеймимъ преданія, искусство,
И вѣру, и семью, и строгій долгъ, и чувство...
Какъ гибельный самумъ надъ свѣжимъ цвѣтникомъ,
Духъ смуты и на насъ пахнулъ своимъ крыломъ,
На зло и на добро навелъ недоумѣнье
И въ разрушеніи онъ указалъ спасенье...
Еще-ли не пора опомниться и намъ?
Стряхнуть съ могучихъ плечъ давно гнетущій срамъ.
Подъ нашимъ широко раскинувшимся сводомъ

Подвинуться впередъ, не пѣшкою, народомъ
И сердцемъ горячо родное полюбя,
Сказать самимъ себѣ, увѣруя въ себя,
Что гувернерства мы попрежнему не просимъ
И голову свою—а не чужую носимъ!

Мартъ 1871 г.

VI.

Я знаю — духъ отъ тѣла отлетитъ,
Но я не вѣдаю, что скрыто въ мірѣ новомъ,
Лучъ вѣчной-ль истины мнѣ душу просвѣтитъ
Или на вѣки мгла затмитъ ее покровомъ?
И мудрость высшую я сознаю, пока
Блуждаетъ умъ въ невѣдѣньи туманно,
Иначе смерть была-бъ томительно желанной
Или земная жизнь чрезъ мѣру дорога.

1871 года.

VII.

Будущее преданіе [1])

(1858 г.).

Посмотри на бѣдныхъ,
Какъ ихъ солнце жжетъ,
Съ лицъ худыхъ и блѣдныхъ
Каплетъ крупный потъ;

* * *

Трудъ бы имъ не страшенъ,
Да лиха бѣда:
Для господскихъ пашенъ
Не стаетъ труда.

* * *

Поля черезъ силу,
Дологъ барскій день,
Радъ бы хоть въ могилу,
Только-бъ сонъ да тѣнь!..

* * *

---

[1]) Написано за два года до освобожденія крестьянъ. А. П.

А дождался ночи,
Не засни, смотри,
Есть-ли, нѣтъ-ли мочи,
Гонятъ до зари.

* * *

До родной берлоги,
Подъ вечерней мглой,
Чуть дотащутъ ноги.
А пришелъ домой,

* * *

Дѣтушки малыя
Голодны не разъ
„Эхъ, мои родныя,
Право не до васъ!“

* * *

Силы нѣтъ старухѣ
И на столъ набрать,
Дашь имъ по краюхѣ,
Лишь бы ротъ зажать.

* * *

Хнычутъ понемногу,
Ажъ-но жаль бѣднягъ..
Согрѣшили Богу,
Видно быть ужъ такъ!..

Баринъ отоспался
Послѣ сытныхъ блюдъ,
Поглядѣть собрался,
Какъ дѣла идутъ.

* * *

Въ поле выѣзжаетъ,
Тихо тамъ, свѣжо,
Въ сумракѣ мелькаетъ
Что-то хорошо.

* * *

Тамъ, гдѣ на просторѣ,
Сыпля валъ на валъ,
Золотое море
Вѣтеръ колыхалъ.

* * *

Жнива, какъ не стало,
А вблизи, вдали,
Словно войско встало
Чудомъ изъ земли.

* * *

Копны оглянулъ онъ,
Кто ихъ перечтетъ,
Налету смекнулъ онъ
Будущій доходъ.

* * *

И душа бодрѣе,
И въ глазахъ огонь,
Подъ хлыстомъ быстрѣе
Мчится къ дому конь...

* * *

Сумрачно-лѣниво,
Сидя у окна,
Муженьку тоскливо
Говоритъ жена:

* * *

„Боже мой, какъ душно,
Мѣста не найдешь,
А ужъ скучно, скучно,
Отъ тоски умрешь!"

* * *

„Погоди немножко
Умирать съ тоски,
Стелютъ намъ дорожку
Въ городъ мужички".

* * *

„Экой благодати
Нынче Богъ послалъ!..
А какихъ я кстати
Рысаковъ сыскалъ".

* * *

Маковымъ цвѣточкомъ
Расцвѣла жена,
Къ мужу мягкой щечкой
Нѣжно льнетъ она,

* * *

И на свѣтлыхъ крыльяхъ
Унеслись въ мечтахъ,
Дома о мантильяхъ,
Мужъ—о рысакахъ.

1858 г.

VIII.

Быстро льется время дорогое,
Незамѣтно, безпощадное, уходитъ,
Отодвинулось далеко все былое,
Настоящее раздумье мнѣ наводитъ...

* * *

Грустно жизнь слѣжу я отъ начала,
Все въ ней было тщетно или ложно,
Не нашла душа чего искала,
А еще волнуется тревожно.

* * *

Проситъ-ли борьбы и боли вѣчной,
Отдыха-ль усталой проситъ силѣ,
Жить-ли бъ ей хотѣлось безконечно,
Иль на вѣкъ забыть себя въ могилѣ?...

1871 г.

IX.

Два направленія.

Онъ тихо несся надъ землею,
Надъ нимъ сіялъ небесный сводъ,
И сыпалъ, щедрою рукою,
Цвѣты и перлы онъ въ народъ.

* * *

Своимъ божественнымъ явленьемъ
Въ едино души онъ сливалъ,
И рукоплеща съ увлеченьемъ,
Народъ во слѣдъ ему бѣжалъ.

* * *

Вдругъ чей-то крикъ его встрѣчаетъ:
Кому дары твои нужны?
Въ цвѣтахъ не золото сіяетъ
И въ этихъ перлахъ нѣтъ цѣны!

* * *

Онъ, полнымъ слезъ и грусти, взоромъ
Отвѣтилъ крику—и исчезъ
Полуугасшимъ метеоромъ
Во глубинѣ своихъ небесъ...

* * *

Толпа поникла и смутилась,
И отлетѣвшаго ей жаль,
Но вотъ шумитъ и разступилась
Ея взволнованная даль.

* * *

И тощъ, какъ выходецъ изъ гроба,
Явился кто-то, полунагъ,
Въ очахъ завистливая злоба,
И смѣхъ циническій въ устахъ.

* * *

Ему, исчадью пошлой прозы,
Кто выше черни, всѣ враги,
И давитъ перлы, топчетъ розы
Тлѣтворный слѣдъ его ноги.

* * *

И гребъ онъ комья грязи черной
И эту грязь въ толпу бросалъ,
А легкомысленно-задорный
Народъ, какъ школьникъ, хохоталъ.

* * *

Но надъ другимъ глумясь лукаво,
Равно запятнанъ каждый былъ,
И скоро для смѣшной забавы
Конецъ печальный наступилъ.

* * *

Наскуча грязь другъ въ другѣ видѣть,
И друга другъ готовъ язвить,
И стало сердце ненавидѣть,
Отвыкнувъ вѣрить и любить!

* * *

Старикъ, вблизи глядя на это,
Вздохнулъ и молвилъ имъ съ тоской:
„Не цвѣсть тамъ жизни, гдѣ поэта
Смѣнилъ глумитель площадной!“

1859 г.

X.

Гляжу я на все хладнокровно,
И слушаю все равнодушно,
Грудь, кажется, бьется такъ ровно,
Лице такъ безстрастно-послушно...

* * *

И море—нѣмая равнина—
Какъ бури затихнетъ тревога,
Но стонетъ-ли въ безднѣ пучина,
Спроси у нея—да у Бога!

1861 г.

XI.

Ночное небо.

Когда я на звѣздное небо
Смотрю въ безмятежную ночь,
Скользя отъ свѣтила къ свѣтилу
Задумчивымъ взоромъ,
И робкая мысль измѣряетъ
Огромность несчетныхъ міровъ,
Огромность пустынь между ними,
Съ другими звѣздами, невидными глазу,
Сначала я весь созерцанье,
Сначала я весь наслажденье,
Но вдругъ мое сердце заноетъ
Сперва безотчетною грустью,
А тамъ и глубокой тоскою,
Затѣмъ ли, что немощно стоя
Предъ этой, могучей и вѣчной,
Широко разлитою жизнью
Я будто внезапно сознаю
Ничтожность мою и безсилье,
И все, что казалось мнѣ счастьемъ,
И все, чѣмъ въ себѣ я гордился,
Мнѣ станетъ смѣшно и печально...
Или не отраднѣе-ль вѣрить,
Что тамъ, на звѣздахъ недоступныхъ,
Живутъ тѣ созданья, которыхъ
Когда-то и гдѣ-то любилъ я,
Душа ихъ присутствіе чуетъ,
Къ нимъ рвется, за ними тоскуетъ,
Но тайны великой, до срока, она
Довѣрить уму не должна!

1859 г.

XII.

Пока души своей въ горнилѣ
Поэтъ сплавлялъ блестящій стихъ,
Онъ, цѣнный, былъ въ ходу и силѣ,
Но соблазнилъ мастеровыхъ,
Риѳмачъ поддѣлался къ поэту
И пренебрегъ поэтомъ свѣтъ,
Такъ чрезъ фальшивую монету
И къ неподдѣльной вѣры нѣтъ.

1859 г.

XIII.

Кіевъ—Москвѣ.

Я возникъ золотоглавый
На священныхъ высотахъ,
Былъ я первенецъ державы,
Русь взросла въ моихъ стѣнахъ.
Съ той поры надъ сѣдиною
Много бурь перенеслось,
И съ тобой, меньшой сестрою,
Царство русское слилось;
Я дряхлѣлъ—а ты мужала,
Вянулъ я—а ты цвѣла,
Вкругъ меня вражда пылала,
А къ тебѣ любовь росла.
Я, какъ памятникъ пустыни,
Сиротѣлъ въ землѣ родной,
И, не будь во мнѣ святыни,
Я бы сталъ тебѣ чужой!
Отчего же ты молчала
Какъ родную отъ меня
Тихомолкомъ оттѣсняла
Намъ враждебная семья?
Ты смотрѣла безучастно
Какъ ложился тяжкій гнетъ,
Широко и самовластно,
На подавленный народъ;
Надъ Волынью, надъ Подоломъ
До святыхъ воротъ моихъ,
Тайныхъ замысловъ символомъ,
Шли ряды крестовъ чужихъ [1]),

---

[1]) По всѣмъ дорогамъ и перекресткамъ ксендзы и паны ставили большіе католическіе кресты. А. П.

И въ надменномъ поруганьи,
Вѣковымъ правамъ моимъ,
Древней Руси достоянье
Называлъ полякъ своимъ!
Съ каждымъ днемъ крамола крѣпла,
Но еще вблизи меня,
Какъ межъ гаснущаго пепла,
Отъ забытаго огня,
Искры яркія таились,
И, сверкая здѣсь и тамъ,
Непріязненно свѣтились
Возрастающимъ врагамъ;
Въ комъ-же рдѣлъ тотъ чистый пламень?
Кто, недрогнувшей рукой,
Подымалъ народный знамень
Надъ запуганной толпой?
Мало тѣхъ—но Богъ разсѣялъ
Широко ихъ скудный кругъ [1]),
Чтобъ врагу противудѣялъ
Старой преданности духъ,
Чтобъ народъ безъ колебанья,
Сознавалъ твои права,
Въ этомъ родственномъ сознаньи
Я живу—и ты Москва!

1862 г.

XIV.

Бойкій вальсъ звучитъ изъ зала,
Весь въ огняхъ сосѣдній домъ,
И въ живомъ разгарѣ бала,
Говоръ движется кругомъ.

* * *

Свѣтъ моей лампады скромной
Чуть проникъ ночную мглу,
Сквозь окно узоръ огромный
Мѣсяцъ пишетъ на полу.

* * *

Гдѣ-жъ вѣрнѣй для мысли пища,
Гдѣ свободнѣй для души,
Въ блескѣ ль шумнаго жилища
Иль въ моей нѣмой тиши?

1871 г.

А. П.

[1]) Русскихъ землевладѣльцевъ.

XV.

Встрѣча.

Когда-то я тебя любилъ
И нѣжно ты меня любила,
Казалось намъ одна могила
Погаситъ страстный этотъ пылъ...

* * *

Рѣшились иначе судьбы:
Разсчетамъ власти равнодушной
Ты покорилася послушно,
И увядала безъ борьбы.

* * *

Меня въ волненье бросилъ рокъ,
За страстью страсть во мнѣ пылала,
И жизнь насмѣшливо давала
Мнѣ долго строгій свой урокъ.

* * *

Минуло много лѣтъ потомъ,
И годъ отъ года сердце стыло,
И тѣхъ, кого оно любило,
Тускнѣя, гасла память въ немъ.

* * *

И ты мой идолъ, ты мой богъ,
Твой ликъ мелькалъ еще въ туманѣ,
Но прежней муки въ старой ранѣ
Онъ растравить уже не могъ.

* * *

И что же?... Встрѣтились мы вновь
И сердце дрогнуло невольно,
Его такъ радостно, такъ больно,
Смутила давняя любовь.

* * *

Безстрастно шелъ нашъ разговоръ,
Душа таилась боязливо,
Но говорилъ краснорѣчиво
Печальный, долгій, теплый взоръ:

* * *

„Забудь, что помнить нелегко,
„Чѣмъ жизнь блеснула намъ ошибкой!“
И вздохъ, подавленный улыбкой,
На сердцѣ замеръ глубоко...

XVI.

М. С. П—ой.

Еще, въ неопытныя лѣта,
Тебя манитъ твоя мечта
Туда, гдѣ въ яркомъ вихрѣ свѣта
Шумитъ и блещетъ суета.
Я понимаю, другъ мой милый,
Какъ упоителенъ, какъ живъ,
Какой могущественной силой
Тебя влечетъ его призывъ;
Но онъ коваренъ, лжепривѣтенъ
Себялюбивый этотъ свѣтъ,
И я бъ желалъ, чтобъ незамѣтенъ
Остался въ немъ твой легкій слѣдъ,
Чтобъ въ немъ недолгое явленье
Могла съ улыбкой вспомнить ты,
И не подернулися тѣнью
Твои надежды и мечты.

1852 г.

XVII.

Отрывокъ изъ предисловія къ роману: „Наслѣдникъ Твардовскаго“.

1.

Не къ вамъ, читатель добродушный,
Поэта баловень и другъ,
Въ замѣну искреннихъ услугъ,
Ему признательно-послушный,
Не къ вамъ сначала рѣчь идетъ,
Для васъ не нужно предисловій,
Вы съ каждой книгою впередъ
Не заключаете условій,
Вамъ отдыхъ—чтеніе въ тиши,
Порой защита противъ скуки,
А можетъ быть отъ тайной муки
На мигъ забвеніе души...

2.

Не прихотливы, не суровы,
Улегшись въ мягкую постель,
Летѣть за тридевять земель
Вы слѣдъ за вымысломъ готовы.
Куда? Зачѣмъ?.. Докучный умъ
Заранѣ съ музой не лукавитъ,

Пока, властитель вашихъ думъ,
Поэтъ легко вниманьемъ правитъ,
Но если онъ измучилъ васъ,
И не успѣлъ увлечь нисколько,
Не прогнѣвитесь вы—но только
Свѣчу погасите тотчасъ.

3.

И вамъ, чьи ласки часто губятъ
Жреца взыскательныхъ Каменъ,
И въ тайный, сладкій, долгій плѣнъ
Увлечь неопытнаго любятъ,
Кому, какъ дань, и я принесъ,
Молясь, надѣясь и тоскуя,
Такъ много думъ, такъ много слезъ,
Вамъ предисловій не пишу я,
Я васъ любилъ, такъ мнѣ-ль не знать,
Что пальчикъ вѣтренный и нѣжный,
Съ листа на листъ скользя небрежно,
Привыкъ вступленья пропускать....

4.

Дитя души, благоуханный
Цвѣтокъ поэта, равенъ ты
Съ цвѣткомъ весны у красоты
Своею участію странной;
Она счастлива, какъ дитя,
Принявъ на грудь питомца Флоры,
Имъ дышетъ, очи опустя,
На немъ покоитъ нѣжно взоры
И вдругъ—случайный вѣтерокъ
Уноситъ брошенный цвѣтокъ!...

1839 г.

XVIII.

Лакеи.

Брось нелѣпыя затѣи,
Оглядись и будь умнѣй,
Люди, всѣ почти, лакеи,
Только ихъ понять умѣй!
Ихъ не двинешь къ цѣли дружно,
Каждый въ жизнь науку внесъ,
Чтобъ принизиться, гдѣ нужно,
И поднять, гдѣ можно, носъ.

* * *

Вотъ смотри: лакей чиновный,
Въ лентахъ, въ золотѣ, въ звѣздахъ
Съ младшимъ вѣжливъ лишь условно,
Передъ старшимъ въ попыхахъ.
Вотъ противный плодъ татарства,
Рабъ презрительныхъ страстей,
Вотъ пчванпаго боярства
Офранцуженный лакей.

* * *

Много ихъ! Ты самъ исчисли,
Да и всѣхъ не перечтешь,
Ты и слугъ тщеславной мысли
Между ними наберешь,
Кто же, самъ себѣ безвѣстно,
Ставъ рабомъ чужихъ идей,
Служитъ имъ тепло и честно,
Самый жалкій тотъ лакей!

1871 г.

XIX.

Глинскій.

Отрывокъ изъ исторической поэмы.

1.

Угасъ державный князь Василій,
Кого, какъ друга, какъ отца,
Любовью искренней любили
Такъ долго вѣрныя сердца!
Какъ неутѣшна, какъ уныла,
Его Москва за гробомъ шла,
И скорби тѣнь его могила
На всю Россію навела.
Но добрый князь, когда награда
Есть тамъ за чистыя дѣла,
Пускай бы тѣнь твоя могла
Сойти еще на стогны града,
Еще прислушаться къ молвѣ
Въ твоей признательной Москвѣ.
Царей, по смерти, судятъ строго,
Но не осудится твой прахъ,
Ни въ озлащенныхъ теремахъ,
Ни въ сельской хижинѣ убогой.
Тебя храни лишь только Богъ
Въ свои палаты бросить взора,
Чтобъ, оскорбленный, ты не могъ
И въ гробѣ вздрогнуть отъ позора!

2.

Ночь; надъ безмолвною Москвой
Сталъ ангелъ мира на сторожѣ;
Мгла, сонъ повсюду; отчего же
Не смято позднею порой
Елены царственное ложе?
Ее приводитъ, можетъ быть,
Въ невольный трепетъ ложе вдовье,
И на пустое изголовье
Ей страшно голову склонить;
Ей труденъ сонъ, гдѣ все такъ живо,
Гдѣ вкругъ нея краснорѣчиво
Могильный холодъ вѣетъ ей
Воспоминаньемъ лучшихъ дней!
Но нѣтъ; уже державы бремя
Умершимъ княземъ отдано
Близь года ей; врачуетъ время,
И много ранъ исцѣлено;
И въ сердцѣ мужа, гдѣ, какъ въ морѣ,
На самомъ днѣ ложится горе,
И тамъ, отъ времени, оно
Забвенью часто предано,
А въ сердце женское не кинетъ
Печаль недуга глубоко,
Въ немъ горе такъ же скоро стынетъ,
Какъ разгорается легко!

3.

Но что же сонъ бѣжитъ Елены?
Что поздно бодрствуетъ она,
Боярскихъ козней, иль измѣны
Страшится робкая жена?
Иль въ часъ, какъ сумракъ снами вѣетъ,
Народнымъ благомъ занятъ умъ,
И самый сонъ прервать не смѣетъ
Святую цѣпь державныхъ думъ?
Кто знаетъ?... Но зачѣмъ волненье?
Зачѣмъ же трепетъ на устахъ,
И грусть, и гнѣвъ, и нетерпѣнье
Отпечатлѣлися въ чертахъ?
Въ ея движеньяхъ все нестройно,
Она то ходитъ безпокойно,
То станетъ вдругъ—чего-то ждетъ,
То съ тяжкимъ вздохомъ на кивотъ,
Одной лампадой озаренный,
Возводитъ взоръ свой умиленный.
Съ молитвой пасть готова ницъ,

Но вмигъ ея воображенье
Какъ бы упрека выраженье
Прочло въ молчаньи строгихъ лицъ;
Она дрожитъ, она блѣднѣетъ,
И къ нимъ очей поднять не смѣетъ,
Тревоженъ взглядъ, тревоженъ слухъ,
Въ лицѣ огонь и жгучъ и ярокъ,
Дыханью воздухъ ночи жарокъ,
Какъ будто степи южной духъ
Надъ ней невидимыя крыла
Хотѣлъ отъ зноя отряхнуть,
И чтобъ свободнѣе вздохнуть,
Она роскошно обнажила
И плечи бѣлыя и грудь.

4.

О чемъ владычица чертога
Твое волненье и тревога?
Уже-ли грустнаго вдовства
Нося личину передъ міромъ,
Твоя державная глава
Поникла втайнѣ предъ кумиромъ?
И кто-же избранный тобой!
Врагу-ль побѣдами онъ страшенъ,
Или, возвышенный судьбой,
Гражданской доблестью украшенъ?
Или зажгли твои мечты
Лишь юность, очи голубыя,
И кудри, въ кольца завитыя,
И станъ замѣтной красоты?
Кто-бъ ни былъ онъ, кѣмъ дышешь ты,
Пускай бы пламень твой сердечный
Остался тайной вѣчной, вѣчной!..

5.

Но что за шумъ? Не это-ль онъ,
Кто, не страшась нарушить сонъ,
Въ опочивальнѣ въ эту пору
Предсталъ правительницы взору?
Какъ смѣлъ онъ поступью своей,
Какая гордая надежда
Примѣтно блещетъ изъ очей!
На немъ небрежная одежда
Кой-гдѣ въ пыли и при бедрѣ,
Хитро татариномъ насѣченъ,
Мечъ блещетъ въ яркомъ серебрѣ...
Желанный гость! О какъ онъ встрѣченъ,

Сбылись надменныя мечты,
Елены чувствуетъ онъ трепетъ
И радостный, чуть внятный лепетъ
Ему шепнулъ:
Владиміръ, ты?

Оболенскій.

Поклонъ тебѣ отъ русской рати,
И вмѣстѣ радостную вѣсть...

Елена.

О, послѣ, послѣ, Бога ради,
На завтра, въ Думѣ время есть!
Здѣсь наши дороги мгновенья;
Одно скажи мнѣ, невредимъ
Остался ты въ пылу сраженья?
О, еслибъ могъ ты знать какимъ
Мнѣ день казался вѣковымъ!

Оболенскій.

Но въ эту пору, вѣрный воинъ,
Не за тебя ли я стоялъ!
Теперь я совѣстью спокоенъ,
Я предъ народомъ оправдалъ,
Что былъ не вовсе недостоинъ ..

Елена.

Передъ народомъ! Такъ! А мнѣ
Чѣмъ за мои воздашь ты муки,
За ожиданье, за боязнь...
О, есть ли въ цѣломъ мірѣ казнь
Мучительнѣй тоски разлуки!

Оболенскій.

Клянусь, княгиня! честь и кровь...

Елена.

Здѣсь не княгиня, здѣсь—Елена!
Не крови требуетъ любовь...
И обнялъ другъ ея колѣна,
Ея стремленьемъ увлеченъ,
И втайнѣ ждетъ нетерпѣливо
Своей побѣды горделивой...
Какъ ясный день прекрасенъ онъ;
Какъ юга ночь она прекрасна;
Какой-то нѣгою полна,
Томна, нѣжна и сладострастна

Ея улыбка; въ ней она
Не полной радостью сіяетъ,
Но грусть и радость сочетаетъ...
Такъ неба южнаго луна,
Любви наперстница и лѣни,
Не сыплетъ вкругъ лучей своихъ,
Не гонитъ прочь ночныя тѣни,
Но ярко свѣтится сквозь нихъ.

6.

И кто-жъ, безумцы молодые,
Изъ васъ счастливѣй въ этотъ мигъ?
Ты-ль Оболенскій? ты достигъ
Того, о чемъ и мысль другіе,
Быть можетъ, лучшіе тебя,
Со страхомъ гнали-бъ отъ себя!
Самолюбивою душою
Ты упиваешься вполнѣ
Симъ взоромъ, дышущимъ тобою,
Который, съ солнцемъ наравнѣ,
И для тебя еще недавно
Былъ ослѣпителенъ;—но ты
Елены страсти своенравной
Сосредоточилъ всѣ мечты,
И для себя, въ ея участьи,
Готовишь будущее счастье!
Доволенъ ты!.. Но какъ она,
Къ одной любви твоей ревнива,
Какъ въ этотъ мигъ она счастлива!

7.

Зачѣмъ забвеніе прошло!
Зачѣмъ такъ кратки наслажденья,
Восторга мигъ—и вѣкъ мученья!
Волненье новое тая,
Вновь грудь Елены трудно дышетъ,
И только жалобы ея
Встревоженный любовникъ слышитъ:
„На что мнѣ власть? Тщеславный звукъ!
Гдѣ въ ней свобода? гдѣ въ ней сила?
Была ли грудь, для тайныхъ мукъ,
Недостижима какъ могила?
Могу-ль теперь, когда хочу
Хоть лишній часъ отдать покою,
А я мгновенія плачу
Такою страшною цѣною...
О, для чего не вправѣ я

На вѣкъ отречься сана, славы
И изо всей моей державы
Оставить одного тебя!
Къ твоей любви, по крайней мѣрѣ,
Тогда, счастливая вполнѣ,
Я бы осталась въ долгой вѣрѣ,
А нынѣ, кто порукой мнѣ,
Что и твое мнѣ сердце вѣрно?
Быть можетъ, любишь лицемѣрно
Во мнѣ ты только санъ и власть,
Отъ нихъ награды ожидаешь,
И самъ, невольно, презираешь
Елены немощную страсть!..“

И испытующіе взоры
Какъ будто силилися грудь
Насквозь любимцу проглянуть...
А онъ сомнѣнья и укоры
Порывомъ смѣлымъ отразилъ,
И страстный, трепетный, безъ силъ,
Прильнулъ къ счастливцу станъ княгини,
И страхъ забытъ!.. Но пламень синій
Въ лампадѣ съ трескомъ дрогнулъ вдругъ
И предъ иконами потухъ,
Какъ будто, вида преступленья
Пречистой очи не снесли—
И мѣсто жалкаго паденья
Покровы мрака облекли...

8.

Заря; дрожащій свѣтъ изъ оконъ
Въ опочивальню проглянулъ;
Елена дремлетъ; пышный локонъ
Къ устамъ пылающимъ прильнулъ;
Онъ грезы чудно въ ней волнуетъ
Прикосновеніемъ нѣмымъ,
И локонъ свой она цѣлуетъ,
Во снѣ обманутая имъ;
Спустились немощныя руки,
Откинутъ шелковый покровъ,
И слышны тихихъ, нѣжныхъ словъ
Порой прерывистые звуки...
Но день зажегъ края небесъ,
Его лучи сквозятъ завѣсъ,
Елена тихо пробудилась,
И взоръ недвижно устремленъ,
Душа въ раздумье погрузилась:
Что было истина, что сонъ?

И жаль ей стало страстной ночи
И вновь сомкнулись томно очи,
Невольно слезы сжали грудь,
И стало трудно ей вздохнуть.

9.

Что эти слезы? Есть другія:
И въ нихъ твоя, Елена, казнь,
Въ нихъ смертный холодъ, въ нихъ боязнь
И жгучи муки въ нихъ живыя.
Твоей любви, твоихъ ночей
Не скрылась тайна роковая
Отъ проницательныхъ очей;
Изъ устъ въ уста перебѣгая,
Молва растетъ и про позоръ
Уже лукаво шепчетъ Дворъ...
Кто-жъ торжествуетъ? Твой конюшій,
Избранникъ сердца твоего!
Какъ раболѣпно вкругъ него
Истцовъ придворныхъ вьются души!
Онъ сталъ могуществомъ своимъ
Заслугамъ страшенъ вѣковымъ,—
И какъ ни грустно, какъ ни больно,
Имъ было видѣть эту тѣнь,
Но уступали ей невольно
Престола первую ступень!

1830 г.

XX.

Да, кончено!.. Тоска одолѣваетъ,
Сознаніе тяжелое гнететъ,
Упорно умъ въ борьбѣ изнемогаетъ,
Но и мечта вновь къ жизни не зоветъ!

* * *

И для чего бы кровь закипятила снова,
Когда пора, и лучшая, прошла,
Безъ мощныхъ дѣлъ, безъ мощной силы слова,
Однѣми лишь надеждами свѣтла.

* * *

Пусть мысль была свободной мнѣ владыкой,
Пусть горячо прочувствовала грудь,
Что есть прекрасна-о, что на землѣ велико,
Но чѣмъ же *я* свой обозначилъ путь?

* * *

То полный рвенія, то вдругъ сомнѣньемъ скованъ,
Я къ цѣли шелъ, не вѣруя въ конецъ,
И только былъ, какъ избраннымъ, дарованъ
На склонѣ дней терновый мнѣ вѣнецъ!

1878 г.

XXI.

Сквозь грезъ мечтательнаго міра
Мнѣ вдругъ раскрылся міръ иной,
И вздрогнула тревожно лира,
И сердце сжалося тоской...

* * *

Подъ необъятнымъ сводомъ неба
Одинъ свирѣпствуетъ законъ:
Не достаетъ тепла и хлѣба,
Не умолкаютъ плачъ и стонъ.

* * *

И алчно гибнущее племя
Ждетъ погрузиться въ вѣчный сонъ,
А вслѣдъ ему выводитъ время
На жертву новый легіонъ.

* * *

И такъ отъ вѣка и до вѣка,
А мы увѣровать могли,
Что создана для человѣка
Вся прелесть жизни на земли!

* * *

Нѣтъ! безъ конца, безъ перерыва,
Ему страдать, ему роптать,
Пока на все, что въ мірѣ живо,
Падетъ ничтожества печать.

* * *

И, разъ прозрѣвъ, душа какъ прежде
Уже забыться не должна,
Скажи-жъ прости мечтамъ, надеждѣ,
И оборвись моя струна!

1879 г.

XXII.

Безнадежность.

Куда судьба меня забросить,
Не знаю я,
Но ничего уже не проситъ
Душа моя.

* * *

Напрасно я бы кинулъ взгляды
На Божій свѣтъ,
Нигдѣ надежды и отрады
Мнѣ въ мірѣ нѣтъ!

* * *

Сложить тоскующія кости
Пора давно,
А на какомъ ни тлѣть погостѣ
Мнѣ все равно!..

1882 г.

XXIII.

Въ альбомъ княжнѣ К—ой.

Немногимъ жизнь желанное даетъ,
Иныхъ она преслѣдуетъ жестоко,
И счастливъ тотъ, кто путь ея пройдетъ
Безъ тайныхъ слезъ, безъ жалобъ и упрека;
Съ какой бы ты ни встрѣтилась судьбой,
Но съ тѣмъ, что зло, презрительно и черно,
Чтобъ не краснѣть за жизнь передъ собой,
Веди борьбу отважно и упорно,
Крѣпка въ душѣ добромъ и чистотой.

1877 г.

XXIV.

Отрывокъ.

Онъ сказалъ, нашъ врагъ лукавый,
Русь богата, Русь крѣпка,
Много жизни, много славы
Обѣщаютъ ей вѣка.

* * *

Въ храмахъ сходится въ-едино,
Твердо вѣруетъ въ царя,
Въ каждой груди селянина
Льется кровь богатыря.

* * *

Все обширнѣй, все кипучѣй
Стелетъ волнъ своихъ потокъ,
Скоро станутъ для могучей
Тѣсны Сѣверъ и Востокъ!

* * *

Чтожъ противу ей поставитъ
Одряхлѣвшій западъ нашъ,
Чьей судьбою втайнѣ правитъ
Вольнодумецъ и торгашъ,

* * *

Гдѣ святыня, гдѣ свобода,
Громкихъ словъ обманъ пустой,
Гдѣ развратъ, среди народа,
Породнился съ нищетой,

* * *

И завистливой душою
Страшенъ хищному купцу,
И грозитъ измѣной злою
Незаконному вѣнцу!...

1853 г.

XXV.

Чуть теплится лампада,
И сумрачно кругомъ,
И ноетъ грудь тоскливо
Упрекомъ о быломъ.

* * *

Къ чему же эти муки,
Къ чему волненье вновь,
И не пустые-ль звуки
И слава и любовь?

1883 г.

XXVI.

Забвеніе.

Забвенье!... Безсильный, обманчивый звукъ,
Понятный бы только въ могилѣ:
Ни радости прошлой, ни страсти, ни мукъ,
Забвенью предать мы не въ силѣ.
Что въ душу запало, останется въ ней,
Ни моря нѣтъ глубже, ни бездны темнѣй!

* * *

Печальная память разсудка зоветъ
Минувшее тщетно утратой,
Въ святилищѣ тайномъ незримо живетъ,
Что насъ волновало когда-то,
И часто, нежданно, изъ сумрака лѣтъ
Его озаряетъ стремительный свѣтъ!

1836 г.

XXVII.

Двѣ поры.

Кипящъ и свѣтелъ и могучъ,
Гремя, бѣжитъ нагорный ключъ,
Бѣжитъ — и нѣтъ ему преграды,
Деревья, корни съ трескомъ рветъ,
И камней мшистыя громады
Въ своемъ стремленіи несетъ,
Но, въ брызгахъ падая съ стремнины,
Чуть виденъ въ сумракѣ долины,
И змѣйкой тихаго ручья
Скользитъ усталая струя,
Ей все преграда, рѣзво гонитъ
Ее обратно вѣтерокъ,
И на безсильной влагѣ тонетъ
Упавшій осенью листокъ.

1837 г.

XXVIII.

Звуки.

Много тайны въ каждомъ звукѣ,
Звукъ волшебствомъ одаренъ,
Радость прошлую и муки
Воскрешаетъ въ сердцѣ онъ;
Если намъ, у колыбели,
Въ нашемъ дѣтствѣ пѣсни пѣли,
Много въ нихъ родного есть,
Этихъ пѣсенъ сердце проситъ,
Каждый звукъ, какъ-будто, вѣсть,
Намъ о матери приноситъ!

1837 г.

XXIX.

Магометанкѣ.

Нѣтъ, душистыхъ струй востока
Мнѣ противенъ тонкій ядъ,
Развѣ-бъ Гуріи пророка
Принесли свой ароматъ,
Развѣ-бъ въ знойномъ ароматѣ
Талисманомъ я владѣлъ,
Чтобы жаръ твоихъ объятій
Никогда не охладѣлъ!

1837 г.

XXX.

Въ альбомъ Бар—ву.

Да, средь горъ Тавриды дивной
Скалы въ дымкѣ облаковъ,
Моря отблескъ переливный,
Нѣга солнца и цвѣтовъ,
Все волнуетъ чудотворно
Обаяньемъ красоты,
Какъ родникъ, изъ кручи горной,
Брызнутъ смѣлыя мечты,
Жизнь блеснетъ опять надеждой,
Вдохновеніе слетитъ,
И подъ форменной одеждой
Грудь поэта задрожитъ.

1836 г.

XXXI.

Старый гетманъ.

Хмѣльницкаго-ль вижу опять на конѣ
Иль призракъ Богдана имъ правитъ?
Я гетмана знаю, тотъ первый въ огнѣ
Поляковъ и рубитъ и давитъ.

* * *

А этотъ шагъ за шагъ онъ ѣдетъ, чуть живъ,
Ребенокъ съ сѣдла его сброситъ,
Ступи онъ на землю, такъ вѣтра порывъ
Дрожащія ноги подкоситъ!

* * *

Нѣтъ, онъ не подкоситъ слабѣющихъ ногъ,
Украйна подыметъ на плечи
Того, кто ей цѣпи расторгнуть помогъ,
Кто другомъ свободной былъ Сѣчи.

* * *

Пускай одряхлѣлъ онъ отъ лѣтъ и отъ ранъ,
Но лавры горятъ на сѣдинѣ,
И преданность встрѣтитъ въ народѣ Богданъ,
Какъ встрѣтитъ отецъ въ своемъ сынѣ.

* * *

И радостно-шумно привѣтствуетъ кликъ
Украинѣ старца святова,
Зажглись его очи, но только на мигъ,
И разомъ потухнули снова.

1830 г.

XXXII.

Сосѣдкѣ-пѣвицѣ

Е. А. Лавровской.

Среди гнетущей, тайной муки,
Въ моей томительной тиши,
Доходятъ пѣсенъ вашихъ звуки
До глубины моей души.

* * *

Какъ свѣжо чувство въ ихъ отзывахъ,
Какъ воскрешаютъ мнѣ они,
Въ своихъ волшебныхъ переливахъ,
Давно угаснувшіе дни,

* * *

И все, что въ жизни мнѣ свѣтило,
Что жгло прельстительной мечтой,
И даже горе то, что было
Дороже радости самой.

* * *

О пусть же голосъ вашъ волненье,
Пусть въ сердцѣ боль возобновитъ,
Но это жизнь!... И ваше пѣнье
Мнѣ снова жизнію звучитъ!

1884 г.

Сатирическія стихотворенія и эпиграммы.

XXXIII.

Дѣятели.

Недавно клубъ свой завели
Здѣсь хохломаны-демагоги
И мужика произвели
Едва, едва не въ полубоги;
Добра-жъ не жди отъ нихъ мужикъ,
Тутъ на умѣ не польза края,
Одинъ обманъ весь этотъ крикъ
И скрыта цѣль совсѣмъ другая;
Но мнѣ до козней дѣла нѣтъ,
Я романтическій поэтъ!

* * *

Съ тѣхъ поръ, какъ загнанъ дворянинъ,
Чиновникъ выросъ непомѣрно,
И этотъ новый гражданинъ
Чужимъ карманомъ щедръ примѣрно;
Приди-сь же краю пособить,
Онъ гроша въ жертву не положитъ,
Тому вѣдь нечего любить,
Кто ничего терять не можетъ!
Мнѣ-жъ къ бюрократамъ дѣла нѣтъ,
Я романтическій поэтъ!

* * *

Толпы наѣзжихъ поваровъ
Варятъ здѣсь кашицу на славу,
Въ нее засыпавъ поляковъ,
Изъ русскихъ дѣлаютъ приправу.
Кому придется расхлебать,
Не вкусно будетъ это блюдо,
Да поварамъ-то благодать,
Они расходъ ведутъ покуда.
Мнѣ-жъ до поживы дѣла нѣтъ,
Я романтическій поэтъ!

* * *

У насъ ораторъ-публицистъ,
Не слѣдуя за правдой строго,
Хвалой властямъ пестритъ свой листъ,
Хоть чести мало, пользы много!
Схватилъ онъ чинъ и орденокъ,
Одно его лишь втайнѣ мучитъ,

Аренды выкадить не могъ,
Но и ее, авось, получитъ.
Да мнѣ къ лакейству дѣла нѣтъ,
Я романтическій поэтъ!

* * *

Неправда, будто дуракамъ
Однимъ не писаны законы;
На беззаконье всюду къ намъ
Несутся жалобы и стоны.
Кругомъ ростетъ широко зло,
Корысть, обманы и коварство,
Какъ-будто снова налегло
Монгольское на край нашъ царство;
Но мнѣ до воплей дѣла нѣтъ,
Я романтическій поэтъ!

* * *

А все-жъ сознаться долженъ я,
Что въ этой сферѣ жить намъ душно;
Тѣснится злостью грудь моя
И сердце рвется непослушно;
Чтобы дремоту отряхнуть,
Смѣнить бичами струны лиры
И стаю наглую хлестнуть
Свистящей плеткою сатиры...
Но что-жъ, во мнѣ и желчи нѣтъ,
Я романтическій поэтъ!

1862 г.

XXXIV.

Когда Парисъ увезъ жену у Менелая,
Ему потеря въ ней была не такъ большая,
Бѣда-ль, что вспыхнула Троянская война,
Гомера Греціи дала за то она;
Но горе все для насъ—зачѣмъ теперь на сцену
Поставили въ примѣръ Прекрасную Елену!

1871 г.

XXXV.

Мать и дочь.

Послалъ же Господь мнѣ безстыдницу-дочку,
Послѣднюю скоро съ насъ снимутъ сорочку,
Страхъ роскоши много добыла игла,
Вотъ ты посмотрѣла-бъ, какъ Маша жила!
— Ну, что-же, пожалуй, къ корнету-сосѣду
Пойду, какъ она, вечеркомъ на бесѣду,
Его и весь полкъ оберу, такъ и быть,
Тогда ужъ не стану безстыдницей жить!

1871 г.

Эпиграммы.

XXXVI.

Къ литературной газетѣ Б... Д...

Не для большого ты числа,
А ради дружбы выходила;
Гдѣ колыбель твоя была,
Тамъ и могила!

1830 г.

XXXVII.

Подъ указкой школьныхъ правилъ,
Мой продажный самохвалъ,
Ты стихи мои исправилъ,
Помѣщая въ свой журналъ.
Не пришла-жъ догадка эта
Наглой мудрости твоей,
Что при факелѣ поэта
Твой огарокъ безъ лучей!

1837 г.

XXXVIII.

Съ поправкою своей мои стихи ты тиснулъ,
Я басенкой за трудъ вознагражу тебя:
Рабочій волъ коня случайно грязью вспрыснулъ;
Достоинство свое сознательно любя,
Не вспыхнулъ гнѣвный конь порывомъ безразсчетнымъ,
И даже сталью ногъ волу не погрозилъ,
Но чтобъ не встрѣтиться съ запачканнымъ животнымъ,
Съ его дороги своротилъ.

1837 г.

XXXIX.

„Лгуны поэты; увѣряю",
Рѣшаетъ смѣло Агаѳонъ;
Изъ этихъ словъ я заключаю,
Что долженъ быть поэтъ и онъ!..

1837 г.

XL.

Эй, люди! Эй, воды, вина!
Скорѣе! Проглотилъ я муху!
„Къ чему-жъ горланить, что есть духу,
Изъ мухи сдѣлалъ ты слона!"

1837 г.

XLI.

Влюбленной дамѣ.

Пусть онъ Амуръ—согласенъ съ вами,
И сходство мы легко найдемъ:
Божокъ опасенъ вамъ стрѣлами,
А вашъ поклонникъ—языкомъ!

XLII.

Біографія княгини N. N.

экспромтъ.

По утру встать,
Весь день болтать,
Надоѣдать
И утомлять,
А тамъ и спать,
Чтобъ завтра встать
Опять болтать!..

XLIII.

Все суетится, все хлопочетъ,
А безъ заботъ нашъ Фалалей,
Онъ даже шутитъ и хохочетъ
Въ угоду пошлости своей;
Полсутокъ нѣжится въ постелѣ,
Не безпокоясь ни о чемъ,
Онъ знаетъ, рѣчь идетъ о дѣлѣ,
Такъ и не вздумаютъ о немъ!

XLIV.

Редактору толстаго журнала.

Нѣтъ, нѣтъ, торгашъ литературный,
Обманомъ славы не купить,
Ты могъ ученостью мишурной
Свой грошъ ума позолотить,
Но не хитра уловка эта,
Она къ добру не поведетъ,
Вѣдь съ рукъ поддѣльная монета
Теперь и ночью не сойдетъ!..

1855 г.

XLV.

Въ статьѣ, облитой желчнымъ потомъ,
Со злости, промахъ далъ Зоилъ:
Тебя сравнивши съ Донъ-Кихотомъ,
Себя онъ съ мельницей сравнилъ,
Машиной хитрой, но бездушной,
Толчку стороннему послушной,
Но въ спорѣ честномъ, гдѣ должно
Стремленье честное быть видно,
Сражаться съ мельницей смѣшно,
А мельницей вертѣться—стыдно!

1862 г.

XLVI.

Механикъ [1].

БАСНЯ.

Механика въ деревню изъ столицы
Прислалъ помѣщикъ. Онъ хотѣлъ
Чтобъ мельницы его искусникъ осмотрѣлъ
И передѣлалъ въ нихъ и шестерни и спицы
На новый, лучшій образецъ.
Пріѣхалъ нашъ мудрецъ,
Въ порядкѣ мельницы обходитъ,
Туда, сюда лорнетъ наводитъ
На что ни взглянетъ—не по немъ!
То зубъ не прямъ, то колесо виляетъ.
Онъ все коверкаетъ, ломаетъ,
Хлопочетъ больше съ каждымъ днемъ
И скоро все пошло вверхъ дномъ.
Въ работѣ мельники проводятъ дни и ночи
И думаютъ: авось!
Но что же?—выбились изъ мочи,
А мельницы хоть брось!
Межъ тѣмъ и хлѣбъ съ полей убрали,
Морозы ранніе бѣлѣли на земли,
Крестьяне мельницъ ждали, ждали,
Но, видя наконецъ, что время лишь теряли,
Смолоть зерно къ сосѣдямъ отвезли.

— —

Мы очень часто видимъ то же
И въ городахъ иныхъ;
О, навсегда избави, Боже,
Насъ отъ механиковъ такихъ!

Андрей Подолинскій.

[1]) Эта басня написана по случаю ломки, производимой въ Кіевѣ военнымъ губернаторомъ Л* въ 1830 годахъ. А. П.

СВЯЩЕННИКЪ ѲЕОДОСІИ ЛЕВИЦКІЙ

въ заточеніи въ Коневскомъ монастырѣ

въ 1824—1827 гг.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1880 г., томъ XXIX (стр. 129—168; 645—682; сентябрь и ноябрь), помѣщены автобіографическія Записки священника Николаевской церкви въ городѣ Балтѣ, о. Ѳеодосія Левицкаго, а затѣмъ въ нашемъ же журналѣ изд. 1882 г., томъ XXXV (стр. 587—604), напечатано обозрѣніе его дѣятельности, какъ проповѣдника.

Такимъ образомъ, въ высшей степени своеобразная и высоко-гуманная личность этого достойнѣйшаго пастыря церкви въ эпохи Александра I и Николая I, освѣщена предъ читателями „Русской Старины“ вполнѣ.—Но въ жизни о. Ѳеодосія Левицкаго есть эпизодъ особенно интересный: вызванный въ маѣ 1823 г., по волѣ Александра I, въ С.-Петербургъ, онъ пробылъ здѣсь болѣе года, былъ принятъ государемъ, былъ свидѣтелемъ страшнаго наводненія столицы 7-го ноября 1824 года, и узрѣвъ въ семъ бѣдствіи кару Господню, сказалъ въ церкви Тверского архіерейскаго подворья, на Васильевскомъ островѣ, пламенную проповѣдь, въ которой смѣло коснулся пагубной для народа дѣятельности гр. Аракчеева, какъ ревнителя военныхъ поселеній. Тогда-же о. Левицкій былъ сосланъ въ Коневскій монастырь. Здѣсь, въ заточеніи, о. Ѳеодосій пробылъ три года (1824—1827 гг.).

Объ этомъ-то времени интересныя для его біографіи данныя представляютъ нижеслѣдующіе документы.

Ред.

I.

Приказъ Коневскаго монастыря строителю.

Препровождаемаго при семъ во ввѣренный вамъ монастырь Подольской епархіи священника Ѳеодосія примите въ число братства, и обратите на него особенное вниманіе касательно образа мыслей его и поведенія, отнюдь не дозволяя ему говорить какихъ либо поученій и проповѣдей въ церкви не токмо при богомольцахъ, но и при братіи. Каково же онъ будетъ вести себя, о томъ должны вы репортовать мнѣ чрезъ каждые три мѣсяца. Впрочемъ никуда его, безъ особенной резолюціи моей, изъ монастыря отнюдь не отпускайте. Серафимъ, митрополитъ Новгородскій и Санктъ-Петербургскій.

1824 года, ноября 10 дня.

На оборотѣ надпись. Полученъ ноября 12 дня 1824 года чрезъ нарочнаго, фельдъегерскаго корпуса прапорщика Шмита, который и прописаннаго здѣсь священника того же числа въ монастырь представилъ; въ чемъ ему, Шмиту, и росписка отъ монастыря тогда же дана. Строитель іеромонахъ Іоанникій.

II.

Преосвященнѣйшему митрополиту (по титулѣ).

Рождественскаго Коневскаго монастыря отъ строителя іеромонаха Іоанникія репортъ.

Вашего высокопреосвященства приказъ, отъ 10-го ноября ко мнѣ послѣдовавшій, о принятіи въ число братства здѣшняго монастыря Подольской епархіи священника Ѳеодосія и о содержаніи его здѣсь на предписанномъ въ ономъ приказѣ основаніи,—мною полученъ, при коемъ и вышеозначенный священникъ при нарочномъ, фельдъегерскаго корпуса прапорщикѣ, сюда прибылъ; о чемъ и что все предписанное отъ вашего высокопреосв—ства мнѣ, относительно онаго священника Ѳеодосія, мною въ точности исполняемо быть имѣетъ, вашему высокопреосв—ству всенижайше репортую.

Вашего высокопреосвященства милостиваго архипастыря и отца нижайшій послушникъ строитель іеромонахъ Іоанникій.

Ноября 13-го дня 1824 г.

III.

Преосвященнѣйшему митрополиту (по титулѣ).

Покорнѣйшій репортъ.

Во исполненіе приказанія вашего высокопреосв—ства, отъ 10 ноября истекшаго 1824 года послѣдовавшаго, о принятіи въ число братства здѣшняго монастыря Подольской епархіи священника Θеодосія и о обращеніи на него вниманія касательно образа мыслей его и поведенія, съ предписаніемъ репортовать о томъ вашему высокопреосвященству чрезъ каждые три мѣсяца, симъ покорнѣйше доношу, что оный священникъ Θеодосій, находясь здѣсь съ 12-го ноября по нижеписанное число, велъ себя кротко, честно и благонравно, занимаясь по очереди чтеніемъ о здравіи и за упокой псалтыри. Къ церкви Божіей ходилъ каждодневно со усердіемъ, и другія монастырскія послушанія по назначенію исправлялъ со смиреніемъ. Касательно же образа мыслей его, то по уединенной и молчаливой здѣсь жизни его и рѣдкому обращенію его съ братіею не примѣчено въ немъ ничего важнаго, кромѣ, что мною и братіею усмотрѣна въ немъ охота и сильное желаніе къ проповѣдованію слова Божія, но въ томъ ему, по силѣ предписанія, запрещено; о чемъ вашему высокопреосв—ству покорнѣйше и репортую. Строитель іеромонахъ Іоанникій.

Февраля 12 дня 1825 г.

IV.

Преосвященнѣйшему митрополиту (по титулѣ).

Во исполненіе приказанія вашего высокопреосв—ства, отъ 10-го ноября прошлаго 1824 года къ бывшему сего монастыря строителю іеромонаху Іоанникію послѣдовавшаго, съ предписаніемъ репортовать вашему высокопреосв—ству чрезъ каждые три мѣсяца о поведеніи находящагося здѣсь въ числѣ братства Подольской епархіи священника Θеодосія, симъ покорнѣйше доношу, что оный священникъ какъ до прибытія моего сюда, по сказанію здѣшней братіи, такъ и по прибытіи, чрезъ прошедшіе три мѣсяца по нижеписанное число велъ себя трезво, кротко и благонравно, пребывая всегда въ безмолвіи и уединеніи. Къ церкви Божіей ходилъ съ прилежаніемъ и ни въ какихъ худыхъ и подозрительныхъ поступкахъ не былъ замѣченъ. О образѣ же мыслей его ничего еще мною по краткости времени не усмотрѣно; о чемъ вашему высокопреосв—ству всенижайше и репортую. Игуменъ Никонъ.

Маія 12-го дня 1825 г.

V.

Преосвященнѣйшему митрополиту (по титулѣ).

По предписанію вашего высокопреосв—ства находящійся въ семъ монастырѣ священникъ Ѳеодосій, послѣ донесенія моего вашему высокопреосв—ству отъ 12-го маія, по нижеписанное число чрезъ прошедшіе три мѣсяца велъ себя добропорядочно, скромно и благонравно; въ худыхъ поступкахъ и праздномъ хожденіи никогда не былъ замѣченъ, но всегда пребывалъ въ безмолвіи и уединеніи. Прилежаніе его къ церкви Божіей примѣрное, а образъ наружной здѣсь жизни его весьма похвальный и одобрительный. Что же касается до образа мыслей его, то о томъ, по рѣдкому его со всѣми здѣсь обращенію, ничего не примѣтно; о чемъ вашему высокопреосв—ству всенижайше и репортую. Игуменъ Никонъ.

Августа 12-го дня 1825 г.

VI.

Преосвященнѣйшему митрополиту (по титулѣ).

По предписанію вашего высокопреосв—ства находящійся въ семъ монастырѣ священникъ Ѳеодосій, послѣ донесенія моего вашему высокопреосв—ству отъ 12-го августа, по нижеписанное число чрезъ три мѣсяца и весь круглый годъ велъ себя, какъ и въ прежнихъ моихъ репортахъ доносимо было, весьма добропорядочно, благонравно, тихо и богоугодно, пребывая всегда въ уединенномъ безмолвіи. Къ церкви Божіей ходилъ съ примѣрнымъ тщаніемъ, въ худыхъ и подозрительныхъ поступкахъ замѣченъ никогда не былъ. Что-же касается до образа его мыслей, то о семъ по малому и краткому его со всѣми здѣсь обращенію замѣтить ничего невозможно. О чемъ вашему высокопреосв—ству всепокорнѣйше и репортую. Игуменъ Никонъ.

Ноября 12-го дня 1825 г.

VII.

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго изъ С.-Петербургской духовной консисторіи Рождественскаго Коневскаго монастыря о. игумену Никону.

На прошеніе находящагося въ Коневскомъ монастырѣ священника Ѳеодосія Левицкаго, объ увольненіи его вовсе изъ Коневца въ Каменецъ-Подольскую епархію по изъясненнымъ въ томъ прошеніи при-

чинамъ, резолюція отъ его высокопреосв—ства послѣдовала такова: «отказать въ сей просьбѣ: поелику онъ опредѣленъ въ Коневскій монастырь по высочайшему повелѣнію», вслѣдствіе чего консисторіею опредѣлено: для объявленія оной его высокопреосв—ства резолюціи просителю священнику Ѳеодосію послать, и посылается сей указъ къ вамъ, о. игумену. Декабря 19-го дня 1825 года. Вознесенскій протоіерей Матвѣй Іоанновъ, секретарь Михаилъ Соколовскій, повытчикъ Иванъ Колосовъ.

VIII.

Преосвященнѣйшему митрополиту (по титулѣ).

Находящійся въ семъ монастырѣ по приказанію вашего высокопреосв—ства Подольской епархіи священникъ Ѳеодосій, послѣ донесенія моего къ вамъ отъ 12-го ноября прошлаго 1825 года по 12-е маія настоящаго, велъ себя во всемъ добропорядочно и въ противозаконныхъ поступкахъ замѣченъ не былъ. Онъ таковъ же, какъ былъ и впродолженіи круглаго истекшаго года—тихъ, кротокъ, особенно усерденъ къ церкви Божіей, уединенъ, малоговорливъ; отвѣты же его показываютъ человѣка великодушнаго, въ полную волю Господа вручившагося, а другія его мысли неизвѣстны. О чемъ вашему высокопреосв—ству всепокорнѣйше и репортую. Игуменъ Никонъ.

Маія 12-го дня 1826 г.

IX.

Преосвященнѣйшему митрополиту (по титулѣ).

По предписанію вашего высокопреосв—ства находящійся въ семъ монастырѣ священникъ Ѳеодосій, отъ 12-го маія по таковое же сего августа, жизнь провождалъ добропорядочную и ни въ чемъ незазорную. Любитъ болѣе уединеніе, въ сообществѣ мало говорливъ и здраво мыслящъ, а потому въ немъ доселѣ не усмотрѣно никакихъ сомнительныхъ и противозаконныхъ положеній, да и впредь по постоянному добродѣтельному житію не предвидится никакой вины къ открытію оныхъ. О чемъ вашему высокопреосв—ству всепокорнѣйше и репортую. Игуменъ Никонъ.

Августа 12-го дня 1826 г.

X.

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго изъ Санктъ-Петербургской духовной консисторіи Рождественскаго Коневскаго монастыря о. игумену Никону.

Его сіятельство, г. тайный совѣтникъ, синодальный оберъ-прокуроръ и кавалеръ, князь Петръ Сергѣевичъ Мещерскій, по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, чрезъ отношеніе къ его высокопреосв—ству проситъ истребовать отъ васъ свѣдѣніе о поведеніи священника Ѳеодосія Левицкаго, находящагося въ Коневской обители по высочайшему повелѣнію, и доставить оное къ его сіятельству для доклада государю императору. Сіе отношеніе его высокопреосв—ство, сдавъ въ консисторію, приказалъ предписать вамъ, чтобы вы о поведеніи священника Левицкаго и объ образѣ мыслей его отрепортовали его высокопреосв—ству обстоятельно и по всей справедливости, для наискорѣйшаго исполненія чего сей указъ къ вамъ, о. игумену, и посылается. Октября 3-го дня 1827 года.

Спасосѣнновскій протоіерей Тимофей Вещезеровъ, секретарь Соколовскій, повытчикъ Иванъ Колосовъ.

О нужномъ.

XI.

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго изъ С.-Петербургской духовной консисторіи Рождественскаго Коневскаго монастыря о. игумену Никону.

Его сіятельство, г-нъ синодальный оберъ-прокуроръ и кавалеръ, князь Петръ Сергѣевичъ Мещерскій сообщилъ его высокопреосв—ству, что полученныя отъ его высокопреосв—ства свѣдѣнія о находящемся въ Коневскомъ монастырѣ священникѣ Ѳеодосіи Левицкомъ онъ, г. оберъ-прокуроръ, имѣлъ счастіе представлять на высочайшее благоусмотрѣніе государя императора и его императорское величество, въ 5-й день текущаго ноября, высочайше повелѣть соизволилъ: «отпустить священника Левицкаго въ Подольскую епархію къ прежнему его приходу». Во исполненіе сей высочайшей воли, и вслѣдствіе, послѣдовавшей на помянутомъ отношеніи его сіятельства, резолюціи его высокопреосв—ства, консисторія, препровождая при семъ паспортъ для прохода священнику Левицкому въ Подольскую епархію, предписываетъ

вамъ, отдавъ оный ему, Θеодосію, немедленно отпустить его изъ Коневской обители, и отрепортовать въ консисторію. Ноября 10-го дня 1827 года. Академіи ректоръ архимандритъ Іоаннъ, секретарь Михаилъ Соколовскій, повытчикъ Иванъ Колосовъ.

Примѣчаніе. Въ началѣ 1884 г. въ Коневской обители были еще два старца, знавшіе лично о. Θеодосія; одинъ изъ нихъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1884 г. умеръ; другой же и послѣдній находится почти въ состояніи младенчества; память видимо ему измѣняетъ, онъ путаетъ факты, напримѣръ говоритъ, что священникъ Θеодосій былъ привезенъ въ монастырь подъ конвоемъ трехъ драгунъ, называетъ о. Θеодосія человѣкомъ не въ своемъ разсудкѣ, а потому положиться и дать вѣру его разсказу—рискованно. Это заставило меня обратиться къ лицамъ, которыя хотя и не застали о. Θеодосія въ Коневцѣ, но жили вскорѣ послѣ его отъѣзда, а слѣдовательно когда преданіе объ о. Θеодосіи было еще свѣжо; ихъ оказалось нѣсколько. Одинъ изъ нихъ, схимонахъ Виталій, поступившій въ монастырь въ 1829 году, хорошо помнитъ разсказы о немъ. Онъ говоритъ, что священникъ Левицкій былъ присланъ при секретной бумагѣ отъ какого-то важнаго лица; это сообщеніе заслуживаетъ вѣроятія, такъ какъ Левицкому запрещено было священнодѣйствіе, строго воспрещена всякая переписка и даже не позволялось имѣть въ кельѣ бумаги и чернилъ. Это подтверждаетъ въ своихъ запискахъ самъ Левицкій, а между тѣмъ въ указѣ митрополита Серафима запрещенія этого не видно; строитель Іоанникій, понятно, не могъ это устроить самъ непосредственно, а потому есть основаніе предполагать, что, кромѣ указа митрополита Серафима, строителю дана была иная инструкція конфиденціально и вотъ эта-то „бумага отъ важнаго лица" и не была ли за печатью Аракчеева? Далѣе, почти всѣ разсказываютъ, что Левицкій былъ человѣкъ вообще тихій, сосредоточенный, но временами на него находило чуть не изступленное состояніе и тогда онъ вездѣ порывался проповѣдывать, что не разъ приходилось употреблять противъ него силу, запирать въ кельѣ, не пускать ни въ трапезу, ни въ церковь. Это подтверждается отчасти рапортомъ строителя Іоанникія отъ 12-го февраля 1825 года, въ которомъ говорится, что въ о. Θеодосіи усмотрѣна „охота и сильное желаніе" къ проповѣданію слова Божія; да и самъ Левицкій въ своихъ запискахъ скорбитъ, что ему не дали говорить въ трапезѣ и въ церквѣ, что онъ былъ силою выведенъ оттуда. Съ назначеніемъ же игуменомъ Никона, положеніе Левицкаго въ монастырѣ измѣнилось къ лучшему. Игуменъ относился къ нему весьма сочувственно: дозволилъ ему имѣть бумагу и чернила, лично помогалъ вести Левицкому переписку съ своими друзьями и знакомыми и при немъ Левицкій велъ въ монастырѣ свои записки, что опять таки подтверждается и самимъ Левицкимъ. Хотя „сильное

желаніе проповѣдывать“ не оставляло Левицкаго до самаго отъѣзда изъ Коневца, но ни въ одномъ рапортѣ игумена Никона этого не значится.

Получивъ свободу, о. Ѳеодосій 2-го февраля 1828 г. явился въ родной ему городъ Балту и занялъ, по высочайшему повелѣнію, прежнее мѣсто настоятеля Балтской Николаевской церкви. Всецѣло отдавшись служенію церкви и христіанской благотворительности, онъ устроилъ, между прочимъ, страннопріимный домъ, въ которомъ находили пріютъ бѣдные люди всякаго возраста и всякаго званія.

Не безъ огорченій проведены были о. Ѳеодосіемъ послѣдніе годы его жизни (онъ умеръ 9-го марта 1845 г.),—подробности объ этомъ см. въ его біографіи, въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г., томъ XXXV, стр. 594—604.

Н. В.

НОВГОРОДСКІЯ ВОЕННЫЯ ПОСЕЛЕНІЯ.

Воспоминанія А. К. Гриббе.

I.

Въ настоящемъ очеркѣ я попытаюсь набросать картину службы и жизни офицера гренадерскаго графа Аракчеева полка, на военныхъ поселеніяхъ, въ самый разгаръ Аракчеевщины, притомъ, преимущественно, офицера молодого, такъ называемаго субалтерна, такъ какъ впечатлѣнія, пережитыя мною въ этомъ званіи, съ наибольшею рельефностью отпечатались въ моей памяти.

Условія современной военной службы такъ различны отъ существовавшихъ въ эпоху Аракчеевщины, что едва-ли въ состояніи дать даже слабое понятіе о томъ — какъ служили и жили военные въ то памятное время. Гнетъ формалистики и какой-то утрированной субординаціи, вообще характеризовавшій службу тогдашняго времени, нигдѣ, однако-жъ, не проявлялся съ такимъ звѣрствомъ, въ отношеніи къ нижнимъ чинамъ, и съ такимъ отсутствіемъ гуманности въ отношеніяхъ между сильными и слабыми, — начальствомъ и подчиненными, — какъ въ пресловутыхъ военныхъ поселеніяхъ [1]).

Бытъ офицеровъ того времени также неизмѣримо разнится отъ того, какъ живетъ современное офицерство. При низкомъ уровнѣ научнаго образованія массы офицеровъ, не знавшихъ, за весьма немногими исключеніями, другихъ развлеченій, кромѣ веселаго препровожденія времени,—кутежи, или, по-просту сказать, пьянство, было явленіемъ обычнымъ всюду, какъ въ гвардіи, гдѣ служилъ цвѣтъ тогдашней молодежи, такъ и въ глубокой арміи. Вся разница была только въ

---

[1]) Конечно, не всѣ подчиненные одинаково страдали: и тогда, какъ и теперь—порода и деньги значили много, даже, быть можетъ, болѣе, чѣмъ въ настоящее время, когда образованіе намного сглаживаетъ различія въ происхожденіи и матеріальныхъ средствахъ. А. Г.

напиткахъ: одни пили дорогое виноградное, другіе—дешевое простое, результаты же, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, были совершенно одинаковые. Строевыя ученья и разводы, парады и маневры смѣнялись попойками, часто носившими на себѣ характеръ полной необузданности и той безшабашной удали, которая, будто бы, такъ свойственна широкой русской натурѣ...

Совсѣмъ другое дѣло было въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, находившихся въ непосредственномъ вѣдѣніи грознаго Аракчеева, на самыхъ его глазахъ. Здѣсь господствовало другое направленіе, царилъ другой духъ, — духъ службы и строгой дисциплины. Начальническій глазъ и ухо зорко и чутко слѣдили не только за служебною, но и за частною жизнью офицера: его дѣйствія и поступки, почти каждый шагъ его, каждое лишнее слово были извѣстны начальству, которое присматривалось и прислушивалось ко всему, что дѣлалось и говорилось подчиненными. Поэтому, если и были у насъ любители чарочки, то выпивали или втихомолку, плотно притворивши двери своей квартиры, или, же какъ говорилось тогда, по фельдфебельски, на сонъ грядущій...

Первоначальный составъ общества офицеровъ, поселенныхъ по р. Волхову войскъ, какъ-то особенно соотвѣтствовалъ тому суровому характеру, какой вообще носило на себѣ учрежденіе военныхъ поселеній.

Въ нашей статьѣ «Графъ Аракчеевъ и его время», помѣщенной въ первой книгѣ «Русской Старины» за 1875 годъ, мы уже говорили, что основаніемъ для новгородскихъ военныхъ поселеній послужилъ 2-й баталіонъ гренадерскаго графа Аракчеева полка. Въ 1817 году, баталіонъ этотъ, отдѣленный отъ полка, квартировавшаго тогда въ Петербургѣ, отправленъ былъ, подъ командою маіора фонъ-Фрикена, на Волховъ, въ Высотскую волость. Офицеры, назначенные въ поселенный баталіонъ, выбранные изъ цѣлаго полка, были люди уже немолодые, съ установившимся взглядомъ на службу и пріобрѣвшіе репутацію строгихъ службистовъ. Многіе изъ нихъ понюхали пороха на Бородинскомъ полѣ, принимали участіе въ послѣдовавшей затѣмъ кампаніи 1813—1814 годовъ и погуляли по аллеямъ Булонскаго лѣса. По большей части, это были люди бѣдные, существовавшіе однимъ жалованіемъ и съ раннихъ лѣтъ привыкшіе къ труду и разнымъ лишеніямъ; поэтому, предстоявшая имъ работа не страшила ихъ: они знали на что шли и были готовы, безъ всякихъ мудрствованій, исполнять волю и приказанія начальства.

По прибытіи баталіона на берега Волхова, началось выполненіе его миссіи—стрижка и бритье мирныхъ мужиковъ, нежданно-негаданно для нихъ самихъ попавшихъ въ солдаты, и обученіе ихъ разнымъ

хитростямъ военной науки, которая и вся-то заключалась тогда въ исправной вытяжкѣ носка и въ ружейныхъ пріемахъ на 12 темповъ.

Много было пролито въ то время невѣдомыхъ слезъ, много было изведено лѣса,—той педагогической березы, удивительныя, назидательныя и исправительныя свойства которой ретиво отстаиваются даже и въ наше время.

Вслѣдъ за 2-мъ баталіономъ графа Аракчеева полка на Волховъ прибыли до 50 кадровыхъ баталіоновъ армейскихъ полковъ, нѣсколько артиллерійскихъ ротъ (безъ орудій), рабочіе баталіоны и роты, инженеры, архитекторы, землемѣры, форстмейстеры и разные другіе всевозможные техники, и началась кипучая дѣятельность, достойная лучшей цѣли. Вырубались дѣвственные лѣса, строились дома или, какъ ихъ называли—связи; осушивались болота, проводились дороги, разрушались убогія хижины бывшихъ мужиковъ и на мѣстѣ ихъ возводились солидныя каменныя постройки полкового штаба, существующія и до сихъ поръ, какъ безмолвные памятники незабвенной эпохи... Все это строилось и сооружалось руками нехитрыхъ армейскихъ солдатиковъ, подъ надзоромъ производителей работъ—инженеровъ и архитекторовъ.

На третій годъ по открытіи работъ, въ 1820 году, за исключеніемъ построекъ полкового штаба, все было окончено и поселенный баталіонъ вступилъ въ казенные дома, такъ называемыя связи [1]), вмѣстѣ съ коренными жителями, обращенными въ военныхъ поселянъ, а офицеры размѣстились частью въ тѣхъ же домахъ, въ мезонинахъ, частью же — въ уцѣлѣвшихъ, въ сторонѣ, прежнихъ, крестьянскихъ избахъ; впрочемъ, въ этихъ избахъ они только ночевали, такъ какъ цѣлые дни имъ приходилось проводить на работахъ.

Вновь выстроенные дома для поселенныхъ ротъ не отличались, однако-жъ, особенною прочностью постройки. Вслѣдствіе малой опытности рабочихъ солдатъ въ плотничномъ искусствѣ, а главнымъ образомъ потому, что лѣсъ для построекъ не былъ заготовленъ заблаговременно, но вывозился на мѣсто работъ гужемъ или сплавлялся по р. Волхову сырой и въ такомъ видѣ употреблялся въ дѣло, дома поселянъ оказались, по большей части, сырыми, промерзали зимою и, не простоявъ даже десяти лѣтъ, требовали уже капитальной перестройки.

Къ осени 1820 года, въ расположеніе полка вступили и осталь-

---

[1]) Каждая связь назначалась для четырехъ хозяевъ поселянъ, а мезониъ—для восьми постояльцевъ дѣйствующихъ баталіоновъ. Въ каждой поселенной ротѣ полагалось хозяевъ: унтеръ-офицеровъ, капральныхъ и десяточныхъ—12 и рядовыхъ 216 человѣкъ; всѣхъ же домовъ въ ротѣ было 60.

А. Г.

ные два дѣйствующіе баталіона, подъ командою генералъ-маіора Петрова, который, по сдачѣ полка подполковнику фонъ-Фрикену, назначенъ былъ бригаднымъ командиромъ вновь устроеннаго поселенія. Нижніе чины двухъ прибывшихъ баталіоновъ были размѣщены на квартирахъ у поселянъ 2-го баталіона, во вновь отстроенныхъ домахъ, а офицеры, также какъ и 2-го баталіона, помѣстились въ полуразрушенныхъ курныхъ избушкахъ.

Многіе изъ прибывшихъ офицеровъ были люди съ нѣкоторыми средствами, и, квартируя въ Петербургѣ, пользовались тамъ, въ свободное отъ службы время, разными развлеченіями; поэтому, понятно, что жизнь въ поселенномъ полку, да еще при такой непривлекательной обстановкѣ, показалась имъ не очень казистой. Въ особенности трудно было для нихъ освоиться съ мыслью о своемъ двоякомъ назначеніи—быть одновременно и воиномъ, и земледѣльцемъ. Призадумались бородинскіе гренадеры, но дѣлать было нечего, приходилось до поры, до времени, терпѣть и, волею-неволею, фигурировать въ роли двуликаго Януса. Получить отставку въ то служилое время было очень трудно. Человѣкъ неслужащій казался чѣмъ-то подозрительнымъ, не совсѣмъ надежнымъ; поэтому все, что только принадлежало къ такъ называемому привиллегированному сословію, даже независимо отъ сословныхъ традицій, стремилось на службу и тянуло эту лямку до нельзя. Но, видно, нашимъ гренадерамъ пришлось, подъ конецъ, не въ моготу и они рѣшились подавать, подъ разными предлогами, въ отставку. Одни изъ нихъ, по особенной милости своего великодушнаго шефа, дѣйствительно были уволены отъ службы, но съ оговоркою въ указахъ объ отставкѣ, чтобы впредь никуда ихъ не принимать; другіе же, за малѣйшее упущеніе и неисправность по службѣ, переводимы были въ армейскіе полки, гарнизонные баталіоны и другія команды. Не смотря, однако-же, на такое видимое пониженіе въ служебномъ отношеніи, всѣ они были очень довольны перемѣною своего положенія, благодарили за милость и поспѣшно исчезали изъ полка. Къ 1825 году большая половина прежняго состава офицеровъ оставила полкъ, а взамѣнъ ихъ были частью переведены изъ арміи личности, рекомендованныя и составившія себѣ репутацію ревностныхъ исполнителей приказаній начальства, частью же выпущены изъ кадетскихъ корпусовъ. Такимъ образомъ, въ полку сформированъ былъ почти новый составъ офицеровъ, большинство которыхъ, по своей крайней бѣдности и совершенной неподготовкѣ къ иному роду службы, поневолѣ принуждено было переносить какъ трудности двойной службы, такъ и до невозможности грубое и дерзкое обращеніе начальства.

Въ статьѣ моей «Графъ Аракчеевъ и его время», помѣщенной въ

1-й книгѣ «Русской Старины» за 1875 годъ, я довольно подробно говорилъ о томъ грубомъ, дерзкомъ и унизительномъ для званія офицера обращеніи, какое позволяли себѣ начальствующія лица съ своими подчиненными. Наказанія, которымъ подвергались офицеры за служебные проступки, обыкновенно не только не соотвѣтствовали значенію мелкихъ упущеній по службѣ, но и явно противорѣчили существовавшимъ въ то время правиламъ о дисциплинарныхъ взысканіяхъ. Нерѣдко, напримѣръ, офицеръ, за какую нибудь ошибку во фронтѣ, или за неисправность во время дежурства по поселенной ротѣ или въ караулѣ, арестовывался на недѣлю, а не то и на мѣсяцъ, на хлѣбѣ и водѣ! Одного офицера гренадерскаго графа Аракчеева полка, поручика Клейника, арестованнаго баталіоннымъ командиромъ на гауптвахтѣ, командиръ полка, полковникъ фонъ-Фрикенъ, хотѣлъ было посадить въ арестантскую комнату нижнихъ чиновъ, между которыми были люди, судимые за убійство и содержавшіеся въ оковахъ, и если не сдѣлалъ этого, то единственно вслѣдствіе энергическаго сопротивленія Клейника исполнить незаконное приказаніе своего начальника.

Дѣло это, сильно взволновавшее все общество молодыхъ офицеровъ полка и послужившее поводомъ къ соглашенію офицеровъ принести жалобу государю, даже и для тогдашняго времени суровой военной дисциплины представляло собою явленіе, выходящее изъ ряда. Поэтому, въ дополненіе къ моему, уже напечатанному, разсказу объ этомъ эпизодѣ (№ 1-й „Русской Старины" 1875 г.), я считаю не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя подробности о немъ. Поступивъ на службу въ полкъ графа Аракчеева въ 1822 году въ которомъ и случилось это происшествіе, я, хотя и жилъ вмѣстѣ съ братомъ офицеромъ, но не могъ, конечно, знать въ точности весь ходъ дѣла; только теперь, перебирая бумаги и записки, оставшіяся послѣ умершаго моего старшаго брата, генералъ-лейтенанта Гриббе, я нашелъ подробное описаніе случая съ Клейникомъ и исторіи, такъ называемаго, „заговора" офицеровъ. Такъ какъ подробности всего этого дѣла рельефно рисуютъ отношенія, существовавшія въ то время между начальствомъ и подчиненными, и отчасти характеризуютъ пресловутое правосудіе всемогущаго временщика графа Аракчеева, то привожу подробный разсказъ объ этомъ со словъ моего покойнаго брата, бывшаго очевидцемъ расправы съ Клейникомъ и участникомъ „заговора" офицеровъ.

По арестованіи баталіоннымъ командиромъ поручика Клейника, командиръ полка, которому было донесено объ этомъ, найдя, вѣроятно, простой арестъ слишкомъ недостаточнымъ наказаніемъ для провинившагося офицера, приказалъ, бывшему въ тотъ день дежурнымъ по полку, капитану Дядину перевести Клейника изъ офицерской комнаты въ арестантскую нижнихъ чиновъ. Когда приказаніе это передано было Клейнику, тотъ отвѣтилъ:

— Доложите полковнику, что при всемъ моемъ желаніи исполнить его волю, я не могу этого сдѣлать, пока ношу мундиръ офицера.

По докладѣ полковому командиру такого отзыва Клейника, взбѣшенный фонъ-Фрикенъ самъ отправился на гауптвахту, и, остановясь на площадкѣ,

на которую выходили офицерская караульная комната и арестантская нижнихъ чиновъ, приказалъ старшему караульному офицеру отомкнуть замокъ арестантской комнаты и, затѣмъ, вызвавъ Клейника, велѣлъ ему перейти туда.

— Пока я ношу офицерскій мундиръ, я не могу исполнить вашего приказанія, г. полковникъ, отвѣтилъ Клейникъ. Фонъ-Фрикенъ съ азартомъ повторилъ свое требованіе, но Клейникъ остался непреклоненъ и рѣшительно отказался исполнить незаконное приказаніе своего начальника. Такъ, ничего не добившись, полковой командиръ отправился домой. Случай этотъ, сдѣлавшись тотчасъ же, разумѣется, извѣстнымъ въ полку, глубоко возмутилъ всѣхъ офицеровъ и они рѣшились положить конецъ подобному унизительному обращенію начальства съ подчиненными. По совѣщаніи, офицеры согласились на первомъ же, предстоявшемъ тогда, инспекторскомъ смотрѣ полку начальникомъ дивизіи заявить ему объ оскорбительномъ обращеніи съ ними полкового командира и о тѣхъ незаконныхъ взысканіяхъ, какимъ ихъ подвергаетъ фонъ-Фрикенъ за самыя ничтожныя ошибки во фронтѣ и маловажныя упущенія по службѣ. Дѣйствительно, вскорѣ, при инспекторскомъ смотрѣ полку, въ 1822 году, начальникомъ 1-й гренадерской дивизіи, генералъ-лейтенантомъ Угрюмовымъ, когда по окончаніи опроса нижнихъ чиновъ, тотъ обратился къ офицерамъ съ обычнымъ вопросомъ:

— Гг. офицеры! не имѣете ли вы какой-либо претензіи?

— Имѣемъ, ваше превосходительство, отвѣчали офицеры, и просимъ вашего позволенія объяснить наши жалобы на вашей квартирѣ.

Затѣмъ, по распущеніи полка со смотра, всѣ оберъ-офицеры собрались въ квартирѣ генерала Угрюмова. Выйдя къ нимъ, Угрюмовъ спросилъ:

— Въ чемъ заключается ваша претензія?

Какъ всегда, въ подобныхъ случаяхъ, заговорили разомъ многіе и, разумѣется, вышло нѣчто очень несвязное, такъ что начальникъ дивизіи просилъ каждаго изъ офицеровъ объяснить, на что именно онъ жалуется. Тогда, начиная со старшаго капитана, до послѣдняго прапорщика, всѣ нашли что-либо сказать о тѣмъ несправедливостяхъ и невыносимо дерзкомъ обращеніи, какимъ подвергались офицеры отъ фонъ-Фрикена, причемъ всѣ вообще указали на послѣдній случай съ поручикомъ Клейникомъ и заявили, что подобнаго оскорбленія долженъ ожидать каждый изъ нихъ... Угрюмовъ, молча выслушавъ всѣ жалобы, изъявилъ свое сожалѣніе о случившемся и сказалъ, что онъ переговоритъ объ этомъ съ полковымъ командиромъ.

— Но, прибавилъ онъ, я долженъ буду также донести о семъ и графу Аракчееву, какъ шефу полка, и предупреждаю васъ, господа, что претензія ваша будетъ весьма непріятна графу.

— Мы, ваше превосходительство,—отвѣчали офицеры,—заявляемъ объ этомъ не въ видѣ жалобы, а просимъ васъ принять зависящія мѣры къ воздержанію полкового командира, на будущее время, отъ всякихъ личныхъ оскорбленій офицерамъ и ограничить строгость назначаемыхъ имъ взысканій законными предѣлами.

— Я переговорю съ командиромъ полка и доложу графу, повторилъ Угрюмовъ, и сдѣлавъ поклонъ, повернулся и ушелъ въ кабинетъ.

Послѣ такого отвѣта, офицеры, видя, что претензія ихъ не только останется безъ всякаго удовлетворенія, но можетъ послужить причиною новыхъ для нихъ бѣдъ, рѣшились принести жалобу самому государю, сдѣлавъ это на предстоявшемъ тогда высочайшемъ смотрѣ полку.

О совѣщаніи офицеровъ по этому дѣлу и о намѣреніи ихъ скрѣпить свою рѣшимость присягою, равно какъ и о неожиданномъ появленіи въ квартирѣ капитана Матвѣева, въ которой собрались офицеры для присяги, фонъ-Фрикена, разогнавшаго „заговорщиковъ“ и разстроившаго ихъ планы, я говорилъ уже въ первой моей статьѣ „Графъ Аракчеевъ и его время“ (№ 1-й „Русской Старины“ 1875 г.); поэтому, чтобы не повторять уже извѣстное читателю, продолжаю разсказъ о послѣдующихъ событіяхъ.

О жалобѣ офицеровъ начальнику дивизіи и о сборищѣ ихъ для присяги фонъ-Фрикенъ немедленно донесъ графу Аракчееву, который и пріѣхалъ въ полкъ передъ смотромъ государя. На другой день по пріѣздѣ шефа полка, къ нему были потребованы 8 или 10 оберъ-офицеровъ всѣхъ чиновъ изъ числа „заговорщиковъ“ и вѣроятно назначенныхъ по указанію фонъ-Фрикена.

Выйдя изъ кабинета въ залу, гдѣ были собраны эти офицеры, Аракчеевъ, безъ всякаго привѣтствія и не отвѣтивъ на ихъ поклонъ, обратился къ нимъ съ вопросомъ:

— Вы хотите жаловаться государю на меня?

Офицеры молчали... Не дождавшись отвѣта, графъ повторилъ:

— Вы хотите жаловаться государю на своего полкового командира, а это все равно, что на меня. Я же вамъ скажу, что государь мой другъ и жаловаться на меня можно только одному Богу!...

— Когда государь,—продолжалъ Аракчеевъ,—осмотритъ полкъ и уѣдетъ, тогда я разберу ваше дѣло. Въ службѣ для меня всѣ равны: будетъ виноватъ полковой командиръ—я ему не прощу; а если вы окажетесь виноватыми, прошу не погнѣваться на меня, передайте это вашимъ товарищамъ,—съ этими словами графъ отпустилъ озадаченныхъ офицеровъ.

Въ виду такого категорическаго обѣщанія Аракчеева разобрать претензію, офицеры, все еще надѣявшіеся встрѣтить въ немъ если не защиту отъ произвола фонъ-Фрикена, то хотя справедливость, рѣшили не приносить жалобу государю и ждать чѣмъ разсудитъ ихъ дѣло шефъ полка.

Скоро Аракчеевъ, дѣйствительно, разсудилъ... Дня черезъ четыре по окончаніи высочайшаго смотра и по отъѣздѣ государя въ квартиру начальника штаба военныхъ поселеній, генералъ-маіора Клейнмихеля, потребованы были: штабсъ-капитанъ Ивановъ, поручики: Титковъ и Клейникъ, подпоручикъ Евфимьевъ и прапорщикъ Галкинъ, всѣ, вѣроятно, по назначенію фонъ-Фрикена. Къ тому же времени туда былъ вызванъ маіоръ одного изъ егерскихъ резервныхъ баталіоновъ, квартировавшихъ въ полковомъ округѣ для работъ, Брезгунъ. Съ почтовой станціи приведены были четыре тройки и поручикъ Клейникъ съ фельдъегеремъ отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, а остальные четыре офицера, съ маіоромъ Брезгуномъ, въ баталіоны Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса, о переводѣ ихъ въ которые послѣдовалъ 27-го іюля 1822 года высочайшій приказъ; поручикъ же Клейникъ, высидѣвъ шесть мѣсяцевъ въ казематѣ Шлиссельбургской крѣпости, былъ отставленъ отъ службы.

Другой случай: одинъ изъ хозяевъ-поселянъ заявилъ начальству, что у него изъ дома похищены жемчужныя украшенія и другія вещи изъ женскихъ нарядовъ, всего на сумму до 400 руб. ассигнаціями. По резолюціи графа Аракчеева на дневномъ рапортѣ, представляемомъ ему

о происшествіяхъ въ полку, бывшій дежурнымъ по поселенной ротѣ, въ день пропажи означенныхъ вещей, поручикъ Рейсихъ арестованъ былъ на гауптвахтѣ безсрочно, до тѣхъ поръ, пока не будутъ отысканы пропавшія вещи; въ удовлетвореніе же хозяина-поселянина за похищенныя вещи, Аракчеевъ приказалъ взыскать стоимость ихъ, по объявленной хозяиномъ цѣнѣ, съ нижнихъ чиновъ двухъ дѣйствующихъ ротъ, квартировавшихъ въ той поселенной ротѣ, произведя этотъ вычетъ изъ жалованья каждаго изъ нижнихъ чиновъ этихъ ротъ. Поручикъ Рейсихъ просидѣлъ на гауптвахтѣ полтора мѣсяца и, конечно, высидѣлъ бы еще гораздо долѣе, если бы не заболѣлъ горячкою и не былъ отправленъ на излеченіе въ полковой госпиталь; деньги же съ нижнихъ чиновъ были удержаны въ двѣ трети и переданы пострадавшему отъ кражи. Черезъ годъ послѣ этого дочь хозяина поселянина, объявившаго о похищеніи вещей, вышла замужъ за квартировавшаго въ домѣ ея отца унтеръ-офицера дѣйствующей роты и при этомъ оказалось, что всѣ пропавшія, будто бы, вещи были переданы ею, заблаговременно, своему жениху и хранились у него въ сундукѣ до самой свадьбы. Такихъ образомъ, Богъ знаетъ, за что Рейсихъ высидѣлъ полтора мѣсяца на гауптвахтѣ и поплатился горячкой, а съ бѣдныхъ солдатъ удержано было ихъ нищенское жалованье... Исторія эта была очень хорошо извѣстна всему полку; но, почему-то, осталась безъ всякаго разслѣдованія. Можетъ быть идея о непогрѣшимости высокопоставленныхъ лицъ сознавалась уже и въ то время...

II.

Въ 1824 году полковой штабъ былъ, наконецъ, совершенно отстроенъ и всѣ офицеры получили казенныя квартиры, соотвѣтственно своему служебному и семейному положенію. Квартиры женатыхъ штабъ-офицеровъ состояли изъ пяти-шести комнатъ, не считая двухъ комнатъ на антресоляхъ; семейные оберъ-офицеры получили по три-четыре комнаты, съ прихожею и комнатою для прислуги; холостымъ же субалтернъ-офицерамъ отведены были квартиры въ общемъ флигелѣ, для каждаго по отдѣльному нумеру. Всѣ квартиры были очень прилично меблированы на казенный счетъ. Мебель—ясеневаго и березоваго дерева, подъ желтый лакъ, дѣлалась въ полку-же, въ такъ называемой мебельной командѣ, состоявшей изъ 40 человѣкъ отличныхъ мастеровыхъ, подъ управленіемъ наемнаго мастера нѣмца Фишера.

Въ это же время устроенъ былъ въ полку общій офицерскій столъ, носившій названіе полковой ресторацiи. Къ столу этому, въ опре-

дѣленные для обѣда и ужина часы, публика сзывалась трубой дежурнаго горниста, взбиравшагося для того на каланчу. Начиная съ полкового командира, до послѣдняго прапорщика, всѣ наличные офицеры обязаны были являться, въ полуформѣ, къ общей трапезѣ; непришедшіе оставались безъ обѣда, такъ какъ готовить дома было строго воспрещено.

Офицеры, находившіеся въ караулѣ и на разныхъ дежурствахъ, получали обѣдъ и ужинъ на своихъ постахъ, для чего деньщики ихъ приходили съ судками къ старшему повару, который, подъ надзоромъ эконома (изъ классныхъ чиновниковъ), и отпускалъ порціи обѣда или ужина. Отъ обязанности участвовать въ общемъ столѣ освобождались всѣ семейные офицеры, командиры поселенныхъ ротъ и доктора, жившіе своимъ хозяйствомъ. Полковой и баталіонные командиры постоянно обѣдали въ офицерской столовой, и надо сознаться, своимъ присутствіемъ придавали немалую натянутость и принужденность этимъ собраніямъ.

Въ то время военныя поселенія считались какимъ-то удивительнымъ чудомъ: быть въ Россіи и не видѣть новгородскихъ поселеній, не полюбоваться этимъ геніальнымъ твореніемъ великаго Аракчеева,— значило почти то же, что быть въ Римѣ и не видѣть папы. Поэтому, всѣ почетные гости—иностранные принцы и посланники считали своею обязанностью съѣздить на Волховъ и осматрѣть житье-бытье поселенныхъ солдатъ. При этомъ посѣтители всегда, конечно, заѣзжали въ штабъ полка Аракчеева и обѣдали въ офицерской столовой. Одинъ только персидскій принцъ Хозревъ-Мирза, въ бытность свою въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, не удостоилъ раздѣлить съ нами трапезу, и для него и всей его свиты былъ приготовленъ особый обѣдъ, въ персидскомъ вкусѣ, съ неизбѣжнымъ пловомъ и бараниной.

Нашъ обѣдъ обыкновенно состоялъ изъ трехъ блюдъ въ будни и четырехъ—по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; на ужинъ отпускалось два блюда. Кушанья приготовлялись всегда изъ свѣжихъ припасовъ и очень вкусныя, такъ какъ на кухнѣ работали отличные повара-солдаты, изъ бывшихъ крѣпостныхъ, нерѣдко обучавшихся въ первыхъ французскихъ ресторанахъ Петербурга.

Послѣ обѣда офицеры отправлялись въ полковую библіотеку, гдѣ одни читали «Вѣдомости», другіе мѣняли книги, и затѣмъ расходились по своимъ квартирамъ до новой трубы къ ужину.

Полковая библіотека состояла изъ разныхъ книгъ небогатой, впрочемъ, русской литературы тогдашняго времени, преимущественно же изъ разныхъ учебниковъ, книгъ духовнаго содержанія, военно-историческихъ сочиненій и, такъ называемыхъ, «избранныхъ» романовъ, по

большей части переводныхъ. Молодые офицеры читали весьма охотно, хотя ограниченный выборъ книгъ и не позволялъ очень разгуляться любителямъ чтенія; офицеры же постарше, въ особенности ротные командиры,—если между ними и встрѣчались охотники до чтенія,—слишкомъ мало имѣли свободнаго времени для этого удовольствія и больше занимались душеспасительнымъ чтеніемъ рекрутской школы и устава о службѣ въ гарнизонѣ; да на ихъ счастье вышелъ тогда разсыпной строй и они усердно занялись имъ, такъ что многіе изъ нихъ выучили на трубѣ всѣ 25 сигналовъ.

Кромѣ общаго стола и библіотеки, для желающихъ упражняться въ верховой ѣздѣ,—въ полку имѣлось до 50 верховыхъ лошадей и нѣсколько берейторовъ; у кого была охота,—тотъ могъ заниматься фехтованіемъ, которому обучали кантонисты военно-учительскаго института.

Институтъ этотъ былъ сформированъ изъ способнѣйшихъ кантонистовъ старшаго возраста, которые, кромѣ фронта, занимались въ классахъ науками, по особой программѣ. Въ программу эту входили: Законъ Божій, грамматика, русская исторія, географія, ариѳметика, алгебра и геометрія, рисованіе, черченіе плановъ и практическая съемка, а также фехтованіе на всѣхъ оружіяхъ; кромѣ того, воспитанники обучались портняжному, сапожному и переплетному мастерствамъ. Военно-учительскій институтъ состоялъ въ вѣдѣніи командира учебнаго баталіона, маіора Кохіуса[1]), а инспекторомъ классовъ онаго былъ артиллеріи капитанъ Смирницкій, личность очень достойная, одинъ изъ многихъ неизвѣстныхъ героевъ 1812 года[2]).

Такъ какъ при помѣщеніи офицеровъ при полковомъ штабѣ (кромѣ командировъ поселенныхъ ротъ, которые жили при своихъ ротахъ, въ особыхъ домахъ) они были болѣе или менѣе удалены отъ своихъ частей, иногда на 10 верстъ, то составлено было предположеніе о заведеніи экипажей для разъѣзда офицеровъ въ роты. По докладѣ объ этомъ графомъ Аракчеевымъ императору Александру Павловичу,

---

[1]) Впослѣдствіи полнаго генерала и члена адмиралтействъ-совѣта.

[2]) Сыновья военныхъ поселянъ именовались кантонистами и снабжались отъ казны форменнымъ обмундированіемъ, которое обязаны были носить постоянно. Всѣ они, соотвѣтственно ихъ лѣтамъ, раздѣлялись на три возраста: большой, средній и малый. Кантонисты большого возраста зачислялись въ составъ учебнаго баталіона, а средняго и малаго—обучались грамотѣ въ ротныхъ школахъ. Высылавшіеся изъ бывшихъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ кантонисты большого возраста поступали въ учебный баталіонъ; часть ихъ, преимущественно изъ круглыхъ сиротъ,—раздавалась на воспитаніе бездѣтнымъ поселянамъ-хозяевамъ и усыновлялась послѣдними.

А. Г.

государь утвердилъ означенное предположеніе и пожаловалъ въ даръ гренадерскому графа Аракчеева полку двѣ шести-мѣстныя кареты работы Іоахима. Лошадей для этихъ каретъ и збрую разрѣшено было завести на счетъ суммъ военныхъ поселеній, съ тѣмъ, чтобы на будущее время экипажи, лошади и збруя ремонтировались на счетъ офицеровъ, посредствомъ 6% вычета съ получаемаго ими жалованья. Все это заведено было въ 1822 году, и съ того времени офицеры, по дѣламъ службы, т. е. на дежурство по поселеннымъ ротамъ и на ротныя ученья, ѣздили въ каретахъ. Обязанности кучеровъ и форейторовъ исполняли полковые фурштаты, отправлявшіе эту службу въ присвоенной имъ формѣ. Зимою, вмѣсто дилижансовъ, подавались троечныя, казанскія сани. Служба начиналась лѣтомъ въ 6 часовъ, а зимою— въ 7 часовъ утра.

Служебныя обязанности существовали всегда, существуютъ и теперь; но въ описываемое мною время у насъ старались, кажется, придавать имъ какое то особенно тяжелое значеніе, точно каторжной работѣ. Придирчивость начальства и его грубость, близко граничащая съ дерзостью, дѣлали то, что, вмѣсто пріятно облегчающаго чувства исполненнаго долга,—мы, смѣнившись со службы, испытывали нѣчто въ родѣ ощущенія человѣка, котораго цѣлыя сутки заставляли толочь воду или ходить по колесу, и наконецъ-то пріостановили это полезное занятіе. Если къ этому прибавить тѣ возмутительныя сцены дикаго звѣрства, которыя были столь обычными явленіями манежей и кордегардій,—то будетъ понятно, съ какими тяжелыми впечатлѣніями смѣнялся со службы молодой офицеръ. Нравственно разбитые, съ страшно разстроенными нервами, возвращались, бывало, мы со службы, и иногда цѣлый день не въ состояніи были придти въ себя, а на завтра опять та же площадная брань, тѣ же стоны и мольбы о пощадѣ, глухой звукъ палочныхъ ударовъ и синія полосы на избитыхъ человѣческихъ спинахъ... И такъ цѣлые годы, длинные годы тяжелаго зрѣлища самодурства, звѣрства и людскихъ страданій.

Кромѣ ежедневныхъ ученій и періодическихъ парадовъ и смотровъ, съ неизбѣжными «репетичками» передъ ними,—наша служба состояла въ слѣдующемъ:

Ежедневно, приказомъ по полку, вмѣстѣ съ разными распоряженіями по земледѣльческой и хозяйственной частямъ, объявлялся нарядъ должностныхъ офицеровъ, а именно:

1) дежурный по полку.	1 офицеръ.
2) » по карауламъ	1 »
3) рундами—главнымъ, визитеръ и бѣлымъ. . . .	3 офицера.

4) въ караулъ на главную гауптвахту	1 офицеръ.
5) дежурными по четыремъ поселеннымъ ротамъ .	4 офицера.
6) дежурнымъ по комитету полкового управленія .	1 офицеръ.
7) дежурными при воловьихъ паркахъ	2 офицера.
Всего ежедневно выходило на службу. . .	13 офицеровъ.

Обязанности дежурныхъ по полку и по карауламъ, караульнаго офицера и рундовъ—были тѣ же самыя, что̀ и теперь, съ тою лишь разницею, что тогда всѣ мельчайшія требованія устава и инструкцій исполнялись съ педантическою пунктуальностью. Малѣйшее отступленіе отъ правилъ дежурства и караульной службы преслѣдовалось какъ уголовное преступленіе; да, по правдѣ сказать, и мы всѣ очень серьезно относились къ своимъ обязанностямъ, такъ что проступки чисто служебнаго свойства были явленіемъ очень рѣдкимъ.

Дежурный по поселенной ротѣ, по вступленіи на дежурство, долженъ былъ явиться къ ротному командиру [1]). Отъ послѣдняго онъ получалъ книжку, по которой осматривалъ очередное капральство, состоящее изъ 15 домовъ или связей, въ коихъ помѣщались 60 хозяевъ, съ ихъ женами и дѣтьми, а наверху, въ мезонинахъ—постояльцы, гренадеры дѣйствующихъ баталіоновъ. Осмотрѣвъ весь порядокъ [2]), чистоту въ домахъ, на дворахъ и въ хлѣвахъ, и узнавъ, что̀ именно приготовляется къ обѣду въ каждомъ домѣ,—дежурный заносилъ всѣ эти свѣдѣнія въ книгу, которую, при вечернемъ рапортѣ [3]), и представлялъ командиру поселенной роты. Въ 12 часовъ ночи дежурный по ротѣ обязанъ былъ осмотрѣть караулъ и караульные посты, провѣрить пожарную команду, заглянуть въ пожарный сарай и въ конюшню—удостовѣриться всѣ ли лошади въ хомутахъ (днемъ хомуты надѣвались только на одну половину всего числа пожарныхъ лошадей), на своихъ ли мѣстахъ ночные часовые и вездѣ ли, гдѣ слѣдуетъ, горятъ фонари. На другой день, рано утромъ, дежурный отправлялся въ ротную школу, гдѣ учитель встрѣчалъ его рапортомъ и представ-

[1]) Командиры поселенныхъ ротъ безотлучно находились при своихъ ротахъ.

[2]) Для всѣхъ хозяйственныхъ принадлежностей дома было назначено опредѣленное мѣсто, по особой семейной описи, напечатанной и хранившейся въ домѣ на стѣнѣ, въ рамкѣ за стекломъ. На этотъ предметъ существовало особое печатное положеніе, по которому дежурные по поселеннымъ ротамъ офицеры обязаны были повѣрять—всѣ ли вещи на своихъ мѣстахъ и въ должномъ ли порядкѣ.

[3]) Послѣ вечерней зари, по пріемѣ рапортовъ отъ унтеръ-офицеровъ— караульнаго и пожарной команды и отъ дежурныхъ по капральствамъ ефрейторовъ. А. Г.

лялъ списокъ учащимся кантонистамъ, которые при этомъ и осматривались; въ это же время мальчуганамъ производилась и расправа за нерадѣніе къ ученію и неряшество.

Дежурный по комитету полкового управленія обязанъ былъ цѣлый день сидѣть въ полковой канцеляріи, въ полной формѣ, съ ключами отъ всевозможныхъ дверей. Этимъ безотлучнымъ пребываніемъ въ канцеляріи обыкновенно и ограничивались его обязанности; въ случаѣ же посѣщенія полка какою-либо особою,—онъ являлся къ ней на ординарцы и сопровождалъ повсюду, отпирая и запирая двери. Обязанность эта, очень нетрудная и позволявшая присутствовать за общимъ столомъ, была, тѣмъ не менѣе, ужасно скучна, и каждому пріѣзду чиновныхъ посѣтителей дежурный этотъ былъ радъ, какъ развлеченію. Такую же фиктивную службу несли и дежурные при воловьихъ паркахъ. Наряжаемые на это дежурство офицеры назывались у насъ «лежебоками», такъ какъ ровно ничего не дѣлали и не несли никакой отвѣтственности. Командирами парковъ были инвалидные офицеры, которые за всѣмъ смотрѣли и за все отвѣчали.

Кромѣ перечисленныхъ выше нарядовъ на должности, назначался еще офицеръ для очень оригинальной службы—«для отогнанія волковъ», которые иногда бывали до того дерзки, что не только ночью, но даже и днемъ, врывались во дворы и рѣзали скотъ. Матеріальные убытки отъ такой потери скота ложились исключительно на казну, такъ какъ взамѣнъ погибшихъ коровъ и овецъ поселянамъ раздавался новый скотъ, пріобрѣтенный на казенный счетъ; нравственная же отвѣтственность за проказы волковъ падала на хозяевъ, отдувавшихся собственными спинами за недостаточный присмотръ за казеннымъ добромъ. Для того, чтобы хотя сколько нибудь оградить поселянъ отъ безчинствъ непрошенныхъ сѣрыхъ гостей, въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ наряжалась команда солдатъ въ 50 человѣкъ, при ружьяхъ, съ 10-ю холостыми и однимъ боевымъ патронами на человѣка. Команда эта поручалась офицеру, который въ 7 часовъ вечера выводилъ ее въ поле, на заднюю линію домовъ, и разсыпавъ по-парно, почти на цѣлую версту, принимался маршировать по лугамъ и пашнямъ, попаливая отъ времени до времени. Бывало дождь проливной, топь невылазная, ни спереди, ни сзади ни зги не видать,—всюду непроглядная тьма,—а волчья команда ходи и пугай невидимыхъ волковъ, тутъ же гдѣ нибудь подъ кустомъ пріютившихся и спокойно выжидавшихъ конца грозной экспедиціи. Сдѣлавъ, такимъ образомъ, верстъ 8—10, команда возвращалась назадъ, далеко за полночь, усталая и на-сквозь промокшая.

Рекогносцировки эти назывались у насъ—«ловить вѣтеръ въ полѣ», такъ какъ волковъ при этомъ никто, разумѣется, и не видывалъ никогда.

III.

Въ матеріальномъ отношеніи жизнь въ полку была очень удобна и обходилась крайне дешево, чему, конечно, много содѣйствовало учрежденіе общей столовой, избавлявшей людей одинокихъ отъ мелочныхъ хлопотъ по хозяйству. Въ общій столъ, т. е. за обѣдъ и ужинъ, вычиталось по 30 коп. съ рубля получаемаго каждымъ офицеромъ жалованья (само-собою разумѣется, что отъ этого вычета были освобождены офицеры, не участвовавшіе въ общемъ столѣ), такъ что прапорщикъ платилъ 40 рублей ассигнаціями въ треть; на кареты или— какъ мы называли ихъ — дилижансы удерживалось, изъ того же жалованья, по 6% (съ прапорщика приходилось 5 рублей ас. въ треть); на библіотеку—со штабъ-офицеровъ по 10 руб., а съ оберъ-офицеровъ—по 5 руб. въ треть, въ артель деньщикамъ—также по 5 руб. Такимъ образомъ, обѣдъ съ ужиномъ, экипажъ (для служебныхъ, разумѣется, надобностей), прислуга и удовольствіе, доставляемое чтеніемъ,—обходились молодому офицеру въ 55 рублей ассигнаціями въ треть, т. е. по 13 руб. 75 коп. ас. или около 4-хъ руб. серебромъ въ мѣсяцъ,—дешевизна удивительная, даже и для тогдашняго дешеваго времени.

Кромѣ перечисленныхъ выше удобствъ жизни, для бо̀льшаго обезпеченія матеріальнаго быта служащихъ въ поселенныхъ войскахъ, въ нашемъ полку, а также и въ другихъ полкахъ гренадерскаго корпуса,— образованъ былъ офицерскій вспомогательный капиталъ, изъ котораго офицеры могли заимствовать деньги, на собственныя свои нужды и на извѣстные сроки, за уменьшенные проценты. Капиталъ этотъ составленъ былъ посредствомъ вычета половины получаемаго офицерами добавочнаго жалованья, которое офицерамъ поселенныхъ войскъ производилось въ размѣрѣ полугодового оклада. Вычетъ этотъ продолжался до цифры, составлявшей полный окладъ третного жалованья, по чину каждаго.

Впослѣдствіи, при выступленіи гренадерскаго графа Аракчеева полка въ походъ противъ польскихъ мятежниковъ, въ ноябрѣ 1830 г., вспомогательный капиталъ, какъ вслѣдствіе вычетовъ изъ офицерскаго жалованія, такъ и уплаты офицерами процентовъ на выдаваемыя имъ ссуды,—возросъ до 24,000 руб. ассигнаціями. Въ то время, т. е. къ концу 1830 года, независимо помянутаго капитала, въ нашемъ полку состояли слѣдующія суммы:

а) библіотечной суммы, на которую не были еще куплены книги, до 2,000 руб. ас.

б) экипажной суммы (на содержаніе каретъ, лошадей и збруи) 1,700 руб. ас.

в) отъ офицерской столовой, наличными, 1,251 руб. ас.

Сверхъ этой послѣдней суммы состояли еще, пожалованныя императорами Александромъ I-мъ и Николаемъ I-мъ въ память посѣщенія ими офицерской столовой,—по 10,000 руб. каждымъ изъ сихъ государей. По распоряженію начальства, эти 20,000 руб. были внесены въ С.-Петербургскій опекунскій совѣтъ, для приращенія процентами, и билеты на нихъ хранились при полковомъ комитетѣ, въ ящикѣ, и были записаны на приходъ по книгѣ полковой ресторации. При выступленіи полка въ походъ накопилось процентовъ 700 рублей, слѣдовательно, всей суммы были 20,700 руб. ас.

Такимъ образомъ, къ концу 1830 года, когда закрылась общая столовая и были упразднены дилижансы, въ полку графа Аракчеева оставалось денегъ, принадлежавшихъ обществу офицеровъ полка—49,651 руб. ассигнаціями.

Послѣ безпорядковъ въ округахъ военнаго поселенія въ Новгородской губерніи, высшее начальство, въ числѣ прочихъ распоряженій, позаботилось истребовать отъ окружныхъ комитетовъ всѣ хранившіяся при оныхъ денежныя суммы въ департаментъ военныхъ поселеній. Затѣмъ, 28 мая 1831 года, послѣдовалъ, на имя военнаго министра, высочайшій указъ, которымъ повелѣвались всѣ денежныя суммы военныхъ поселеній причислить къ запасному, армейскому капиталу, безвозвратно, и такимъ распоряженіемъ отнята была собственность офицеровъ и даже деньги, пожалованныя государями.

Деньщиками къ офицерамъ назначались люди старослужащіе, опытные и хорошаго поведенія,—почти всѣ съ медалями за взятіе Парижа. Это были люди того, вымершаго уже, типа деньщиковъ,—нѣчто среднее между прислугой и пестуномъ, въ выработкѣ котораго принимали участіе и суровая военная служба стараго времени, и преданія крѣпостного права. Нерѣдки бывали случаи, что у иного бѣднаго офицера, женатаго, съ кучею дѣтей,—вся прислуга соединялась въ лицѣ одного деньщика, который исполнялъ должности камердинера, повара, няньки и горничной,—ходилъ за «бариномъ», готовилъ обѣды, нянчилъ «барчуковъ», стиралъ бѣлье и работалъ утюгомъ, старательно выглаживая «баринины» юбки и блузы....

При нарядѣ офицера на службу или во время какого нибудь смотра, «Сидорка»—общая тогда у насъ кличка деньщикамъ,—одѣнетъ, бывало, своего барина и ходитъ кругомъ его, поворачиваетъ во всѣ стороны, внимательно осматривая—все-ли на своемъ мѣстѣ и какъ слѣдуетъ надѣто,—такъ какъ всякая неисправность въ одеждѣ офи-

цера больно отзывалась на спинѣ вѣрнаго слуги. Богъ ужъ вѣдаетъ,—какими соображеніями руководствовалось наше начальство, дѣлая деньщиковъ отвѣтственными за небрежность и неряшество въ одеждѣ офицеровъ!

Позволяя себѣ частенько ворчать на своихъ «господъ» и читать имъ наставленія,—наши деньщики сильно—какъ мы Аракчеева—боялись полиціймейстера. Полковой полиціймейстеръ назначался, обыкновенно, изъ инвалидныхъ офицеровъ,—этихъ угрюмыхъ ветерановъ съ восьми и четырехъ-конечными медалями, участвовавшихъ въ Итальянскомъ походѣ Суворова и проходившихъ по Чортовымъ мостамъ. Закаленные въ походахъ и бояхъ, не разъ встрѣчавшіеся носомъ къ носу съ самою смертью, люди эти далеко, конечно, не были мягкосердечны, и бѣда была бѣдному «Сидоркѣ» попасться на расправу къ старому служакѣ. Ежедневно, по утрамъ, полиціймейстеръ обходилъ номера холостыхъ офицеровъ,—смотрѣлъ—все ли прибрано и всюду ли соблюдена надлежащая чистота; при малѣйшемъ упущеніи, не взирая на просьбы офицера, деньщикъ отправлялся на гауптвахту, гдѣ ему и отпускался десятокъ, такъ называемыхъ, «горячихъ». При разводахъ полиціймейстеръ присутствовалъ всегда, какъ лицо необходимое. Если, напримѣръ, полковой командиръ замѣтитъ какую либо неисправность въ одеждѣ представляющагося на службу офицера—грязныя перчатки, непротертыя пуговицы, и т. п., онъ,—мановеніемъ руки, подзывалъ къ себѣ сѣдого, какъ лунь, блюстителя чистоты и порядка и отдавалъ такое лаконическое приказаніе:

— Деньщику—двадцать горячихъ!

И покуда баринъ парадируетъ на разводѣ, бѣдный «Сидорка» также задаетъ своего рода вытяжку подъ ударами неумолимаго инвалида...

Надо, однако, правду сказать, что большинство офицеровъ берегло своихъ деньщиковъ и рѣдко подводило ихъ подъ отвѣтственность за собственную небрежность. Вообще, деньщики наши, бывшіе для насъ единственными наставниками въ житейской премудрости и ревнивыми оберегателями нашего имущества, котораго, впрочемъ, у иного «барина» и всего-то было ничего,—были люди почтенные, очень честные и заботливые о своихъ господахъ. Всѣ они, почти безъ исключенія, были прекрасными прачками и ловкими оффиціантами; прилично обмундированные и раздѣленные на четыре очереди, они прислуживали за общимъ столомъ не только въ обыкновенное время, но даже и при посѣщеніи полка высокими гостями.

Характеръ отношеній младшихъ офицеровъ къ старшимъ былъ чисто служебный. Не говоря уже о полковомъ и баталіонныхъ коман-

дирахъ и вообще о штабъ-фицерахъ, старавшихся держаться отъ молодыхъ офицеровъ подальше и почти никогда неподававшихъ имъ руки при встрѣчѣ, — даже старшіе оберъ-офицеры, — капитаны и ротные командиры,—какого бы чина эти послѣдніе ни были,—держали себя въ отношеніи къ субалтернъ-офицерамъ очень сухо и натянуто, и если послѣдніе имѣли до нихъ какое нибудь дѣло, то являлись къ нимъ не иначе, какъ въ формѣ. Отношеній же частныхъ, обыкновенно устанавливающихся между людьми, живущими въ одномъ мѣстѣ, ежедневно встрѣчающимися за однимъ столомъ,—у насъ никакихъ не существовало, точно между тонкими и жирными эполетами высилась китайская стѣна...

IV.

Такихъ развлеченій, какими пользуются теперь офицеры каждаго армейскаго полка, даже расположеннаго въ какомъ нибудь медвѣжьемъ углу, — напримѣръ танцовальныхъ вечеровъ, домашнихъ спектаклей и т. п., мы и не знали. Женское общество, имѣющее, вообще, такое смягчающее вліяніе на нравы, — для насъ было также недоступно. Правда, въ полку было человѣкъ шесть женатыхъ офицеровъ, кромѣ семейства полкового командира, — но они жили какъ турки и двери ихъ домовъ не были открыты намъ. Такимъ образомъ, вся общественная жизнь ограничивалась, въ сущности, плацъ-парадомъ, манежемъ, да полковою ресторацiею, въ которой, благодаря постоянному присутствію начальства, все молодое сидѣло на вытяжкѣ, торопливо глотало свои порціи и спѣшило разойтись по своимъ угламъ.

Скучно и однообразно тянулась жизнь офицеровъ, въ особенности холостой молодежи: сегодня — какъ вчера, завтра — какъ сегодня, и такъ въ теченіи многихъ лѣтъ.

Въ 1823 году, въ полкъ нашъ были выпущены изъ кадетскихъ корпусовъ до 20-ти человѣкъ молодыхъ офицеровъ [1]). Можно было надѣяться, что эта толпа бойкой, веселой и доброй молодежи хотя нѣсколько оживитъ тоскливую монотонность нашего полкового житья-бытья; но, къ несчастью, угрюмая рутина поселенной жизни, надъ которой, казалось, постоянно носилась мрачная тѣнь Аракчеева, скоро

---

[1]) Пріѣхали они къ намъ въ одной мундирной парѣ, съ нитяным приборомъ и въ мѣдныхъ кованныхъ эполетахъ, и уже въ полку у насъ были прилично обмундированы, въ серебро, такъ какъ мишура тогда еще не была выдумана. А. Г.

втянула въ себя и эту молодежь, не смотря на ея слабую попытку заявить свои права на праздникъ жизни.

Вскорѣ по прибытіи выпускныхъ кадетовъ, задумали, было, мы устроить спектакль, воспользовавшись для этого составомъ военно-учительскаго института, въ которомъ многіе воспитанники, по своей миловидности, довольно близко подходили къ женскимъ ролямъ. При содѣйствіи командира этого института, намъ дѣйствительно удалось поставить двѣ пьесы: «Казакъ-стихотворецъ» и «Мельникъ». Сцену приспособили въ ригѣ и пьесы были разыграны очень недурно; мы задумывали уже о постановкѣ другихъ,—стали, было, рыться въ полковой библіотекѣ, отыскивая въ ней разныя драматическія произведенія; но, на наше горе, узналъ какъ-то отъ этомъ полковой командиръ, и считая подобное препровожденіе времени не только неприличнымъ офицерскому званію, но и безнравственнымъ, — посадилъ подъ арестъ командира военно-учительскаго института, капитана Энгеля, намъ — зрителямъ—сдѣлалъ строгій выговоръ, а бѣдныхъ артистовъ—казаковъ-стихотворцевъ и мельниковъ — всѣхъ перепоролъ. Такъ неудачно и больно окончилась наша попытка ввести драматическое искусство въ поселенныхъ войскахъ. А, между тѣмъ, въ средѣ кантонистовъ было не мало личностей истинно талантливыхъ, и, находись онѣ въ другихъ условіяхъ—кто знаетъ?—быть можетъ, въ лѣтописяхъ русскаго театра было бы не однимъ славнымъ именемъ болѣе.

... Между тѣми же кантонистами были музыканты-скрипачи, отъ игры которыхъ приходилъ въ восторгъ нашъ полковой капельмейстеръ, человѣкъ основательно знавшій музыку и слыхавшій, на своемъ вѣку, не одну европейскую знаменитость. Но тутъ повторилась старая исторія о непризнанныхъ геніяхъ... Даровитые актеры попали въ учителя черченія, а скрипачи-солисты — весь свой вѣкъ, всю свою долгую 25-ти-лѣтнюю службу, проходили въ полковыхъ хорахъ, наигрывая разные марши на волторнахъ и фаготахъ...

Особенная странность воззрѣнія нашего полкового командира фонъ-Фрикена на значеніе театра преставляется тѣмъ болѣе удивительною, что въ томъ же 1823 году, въ которомъ у насъ были разыграны піесы «Казакъ-стихотворецъ» и «Мельникъ», самъ Аракчеевъ задумалъ изданіе недѣльной газеты, подъ названіемъ «Семидневный листокъ военнаго поселенія, учебнаго баталіона поселеннаго гренадерскаго графа Аракчеева полка».

Цензорами-редакторами листка были: старшій священникъ нашего полка, Іоаннъ Григорьевичъ Мудролюбовъ, и инспекторъ классовъ учебнаго баталіона и военно-учительскаго института, артиллеріи капитанъ Смирницкій; общее же наблюденіе за изданіемъ этой газеты пору-

чено было командиру учебнаго баталіона, маіору Василію Петровичу Кохіусу.

7 января 1823 года вышелъ въ свѣтъ 1-й № «Семидневнаго листка», а 11 февраля—6-й и послѣдній № этой газеты, которая такъ и прекратилась, вслѣдствіе — какъ у насъ говорили тогда—печатной ссоры одного изъ редакторовъ-цензоровъ,—священника Мудролюбова съ полковымъ аптекаремъ Веймарномъ, за что первому сдѣланъ былъ выговоръ, а послѣдній посаженъ на гауптвахту на трое сутокъ.

Содержаніе этого недолговѣчнаго журнала военнаго поселенія было самое разнообразное: въ одномъ и томъ же № встрѣчались статьи по части богословія и философіи, переводы изъ римскихъ классиковъ и стихотворенія различнаго сорта, въ которыхъ поселенные риѳмоплеты то прославляли самого Аракчеева и его твореніе—военныя поселенія, то впадали въ сентиментализмъ, описывая горечь разлуки съ милой сердцу.

Главною цѣлью изданія «Семидневнаго листка» было, кажется, желаніе Аракчеева познакомить общество съ учрежденіемъ военныхъ поселеній, представивъ бытъ этихъ поселеній въ возможно привлекательномъ видѣ... Цѣль эта, однако-жъ, никогда не была достигнута, и истина — какъ ее ни прикрывали и ни размазывали — всплывала наружу.

Чтобы какъ нибудь убить свободное отъ службы время, многіе изъ молодыхъ офицеровъ занялись музыкой и стали учиться на разныхъ инструментахъ. Нашъ полковой капельмейстеръ, Померанскій,—игравшій, кажется, на всевозможныхъ инструментахъ,—благодаря своей и нашей скукѣ,—съумѣлъ заохотить дилетантовъ и года черезъ два, въ средѣ офицеровъ, образовался очень порядочный хоръ музыкантовъ.

Само собою разумѣется, что отшельническая жизнь, какую мы тянули, неизбѣжно должна была губительно дѣйствовать на характеръ молодежи. Много требовалось жизни въ человѣкѣ, чтобы не все заглохло въ немъ подъ изсушающимъ вліяніемъ манежа, маршировки, разводовъ и парадовъ. Въ большинствѣ случаевъ, изъ молодыхъ, полныхъ жизни молодцовъ, какими являлись въ полкъ выпущенные кадеты, — выходили сухіе, черствые служаки — педанты, всѣ интересы которыхъ ограничивались строемъ,—желаніемъ довести свою часть до nec plus ultra равненія, вытяжки носкà и отчетливости темпа ружейныхъ пріемовъ... Тѣ же, кто, благодаря энергіи, богатству и выносливости своей натуры, не черствѣлъ окончательно отъ окружающей обстановки, замыкались въ себѣ и апатично брели по глубокой колеѣ рутины, намѣченной Аракчеевымъ и его сподвижниками...

V.

Въ исходѣ 1825 года у насъ въ полку разнеслась вѣсть о кончинѣ императора Александра Павловича и вслѣдъ затѣмъ получено было приказаніе о принесеніи присяги на вѣрность императору Константину.

Великій князь Константинъ Павловичъ въ нашемъ полку никогда не бывалъ и—какъ ходили слухи—ненавидѣлъ Аракчеева и военныя поселенія. Насколько справедливы были эти слухи — сказать трудно, но тогда мы вѣрили имъ весьма охотно и потому понятно, что извѣстіе о вступленіи цесаревича на престолъ принято было нами съ радостью и надеждою, что существованіе военныхъ поселеній скоро прекратится. Мы просіяли и громко заговорили:

— Ну, теперь конецъ нашимъ поселеніямъ!

Присяга была принесена, обычное ура! прогремѣло; но нашимъ надеждамъ на скорое упраздненіе аракчеевщины не суждено было сбыться.

Немного времени спустя, въ полкъ пріѣхалъ изъ Петербурга генералъ-маіоръ Тизенгаузенъ и привезъ приказаніе принимать присягу императору Николаю. Собрали полкъ, вынесли евангеліе и крестъ, и мы снова присягнули; но радостныхъ кликовъ, какъ при первой присягѣ, — уже не было слышно. Все это вышло какъ-то очень ужь неохотно и полковой командиръ два раза одинъ прокричалъ ура, и только въ третій разъ на его возгласъ отозвалась какая-нибудь сотня голосовъ, да и то какъ-то вяло, сквозь зубы. Всѣ видимо были смущены, всѣмъ было неловко, точно ждали чего-то необычайнаго. Да и немудрено. Живя въ глуши, не занимаясь такъ называемой внутренней политикой, не зная ничего о томъ знаменитомъ актѣ о престолонаслѣдіи, который таинственно хранился въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, не подозрѣвая, наконецъ, что творится въ столицѣ, — намъ представлялась въ высшей степени странною та двойная присяга, которую насъ заставляли принимать. Мы, естественно, неудоумѣвали и боялись, чтобы изо всего этого не вышло какого нибудь крупнаго недоразумѣнія, за которое, въ концѣ концовъ,—пришлось бы намъ же отвѣчать собственными шеями... О событіяхъ 14 декабря мы еще ничего не знали и оно, долго спустя, оставалось для насъ тайной; когда же вѣсть о петербургскихъ смутахъ дошла до военнаго поселенія,—то объ этомъ говорили тихо, только съ людьми, въ которыхъ были увѣрены; мы очень хорошо помнили старую русскую пословицу о пирогахъ съ грибами...

Трудно сказать — было ли между офицерами нашего полка какое либо сочувствіе къ бунту 14 декабря и къ виновникамъ его. Нѣкоторые изъ офицеровъ были знакомы съ тѣмъ или другимъ изъ второстепенныхъ участниковъ возмущенія; но хотя начальство и подозрѣвало, можетъ быть, нѣчто, но за отсутствіемъ всякихъ уликъ, не могло, конечно, ни къ чему придраться, тѣмъ болѣе, что эти подозрѣваемые притаились и, казалось, всѣ ушли въ исполненіе служебныхъ обязанностей.

Причина той неохоты, или—вѣрнѣе—того сомнѣнія, съ какимъ была принята вторичная присяга, можетъ быть также, отчасти, объяснена и тѣмъ, что великій князь Николай Павловичъ былъ извѣстенъ своими строгими требованіями по службѣ, и хотя—какъ говорили—онъ также терпѣть не могъ Аракчеева, но, повидимому, сочувствовалъ идеѣ военныхъ поселеній, какъ учрежденій, имѣвшихъ государственное значеніе.

Какъ бы то ни было, но жизнь наша и служба снова потекли обычнымъ порядкомъ. Власть и сила Аракчеева были, по-прежнему, могущественны; всѣ мы чувствовали себя также сильно придавленными и такими же беззащитными, какъ и въ предшествовавшее царствованіе.

Въ началѣ 1826 года, кажется, въ мартѣ мѣсяцѣ, однообразіе нашей, точно по шаблону выбитой, жизни нарушено было однимъ довольно оригинальнымъ эпизодомъ. Въ праздничный день, въ 1-ю поселенную роту явился какой-то человѣкъ, весьма странно одѣтый и, подошедши къ часовому, сталъ увѣщевать его, чтобы онъ оставилъ свой постъ и уговорилъ также своихъ товарищей бросить службу и возвратиться на путь истинный.

— «Вы заклеймены антихристомъ», говорилъ незнакомецъ, «и я, столбъ церкви, посланъ Богомъ избавить васъ отъ проклятаго ига!»

Пока этотъ господинъ велъ такую бесѣду съ часовымъ, около нихъ собралась большая толпа солдатъ и женщинъ, съ удивленіемъ слушавшихъ и разсматривавшихъ оригинальнаго проповѣдника.

Сначала часовой уговаривалъ незнакомца отойти.

— Уйди! не смущай ты, ради Бога, своими рѣчами народъ! твердилъ солдатъ.

Но такъ какъ тотъ упорно продолжалъ держать свою проповѣдь, то часовой далъ знать дежурному по ротѣ офицеру, подпоручику Темникову, который не замедлилъ явиться на мѣсто, и, при рапортѣ и за конвоемъ, отправилъ проповѣдника въ полковую канцелярію.

Быстро разнеслась по полку вѣсть, что схватили какого-то апостола. Мы бросились въ канцелярію и увидѣли сидящаго, среди конвойныхъ, молодого человѣка лѣтъ 26—28, очень пріятной наружности, съ небольшою бородкою и довольно длинными волосами. Одѣтъ онъ

былъ въ короткую, до колѣнъ, шубу, крытую темной парчей и опушенную кругомъ соболемъ; изъ-подъ распахнувшейся шубы видна была, перетянутая чернымъ лакированнымъ кушакомъ, шелковая голубая поддевка; ноги были обуты въ красные сафьянные сапоги; на шеѣ, сверху поддевки, блестѣлъ брильянтовый, на золотой цѣпочкѣ, крестъ, а въ рукахъ незнакомецъ держалъ небольшое евангеліе въ золотой оправѣ.

— Что ты за человѣкъ? спросилъ его кто-то изъ насъ.

— «Я столбъ церкви Божьей», отвѣчала эта оригинальная личность, «и посланъ Богомъ, чтобы образумить родъ человѣческій и внушить людямъ, что они преданы антихристу и уклонились отъ пути данныхъ имъ Господомъ заповѣдей!»

Нѣкоторые изъ старшихъ офицеровъ строго заговорили съ нимъ, упрекая, что онъ возмущаетъ народъ, подводитъ неразумныхъ людей подъ бѣду и наказаніе.

— Спустя лѣто, по-малину не ходятъ, братъ, — говорили они,— запоздалъ ты съ своими проповѣдями!

Скоро апостола потребовали къ полковому командиру, и тамъ, въ присутствіи избранныхъ лицъ, онъ былъ секретно допрошенъ.

На всѣ вопросы у него былъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— «Я столбъ церкви, посланъ Богомъ», и т. д.

Видя, что отъ него невозможно добиться никакого толку, фонъ-Фрикенъ приказалъ запречь въ телѣгу тройку и «церковный столбъ», съ приличнымъ конвоемъ, былъ отправленъ въ Новгородъ, къ начальнику дивизіи. По отъѣздѣ апостола, много было въ полку разговоровъ и предположеній объ этой таинственной личности. Такъ, между прочимъ, прекрасная половина полка, т. е. жены поселенныхъ солдатъ,— болтали, что нѣкоторыя бабы и мужики окрестныхъ селеній сами видѣли, какъ «батюшка апостолъ» переходилъ черезъ Волховъ и даже ногъ не замочилъ.

Что̀ это была за загадочная личность и откуда она свалилась къ намъ,—для насъ такъ и осталось тайной. Предполагали, что господинъ этотъ проживалъ гдѣ нибудь по близости, держался на-готовѣ и пущенъ былъ въ дѣло въ праздничный день, когда всѣ люди были дома, не заняты службой и работами, и отчасти въ праздничномъ расположеніи духа. Самъ по себѣ онъ казался полнѣйшею ничтожностью, и, несмотря на свою миловидность и живописный нарядъ, представлялся чуть не идіотомъ, затвердившимъ нѣсколько фразъ. Видно было, что онъ не болѣе, какъ только орудіе другихъ, болѣе ловкихъ и смышленныхъ людей, не безъ нѣкотораго основанія разсчитывавшихъ на успѣхъ пропаганды среди недовольныхъ поселянъ. Къ счастью, однако-жъ, находчивость часового и рѣшительность дежурнаго офицера въ самомъ

началѣ остановили возможность всякихъ безпорядковъ и тѣмъ предупредили, по всей вѣроятности, немаловажныя волненія между народомъ.

Изъ Новгорода—какъ мы узнали потомъ,—схваченный проповѣдникъ отправленъ былъ въ Петербургъ, и что̀ тамъ съ нимъ сдѣлалось—Богъ вѣдаетъ. Но только видно, если не самая личность апостола, то цѣль появленія его на поселеніяхъ была немаловажная, такъ какъ недѣли черезъ двѣ послѣ отправленія его въ дивизіонный штабъ, въ приказѣ по полку объявлено было высочайшее повелѣніе о выдачѣ бывшему дежурнымъ по 1-й поселенной ротѣ, въ день ареста апостола, подпоручику Темникову, годового оклада жалованья, въ награду за исправную службу.

VI.

Мѣсяца черезъ два послѣ этого эпизода, т. е. въ маѣ мѣсяцѣ того же 1826 года, въ поселенномъ баталіонѣ произошли безпорядки, вызванные—какъ оказалось впослѣдствіи—невыносимо строгими требованіями отъ людей исполненія, одновременно, такихъ несовмѣстимыхъ обязанностей, какъ обязанности солдата и земледѣльца.

— «Ты долженъ быть», говорило начальство военному поселянину, «примѣрнымъ хозяиномъ,—содержать свой домъ и вести полевое хозяйство въ образцовомъ порядкѣ; но, въ то же время, ты обязанъ быть и отличнымъ солдатомъ, — хорошо маршировать, безукоризненно тянуть носокъ и отчетливо выдѣлывать всѣ ружейные пріемы».

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такихъ двойныхъ требованій было то, что поселенному солдату доставалось всегда вдвойнѣ: худо вспахано поле—палки; дурно вычищена аммуниція—палки;—палки за все, про все. Однимъ словомъ, несостоятельность извѣстной русской пословицы, что съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ, доказывалась въ военныхъ поселеніяхъ самымъ блистательнымъ образомъ: у насъ драли, кажется, не по двѣ, а по четыре шкуры...

Какъ ни феноменально выносливъ и терпѣливъ русскій солдатъ, но, видно, и для его терпѣнія существовали извѣстныя границы; а можетъ быть, тутъ не осталось еще безъ вліянія и недавнее появленіе апостола и его проповѣдь о заклейменіи антихристомъ, его воззваніе къ обращенію на путь истинный. Такъ или иначе, но невыносимая строгость служебныхъ требованій и жестокость наказаній за малѣйшую неисправность по службѣ и по хозяйству сами по себѣ уже были слишкомъ достаточнымъ поводомъ, чтобы вызвать недовольство въ людяхъ поселеннаго баталіона. Начался ропотъ, заговорили громче и

громче о несправедливостяхъ и притѣсненіяхъ начальства... А такъ какъ въ то суровое время всякое проявленіе неудовольствія со стороны подчиненныхъ, всякое, даже вполнѣ законное, требованіе ихъ—считались бунтомъ, то и выраженныя поселянами претензіи признаны были преступленіемъ противъ военной дисциплины. Пріѣхалъ Аракчеевъ и сдѣлалъ свои отеческія распоряженія: виновники возмущенія были жестоко наказаны и отправлены по сибирскому тракту; другихъ перепороли...

Черезъ три дня послѣ этого, полкъ посѣтилъ государь императоръ Николай Павловичъ. Осмотрѣвъ поселенный баталіонъ и сдѣлавъ ему строгій выговоръ за безпорядки, — государь простилъ виновныхъ... Конечно, ему ничего не было извѣстно о томъ наказаніи, какое уже понесли эти виновные.

По окончаніи смотра, государь удостоилъ своимъ присутствіемъ нашъ общій столъ и, во время обѣда, со многими офицерами ласково разговаривалъ; совѣтывалъ намъ быть бережливыми и лишнюю копѣйку прибивать алтыннымъ гвоздемъ.

— «Я замѣтилъ, господа», сказалъ, между прочимъ, государь, «что вы изъ военнаго поселенія стараетесь бѣжать, какъ отъ чумы; но я сдѣлаю такъ, что сюда всѣ охотно пойдутъ».

Въ заключеніе, государь милостиво простился съ нами, пожелавъ здоровья и счастливой службы.

Послѣ отъѣзда государя изъ полка и поданной имъ надежды на перемѣну къ лучшему, съ насъ точно камень тяжелый свалился: мы встрепенулись и съ нетерпѣніемъ ждали—что-то будетъ?

Наконецъ, въ исходѣ того же 1826 года, послѣдовало ожидаемое нами высочайшее повелѣніе. Съ поселеннаго баталіона сняли боевую аммуницію, нарядили его въ сѣрые казакины, съ такими же кушаками, съ красными воротниками и съ желтыми погонами, съ вензелемъ на нихъ Г. А. и наименовали военными поселянами графа Аракчеева полка. При этомъ люди этого баталіона, получавшіе до-того жалованье и провіантъ по общему солдатскому положенію,—переведены были на свое продовольствіе и отпускъ имъ довольствія отъ казны былъ прекращенъ.

Въ слѣдующемъ, 1827 году, нашего отца-благодѣтеля, графа Алексѣя Андреевича мы проводили заграницу, къ минеральнымъ водамъ; любимецъ его фонъ-Фрикенъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и назначенъ бригаднымъ командиромъ 1-й гренадерской бригады. Командиромъ корпуса (гренадерскаго) назначенъ былъ князь Шаховской, а нашъ полкъ принялъ полковникъ Тютрюмовъ.

Тогда-то мы вздохнули, что называется, во всѣ легкія и кажется

впервые почувствовали самосознаніе. Служебные порядки стали, мало по малу, измѣняться. Поселенному баталіону дали на каждаго хозяина по одному помощнику, а къ двумъ дѣйствующимъ баталіонамъ прибавленъ былъ третій—резервный, сформированный изъ молодыхъ солдатъ и кантонистовъ старшаго возраста; причемъ въ баталіонъ этотъ включена была, подъ именемъ 3-й гренадерской, военно-учительская рота, въ полномъ ея составѣ. Рота эта осталась въ прежнемъ своемъ помѣщеніи, при полковомъ штабѣ, а остальныя три, фузилерныя, роты вновь сформированнаго баталіона расквартированы были по поселеннымъ ротамъ, и во время лагеря изъ этихъ трехъ ротъ формировалась еще четвертая.

Прикомандированные къ полку графа Аракчеева, для узнанія службы и изученія порядка, лица разныхъ вѣдомствъ и различныя команды, какъ-то: уланскіе и кирасирскіе офицеры чугуевскаго и херсонскаго военныхъ поселеній, штабъ-офицеры армейскихъ полковъ (жаждавшіе получить гарнизонные баталіоны), инженеры, архитекторы, землемѣры, форстмейстеры, учителя отдѣленій военныхъ кантонистовъ, полувзводъ жандармовъ и второй хоръ музыкантовъ 1-го учебнаго карабинернаго полка, — все это было отправлено къ своимъ частямъ. Такимъ образомъ, нашъ полкъ очистился — какъ мы тогда говорили—отъ нашествія иноплеменныхъ, и въ немъ остались одни лишь кровные гренадеры. Служба началась мирная: не слышно уже было начальнической брани, все попріутихло; даже кулачные и палочные бои, — долго еще спустя бывшіе обычнымъ явленіемъ въ военной службѣ,—сдѣлались гораздо скромнѣе... Но, за то, нашъ новый полковой командиръ сильно донималъ насъ чтеніемъ житія святыхъ отцовъ. Иной разъ, бывало, послѣ долгаго, утомительнаго ученья въ полной походной формѣ, построитъ баталіоны въ каре и ходитъ отъ баталіона къ баталіону, прочитывая отрывки изъ Четьи-Минеи. Въ особенности много доставалось отъ набожнаго настроенія полководца 3-му баталіону, сформированному—какъ я уже сказалъ выше—изъ кантонистовъ и молодыхъ солдатъ, и которыхъ полковой командиръ считалъ своею обязанностью наставлять въ вѣрѣ и нравственности. Конечно, чтеніе житія святыхъ было, само по себѣ, очень назидательно, но въ то время мы думали, что оно принесло бы несравненно болѣе пользы, если бы происходило не тогда, когда люди не чувствовали подъ собою ногъ отъ усталости и, что называется, варились въ собственномъ соку, изнемогая отъ 28-градуснаго жара.

Такъ тянулась наша служба до 1831 года, когда взбунтовались наши старинные пріятели поляки, и дѣйствующіе баталіоны, въ январѣ мѣсяцѣ, выступили въ походъ противъ неугомонныхъ мятежниковъ.

Полковая ресторація закрылась и оставшіеся офицеры стали жить своимъ хозяйствомъ. Въ резервный баталіонъ начали прибывать понемногу рекруты; въ маѣ мѣсяцѣ баталіонъ этотъ вышелъ въ Новгородъ, для содержанія караула, и оттуда—въ лагерь подъ Княжій-дворъ. Но мирныя лагерныя занятія наши были неожиданно нарушены страшнымъ взрывомъ, такъ-называемаго, холернаго бунта, о которомъ много, подробно и весьма интересно разсказано въ книгѣ, изданной редакціей «Русской Старины»: «Бунтъ военныхъ поселянъ» [1]).

Въ 1832 году покончилось существованіе новгородскихъ военныхъ поселеній. Учрежденные въ 1817 году, стоившіе государству нѣсколько милліоновъ, а народу—много слезъ и крови,—военные поселяне, послѣ 15-ти лѣтняго существованія ихъ, переименованы были въ пахатныхъ солдатъ и раздѣлены на округа.

А. К. Гриббе,
отставной полковникъ.

Старая Русса.
1875 г.

---

[1]) Книга эта издана нами въ 1870 г. и тогда-же сполна разошлась.
Ред.

КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ О БУНТѢ ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЯНЪ въ 1831 г.

Поручикъ Соколовъ.

Много я читалъ разсказовъ о бунтѣ военныхъ поселянъ Новгородской губерніи въ 1831 году, но нигдѣ не встрѣчалъ, чтобы упоминалось при этомъ имя поручика Соколова, хотя его роль въ дѣлѣ бунта, какъ я слышалъ, была далеко немаловажная. Это подтверждается тѣмъ, что съ 1831-го года по 1840-й онъ содержался подъ строгимъ карауломъ на Старорусской гауптвахтѣ и затѣмъ, въ 1840-мъ году, по суду лишенъ былъ всѣхъ правъ состоянія и посланъ въ кронштадтскія арестантскія роты на 20 лѣтъ въ кандалахъ. Обвинялся онъ въ подстрекательствѣ къ бунту солдатъ и поселянъ, но съ какою цѣлью онъ это дѣлалъ—я положительно сказать не могу.

Я познакомился съ Соколовымъ на гауптвахтѣ лѣтомъ въ 1839-мъ году, когда наша резервная батарея 1-й гренадерской артиллерійской бригады занимала караулъ въ г. Старой-Руссѣ, и тогда даже игрывалъ съ нимъ въ шашки, угощалъ его своимъ чаемъ и обѣдомъ, но искренняго слова отъ него не добился. Вообще онъ былъ хитрый и крайне осторожный на словахъ человѣкъ: если говорилъ о своемъ дѣлѣ, то всегда прибавлялъ, что онъ страдаетъ по злобѣ и зависти людской и при этомъ въ паралель своему терпѣнію приводилъ терпѣніе святыхъ мучениковъ изъ книги Четьи-Минеи, которую онъ постоянно имѣлъ на своемъ арестантскомъ столикѣ.

Я хорошо его помню, потому что всегда смотрѣлъ на него съ любопытствомъ. Онъ былъ высокаго роста, съ курчавыми, коротко остриженными, темными съ просѣдью волосами; лице у него было корявое, носъ въ родѣ крупной бородавки, съ большой впадиной на переносицѣ, губы тонкія помертвѣлыя; каріе глаза его, въ особенности когда говорилъ о своемъ дѣлѣ, такъ и горѣли злобой и ненавистью, что на-

водило на меня крайне непріятное впечатлѣніе. Онъ былъ мастеръ говорить, какъ русскій краснобай, мастеръ былъ и отписываться, чтобы затянуть дѣло. Я самъ читалъ нѣкоторые его отвѣты на заданные ему вопросы и не мало удивлялся его умѣнью ставить крючки, чтобы привлечь къ своему дѣлу какъ можно болѣе чиновныхъ людей. У него цѣль была при этомъ—дождаться милостиваго манифеста; поэтому онъ часто мечталъ о женитьбѣ нынѣ царствующаго государя императора (писано въ 1875 г.).

Прежде онъ служилъ въ какомъ-то пѣхотномъ полку солдатомъ, былъ старшимъ писаремъ, въ кампанію 1813 года былъ фельдфебелемъ, потомъ произведенъ въ офицеры и передъ поселянскимъ бунтомъ, въ чинѣ поручика, въ какомъ-то рабочемъ баталіонѣ занималъ должность казначея и кралъ безцеремонно казенныя деньги, такъ что составилъ себѣ порядочный капиталъ; однако попался и баталіонный командиръ смѣнилъ его съ этой должности. Съ этого времени въ Соколовѣ зародилась месть и онъ всячески старался вредить своему командиру. На бѣду наступилъ 1831-й годъ, а съ нимъ напала на Россію и холера. Пошли въ народѣ толки, суды и пересуды о томъ, что такое холера, отчего мретъ отъ нея только черный народъ, а господа попрежнему чай попиваютъ, — знать, это не просто. Наконецъ порѣшили, что поляки (тогда съ Польшей была война) воду отравляютъ, а такъ какъ имъ однимъ вездѣ не успѣть, то они для этого закупаютъ лекарей, аптекарей, фельдшеровъ, поповъ, разное начальство и даже всѣхъ, кто не носитъ русскаго платья. Но вѣдь это были только толки и догадки, а доказательствъ не было; вотъ тутъ-то Соколовъ и подвернулся къ народу на выручку. Онъ прежде началъ съ своихъ солдатъ, намекнувши имъ, что холера не отъ Бога, а отъ злого человѣка и отъ отравы, и что чуть-ли и баталіонный-то командиръ не на сторонѣ-ли отравителей. Сперва солдаты ему не повѣрили и даже возражали ему: «что вы, ваше благородіе, да можетъ-ли это быть, мы не надѣемся этого отъ нашего командира!»—«Ладно, братцы»,—говоритъ онъ имъ, «пускай покамѣстъ будетъ по вашему, только меня не выдавайте и помните, что я хотя и офицеръ, но душой все-таки забритый, и васъ на баръ не промѣняю». Наконецъ холера встревожила и баталіоннаго командира. Онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и приказалъ имъ, въ виду отвращенія эпидеміи, каждый день окуривать казармы (чѣмъ—я не знаю) и вообще наблюдать за чистотою воздуха. Соколовъ, воспользовавшись этимъ, выпросилъ разрѣшеніе окуривать и бани. Наступаетъ банный день; баню накурили и одну изъ ротъ повели париться, а Соколовъ шепчетъ унтеръ-офицерамъ: «Ребятушки, жалѣючи васъ говорю, осмотрите прежде баню, попю-

хайте, паромъ-ли тамъ пахнетъ, да ужь потомъ ведите людей, а меня начальству не выдавайте».—«Ладно», отвѣчаютъ они, и ускорили шаги къ банѣ, а рота передъ баней остановилась. На вопросъ ротнаго командира, зачѣмъ остановились, ему отвѣчаютъ: «Баня угарна, ваше благородіе», а въ это время изъ бани закричали: «Не ходите, братцы, здѣсь холерой накурили!»... Извѣстно, чѣмъ все это окончилось: убійствами, грабежами и проч., и проч., о чемъ такъ много уже говорили и писали.

Мнѣ разсказывали, что послѣ этого Соколовъ для знакомыхъ бунтовщиковъ былъ другомъ и совѣтчикомъ, а для незнакомыхъ—тайнымъ подстрекателемъ на разныя неистовства; что онъ разсылалъ ложные указы царскіе, а гдѣ нужно было и гдѣ его не знали, онъ являлся въ толпѣ бунтовщиковъ въ солдатской шинели и подъ чужимъ именемъ. Какъ онъ потомъ и чрезъ кого привлеченъ былъ къ слѣдствію—я не помню и насколько оказался по суду виновнымъ—я не знаю. Носились слухи, что въ рукахъ его была судьба многихъ горожанъ г. Старой-Руссы, потому что онъ могъ уличить ихъ въ сообществѣ съ бунтовщиками. Бывши въ караулѣ, я самъ видѣлъ нѣкоторыхъ изъ купцовъ, приходившихъ къ Соколову съ разными приношеніями и нерѣдко искавшихъ случая поговорить съ нимъ наединѣ около гауптвахты. Вообще наши артиллеристы нестрого наблюдали за Соколовымъ, иногда даже отпускали его на честное слово къ женѣ и дѣтямъ, которые жили въ Руссѣ, и онъ постоянно являлся на гауптвахту въ свое время. При этомъ я еще долженъ сказать, что я никогда не замѣчалъ въ немъ ни грусти, ни отчаянія: или онъ свыкся съ своимъ положеніемъ, или ужъ крѣпко надѣялся на чью-то защиту. Но когда на старорусской площади прочитали ему конфирмацію, то и его желѣзная натура не выдержала: онъ упалъ на колѣни блѣдный, какъ полотно, пока его не подняли, надѣвши на него арестантскую куртку и кандалы на ноги. Говорятъ, что чрезъ годъ послѣ этого онъ умеръ.

Въ заключеніе я считаю своею обязанностью заявить, что, писавши эту замѣтку, я имѣлъ только одну цѣль: напомнить о поручикѣ Соколовѣ тѣмъ лицамъ, которые сами его знали или слышали о немъ съ бо̀льшею достовѣрностью, нежели я, и тѣмъ вызвать ихъ на разсказъ о немъ, что, надѣюсь, послужитъ нѣкоторымъ матеріаломъ для исторіи холернаго бунта военныхъ поселянъ Новгородской губерніи въ 1831 году.

Н. И. Коведяевъ.

С. Горивицы,
Холмскій уѣздъ, Псковской губ.
1-го октября 1875 года.

Императоръ Николай Павловичъ

во время волненія на Сѣнной площади въ 1831 г.

Описаніе волненія на Сѣнной площади въ 1831 г. и прибытія туда государя Николая Павловича можно дополнить слѣдующимъ интереснымъ и характеристическимъ эпизодомъ, разсказаннымъ мнѣ однимъ моимъ родственникомъ, петербургскимъ старожиломъ.

„Площадь Сѣнная была наполнена народомъ и между нимъ было не мало зловѣщихъ физіономій. Что-то недоброе затѣвалось.... камни мостовой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были вырыты. Первыми словами императора по прибытіи на площадь были грозныя: „На колѣни!“ Другихъ словъ государя я не разслышалъ, но, вѣроятно, на вопросъ его: зачѣмъ вы здѣсь собрались, или чего вамъ надо, одинъ недалеко отъ меня стоявшій молодой парень тоненькимъ голоскомъ сказалъ: „Ваше величество! насъ обижаютъ“.

— „Взять его! Вотъ они, эти злодѣи!“ былъ короткій отвѣтъ Николая Павловича.

Мужиченка былъ съ виду изъ самыхъ тихихъ и безобидныхъ, только имѣлъ глаза на выкатѣ и потому, вѣроятно, показался императору подозрительнымъ. Во время всей этой сцены, находившійся въ коляскѣ государя генералъ-губернаторъ (Эссенъ?) сидѣлъ блѣдный какъ смерть“.

Изъ того обстоятельства, что въ коляскѣ императора Николая I находился генералъ-губернаторъ, оказывается замѣтка ф. д. Ховена на письмо Жуковскаго, которою онъ желаетъ доказать, что императоръ не могъ прибыть изъ Петергофа на пароходѣ,—не совсѣмъ основательной. Могло и такъ случиться, что Николай Павловичъ, прибывъ на пароходѣ, сѣлъ въ дорожную коляску, чтобы съ Сѣнной площади прямо отправиться въ Петергофъ. Такимъ образомъ онъ могъ пригласить помѣститься въ его коляскѣ и встрѣтившаго его на пристани генералъ-губернатора.

Сообщ. **А. А. Чумиковъ.**

Ревель. 26 ноября.

Полковникъ П. Д. Головинъ и ген.-маіоръ Журавскій

въ 1854 г.

Въ ноябрьской книгѣ „Русской Старины“ 1884 г., въ запискахъ генерала отъ инфантеріи М. Я. Ольшевскаго — „Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853—1854 гг.“, на стр. 421 (въ выноскѣ), при перечисленіи войскъ, входившихъ въ составъ отряда, дѣйствовавшаго 19-го ноября при Башкадыкларѣ, между прочимъ, командиромъ батарейной № 5-й батареи 21-й артиллерійской бригады, названъ полковникъ Москалевъ. Какъ служившій въ этой батареѣ и участвовавшій въ башкадыкларскомъ дѣлѣ, позволяю себѣ исправить маленькую неточность. Командиромъ сказанной батарейной батареи (съ легкими орудіями) былъ не Москалевъ [1]), а полковникъ Головинъ 4 (Платонъ Дмитріевичъ). Одинъ изъ непріятельскихъ зарядныхъ ящиковъ, въ началѣ боя, взорванъ 5 батареей, вторымъ орудіемъ-единорогомъ, которое вскорѣ было непріятелемъ подбито, при чемъ контуженъ ядромъ въ грудь бригадный командиръ генералъ-маіоръ Журавскій.

Сообщ. **Ив. В. Сорокинъ.**

---

[1]) Убитъ при неудавшемся штурмѣ Карса 17 сентября 1855 г.

СЛАВНОЕ БАЯЗЕТСКОЕ СИДѢНЬЕ

въ 1877 г.

I.

Отсутствіе живого слова въ литературѣ о славной оборонѣ Баязета скоро заставило публику забыть тотъ восторгъ, то благоговѣніе къ страданіямъ и героизму баязетскаго гарнизона, которые даже во время войны не могли охладиться ни быстро смѣняющимися политическими интересами, ни разнообразными боевыми эпизодами.

Горячіе разсказы защитниковъ Баязета въ 1877 и 1878 годахъ, не подтверждаемые печатью въ теченіи уже семи лѣтъ, стали понемногу замолкать и получать легендарный характеръ [1]); между тѣмъ скептики, узнавъ о нѣкоторыхъ немногихъ недостаткахъ этой славной обороны и о томъ, что при освобожденіи гарнизона было выведено около десятка здоровыхъ лошадей, стали открыто высказывать сомнѣніе въ дѣйствительности прославленныхъ страданій, а стало быть и въ безпримѣрное мужество нашихъ солдатъ, которыхъ голодъ и жажда, подъ палящимъ солнцемъ, изнуряя до потери силъ, не убили въ нихъ рѣшимости двадцать три дня отражать нападенія непріятеля, по крайней мѣрѣ въ десять разъ превосходившаго нашъ гарнизонъ.

Такимъ образомъ одинъ изъ славнѣйшихъ подвиговъ нашихъ войскъ сталъ слишкомъ рано покрываться туманомъ.

Предъ каждой войной въ хаосѣ разныхъ мнѣній и восклицаній часто слышится грустный, многозначительный стихъ А. С. Хомякова:

„И много подвиговъ невѣдомыхъ свершится".

---

[1]) Брошюра о 23-хъ дневной оборонѣ Баязетской цитадели, изданная въ 1878 году, какъ перечень приказовъ, конечно была чужда и участникамъ, и публикѣ, и исторіи, такъ какъ всякій зналъ, что бились въ стѣнахъ Баязетской цитадели не приказы, а люди, и всѣ интересовавшіеся этимъ дѣломъ жаждали возсозданія тѣхъ эпизодовъ и тѣхъ картинъ, по которымъ можно было имъ самимъ отыскать истинныхъ героевъ и оцѣнить дѣло баязетцевъ по достоинству. К. Г.

Не легче отзывается на сердцѣ и послѣ войны, когда даже реляціей прославленные подвиги, за недостаткомъ матерьяловъ для исторіи, обращаются мало по малу въ «невѣдомые».

Этихъ данныхъ однако въ нашемъ распоряженіи весьма нынѣ достаточно, чтобы, отбросивъ колебанія передъ трудностью задачи, предложенной мнѣ участниками обороны Баязета, согласиться приступить къ составленію одного связнаго повѣствованія изъ отрывочныхъ и не рѣдко одностороннихъ разсказовъ свидѣтелей.

Вотъ матерьялы, послужившіе основаніемъ предлагаемаго нами на страницахъ «Русской Старины» разсказа объ оборонѣ Баязета:

Записки участниковъ: войскового старшины Кванина, 4-й батареи 19-й артиллерійской бригады штабсъ-капитана Томашевскаго, 11-го военновременнаго госпиталя старшаго врача Сивицкаго. Записки участниковъ въ первой колоннѣ, появившейся передъ Баязетомъ 13 іюня: эриванскаго губернскаго воинскаго начальника генералъ-маіора Преображенскаго, 4-й батареи 19-й артиллерійской бригады штабсъ-капитана Хорошкевича, а также осмотръ цитадели и съемка ея на планъ, въ общихъ чертахъ, командира 4-й легкой батареи 19-й артиллерійской бригады.

Разсказы: нѣсколькихъ офицеровъ Ставропольскаго полка, въ особенности штабсъ-капитана Чекандзе, хорунжаго Таманскаго полка Зарецкаго, шести казаковъ, преимущественно урядниковъ, выдавшихся своею храбростью, изъ которыхъ бо̀льшая часть произведена въ офицеры, и восемнадцати нижнихъ чиновъ, больше половины которыхъ были артиллеристы. Вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства внутренняя жизнь и дѣйствія артиллерійскаго взвода выскажутся немного рельефнѣе, чѣмъ другихъ частей.

II

Стоитъ взглянуть на мѣстоположеніе города Баязета, чтобы съ достаточною основательностью опредѣлить некультурность и необщительность его жителей. Проходя по улицамъ города, кажется, что главная забота ихъ была сдѣлать свои жилища малодоступными: мѣстами дома расположены по такимъ крутизнамъ, что основанія выше и рядомъ стоящихъ зданій приходятся противъ середины сосѣднихъ. Среди города, на одномъ изъ высокихъ горныхъ уступовъ, возвышается крѣпкій замокъ, принадлежавшій прежде баязетскимъ пашамъ, а въ описываемый періодъ времени выбранный нашими войсками опорнымъ пунктомъ для обороны. Вотъ что о судьбѣ этого достопамятнаго для насъ замка разсказали мнѣ сѣдовласые жители города:

Въ то время, когда курдистанскіе паши имѣли возможность играть роль феодальныхъ, мало зависимыхъ владѣтелей и обладали еще такою силою, что могли открыто вступать въ борьбу съ сосѣдями, обогащаться грабежами, а иногда отказывать султану въ должной дани, въ Баязетѣ пашею былъ Исакъ, который и построилъ себѣ этотъ дворецъ.

При Балулъ-пашѣ, внукѣ Исака-паши, курдистанскіе владѣтели стали бѣднѣе, а потому и сила для поддержки гордаго, независимаго отношенія къ центральной власти значительно ослабѣла. Султанъ Абдулъ-Меджидъ рѣшился воспользоваться такимъ положеніемъ одного изъ безпокойнѣйшихъ пашей—баязетскаго: подъ какимъ-то предлогомъ онъ лишилъ его званія правителя и сослалъ въ Арзерумъ съ запрещеніемъ возвращаться въ Баязетъ.

Ссыльный Балулъ выбралъ для своего жительства деревню Игюмъ—въ девяти верстахъ отъ Гасанъ-кала, гдѣ и до сихъ поръ живетъ потомство баязетскихъ пашей, родоначальникомъ которыхъ считается Махмудъ-паша.

Изъ Игюма Балулъ-паша, въ видѣ проявленія ему милости султана, былъ вызванъ въ Константинополь ко двору. Оставаясь безъ мѣста и содержанія, онъ долженъ былъ поддерживать представительность своей особы собственными средствами и когда подобнымъ пріемомъ было высосано все состояніе опальнаго паши, то султанъ склонился на просьбу раззореннаго и назначилъ ему пожизненное годовое содержаніе на наши деньги въ 350 рублей. Нѣкогда сильный Балулъ-паша, видя, что возвратъ въ Баязетъ для него немыслимъ, въ видѣ благодарности за назначенную ему пенсію, подарилъ свой бывшій замокъ-дворецъ султану Абдулъ-Меджиду.

Такимъ образомъ резиденція баязетскихъ пашей, построенная Исакомъ-пашею, въ видѣ обширнаго, красиваго замка, перешла въ казну, а въ 1877 году за стѣнами его горсть нашихъ молодцовъ двадцать три дня отражала иррегулярныя массы курдовъ.

III.

Необходимость сдѣлать яснымъ разсказъ объ оборонѣ Баязета вызываетъ обязанность подробно ознакомить читателей со всѣми постройками замка, служившаго цитаделью для нашихъ войскъ.

Цитадель эта, занимая около тысячи пятьсотъ квадратныхъ саженъ, раздѣлялась (въ 1877 г.) большими зданіями на три двора:

Первый дворъ (Д) занималъ въ длину и ширину по четырнадцати саженъ; посреди двора, выстланнаго плитами, находился до бло-

кады обширный, безводный резервуаръ недѣйствовавшаго фонтана, съ довольно высокими бортами.

Дворъ этотъ ограничивался со всѣхъ сторонъ зданіями: передній фасъ представлялъ одноэтажное помѣщеніе съ плошною наружною стѣною, если не считать ворота посрединѣ его и пробитое отверстіе въ видѣ амбразуры недалеко отъ праваго угла; внутренняя же его сторона имѣла разныя приспособленія, такъ, лѣвѣе воротъ, если смотрѣть со двора, находилась открытая ниша (а), сквозь стѣну которой выходилъ кранъ отъ водопровода; рядомъ и лѣвѣе ниши была другая открытая комната (б), изъ которой, сквозь отверстія въ полу, можно было спуститься въ подземную галлерею съ бойницами (Г), а сквозь полъ галлереи—еще ниже, на каменистую поверхность скалы; выходъ изъ этого подземелья былъ возможенъ сквозь проломъ (в), через который преимущественно охотники наши ходили по ночамъ за водой [1]).

Правый и лѣвый фасы, подведенные подъ одну плоскую крышу съ переднимъ, состояли изъ совершенно сходныхъ съ нимъ одноэтажныхъ построекъ.

Взойти на плоскую крышу можно было только по лѣстницѣ изъ корридора, раздѣляющаго зданіе праваго фаса (г) и по лѣстницѣ черезъ люкъ въ правомъ углу цитадели (д).

Отъ второго двора первый отгораживался красивымъ двухъ-этажнымъ зданіемъ и соединялся съ нимъ сводчатымъ широкимъ проходомъ въ нижнемъ этажѣ.

Средній дворъ (Е) занималъ шестнадцать саженъ въ длину и четырнадцать въ ширину, а съ противуположной стороны отъ входа замыкался большимъ зданіемъ (П). Сѣверный уголъ двора составлялся изъ примыкавшей къ этому послѣднему зданію высокой мечети съ куполами и минаретомъ; только одинъ южный фасъ ограничивался болѣе низкой постройкой; лѣвѣе входа въ эту послѣднюю находилась небольшая выдающаяся комната (е), изъ которой открывалось глубокое, обширное подземелье, гдѣ хоронили нашихъ убитыхъ и умершихъ. Оно видно также и со двора сквозь провалы (ж).

---

[1]) Въ донесеніяхъ и даже въ небольшихъ статейкахъ упоминалось, что солдаты наши выходили за водой по ночамъ черезъ отхожее мѣсто. Эта подземная галлерея, дѣйствительно, примѣнялась турками для такого назначенія и подъ поломъ ея, по каменному грунту, протекала вода, выносившая нечистоты сквозь проломъ; но, послѣ занятія замка нашими войсками, она утратила это значеніе, была чиста и занималась стрѣлками для дѣйствія сквозь бойницы. К. Г.

Около мечети красовалась небольшая башенька на манеръ кіоска, которая прикрывала спускъ въ другое подземелье, ведущій къ гробницамъ строителя этого замка—Исака-паши и его жены (з).

Выходами изъ этого двора на задній служили: темный корридоръ черезъ все большое зданіе и проломъ (к), сдѣланный въ небольшой, невысокой стѣнкѣ.

Заднее почти квадратное каменное зданіе, имѣвшее по двадцати саженъ въ сторонѣ, тоже представляло въ этомъ замкѣ родъ редюита; изъ многочисленныхъ комнатъ, расположенныхъ по сторонамъ темнаго сквознаго корридора, одна, лежащая въ центрѣ, выдавалась своею оригинальностью, какъ по отсутствію въ ней потолка, такъ и по узорчатымъ украшеніямъ изъ позолоченнаго алебастра (л).

Не доходя заднихъ дверей (м), можно было по каменной лѣстницѣ и открытому люку (і) взойти на обширную площадь плоской крыши этого зданія. Надъ нею возвышалась широкая, но невысокая восьмигранная башня съ пирамидальнымъ куполомъ. Обширная комната подъ ней служила, во время блокады, общей кухней. Впрочемъ, тоже значеніе было придано и другой, рядомъ находившейся, комнатѣ, не имѣвшей потолка (н).

Задній дворъ: поверхность его представляла уже не мосченый полъ, какъ въ первыхъ двухъ дворахъ, а неровную грунтовую поверхность.

Каменныя стѣны, опоясывая обтесанную верхнюю часть скалы, возвышались около аршина надъ поверхностью двора.

Большое зданіе, отдѣлявшее средній дворъ отъ задняго, было окружено этимъ послѣднимъ съ трехъ сторонъ; впрочемъ, до осады онъ тоже раздѣлялся небольшою стѣнкою (с) на два двора.

Отъ пролома (к) спускъ на задній дворъ начинался аппарелью. Наружная стѣнка этой части двора, обращенная на дорогу въ Ванъ, шла не параллельно южной сторонѣ большого зданія, а постепенно отходя; и затѣмъ она поворачивала подъ тупымъ угломъ прямо на сѣверъ, образовывая позади зданія другое колѣно двора, и линію огня противъ нижней части города, базара и редута Зангезоръ. Третье колѣно двора представляло узкую полосу, огражденную стѣнкою параллельно сѣверной стороны большого зданія, которая упиралась въ мечеть.

Это пространство вокругъ большого зданія было единственнымъ мѣстомъ, дававшимъ возможность дѣйствовать нашимъ двумъ орудіямъ.

Строитель замка безъ сомнѣнія придавалъ описанному двору значе-

ніе укрѣпленія, направивъ фасы его противъ всѣхъ подступовъ со стороны Россіи; но для нашего гарнизона, окруженнаго со всѣхъ сторонъ несравненно многочисленнѣйшимъ противникомъ, дворъ этотъ не имѣлъ большого значенія, тѣмъ болѣе, что турки главнымъ пунктомъ для своихъ ударовъ избрали передній фасъ замка.

IV.

Впереди, съ юговосточной стороны, на ровной, небольшой площадкѣ возвышалась каменистая горка, прикрывавшая ворота отъ выстрѣловъ съ ближайшихъ высотъ.

Отъ воротъ шли двѣ дороги и тропинка: одна—правѣе горки, черезъ высоты въ Ванъ, другая—лѣвѣе той-же горки, внизъ къ мосту на рѣкѣ и соединялась съ дорогой, идущей подъ горой, вдоль сѣверо-восточнаго фаса, а тропинка, огибая правый уголъ, круто спускалась къ нижнему городу вдоль южной стѣны замка.

Съ сѣверо-восточной стороны замокъ разворачивался во всю длину. Высокія стѣны его почти сливались съ крутымъ скатомъ горы, спускающимся до дороги и далѣе къ обрывистымъ берегамъ рѣки.

Съ этой стороны видъ замка напоминалъ неприступныя твердыни среднихъ вѣковъ.

Исакъ-паша, придавая своему дворцу-замку внушительный видъ, позаботился и о наружной его красотѣ: онъ обвелъ стрѣльчатыя окна узорчатыми ободками, повѣсилъ надъ пропастью легкій балкончикъ, украсилъ мечеть пятью маленькими и однимъ большимъ куполами и завершилъ общій видъ легкимъ высоко поднятымъ минаретомъ.

Чернѣвшій съ этой стороны проломъ въ нижней части стѣны около лѣваго угла замка служилъ главными воротами, откуда наши выходили на рискованную охоту за водой.

Южная, правая сторона замка, отрѣзанная глубокимъ оврагомъ отъ близко подходящаго горнаго отрога, занятаго кладбищемъ, была обезпечена отъ нечаяннаго нападенія. По дну этого оврага, начинающагося у праваго угла замка, точно крытымъ ходомъ спускалась упомянутая тропинка до нижняго города.

Къ задней-же западной сторонѣ нижній городъ не только примыкалъ къ самой скалѣ, но часть его вползала по крутизнѣ почти до верхнихъ обрывовъ.

V.

Какъ укрѣпленіе и какъ боевая позиція войскъ, замокъ этотъ, названный нашими войсками цитаделью, какъ говорится, не выдерживаетъ критики:

За исключеніемъ очень немногихъ уголковъ, внутренность его дворовъ свободно обстрѣливалась съ горъ, командовавшихъ надъ всѣми постройками съ разстоянія хорошаго ружейнаго выстрѣла.

Говоря вообще, ни одинъ фасъ этого крѣпкаго для давно прошедшихъ временъ сооруженія передъ осадой къ оборонѣ приспособленъ не былъ, хотя по самой конструкціи замка не находилось даже такого мѣста, которое можно было-бы скоро примѣнить къ ружейной оборонѣ: передняя стѣна не имѣла бойницъ; по наружнымъ краямъ плоскихъ крышъ стѣны не возвышались надъ ними въ видѣ бортовъ; а окна и двери были значительнаго размѣра; поэтому, когда турки накрыли насъ въ такомъ неподготовленномъ укрѣпленіи и заставили подъ своимъ огнемъ заняться закладкою оконъ и прикрытіемъ стрѣлковъ на крышахъ, то все это потребовало особенно усиленнаго труда и лишнихъ жертвъ.

Кругъ дѣйствія нашей артиллеріи по горамъ съ задняго двора былъ крайне незначителенъ: мертвый уголъ между возможными крайними выстрѣлами къ этомъ направленіи, изъ-за мечети съ одной стороны и изъ-за зданія правѣе пролома (к) съ другой, былъ великъ; турки воспользовались имъ и расположили два среднихъ орудія въ совершенно безопасномъ мѣстѣ, а два крайнихъ хотя въ мѣстахъ возможной досягаемости для нашихъ орудій, но только при всѣхъ неудобствахъ.

Пути отступленія и наступленія почти не существовали: однѣ ворота впереди показывали съ достаточною вѣроятностью ту громадность потери, какую могли-бы понести наши войска, дебушируя изъ нихъ массою. Выходъ же гарнизона на путь отступленія былъ невозможенъ, такъ какъ единственный способъ, спускъ со стѣны по канатамъ, былъ бы пагубенъ, подставляя каждаго открыто подъ мѣткіе выстрѣлы.

Самый же главный недостатокъ этого укрѣпленія заключался въ возможности во всякое время отвести воду, проведенную съ горъ, и, при малѣйшемъ промедленіи гарнизона принять мѣры наполнить фонтанный резервуаръ водою, онъ могъ быть замученъ жаждой.

VI.

Время открытія военныхъ дѣйствій приближалось: ранней весной 1877 года, въ Сурмалинскомъ уѣздѣ, Эриванской губерніи, къ подножію пограничныхъ горъ, уже стянулись войска, составлявшія Эриванскій отрядъ.

Избравъ центромъ своего расположенія селеніе Игдырь, генералъ Тергукасовъ ожидалъ только сигнала къ разрыву съ Турціей; а для наблюденія за пространствомъ вдоль рѣки Аракса велѣлъ образовать летучій отрядъ.

6-го апрѣля, маіоръ Крапивный, со 2-мъ баталіономъ Крымскаго полка, и поручикъ Томашевскій, съ 4-мъ взводомъ 4-й батареи 19-й артиллерійской бригады, вскорѣ вступившимъ въ составъ баязетскаго гарнизона, оставили Игдырь и направились въ сел. Кульпы; въ 9 верстахъ за этимъ селеніемъ, на позиціи Кизилъ-Топоранъ, они присоединились къ Кавказскому и Хоперскому казачьимъ полкамъ и этимъ окончили формированіе летучаго отряда.

Недолго просуществовалъ онъ; черезъ десять дней, послѣ объявленія войны, послѣдовало его расформированіе и взводъ артиллеріи, прибывъ обратно въ Игдырь, не засталъ уже своей батареи, выступившей съ отрядомъ въ предѣлы Турціи. Запасшись всѣмъ необходимымъ, 24-го двинулся онъ вслѣдъ за отрядомъ, соединился на Аргофскомъ посту съ Елисаветпольскимъ конноиррегулярнымъ полкомъ и вмѣстѣ съ нимъ продолжалъ подыматься на гору. Къ вечеру, дойдя до края Чингильскихъ высотъ, отрядъ сталъ располагаться на ночлегъ.

Съ этихъ горъ передъ нимъ развернулась широкая равнина турецкой территоріи, пестрѣвшая то зеленью болотъ, заросшихъ камышомъ, то бѣлѣвшимися по мѣстамъ солончаками.

За часъ до заката солнца все это стало утопать въ синемъ полумракѣ; только на югѣ чернѣлась еще гряда горъ, въ трещинахъ которой скрывался роковой для нихъ гор. Баязетъ, а на юго-западѣ— отрывчатыя, небольшія скалы, точно торчавшія изъ поверхности моря.

Уже солнце закатилось, когда прискакалъ отъ генерала князя Амилохварова казакъ съ приказаніемъ немедленно двигаться къ Баязету.

Утомленнымъ лошадямъ подвѣсили ячмень. Неготовый ужинъ вывернули изъ котловъ и поздними сумерками начали спускаться съ горы.

Этотъ спускъ представлялъ скорѣе осыпь каменныхъ глыбъ, чѣмъ дорогу, назначенную для проѣзда; медленно пробирались орудія черезъ груды булыжниковъ. Темнота наступившей ночи усиливала препятствія и утомленіе.

Передъ разсвѣтомъ необходимость въ отдыхѣ дошла до крайности. Отрядъ сталъ. Люди, свалившись на землю, заснули; лошади задремали въ упряжи, только, по обыкновенію, передовые посты, да орудія съ картечью въ дулѣ оберегали отдыхъ отряда.

Насталъ разсвѣтъ и передъ глазами спѣшившихъ на призывъ представился городъ не далѣе четырехъ верстъ.

Приближаясь къ нему, узнали, что Эриванскій отрядъ двинулся далѣе въ глубь страны, оставивъ для охраны Баязета 2-й баталіонъ Ставропольскаго полка, командиръ котораго, старый боевой кавказецъ подполковникъ Ковалевскій, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ войскъ баязетскаго округа, а комендантомъ крѣпости — капитанъ Штоквичъ.

25 апрѣля Елисаветпольскій конноиррегулярный полкъ и 4-й взводъ 4-й батареи 19-й артиллерійской бригады вступили въ городъ и были присоединены къ гарнизону.

На другой день общество крошечнаго отряда увеличилось съ прибытіемъ кавказскаго военно-временнаго № 11 госпиталя, а вскорѣ за нимъ 1-ю сотнею уланскаго полка; черезъ недѣли двѣ, именно 10 мая, вступила въ городъ еще сотня 2-го Хоперскаго полка подъ начальствомъ войскового старшины Кванина.

Такимъ образомъ собралось больше половины того гарнизона, которому выпала въ Баязетѣ тяжелая доля славнаго «сидѣнія».

Расположились они такимъ образомъ:

У подножія города, недалеко отъ редута Зенгезоръ, 7-я и 8-я роты ставропольцевъ, Елисаветпольскій конноиррегулярный полкъ или, какъ называли сокращенно, милиція и обѣ казачьи сотни. Только пятая и 6-я роты, да 4-й взводъ 4-й батареи размѣстились въ цитадели. Лучшія-же въ ней комнаты были отведены подъ госпиталь, который и началъ свою дѣятельность немедленно по прибытіи въ Баязетъ, принимая больныхъ не только отъ частей, расположенныхъ въ городѣ, но и въ окрестностяхъ.

VII.

Въ теченіи апрѣля 1877 г. маленькій отрядъ этотъ проводилъ время слишкомъ однообразно, а потому и тоскливо.

Послѣ строевыхъ занятій, единственныхъ развлеченій, войска снова залѣзали въ палатки, 5-я и 6-я роты — въ комнаты сѣвернаго фаса цитадели, артиллеристы—въ комнаты (см. планъ I ц. ч.) лѣвѣе входа въ большое зданіе, да и орудія какъ-то безцѣльно выглядывали изъ-за западной стѣнки задняго двора на нижнюю часть города.

Въ маѣ, съ гигіеническою цѣлью, лошади были выведены изъ цитадели и помѣщены въ ближайшемъ зданіи (А); тамъ-же поселился и командиръ взвода.

Но въ концѣ апрѣля и началѣ мая, знакомое военнымъ чувство скуки и даже обиды, которое испытываютъ отстраненные отъ общей доли участвовать въ бояхъ, стало понемногу исчезать; баязетскій гарнизонъ, обреченный въ началѣ обстоятельствами на бездѣятельность, сталъ пробуждаться; слухи о покушеніи турокъ напасть на Баязетъ воскресили энергію и бдительность отряда.

«Урусъ пропалъ!.. Османъ копъ!»... говорили какіе-то глашатаи, приходившіе на базаръ съ разныхъ мѣстъ; армяне передавали, какъ достовѣрныя свѣдѣнія, о большихъ массахъ турецкихъ войскъ, готовящихся идти на городъ. Хотя солдаты и отвѣчали крѣпкими словцами на пугливыя преувеличиванія и застращиванія, но сами чувствовали, что надо ухо держать востро.

Весь май прожили, поджидая турокъ. Это время прошло не безъ занимательныхъ для гарнизона событій.

Не смотря на общее настроеніе, предзнаменовавшее грозу, въ Баязетъ прибыла Александра Ефимовна Ковалевская, которая, изъ желанія быть близь мужа, приняла на себя безвозмездно службу сестры милосердія и выхлопотала переводъ съ 15-го госпиталя въ 11-й.

Произошла также замѣна прежняго начальника войскъ баязетскаго округа другимъ. Объ этомъ, довольно важномъ случаѣ по послѣдствіямъ, разсказываютъ такимъ образомъ:

Подполковникъ Ковалевскій, на основаніи вѣрныхъ свѣдѣній, донесъ, 3 мая, что близь Вана скопляются отряды курдовъ, грозящихъ Баязету. Первому донесенію не придали значенія, но на повторенное отъ 5 мая была назначена рекогносцировка.

Съ отрядомъ, составленнымъ изъ Крымскаго полка, стрѣлковаго баталіона, Переяславскаго драгунскаго и Хоперскаго казачьяго полковъ и, впослѣдствіи присоединенныхъ, двухъ стрѣлковыхъ ротъ Ставропольскаго полка, генералъ князь Амилохваровъ во все время движенія 6, 7, 8 и 9 мая въ дѣйствительности не встрѣтилъ сколько нибудь значительную партію. Очевидно произошло что-то непонятное; послѣдствія показали, что подполковникъ Ковалевскій былъ правъ безусловно; этотъ храбрый кавказецъ, съ прямымъ и твердымъ характеромъ, не былъ способенъ къ преувеличиваніямъ. «Дай только Богъ», писалъ онъ женѣ отъ 30 мая, «чтобы турки вздумали подойти ко мнѣ поближе; надѣюсь угостить незваныхъ гостей хорошо. Если Богу будетъ угодно, что меня и убьютъ, то не печалься, моя дорогая крошка, о своемъ старикѣ, инвалидѣ, мужѣ, а гордись этимъ».

Изъ разсказовъ многихъ видно, что рѣшеніе о смѣнѣ любимаго начальника озадачила всѣхъ, даже при допускѣ, что донесенія его были преувеличены.

До времени не привожу нѣкоторыхъ объясненій по этому случаю, а скажу только, что 24 мая въ Баязетъ съ двумя ротами Крымскаго полка прибылъ подполковникъ Пацевичъ, который, какъ старшій, принялъ по приказанію изъ штаба должность отъ подполковника Ковалевскаго. Вслѣдъ за нимъ возвратился изъ отряда и капитанъ Штоквичъ, ѣздившій въ штабъ по дѣламъ.

Однако, ни увѣреніе, что ожидаемая опасность преувеличена, ни назначеніе подполковника Пацевича начальникомъ войскъ баязетскаго округа не измѣнили общаго теченія дѣлъ и турки продолжали формировать большой иррегулярный отрядъ изъ курдовъ съ цѣлью овладѣть Баязетомъ. 31 мая получено было предостереженіе даже изъ Персіи отъ Макинскаго хана, сообщавшаго преувеличенныя свѣдѣнія, будто 30,000 турокъ съ 12 орудіями находятся уже на рѣкѣ Саукъ-Су.

Тревожные базарные слухи начинали въ то-же время понемногу усложняться непріятными извѣстіями то о дерзкихъ покушеніяхъ и разбояхъ, то объ арестованіи турка, намѣревавшагося отвести воду, то о захватѣ пяти убійцъ подрядчика и т. п.

Посылаемые-же подполковникомъ Пацевичемъ лазутчики, также какъ и при подполковникѣ Ковалевскомъ, подтверждали опасность, грозящую гарнизону.

Какъ слѣдствіе всего этого служба казаковъ была самая бдительная: ночные и дневные разъѣзды по горамъ до нѣкоторой степени ограждали отрядъ отъ нечаяннаго нападенія.

Съ прибытіемъ двухъ ротъ Крымскаго полка, помѣщенныхъ въ первомъ дворѣ цитадели, 5-я и 6-я роты ставропольцевъ были выведены изъ нея подполковникомъ Ковалевскимъ и примкнуты къ лагерю 7 и 8 ротъ его баталіона. Наконецъ прибыла послѣдняя помощь: 2-я сотня Уманскаго казачьяго полка, занимавшая посты на Караванъ-Сарайскомъ перевалѣ; получивъ приказаніе подкрѣпить баязетцевъ, въ одинъ день сдѣлала она этотъ большой переходъ и поздно вечеромъ, 2 іюня 1877 г., вступила въ составъ гарнизона.

Къ этому времени, для противудѣйствія сбирающейся силѣ турокъ, въ Баязетѣ было всего:

Штабъ и оберъ-офицеровъ. . . .	28
Медиковъ	6

Нижнихъ чиновъ:

Крымскаго полка	336—двѣ роты.
Ставропольскаго полка	621—баталіонъ.

4-й взводъ 4-й бат. 19-й бригады .	40 люд. 2 орудія.
Кавказскаго казачьяго полка . .	19
1-го Уманскаго казачьяго полка .	227—2 сотни.
2-го Хоперскаго казачьяго полка .	134—1 сотня.
Госпитальной прислуги	68

Итого, исключая 6-ти медиковъ, насчитывалось способныхъ дѣйствовать оружіемъ всего только 1,473 человѣка [1]).

Если выше приведенное исчисленіе возбудитъ вопросъ: почему къ этой цифрѣ не присоединены, какъ защитники Баязета, Елисаветпольскій конноиррегулярный полкъ и прибывшая 6-го іюня эриванская милиція, то на это скажу, что въ цитадели ихъ не было, а какъ содѣйствовали они нашимъ войскамъ до осады видно будетъ изъ дальнѣйшаго разсказа.

Вѣроятно не совсѣмъ ясныя свѣдѣнія о состояніи и нахожденіи вновь формирующагося турецкаго войска поставили подполковника Пацевича въ необходимость произвести рекогносцировку по дорогѣ въ Ванъ.

3-го іюля легкая кавалерійская колонна изъ двухъ сотенъ Уманскаго полка и двухъ сотенъ елисаветпольской милиціи, подъ командою войскового старшины Булавина, рано утромъ спустилась съ горъ, прошла долину и, подымаясь на высоты, прилегающія къ границамъ Персіи, встрѣтила турецкіе бекеты, открывшіе по ней слабый огонь; затѣмъ появившіяся шесть сотенъ турецкой кавалеріи начали наступленіе съ своей стороны; наши рысью подались назадъ съ цѣлью занять позицію въ долинѣ; перейдя ручей, казаки спѣшились и открыли огонь. Въ это время милиціонеры, карьеромъ кинувшись назадъ, увлекли съ собой часть казачьихъ лошадей, которыя, вырвавшись отъ коноводовъ, поскакали вслѣдъ за ними.

Оставшись случайно безъ лошадей, казаки оцѣнили значеніе каждаго патрона и стали стрѣлять только по близко подскакивающимъ всадникамъ.

Вскорѣ сами турки прекратили атаки и дали казакамъ возможность возвратиться въ Баязетъ. Такимъ образомъ первая рекогносци-

---

[1]) Въ брошюрѣ о 23-хъ дневной оборонѣ баязетской цитадели цифры наличнаго числа людей, отрѣзанныхъ блокадой, отличаются отъ цифръ, приводимыхъ здѣсь мною; въ упомянутой статьѣ показано офицеровъ больше на 7, а нижнихъ чиновъ на 142; это могло произойти отъ того, что при счетѣ частей, составлявшихъ гарнизонъ, разсказчики не ввели остатокъ милиціи, успѣвшей укрыться въ цитадели. Я-же предпочелъ приводимыя цифры, съ цѣлью остаться вѣрнымъ задачѣ—составить разсказъ изъ данныхъ, переданныхъ свидѣтелями. К. Г.

ровка не разъяснила ничего. Но жители Игдыря, встревоженные наступленіемъ турокъ, были успокоены телеграммой отъ 4 іюня, что подполковникъ Пацевичъ разбилъ непріятеля, двигавшагося къ Баязету, причемъ убито у него два предводителя.

VIII.

Донесенія лазутчиковъ о дѣйствительномъ приближеніи значительныхъ силъ, свѣдѣнія, получаемыя отъ разъѣздовъ, о появленіи за горами массы кавалеріи, указывали на близость и многочисленность непріятеля. Ожиданія скораго столкновенія и необходимость начать подготовляться къ нему стали ощутительнѣе.

Артиллеристы, предвидя нападеніе турокъ со стороны Вана, приступили къ подсыпкѣ земли у южной стѣнки задняго двора, такъ какъ она въ этомъ мѣстѣ оказалась высокою для стрѣльбы черезъ банкъ. Сплошная, каменная поверхность скалы, едва прикрытая землею, не давала для этого достаточнаго количества матеріаловъ, и вотъ на шинеляхъ, на попонахъ и на лопатахъ начали стаскивать съ разныхъ сторонъ невывезенный навозъ, золу, соръ, и все это перемѣшивая съ каменьями и скуднымъ количествомъ земли, успѣли къ концу дня устроить два возвышенія на подобіе барбетовъ.

Вечеръ 3 іюня прошелъ тихо: на окрестныхъ горахъ, на которыя часто поглядывали и начальники и солдаты, не показывалась ни одна чалма курда.

Передовыя сильныя партіи непріятеля, прикрывая ближайшую долину, въ которой должны были сомкнуться его отряды, какъ видно не торопились высказывать свое близкое сосѣдство, разсчитывая сразу навалиться и задавить горсть русскихъ войскъ. Да и чуткость противника не была слаба: 4 іюня, замѣтивъ нашу небрежность, высказанную тѣмъ, что продолжали выпускать городской скотъ въ горы на пастьбу, неожиданно появились конные курды, отбросили передовые наши пикеты, гикнули и стадо унеслось за грабителями.

Про сборы непріятеля верстахъ въ тридцати отъ города знали всѣ; поэтому подполковникъ Ковалевскій, не ожидая особенныхъ распоряженій, съ 5-ю, 6-ю и 8-ю ротами своего баталіона выступилъ съ позиціи у Зангезора и сталъ бивуакомъ у цитадели, а 7-й ротѣ поручилъ оберегать оставленное въ лагерѣ имущество, пока не будетъ оно перевезено въ цитадель.

Двумъ сотнямъ Уманскаго полка подполковникъ Пацевичъ приказалъ тоже оставить лагерь и двинуться для развѣдки по ванской

дорогѣ, а сотнѣ хоперцевъ занять позицію въ нѣсколькихъ верстахъ отъ лагеря по дорогѣ на Деадинъ и оставаться на ней до разсвѣта, въ случаѣ-же сильнаго на нее нападенія турокъ отступить къ лагерю; перевозка казачьихъ вещей изъ лагеря въ цитадель возложена была на пѣшихъ казаковъ.

Раньше, чѣмъ приступлю къ описанію того времени, когда за гарнизономъ затворились ворота цитадели на двадцать три дня, считаю необходимымъ сказать, какія средства къ жизни были подготовлены для такого случая.

Запасъ хлѣба для войскъ, попавшій въ цитадель, былъ самый скудный, такъ какъ подрядчикъ, армянинъ Саркизъ-Ага-Мамуковъ, доставлявшій войскамъ сухари, хотя и имѣлъ ихъ въ достаточномъ количествѣ, но по непонятной причинѣ держалъ складъ не на мѣстѣ, служащемъ средоточіемъ войскъ, а внѣ цитадели, подвозя ихъ войскамъ по мѣрѣ надобности.

Совершенно случайно, счастливѣе другихъ, обезпечился взводъ артиллеріи: штабсъ-капитанъ Хорошкевичъ, по распоряженію командира батареи полковника Парчевскаго, прислалъ 3-го іюня изъ Игдыря 326 пуд. молотаго ячменя, оказавшаго впослѣдствіи услугу всему отряду; къ этому-же времени взводъ по чередному требованію принялъ сухарей на двѣнадцать дней.

Относительно воды надо признаться, что о настоятельной необходимости запасти ее заблаговременно не приходила мысль ни тому, кому слѣдовало по обязанности, ни тѣмъ, кто долженъ былъ посовѣтовать. Фонтанный резервуаръ, какъ готовая огромная посуда близь водопроводнаго крана, наглядно предлагалъ свои услуги набрать чуть не мѣсячную пропорцію воды на весь отрядъ; но такъ какъ не явилась во-время эта счастливая мысль, то объ этомъ не было сдѣлано и распоряженія.

IX.

Когда стемнѣло, всѣ начальники частей собрались къ подполковнику Пацевичу на военный совѣтъ и вскорѣ разошлись, почти единогласно рѣшивъ съ разсвѣтомъ произвести усиленную рекогносцировку къ Вану [1]).

---

[1]) Подробности этого совѣта никто не передавалъ. Какъ видно, что при этомъ рѣшеніи оппонентовъ не было. Къ сожалѣнію неизвѣстно также: былъ-ли составъ отряда опредѣленъ совѣтомъ, или на основаніи рѣшенія произвести рекогносцировку назначеніе частей, долженствовавшихъ составить колонну, зависѣло отъ подполковника Пацевича? К. Г.

Между тѣмъ, по приведеннымъ выше распоряженіямъ, еще передъ вечеромъ этого дня, хоперцы, занявъ позицію близь перваго аула по деадинской дорогѣ, захватили цѣпью и секретами часть ближайшихъ высотъ. Но когда совершенно стемнѣло, неожиданно раздались выстрѣлы въ секретахъ и повторились сотней.

Изъ разсказовъ казаковъ до нѣкоторой степени выясняется причина, вызвавшая пальбу. По приходѣ сотни въ аулъ, жители стали жаловаться, что турки хотятъ ихъ перерѣзать, на это имъ было предложено въ случаѣ опасности бѣжать къ казакамъ. Съ наступленіемъ темной безлунной ночи сотня вышла изъ аула; вскорѣ вслѣдъ за нею кинулись жители всѣхъ возрастовъ. Предполагая, что на бѣгущихъ сдѣлано нападеніе, казаки пропустили ихъ и съ большею осторожностью стали поджидать развязки; какъ только въ секретахъ раздались первые выстрѣлы, сотня спѣшилась; вскорѣ замѣтила она черную полосу конныхъ, и огни нашихъ выстрѣловъ ярко заблистали въ темнотѣ;—конные исчезли и все замолкло. У казаковъ осталось, какъ видно, убѣжденіе, что это была устроена для нихъ ловушка, хотя ни чѣмъ не кончившаяся; они замѣтили, что бѣжавшіе жители и преслѣдовавшіе дѣйствовали за одно, такъ какъ конные шли съ одинаковою скоростью съ убѣгавшими и между послѣдними не было ни одной женщины.

Не придавая этому случаю особеннаго значенія, войсковой старшина Кванинъ не отвелъ хоперцевъ къ отряду, а поѣхалъ съ докладомъ одинъ. Встрѣтивъ въ лагеряхъ подполковника Пацевича, онъ получилъ приказаніе съ сотней обойти гору до противуположной стороны г. Баязета, соединиться тамъ съ уманцами и приготовиться къ выступленію на рекогносцировку, которую онъ рѣшилъ предпринять съ четырьмя ротами и всею кавалеріею. Подполковникъ Пацевичъ сообщилъ также, что завтра изъ Игдыря ожидается подкрѣпленіе около двухъ ротъ пѣхоты и всей кавалеріи, какая тамъ найдется.

Безпрепятственно окончивъ всѣ предписанныя передвиженія, сотни сомкнулись въ горахъ впереди Баязета. Близость противника не дозволяла свободно пасти лошадей; поэтому люди томились безъ сна, держа лошадей въ поводу, томились и лошади подъ сѣдломъ и безъ корма.

Въ теченіе всей ночи не спалось и пѣхотѣ: командами, толпами, переносящими вещи, конвоирами при повозкахъ, двигалась она по улицамъ города взадъ и впередъ. Все пространство передъ воротами заставлялось и заваливалось повозками, мѣшками, котлами и грудами всякаго имущества.

Часа въ три утра подполковникъ Ковалевскій, въ послѣдній разъ

простившись съ женой и попросивъ доктора Сивицкаго не оставлять ее своимъ попеченіемъ, вышелъ, чтобы приготовить пѣхоту, которой онъ долженъ былъ командовать.

Передъ зарей 7-я рота крымцевъ, 5-я, 6-я и 8-я роты ставропольцевъ тронулись по ванской дорогѣ, совершенно окруженныя кавалеріей. 5-я сотня уманцевъ прикрывала ихъ съ фронта, сотня хоперцевъ—справа и 1-я сотня уманцевъ—слѣва. Въ тылу шли три сотни Елисаветпольскаго конноиррегулярнаго полка.

Передъ спускомъ въ долину, намѣреніе наше было открыто сильными разъѣздами турокъ, которые въ виду всей колонны отступали по направленію нашего движенія къ горамъ, пограничнымъ съ Персіей.

Подойдя къ нимъ, казачьи разъѣзды двинулись было на высоты, но, встрѣченные сильнѣйшимъ противникомъ, не могли перевалить горы, а только завязали съ непріятелемъ горячую перестрѣлку. Пѣхота-же, занявъ глиняную стѣнку на скатѣ высотъ, остановилась за нею приваломъ.

На этомъ мѣстѣ я дозволяю себѣ прервать разсказъ съ цѣлью предупредить недоумѣніе читателя, какъ относительно неизвѣстности, насколько вѣски были тѣ основанія, которыя могли-бы оправдать эту рекогносцировку, такъ и о томъ, была ли необходимость вести ее такимъ страннымъ способомъ.

Изъ имѣющихся записокъ и разсказовъ видно, что о несоразмѣрно численномъ превосходствѣ непріятеля надъ нашимъ отрядомъ былъ рядъ извѣстій изъ вѣрныхъ источниковъ. Казалось, достаточно было и этихъ данныхъ, на основаніи которыхъ у подполковника Пацевича не могла явиться увѣренность выйти въ поле для вѣрной побѣды; да и что могла дать рекогносцировка при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ?—не больше, какъ точное опредѣленіе: въ трое, въ четверо или въ пятеро превосходятъ насъ непріятельскія силы, а что можно было ожидать при неудачной рекогносцировкѣ? — только то, что произошло.

Не видно также, почему подполковникъ Пацевичъ не употребилъ всѣхъ усилій оттѣснить непріятельскіе, передовые отряды за гору, почему имъ не произведена была рекогносцировка по принятымъ правиламъ: рвануться всею кавалеріею на-верхъ горы, освѣтить котловину съ дорогой на Ванъ; въ случаѣ наступленія сильнаго противника, заблаговременно приказать пѣхотѣ отступать, а потомъ уже начать отходить съ кавалеріей. Трудно также объяснить, къ чему взята была пѣхота? Вѣдь благодаря только этому обстоятельству, вся кавалерія была употреблена въ бою въ пѣшемъ строю.

Спустя полчаса послѣ занятія ската высотъ, казаки замѣтили,

какъ изъ-за хребта, верстахъ въ четырехъ справа и слѣва, стали спускаться большія партіи непріятельской кавалеріи, а противъ лѣваго фланга, по балкѣ—показываться пѣхота. Итакъ, досидѣлись наши до того, что турки съ походнаго движенія или бивачнаго расположенія успѣли начать маневрировать, съ цѣлью окружить нашъ маленькій отрядъ.

Эту мѣшкатность дѣйствій можно извинить развѣ тѣмъ, что въ новой войнѣ, при дальнобойномъ оружіи, многіе изъ начальниковъ не успѣли усвоить себѣ новаго масштаба; имъ, какъ видно, не вѣрилось, что подпустить главныя силы непріятеля на четыре версты значитъ ввязаться съ нимъ въ бой и объ отступленіи безъ боя въ этомъ случаѣ нельзя и помышлять.

Подполковникъ Пацевичъ, получивъ увѣдомленіе о движеніи на него непріятеля, приказалъ отступать, но очень скоро убѣдился, что было уже поздно.

X.

Наша пѣхота съ цѣпью спѣшенныхъ казаковъ по флангамъ не прошла еще и полверсты, какъ многочисленная кавалерія противника уже спустилась съ горъ, а передовая цѣпь подъѣхала къ нашей колоннѣ, и закипѣлъ частый ружейный огонь.

Войсковой старшина Булавинъ скомандовалъ своимъ сотнямъ на коней и отвелъ было за колонну, но видя, что пѣхота нуждается въ усиленіи огня, снова спѣшилъ уманцевъ и пристроилъ ихъ попрежнему къ лѣвому флангу колонны.

Вслѣдъ за первою партіею кавалеріи спустилась вторая, меньшая числомъ, и направилась въ обходъ нашего праваго фланга. Войсковой старшина Кванинъ, прикрывавшій пѣхоту съ этой стороны, хотѣлъ было посадить казаковъ на коней, чтобы скорѣе захватить выдающійся отрогъ горы на флангѣ и тѣмъ помѣшать обходящимъ занять его раньше, но подполковникъ Пацевичъ приказалъ попрежнему держать хоперцевъ спѣшенными въ правой цѣпи.

Пестрыя толпы непріятельской кавалеріи стали между тѣмъ сгущаться вокругъ нашего отряда, который, какъ ни усиливалъ шагъ, не могъ отдѣлиться отъ насѣдавшихъ курдовъ.

Не прошло и часа отъ начала отступленія, какъ колонна наша была окружена съ трехъ сторонъ и пули стали пронизывать ее съ фронта и фланговъ. Цѣпь и сомкнутыя части, дѣйствуя во всѣ стороны, невольно стали тѣсниться къ рединѣ; отъ этого строй сталъ понемногу обращаться въ толпу, шагъ усиливаться, пальба—дѣлаться

безпорядочнѣе. Состоянie было опасное, но въ это время громкiя команды подполковника Ковалевскаго, требующiя возстановить порядокъ, отозвались на солдатъ ободряющимъ сознанiемъ, что они не сироты. По переходѣ черезъ ручей, старый воинъ втиснулся въ середину баталiона, остановилъ его и самымъ энергическимъ образомъ принялся за отдѣленie и разстановку частей колонны: передней цѣпи придалъ должное направленie вдоль ручья, сзади ея сталъ устанавливать другую, но не докончилъ этого дѣла:—пуля, попавшая ему въ животъ, свалила его на носилки; умолкъ твердый голосъ мужественнаго начальника; сильнѣе насѣли курды и снова началось общее отступленie и сжиманie къ серединѣ. Число раненыхъ и убитыхъ стало увеличиваться, а подбирать ихъ не было рукъ.

Отступленie наше хотя свершалось и не въ должномъ порядкѣ, но все-таки отрядъ отбивался энергически и какъ ни силенъ былъ противникъ, но полнаго разстройства и пораженiя нашего добиться не могъ; робости не было; давила только сила; примѣромъ безбоязненнаго отношенiя къ опасности можетъ служить слѣдующiй эпизодъ: ставропольцы, несшie тѣло своего начальника, добитаго на носилкахъ другою пулею въ животъ, замѣтивъ, что для облегченiя ихъ участи хлопочатъ достать конныхъ казаковъ и хлопочатъ безуспѣшно, сказали: «пока мы живы, тѣло отца-командира туркамъ не отдадимъ». Носильщики съ запасными людьми, отставая отъ быстро идущихъ войскъ и попадая постоянно подъ выстрѣлы въ упоръ, продолжали идти впереди непрiятеля, безпрерывно замѣщая падающихъ и хотя на разстоянiи десяти верстъ ставропольцы потеряли подъ носилками двадцать человѣкъ, но донесли останки любимаго командира до Баязета.

Такъ дошли до подножiя горъ; отрядъ началъ подыматься, а напиравшie на фронтъ немного отставать, да и свистъ пуль какъ-будто ослабѣлъ. Но это продолжалось не долго: та часть турецкой кавалерiи, которая обходила нашъ правый флангъ, стала въѣзжать на выдающiйся гребень горы и угрожать обхватомъ насъ съ тыла.

Въ это время штабсъ-капитанъ Визировъ, командовавшiй въ дѣлѣ елисаветпольской милицiей, на вопросъ, что ему дѣлать, получивъ совѣтъ войскового старшины Кванина захватить въ тылу высоты, чтобы помѣшать туркамъ обходить насъ, немедленно ускакалъ съ своими сотнями и исчезъ въ горахъ.

Бой съ равнины перешелъ наконецъ на высоты. Турки, отставшie при подъемѣ на гору, начали снова врываться въ нашу цѣпь.

Жара была нестерпимая; при чрезвычайныхъ усилiяхъ безпрерывно одолѣвать крутые спуски и подъемы, перехватывало воздухъ въ сухомъ горлѣ, жгло внутри, отнимало силы и многихъ доводило до

полной апатіи. Въ разсказахъ очевидцевъ упоминается, какъ въ ихъ глазахъ болѣе ослабѣвшіе, обливаясь потомъ, падали безъ чувствъ; какъ иной, видя подскакивавшаго всадника, подъ вліяніемъ потери силъ, вскрикивалъ только: «прощайте, братцы!» и падалъ проколотый пикой. Курды пользовались тѣмъ, что ближайшая къ нимъ цѣпь сама собою формировалась изъ отсталыхъ и слабо раненыхъ, поэтому только и врывались въ нее, безнаказанно рубя ослабѣвшихъ, но не сдававшихся солдатъ.

Хотя подполковникъ Пацевичъ и отдалъ приказаніе посадить казаковъ на коней для обезпеченія цѣпи противъ конныхъ курдовъ и подбора раненыхъ, но скоро собрать казаковъ, растянутыхъ съ пѣхотою по пересѣченной мѣстности, не было возможности; однако, спустя нѣкоторое время, стали появляться конные казаки; когда-же число ихъ увеличилось и стало извѣстно, что въ тылу нѣтъ милиціи, то большинство ихъ было направлено для противодѣйствія обходу [1]).

Баязетская цитадель была уже видна; коноводы и часть конныхъ, успѣвшихъ подобрать раненыхъ, поскакали въ городъ, чтобы, оставивъ тамъ лошадей, какъ было приказано, возвратиться къ товарищамъ.

Быстрое появленіе турокъ передъ Баязетомъ застало бывшихъ тамъ въ расплохъ; толчея у воротъ цитадели усилилась: на узкой площадкѣ, передъ цитаделью, толпы шнырявшаго народа между обозомъ, сотнями лошадей, горами казеннаго имущества, походили на муравьевъ раззореннаго муравейника: одни, не смотря на громоздкость захваченныхъ вещей, бѣжали въ крѣпость, другія толпы выбѣгали навстрѣчу за тоюже работою. Для увеличенія толкотни появились и эшаки Саркизъ-Ага-Мамукова, нагруженные сухарями, поздно спохватившагося свозить ихъ туда, гдѣ надо было до этого имѣть постоянный складъ. Не смотря на эту непроходимую толкотню и невообразимый шумъ, груды разнородныхъ вещей понемногу перемѣщались въ цитадель.

XI.

По уходѣ рекогносцировочнаго отряда, въ Баязетѣ, съ утра, хлопоты по перевозкѣ и переноскѣ имущества въ цитадель усилились.

Въ одиннадцатомъ часу, едва солдаты кончили обѣдать, какъ послышались отдаленные выстрѣлы. Этотъ, едва слышный, намекъ на нашу неудачу былъ достаточенъ, чтобы вызвать всѣхъ изъ комнатъ,

[1]) Разсказы солдатъ и казаковъ передавали только видимые факты. Разъяснить дѣйствія иррегулярнаго полка не могу за недостаткомъ данныхъ. Генералъ же Измаилъ-ханъ-Нахичеванскій, у котораго я просилъ нѣкоторыхъ разъясненій, до сихъ поръ на письмо мое не отвѣтилъ. К. Г.

какъ по тревогѣ; быстро выбѣжала артиллерійская прислуга къ орудіямъ и приготовилась дѣйствовать; край крышъ и стѣнки южной стороны окаймились солдатами, а на площадкѣ, около орудій, сгруппировались почти всѣ офицеры. Глаза любопытствующихъ усиленно впивались въ впереди лежащую волнистую мѣстность, вдоль ванской дороги; всѣ ждали разгадки того, что говорили уже жители и что понемногу начинало подтверждаться приближеніемъ перестрѣлки. Но громъ продолжалъ гремѣть еще гдѣ-то тамъ, за горой.

Было уже около часа, когда на отдаленныхъ возвышенностяхъ показалась длинная, черная линія войскъ, опоясанная бѣлыми дымками. Отсутствіе сколько-нибудь значительнаго промежутка между враждебными сторонами еще долго сливало всѣхъ въ одну безразличную массу, поэтому и предложеніе артиллерійскому офицеру начать стрѣльбу не было принято.

Но вотъ показались быстро несущіеся коноводы съ лошадьми и вслѣдъ за тѣмъ положеніе отступающихъ стало извѣстно въ цитадели. Казаки, поспѣшно сбатовавъ лошадей на кладбищенскомъ курганѣ за зданіемъ (Б), служившимъ казачьей конюшней, пошли обратно; съ ними вмѣстѣ поспѣшили на подкрѣпленіе утомленныхъ войскъ 8-я рота крымцевъ, вызванная подполковникомъ Пацевичемъ, и только что прибывшая эриванская милиція, отправленная комендантомъ.

Навстрѣчу выступившимъ по всей дорогѣ двигались раненые то безъ поддержки, то на носилкахъ. Появленіе ихъ и трупа убитаго подполковника Ковалевскаго у воротъ цитадели подняло еще бо́льшую суету: усилившаяся горячка и крики напоминали людей, застигнутыхъ такимъ бѣдствіемъ, которое угрожаетъ гибелью каждому за одну минуту промедленія.

Съ прибытіемъ раненыхъ болѣе подробные разсказы о положеніи нашего отряда слышались во всѣхъ углахъ цитадели... Вдругъ Ковалевская, отдѣлившись отъ общей группы, быстро подошла къ поручику Гарбакони; изъ разсказа прибѣжавшаго солдата она ясно услышала одно слово: «подполковникъ», и этого было достаточно, чтобы сердце ея облилось кровью; не получая разъясненія на свои вопросы, она кинулась въ госпиталь; отъ раненыхъ ставропольцевъ узнала, что и отецъ-командиръ тоже раненъ, но, не находя его между ними, она, во время этихъ розысковъ, едва удерживала свои рыданія. Докторъ Сивицкій, видя невыносимое ея положеніе, рѣшился принять на себя тяжелую обязанность, положить конецъ терзаніямъ бѣдной женщины и, предупредивъ ее, что она лишилась всего, что было ей дорого, предложилъ ей идти съ нимъ; молча миновали они оба двора, выходныя ворота и часовыхъ у какой-то палатки; но когда распахнулись

полы этой послѣдней, Ковалевской представился на носилкахъ неподвижнымъ трупомъ мужъ, который еще нѣсколько часовъ тому назадъ просилъ ее приготовить обѣдъ на всѣхъ офицеровъ, разсчитывая пригласить ихъ къ себѣ послѣ дѣла.

Между тѣмъ многочисленныя силы турокъ, широко раскинувшись по горамъ, стали обрисовываться яснѣе, картина боя уже не представляла декоративнаго вида съ отдаленными звуками хлопушекъ:— кровавая драма на этомъ разстояніи скрывала только подробности, но ружейный огонь грохоталъ раскатами, и отчетливо для всѣхъ представился маневръ турокъ, которые массами спѣшили по отрогу горы, чтобы отрѣзать путь отступленія правому флангу нашего отряда.

Опасеніе стрѣлять изъ орудій миновало, цѣль обозначилась ясно и громомъ раскатился первый орудійный выстрѣлъ [1]). Какъ ни искусенъ былъ наводчикъ, но 1,800 саженъ не давали возможности точно опредѣлить разстояніе съ перваго раза—снарядъ не долетѣлъ; за этимъ, поднявъ прицѣлъ, быстро изготовилось 8-е: — прислуга отскочила и снова грянулъ выстрѣлъ; чуть-ли не весь отрядъ съ надеждою на избавленіе отъ сильнаго натиска взглянулъ на заклубившійся дымъ, но эта вторая граната врѣзалась таки въ середину толпы турокъ; непріятель смѣшался, остановился и отказался отъ обхода.

Надежда оправдалась: нашъ отрядъ сталъ спокойнѣе отходить къ городу, но тутъ ожидала его новая опасность: едва передовыя части появились на улицахъ, какъ всѣ окна закурились отъ выстрѣловъ — баязетскіе жители открыто перешли на сторону своихъ соотечественниковъ; проходъ между домами сталъ для нашихъ дѣломъ тяжелымъ; были случаи, что солдатъ, засѣвъ за стѣнкою или за грудою каменьевъ и сосредоточивая вниманіе на наступающаго противника, погибалъ не отъ выстрѣла боевого врага, а отъ подкравшагося сзади какого-нибудь мальчишки.

Хотя выстрѣломъ изъ орудія, удачно ошеломившимъ непріятеля, подкрѣпленіемъ изъ 8-й роты крымцевъ съ эриванской милиціей и была уничтожена попытка турокъ увѣнчать свое преслѣдованіе обхватомъ нашего праваго фланга, а можетъ быть и всего отряда, но мы были численно безсильны для того, чтобы разстроить общій планъ турокъ: окружить насъ хоть въ цитадели. Еще не весь отрядъ втянулся сквозь ворота замка, какъ на высотахъ красныхъ горъ [2]) появи-

---

[1]) Расположеніе города Баязета замѣчательно въ акустическомъ отношеніи: всѣ звуки до того усиливаются, что орудійный выстрѣлъ дѣйствительно оглушителенъ.

[2]) Красными горами назывались отвѣсныя, оголенныя скалы изъ обожженной глины, подходящія къ цитадели съ юго восточной стороны. К. Г.

лись тучи непріятельскихъ войскъ; ясно было, что обложеніе цитадели началось, что петля, которою турки предполагали удавить горсть нашихъ героевъ, начала затягиваться.

Орудія, достигши первыми выстрѣлами желаемаго результата, повернули хобота направо и открыли огонь по Красной горѣ шрапнелью, держась высоты прицѣла отъ 700 до 800 саженъ. Крайне рѣдкая пальба давала возможность контролировать каждый разрывъ и повѣрять наводку, а потому пристрѣлка была хороша; но, не смотря на это, турки продолжали безостановочно двигаться въ обходъ.

Появленіе непріятеля надъ головами подало сигналъ и къ прекращенію нескончаемой переноски вещей; поспѣшность этой работы, при малочисленности рабочихъ рукъ, была причиной, что описанная картина передъ воротами безъ измѣненія перенеслась на первый дворъ: тѣ-же фургоны, груды вещей, котлы, боченки и офицерскія лошади загромозжали весь дворъ; хаосъ этотъ дополнялся шумомъ и толкотней у водопроводнаго крана. Правда, отъ коменданта было приказаніе запасать воду, но въ этихъ вытискиваніяхъ однихъ другими, въ этихъ озлобленныхъ спорахъ виднѣлось не стремленіе къ выполненію приказанія, а борьба за существованіе, которая привела-бы всѣхъ къ этому крану и безъ повелѣнія. Для полноты этой картины, въ видѣ контраста, обливаясь потомъ, лежали и сидѣли только-что вернувшіеся съ боя. Утомленные почти сорокаверстнымъ переходомъ безъ отдыха, жарой и душевнымъ потрясеніемъ, большинство изъ нихъ были молчаливы и апатичны, только отдохнувшіе шныряли изъ угла въ уголъ, вымаливая воды, чтобы напиться.

Суетливая работа кипѣла и внутри зданія: пули, врывавшіяся черезъ окна въ госпиталь, заставили приступить къ переноскѣ раненыхъ и больныхъ въ болѣе безопасныя комнаты. Въ одной изъ нихъ былъ отведенъ уголокъ и для г-жи Ковалевской. Не долго пришлось ей прощаться съ неподвижными, безучастными, но дорогими для нея чертами мужа; оставаться за воротами цитадели уже не было возможности и, повинуясь напоминанію доктора Сивицкаго, она пошла въ свое новое помѣщеніе. Здѣсь застала около своей кровати знамя баталіона, а на столѣ—револьверъ мужа.

Рѣшимость всѣхъ не отдаться живымъ непріятелю, если-бъ ему удалось прорваться, особенно рельефно высказалась въ слѣдующемъ случаѣ: когда врачъ Китаевскій, встрѣтивъ вошедшую Ковалевскую, сказалъ, указывая ей на револьверъ, что ему поручено при появленіи турокъ застрѣлить ее, если она не захочетъ имъ достаться, то на это предложеніе получилъ отъ Александры Ефимовны полное согласіе.

Послѣ того, какъ весь отрядъ нашъ стянулся, подполковникъ Па-

цевичъ, поспѣшно прихлебывая чай, отдавалъ уже приказанія для новой попытки отбросить турокъ отъ цитадели.

Двѣ роты ставропольцевъ назначались для занятія турецкаго госпиталя, одна рота съ сотнею спѣшенныхъ казаковъ — для занятія казначейства, двѣ сотни—для атаки высотъ впереди цитадели и двѣ роты—противъ частей турокъ, находившихся на ванской дорогѣ.

Пока дѣлались эти распоряженія, а солдаты подкрѣплялись обѣдомъ, было приказано ѣздовымъ, находившимся съ лошадьми внѣ цитадели, занять прежнее помѣщеніе внутри большого зданія. Послѣдній разъ ѣздовые напоили своихъ лошадей и тронулись къ воротамъ, но, не доходя ихъ, должны были остановиться: въ это время быстро выходили изъ цитадели роты и сотни для новаго боя. «Прощайте, братцы!» раздавались изъ рядовъ бойкіе голоса. «Богъ—помощь!» отвѣчали имъ ѣздовые, и всѣ четыре партіи, осыпаемыя пулями, продолжали спѣшно идти по назначеннымъ направленіямъ.

Впускъ лошадей въ цитадель былъ дозволенъ только для одной артиллеріи, но на крики и просьбы милиціонеровъ принять ихъ съ лошадьми послѣдовалъ отъ коменданта полный отказъ; имъ предлагалось взойти безъ лошадей, какъ вошли казаки, но на это милиціонеры не согласились.

Между тѣмъ кругомъ завязалось горячее дѣло. Направленіе и сила огня выяснили, что турки плотно обложили наше расположеніе со стороны горъ и численная сила ихъ настолько превышала нашу, что весь гарнизонъ, высланный противъ высотъ, напрягая силы, не могъ исполнить данной задачи; во избѣжаніе безполезной потери, подполковникъ Пацевичъ приказалъ начать отступленіе, очищая открытыя мѣста бѣгомъ. Не обошлось, конечно, при этомъ безъ давки въ воротахъ и лишнихъ жертвъ.

За входящими войсками милиціонеры опять было попытались прорваться во внутрь съ лошадьми, но были вторично остановлены и ворота цитадели снова затворились передъ конными, хотя пѣшіе и были впущены. Послѣ этого они партіями разошлись въ разныя стороны и съ этихъ поръ объ участи ихъ мало было извѣстно оставшимся въ цитадели.

Къ вечеру сталъ высказываться послѣдній признакъ предстоящихъ бѣдствій: струя изъ крана водопровода сначала убавилась немного, потомъ обратилась въ прощальныя капли и затѣмъ, къ ночи, совершенно исчезла:—воду отвели. При общемъ стремленіи запастись водой, войска успѣли наполнить всю посуду, какая только нашлась въ отрядѣ, но это былъ только пальятивъ, а не радикальное средство обезпечить гарнизонъ. Еще разъ скажу: обширный резервуаръ почти подъ краномъ остался пустымъ.

XII.

Преждевременное прибытіе турокъ въ Баязетъ, да еще на нашихъ плечахъ, неожиданность блокады, заставшей насъ въ цитадели, не подготовленной къ оборонѣ, были слѣдствіями злосчастной рекогносцировки и обыденной привычки креститься только во время грозы.

Но наши солдаты и казаки съ той минуты, когда захлопнулись ворота цитадели, точно стряхнули съ себя впечатлѣнія только что испытанныхъ неудачъ, хотя дурныя предзнаменованія дѣлались очевиднѣе; они словно не видѣли ихъ, и въ каждомъ дѣйствіи своемъ высказывали замѣчательную рѣшимость биться съ турками до истощенія силъ.

Когда послѣдняя неудавшаяся попытка одолѣть несоразмѣрно превышавшую силу турокъ заставила запереться въ цитадель, всѣ, вбѣгая въ ворота, проворно кидались на верхъ крышъ и къ окнамъ; каждый по своему усмотрѣнію выбиралъ мѣсто и примащивался, какъ умѣлъ; по всѣмъ комнатамъ цитадели и у каждаго отверстія кипѣла толкотня; всѣхъ занимала одна забота не впустить турокъ; тутъ ужъ не было указателей; иниціатива принадлежала инстинкту самозащиты: пока одни растаскивали вещи по комнатамъ, другіе, занявшіе мѣста на крышахъ, носили каменья и складывали ихъ горками, стараясь хоть для лежачаго положенія устроить сколько нибудь сносное закрытіе; многіе такую-же работу производили надъ уменьшеніемъ большихъ оконныхъ отверстій. Все указывало на общую вѣру въ удачную оборону.

Этимъ занятіямъ сильно помогало то обстоятельство, что, по возвращеніи отряда послѣ вылазки, турки значительно ослабили огонь, хотя, продолжая обходить цитадель, они съ каждой вновь занятой позиціи спѣшили пристрѣляться.

Впереди воротъ возвышались неунесенныя еще груды разнаго имущества и лошади всѣхъ трехъ сотенъ, стоя сбатованными, понуривъ голову, точно укоряли хозяевъ, покинувшихъ своихъ боевыхъ товарищей. Горько было и казакамъ смотрѣть, какъ поражаемыя пулями несчастныя животныя бились въ предсмертныхъ судорогахъ, повисая на поводѣ, зацѣпленномъ за сѣдло другой.

Много казачьяго добра должно было погибнуть передъ глазами. Войсковой старшина Кванинъ употребилъ всѣ усилія, чтобы убѣдить подполковника Пацевича въ необходимости дозволить казакамъ подобрать свои вещи и ввести въ цитадель лошадей. Впрочемъ съ тру-

домъ добытое согласіе обусловливалось тѣмъ, чтобы оно было приведено въ исполненіе съ наступленіемъ ночи.

Вызвавъ для этого охотниковъ, по 20 человѣкъ изъ сотни, войсковой старшина Кванинъ назначилъ въ прикрытіе работъ, долженствовавшихъ скоро начаться, сотню хоперцевъ. Ожидали только конца дня; но обстоятельства сложились иначе, чѣмъ предполагалось.

Съ наступленіемъ сумерекъ пальба начала понемногу прекращаться; турки, какъ видно, нуждались во времени, чтобъ осмотрѣться также, какъ и мы.

Въ это время подъ стѣнами у воротъ неожиданно появились тихо подошедшіе, пѣшіе милиціонеры, прося впустить ихъ безъ лошадей. «Входите сквозь проломъ», отвѣтили имъ со стѣны; но лишь только они приблизились къ лѣвому переднему углу, какъ подкравшіеся турки дали по нимъ залпъ. Милиціонеры кинулись назадъ; желаніе спасти ихъ заставило забыть близость турокъ и ворота начали отворяться, притаившійся гдѣ-то недалеко непріятельскій отрядъ, ждавшій вѣроятно этого момента, съ крикомъ рванулся къ цитадели; но ворота быстро затворили и подперли съ внутри повозкою; оставшіеся за стѣною милиціонеры мгновенно исчезли, а собранные на первомъ дворѣ охотники-казаки кинулись на крышу передняго фаса, по приказанію войскового старшины Кванина, который увидѣлъ теперь, что сборъ оставленнаго имущества—дѣло немыслимое. Крики, стукотня въ ворота и горячая пальба продолжались около часа. Затѣмъ, по мѣрѣ умолканія голосовъ снаружи, стала стихать и общая перестрѣлка.

Эта первая проба турокъ найти слабое мѣсто для овладѣнія цитаделью была ихъ первой неудачей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказала ихъ самонадѣянность: разсчитывая, можетъ быть, на полную деморализацію нашего отряда послѣ ряда неудачъ, они отдѣлили для этого нападенія численно небольшой отрядъ; самое кратковременное столкновеніе это прошло какъ-то незамѣтно для гарнизона; многіе изъ находившихся въ цитадели даже вовсе не знали о происшедшемъ покушеніи непріятеля ворваться въ ворота.

Не смотря на поздніе сумерки, отъ напряженнаго вниманія нашихъ, ежеминутно поджидавшихъ врага, не укрылось также подкрадываніе турокъ къ оставленнымъ вещамъ и лошадямъ.

Злоба на похитителей и нежеланіе дать имъ возможность попользоваться казачьими конями пересилили жалость къ животнымъ и сами хозяева перестрѣляли своихъ лошадей.

Съ наступленіемъ ночи никто не думалъ о снѣ; отсутствіе прикрытія и ожиданіе нападенія заставило всѣхъ обкладываться каменьями, къ тому-же, едва не удавшаяся, попытка турокъ ворваться въ ворота

указала на необходимость придать имъ болѣе прочную подпорку, что увеличило работу, такъ какъ пришлось, оттащивъ телѣгу, заваливать ихъ каменьями, разбирая для этого фонтанный бассейнъ.

Артиллерія, вслѣдствіе неудобнаго расположенія относительно фронта нападенія, въ продолженіе цѣлаго дня не могла поражать болѣе угрожающія части непріятеля и дѣйствовала, какъ-бы сама по себѣ, пользуясь всякимъ подходящимъ случаемъ. Заслоненная зданіями отъ мѣста боя, невольную безучастность выказала артиллерія и при вылазкѣ, и при вечернемъ нападеніи турокъ на ворота; между тѣмъ прислуга при орудіяхъ до того засыпалась пулями съ Красныхъ горъ и со стороны дороги въ Ванъ, что, до открытія приличной цѣли, она должна была сидѣть за стѣнкой, а для дѣйствія взводный фейерверкеръ Егоровъ вызывалъ къ орудію не болѣе трехъ номеровъ. Турки съ своей стороны старались скрывать мѣста расположенія большихъ командъ.

Должно упомянуть о случаѣ, давшемъ артиллеристамъ возможность утвердить за собой хорошее мнѣніе и наглядно показать отряду, что въ нихъ найдетъ онъ сильную опору:

Одинъ изъ унтеръ-офицеровъ, служившихъ въ госпиталѣ, взялся избить басурмановъ безъ оружія; для этого вышелъ онъ на видное мѣсто и началъ крестить на всѣ стороны; турки, отвѣчая ему выстрѣлами, до того увлеклись, что указали на стѣнку, за которою скрывалось ихъ очень много. Съ перваго-же орудійнаго выстрѣла, наведеннаго въ нее, была развалена значительная ея часть и открытые курды кинулись въ сосѣднее зданіе; разрывъ второй гранаты въ серединѣ этого дома развалилъ его; турки прыснули во всѣ стороны, а стрѣлки наши крикнули «ура».

Въ этотъ-же день отличный наводчикъ 7-го орудія, Постный, высматривая изъ окна зданія размѣщеніе турокъ, вдругъ откинулся назадъ, схватившись за лицо руками — пуля ударила его въ губу; но молодецъ, перевязавъ рану, снова пошелъ подъ непріятельскіе выстрѣлы къ своему орудію.

Такъ кончился первый день сидѣнія нашего отряда въ баязетской цитадели.

Необходимо еще замѣтить: какъ нетерпѣливо размѣщались, вбѣгавшія послѣ вылазки, войска наши по стѣнамъ и комнатамъ, какъ не были перепутаны части между собою, но по господствующему проценту людей разныхъ частей приблизительно можно сказать, что ставропольцы преимущественно занимали лѣвый, сѣверный фасъ, дѣйствуя противъ старой крѣпости зарѣчной, армянской части города и ущелья, изъ котораго вытекалъ ручей; впрочемъ, часть стрѣлковой ихъ роты захватила вмѣстѣ съ казаками и подземную галлерею.

Крымцы занимали правый, южный, и заднiй фасы, фронтомъ противъ высотъ ванской дороги и нижняго города.

Казаки-же преимущественно группировались по крышамъ передняго фаса и окнамъ второго этажа зданiя, отдѣлявшаго первый дворъ отъ второго, а по сѣверному и южному фасамъ уманцы были болѣе перемѣшаны съ крымцами, а хоперцы съ ставропольцами.

XIII.

Настала ночь. Всѣ ждали, что нападенiе непрiятеля возобновится на слѣдующiй день; но неизвѣстность, какъ поведется оно, невозможность усилить цѣпь, окаймлявшую всѣ зданiя цитадели, привели начальство къ естественному концу: довѣриться мужеству гарнизона, который, какъ одинъ человѣкъ, готовился къ рѣшительному сопротивленiю. Довѣрiе это было видно изъ того, что не дѣлалось никакихъ распоряженiй, только передъ утромъ, для прикрытiя воротъ, на первый дворъ была введена вся стрѣлковая рота ставропольцевъ, да артиллерiя, оставаясь на заднемъ дворѣ—единственно возможной для нея позицiи—передвинула 7-е орудiе на узкую часть его, съ цѣлью противодѣйствовать огню изъ старой крѣпости (планы I и III).

Потребность необходимаго отдыха въ эту ночь заглушалась чувствомъ самосохраненiя: насколько дозволяли подручные матерьялы, дѣлалось то, что слѣдовало сдѣлать раньше: закладывались окна и двери, на верхъ стѣнъ продолжали втаскивать каменья для прикрытiя стрѣлковъ, артиллеристы набивали землею кули, набранные изъ склада, и устраивали изъ нихъ прикрытiя орудiямъ.

Да врядъ-ли спали въ эту ночь и турки: тысячи фонарей двигались по горамъ и по городу; глухой шумъ, прерываемый по временамъ выстрѣлами, показывалъ, что у нихъ шло размѣщенiе по позицiи.

Говоря вообще, въ первую ночь курды не производили въ городѣ обычныхъ неистовствъ, только повременамъ раздавался трескъ отъ выламыванiя дверей, крикъ женщинъ, дѣтей и ярко вздымалось пламя отъ подожженнаго, провiантскаго склада; но вокругъ цитадели они бродили цѣлыми отрядами, занимаясь растаскиванiемъ оставленнаго имущества и уцѣлѣвшихъ лошадей; страсть къ хищничеству часто подводила ихъ подъ наши вѣрные выстрѣлы. Рыская вездѣ, они наткнулись, наконецъ, на скрывшихся милицiонеровъ и неожиданный бой закипѣлъ у самой цитадели.

Лучше другихъ разсказчиковъ характеризуютъ время, проведенное

въ теченіи вечера и ночи, урядники Уманскаго полка: Алексѣй Еременко и Савелій Сухоручкинъ.

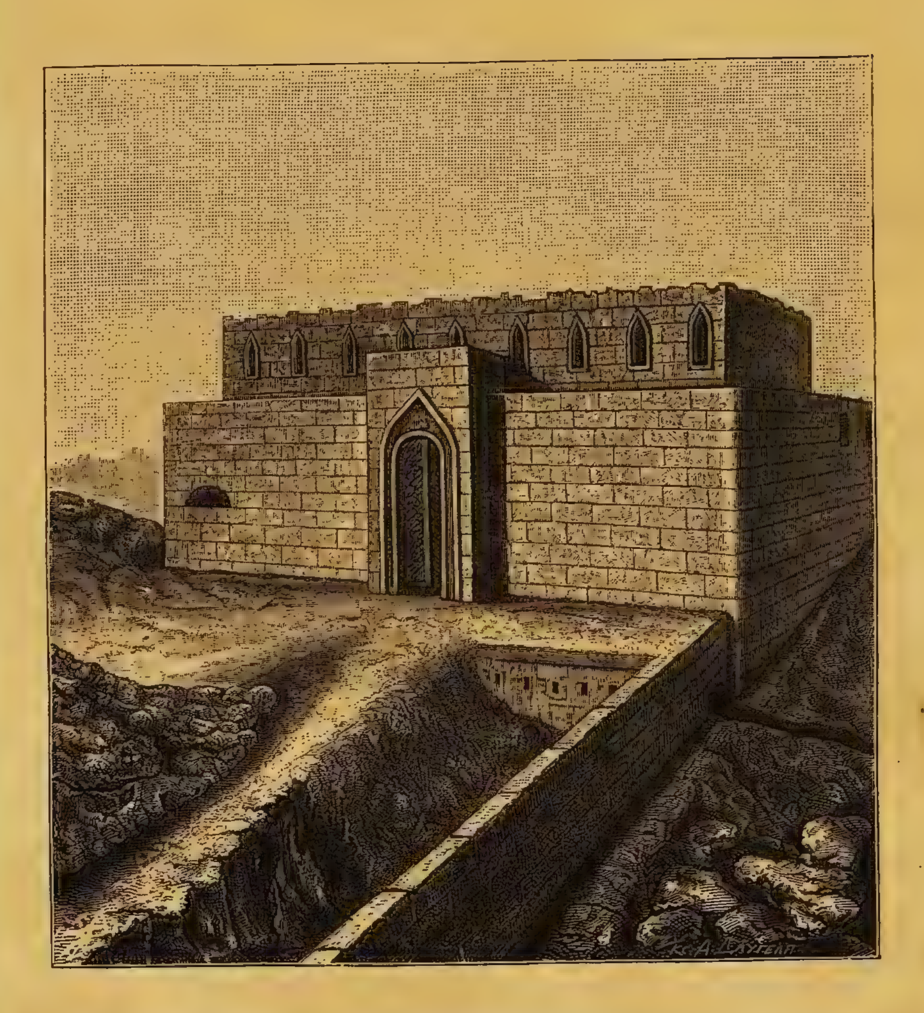
Войдя въ крѣпость изъ послѣднихъ, говоритъ Еременко, онъ, по примѣру другихъ, въ общей сумятицѣ, сталъ розыскивать удобное мѣсто для обороны; вскорѣ выборъ его палъ на проломъ въ передней стѣнѣ, занятый двумя крымцами; съ согласія солдатъ онъ присоединился къ нимъ. Съ этого времени сквозь три устроенныя ими бойницы они отвѣчали на пальбу турокъ съ горъ, видѣли просившихся въ цитадель милиціонеровъ, и какъ они потомъ побѣжали къ бывшимъ казачьимъ конюшнямъ (Б), стрѣляли по штурмующимъ ворота цитадели и по подползавшимъ для грабежа брошенныхъ вещей.

Къ часамъ одиннадцати, когда стало попокойнѣе, досада видѣть расхищеніе имущества, лежащаго передъ глазами, пересилила мысль объ опасности; на желаніе выйти и захватить себѣ все необходимое Еременко получилъ не только полное согласіе товарищей, но и порученіе достать для нихъ котелокъ. Каменья изъ пролома были быстро вынуты, и черезъ минуту лихой казакъ ужъ подбиралъ все пригодное для своего походнаго гардероба; когда же побѣжалъ обратно, подстерегавшіе его турки дали залпъ; однако Еременко успѣлъ невредимымъ вскочить въ цитадель, отдѣлавшись только разбитой ручкой пистолета и прострѣленными бешметомъ и котелкомъ.

О боѣ турокъ съ милиціонерами даетъ полное разъясненіе урядникъ Сухоручкинъ.

Находясь на крышѣ зданія у праваго передняго угла, близь люка (д), онъ и товарищи его среди ночи были удивлены неожиданно загорѣвшейся передъ ними пальбой, но направленной не противъ цитадели; мгновенно бросили они заниматься укладкой каменьевъ и взялись за винтовки; скоро отгадали причину, вызвавшую огонь; понятное всѣмъ, но неподающееся описанію, страстное желаніе спасти атакованныхъ милиціонеровъ въ зданіи (б) заставило стрѣлковъ пулю за пулею посылать по освирѣпѣвшей толпѣ передъ вѣрною добычею; поражаемые изъ цитадели турки обошли атакуемое зданіе и, прикрывшись имъ, усилили пальбу съ противуположной стороны. Недолго кипѣла перестрѣлка; раздавшіеся вокругъ зданія крики, какъ сигналъ къ рукопашному бою, вызвали просьбу казаковъ сдѣлать вылазку, но подполковникъ Пацевичъ, находившійся на этомъ-же углѣ, отвѣтилъ, что въ виду близости стерегущихъ насъ отрядовъ нѣтъ возможности отворить ворота безъ риска впустить ихъ въ цитадель.

Еще минутъ пять неистовые вопли сопровождали самый упорный бой, затѣмъ агонія эта стала приходить къ концу... Съ сжатымъ сердцемъ прислушивались къ происходившему свидѣтели, неимѣвшіе воз-

БАЯЗЕТЪ.

ПЕРЕДНІЙ ФАСЪ ЦИТАДЕЛИ

ВЪ 1877 Г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1885 г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

можности помочь погибающимъ, но еще тяжелѣе отозвался на нихъ моментъ утихающихъ криковъ, моментъ, въ который сотни жизней отнимались силой почти безнаказанно.

Разсвѣтъ уже былъ недалекъ, когда стали исчезать признаки близкаго присутствія турокъ, только повременамъ раздавались отдаленные выстрѣлы. Рѣшивъ, что бродящія вокругъ партіи отступили въ горы, вызвали охотниковъ для провѣрки случившагося въ сосѣднемъ зданіи и для сбора нерасхищенныхъ еще турками вещей.

Охотникамъ, въ числѣ которыхъ былъ и Сухоручкинъ, не отворили воротъ, заваленныхъ каменьями, а мѣстомъ выхода былъ выбранъ тотъ же проломъ, у котораго стоялъ Еременко съ крымцами. Тихо, одинъ за другимъ, казаки вылѣзли изъ цитадели и, осторожно пробираясь между тѣлами убитыхъ, приступили къ исполненію приказанія. Зорко слѣдили за ними товарищи со стѣны, но вскорѣ только подбиравшіе вещи и патроны къ ружьямъ Снайдера остались подъ ихъ покровительствомъ, а остальные, направившіеся къ бывшей казачьей конюшнѣ, скоро исчезли въ темнотѣ ночи... Черезъ минуту посланные подошли къ зданію — кругомъ ни звука... Остановились у входа. Мракъ и могильная тишина попрежнему не нарушались ничѣмъ. Необходимость освѣтить мѣсто осмотра заставила Сухоручкина ошарить боковую комнату, въ которой жилъ когда-то сотенный командиръ; розыски эти остались не безъ успѣха; найдя лоскутъ бумаги, онъ вернулся къ ожидавшимъ его товарищамъ и мгновенно вспыхнувшій свѣтъ внезапно освѣтилъ картину, заставившую вздрогнуть присутствующихъ: все пространство внутри конюшни было завалено до гола раздѣтыми трупами, успѣвшими окоченѣть въ разныхъ положеніяхъ; но скоро бумага догорѣла и мракъ, разступившійся на нѣсколько секундъ, снова скрылъ отъ глазъ ужасную картину; для зрителей было достаточно видѣннаго, чтобы съ точнымъ отвѣтомъ вернуться въ цитадель.

Утро приближалось. Работы прекратились и защитники заняли свои мѣста. Вотъ въ этотъ то краткій періодъ временнаго затишья въ первый разъ особенно рѣзко выступало на первый планъ чувство, знакомившее съ дѣйствительнымъ и предстоящимъ бѣдствіемъ — отсутствіемъ воды. Жажда начинала томить всѣхъ. Комендантъ приказалъ выдать отряду по ложкѣ воды; но эта промочка горла не удовлетворила даже тѣхъ, которые, воспользовавшись неустроеннымъ контролемъ, подходили по два раза.

Въ дѣйствительности запасъ воды былъ незначителенъ: — большая кадушка, наполненная до верха и оберегаемая особеннымъ карауломъ, была единственнымъ источникомъ для утоленія жажды цѣлаго отряда.

Артиллеристы набрали было себѣ отдѣльный запасъ воды, но не будучи въ силахъ отказать вернувшимся съ боя съ пересохшимъ горломъ и умолявшимъ дать напиться, выпоили почти все, что было собрано. По многимъ признакамъ видно, что войска въ первый день не сознавали возможности продолжительной блокады и на сборъ отряда въ цитадель смотрѣли какъ на обыкновенную временную боевую случайность.

Недешево обошелся славнымъ баязетцамъ починный день двадцати-трехъ-дневной пытки и жаждой, и голодомъ: въ это знаменательное 6-е іюня 1877 г. мы потеряли: болѣе четырехъ сотенъ милиціи, до 150 солдатъ и казаковъ, одного штабъ-офицера и двухъ оберъ-офицеровъ, всѣхъ казачьихъ лошадей съ сѣдлами и почти все имущество.

Константинъ Гейнсъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

СОЖЖЕНІЕ ЛЮДЕЙ ВЪ РОССІИ

въ XIII — XVIII вв.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1878 г. помѣщена интересная замѣтка о казни черезъ сожженіе при Аннѣ Іоанновнѣ (октябрь, 307—310). Фактъ сожженія флота капитанъ-лейтенанта Возницына за отпаденіе отъ христіанской вѣры, а жида Боруха Лейбова за превращеніе онаго капитана въ жидовскій законъ [1]) извѣстенъ изъ доклада сената отъ 3 іюля 1738 г. и резолюціи Анны Іоанновны: „понеже оные, Возницынъ.... въ принятіи жидовской вѣры, а жидъ Борухъ Лейбовъ въ превращеніи его чрезъ приметныя свои увѣщанія въ жидовство сами повинились; и для того больше ими розыскивать не въ чемъ, дабы далѣе сіе богопротивное дѣло не продолжалось, и такіе, богохульникъ Возницынъ и превратитель въ жидовство жидъ Борухъ, другихъ прельщать не дерзали; того ради за такія ихъ богопротивныя вины... обоихъ казнить смертію, сжечь“ (Полн. Собр. Зак. т. X, № 7,612).

Этотъ-же „жидъ Борухъ“ былъ еще обвиненъ въ „смертномъ убійствѣ, Смоленскаго уѣзда, села Звѣричь, священника Авраамія, въ превращеніи-жъ съ прочими жидами въ Смоленскѣ простого народа, и въ построеніи имъ жидовской школы, и въ мученіи бывшей у него во услуженіи россійской крестьянской дѣвки“ (П. С. З. Ibid). Многочисленность преступленій, справедливо замѣчаетъ Оршанскій (Рус. законодательство о евреяхъ. „Еврейская библіотека“, III, 105) [2]), невольно наводитъ на сомнѣніе въ ихъ дѣйствительности.

Оршанскій (Ibid, 105) высказываетъ еще мнѣніе, что указъ правительствующаго сената въ генеральную войсковую канцелярію: „жидовъ.... выслать немедленно за границу“ (П. С. З. т. X, № 7,869), есть слѣдствіе дѣла Боруха и Возницына; но это, очевидно, ошибка по несовпаденіи времени. Указъ

---

[1]) Обращеніе это и обрѣзаніе Возницына было совершено въ Дубровнѣ, теперь мѣстечко Могилев. губ. (Соловьевъ, XX, 310).

[2]) Есть и отдѣльное изданіе этого замѣчательнаго труда. Спб. 1877 г. (I томъ собранія его сочиненій). І. Б.

этотъ данъ въ 1736 г., а дѣло Боруха и Возницына дошло до сената, во всякомъ случаѣ, не раньше 1737 г. Также не имѣетъ основанія подобное мнѣніе, высказанное въ видѣ предположенія Хмыровымъ (Энциклопедическій словарь, сост. рус. учен. и лит., отд. II, т. I, стр. 124), относительно указа 11-го іюля 1740 г. „о высылкѣ изъ Малой Россіи за границу 292 мужеска и 281 женска пола евреевъ“ (П. С. З. XI, 8, 169), не имѣетъ основанія потому, что указъ этотъ не есть что нибудь выдающееся, выходящее изъ общаго направленія нашего законодательства о евреяхъ XVIII в. Высылка изъ Малой Россіи вышеупомянутыхъ евреевъ производилась, какъ и сказано въ резолюціи: „по силѣ прежнихъ указовъ“.

Прототипъ закона о запрещеніи евреямъ жительства въ Малороссіи—это указъ Екатерины I отъ 26 апрѣля 1727 г.: „жидовъ какъ мужеска, такъ и женска пола, которые обрѣтаются на Украйнѣ,... тѣхъ всѣхъ выслать вонъ изъ Россіи за рубежъ немедленно, и впредь ихъ ни подъ какими образы въ Россію не впускать и того предостерегать во всѣхъ городахъ накрѣпко“ (П. С. З. VII, № 5,063). Законъ этотъ былъ повторенъ Петромъ II (28 августа 1728 г.): „а житье жидамъ въ Малой Россіи запрещается“ (П. С. З. VIII, № 5,324, пунктъ 14), хотя имъ—благодаря необходимымъ потребностямъ края—и дозволяется „на ярманки для купеческаго промысла въѣзжать, только продавать имъ свои товары оптомъ, а врознь на локти и фунты не продавать“ (Ibid); буквальное повтореніе закона 28 августа 1728 г. для Смоленска было выдано 10 сентября 1731 г. (П. С. З. VIII, № 5,852).

31 іюля 1734 г. по ходатайству коммисіи слободскихъ полковъ позволено „жидамъ продавать товары на ярмаркахъ и врознь на локти и фунты“ впередъ до указа (П. С. З. IX, № 6,610, пун. 21) въ виду того, что „въ Слободскихъ полкахъ купецкихъ людей мало и торговый промыслъ имѣютъ недовольный“. 8-го августа того же года законъ этотъ распространенъ на всю Малороссію, „понеже мы, великая государыня, всегда имѣемъ о нашихъ подданныхъ малороссійскаго народа людяхъ матернее попеченіе“ (Ibid, № 6,614, пун. 14). Право это, впрочемъ, дано только впредь до указа и очевидно съ сохраненіемъ запрещенія евреямъ жить въ Малороссіи. 16 февраля 1736 г. изъ кабинета ея величества данъ кіевскому губернатору Сукину указъ: „жидовъ изъ за границы въ Малую Россію пропускать тѣхъ, которые поѣдутъ съ товарами на ярманки; а кромѣ того иныхъ отнюдь не пропускать“ (П. С. З. IX, № 6,898); къ этому же году относится вышеупомянутый указъ сената. 18-го августа 1739 г. повелѣно высылку евреевъ, успѣвшихъ поселиться въ Малороссіи, отсрочить въ виду турецкой войны, такъ какъ „подъ нынѣшнее де военное время, ежели тѣхъ жидовъ за рубежъ выслать, а иные о тамошнихъ обращеніяхъ могутъ акуратно вѣдать, чтобъ черезъ ту ихъ нынѣ высылку не воспослѣдовало какого шпіонства“ (П. С. З. X, № 7,869). Такимъ образомъ очевидно, что вышеупомянутый законъ 11-го іюля 1740 г. былъ

только повтореніемъ прежде существовавшихъ законовъ, которые, благодаря тому, что шли въ разрѣзъ съ насущными потребностями края—что доказывается приведенными указами 31-го іюля и 8 августа 1734 г. и 18 августа 1739 г. [1])—никогда не исполнялся и въ послѣдующія царствованія мы видимъ цѣлый рядъ повтореній и подтвержденій этого закона—лучшее доказательство его практической несостоятельности [2]).

Таковы указы 2-го декабря 1742 г. (П. С. З. XI, № 8,673); 16-го декабря 1743 (Ibid № 8,840); 25 января 1744 г. (Ibid, XII, № 8,867) и друг.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ по поводу страннаго открытія, сдѣланнаго авторомъ вышеупомянутой замѣтки („Русская Старина“ 1878, № 10, стр. 310), что будто „въ русской исторіи мы встрѣчаемъ только четыре случая казни черезъ сожженіе, а казнь Возницына и Боруха была, насколько извѣстно, послѣдней“.

Конечно, никто не станетъ спорить, что русское уголовное законодательство во всѣ времена отличалось сравнительною мягкостью формъ и весьма обычная на западѣ казнь черезъ сожженіе (мы, конечно, говоримъ о временахъ минувшихъ) у насъ дѣйствительно происходила чрезвычайно рѣдко (сравнительно); но тѣмъ не менѣе мы встрѣчаемъ въ русской исторіи гораздо болѣе четырехъ случаевъ казни черезъ сожженіе; чтобы не быть голословнымъ, я приведу списокъ въ настоящее время мнѣ извѣстныхъ случаевъ; при этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что списокъ этотъ далеко не отличается полнотой, такъ какъ составленъ по источникамъ, имѣвшимся подъ рукой, такъ сказать, только въ данную минуту.

— Весной 1446 г. князь Іоаннъ Можайскій всенародно сжегъ на кострѣ боярина Андрея Дмитріевича вмѣстѣ съ женой за волшебство (Карамзинъ V, 356 и прим. 374 изд. 1819).

---

[1]) Сравн. указъ 16 ноября 1769 г. (П. С. З. XVIII, № 13,383).

[2]) Прессъ въ статьѣ своей: „Къ характеристикѣ системъ“ (Восходъ 1882 г., кн. IV—V) весьма основательно дѣлитъ отношенія русскаго законодательства къ евреямъ на періоды; до Анны Іоанновны законодатель руководствовался исключительно принципомъ охраненія церкви и православія отъ вліянія иновѣрцевъ. При Аннѣ-же, благодаря полному господству нѣмецкой партіи, этотъ принципъ долженъ былъ потерять всякое значеніе, но за то выступилъ другой принципъ: евреи терпимы и находятся подъ защитой закона въ границахъ ихъ полезности въ дѣлѣ развитія торговли и промышленности; внѣ этой границы они безправны. Указъ 16 февраля 1736 г. показываетъ только неполную послѣдовательность законодателя, показываетъ обязательность предшествовавшихъ узаконеній о евреяхъ, продолжавшихъ дѣйствовать рядомъ съ новыми, не смотря на развитіе взглядовъ и системъ обоихъ періодовъ. При Елизаветѣ опять выступилъ первый принципъ, выразившійся въ характерной резолюціи: „отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли“ (П. С. З. XI, № 8,840). І. В.

— Тотъ же Іоаннъ Можайскій сжегъ за волшебство мать боярина Іоанна III, Ощера (Карамзинъ VI, 152).

— Въ январѣ 1493 были сожжены въ Москвѣ на берегу Москвы-рѣки въ клѣткахъ князь Лукомскій и латинскій толмачъ, полякъ Матіасъ, за подозрѣніе въ желаніи отравить Іоанна III (Карам. VI, 242; Соловьевъ V, 143).

— Въ началѣ 1505 г. были сожжены въ Москвѣ обличенные въ принадлежности къ ереси жидовствующихъ: Волкъ Курицынъ, Дмитрій Коноплевъ, Иванъ Максимовъ и другіе (Сол. V, 274; Карам. VI, 205; арх. Макарія, Ист. Рус. Цер. VI, 135).

— За принадлежность къ той-же ереси были сожжены въ Новгородѣ: Некрасъ Рукавовъ, архимандритъ Юрьевскій Кассіанъ съ братомъ и многіе другіе (Сол., Ibid; Карамз., Ibid; Макарій, Ibid) [1]).

— Князья Воротинскій и Одоевскій были вмѣстѣ изжарены Иваномъ Грознымъ.

— При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ былъ сожженъ колдунъ, обвинявшійся въ „порчѣ" татарскаго царевича Мурютъ-Гирея [2]).

— Въ 1607 г. одинъ стародубскій сынъ боярскій, который рѣшится ѣхать подъ Тулу въ станъ Шуйскаго и спроситъ самого царя, зачѣмъ онъ подъискался подъ прирожденнымъ государемъ (Лжедмит. II), умеръ геройски, поджариваемый на медленномъ огнѣ (Соловьевъ, VIII, 187; Костомар. монограф. и изслѣд. V, 105).

— Судъ, состоявшій изъ равнаго числа поляковъ и русскихъ, приговорилъ въ 1611 г. къ отсѣченію рукъ и сожженію поляка Блонскаго, который выстрѣлилъ въ икону Богородицы (Солов. VIII, 337; Костомар. Ibid, VI, 58).

— Въ мартѣ 1672 г. явился въ Астрахань князь Яковъ Одоевскій для суда надъ бунтовщиками; Корнило Семеновъ, у котораго нашлись заговоры, сожженъ публично (Солов. XI, 45).

---

[1]) Обвиненные въ приверженности къ ереси жидовствующихъ были приговорены къ сожженію на основаніи 31—33 главы градскаго закона, вошедшаго въ составъ Кормчей. Законъ этотъ выраженъ такъ: „аще жидовинъ, христіанина раба имый, и обрѣжетъ его, да отсѣкутъ ему главу; аще жидовинъ или агарянинъ дерзнетъ развратити отъ христіанскія вѣры христіанина, главнѣй повиненъ казни; иже сподобився святаго крещенія и еретичествуетъ и еллинствуетъ, конечнѣй муцѣ повиненъ есть (Кормч., ч. II, л. 113 изд. 1810). Этотъ законъ кажется служилъ основаніемъ 24 ст. XXII гл. улож. царя Алексѣя Михаиловича, на основаніи которой и былъ сожженъ Возницынъ и Борухъ (П. С. З. X, № 7,612); статья эта гласитъ слѣдующее: „а будетъ кого бусурманинъ какими нибудь мѣрами, насильствомъ, или обманомъ русскаго человѣка къ своей вѣрѣ принудитъ и.... обрѣжетъ, а сыщется про то допряма: и того бусурманина по сыску казнить, сжечь огнемъ безо всякаго милосердія".

[2]) Мнѣ неизвѣстно, на основаніе какого закона произведена эта казнь; знаемъ только, что Анна Іоанновна въ началѣ своего царствованія сочла нужнымъ напомнить указомъ (П. С. З. № 5761), что за волшебство законъ опредѣляетъ сожженіе (Соловьевъ, XIX, 289). І. Б.

— Не мало случаевъ сожженія записано въ лѣтописяхъ раскола даже въ первое время его зарожденія, какъ это можно заключить со словъ Хованскаго (Костомар. „Русск. Ист. въ жизнеоп.“ II, 490, 492).

— Въ 1736—1737 гг. въ Петербургѣ были большіе пожары. Приступили къ слѣдствію о причинѣ ихъ и обвинили двухъ мужиковъ, поджигавшихъ съ цѣлью грабежа; ихъ сожгли живьемъ (Кантемиръ въ Лондонѣ, Стоюнина. „Вѣстн. Евр.“ 1, 1867 г., т. II, ст. 126).

— 8 іюня 1836 г. въ Москвѣ былъ большой пожаръ; на другой день прислана была къ розыску дворовая дѣвка князя Влад. Долгорукаго, Мареа Герасимовна; ее обвинили въ поджогѣ, и съ перваго розыска она повинилась; ее сожгли живую (Солов. XX, 215).

— 20 іюня 1738 г. былъ сожженъ нѣкто Тайгульда за переходъ въ исламъ („Русск. Старина“ 1878 г., № 10, стр. 308).

— Въ іюлѣ того же года сожжены вышеупомянутые Возницынъ и Борухъ (П. С. З. X, № 7612; Солов., XX, 310).

Осталось также нѣсколько извѣстій о сожженіяхъ въ Новгородѣ, Галичѣ, у Днѣпровскихъ казаковъ и наконецъ и самой Россіи, только не по иниціативѣ высшаго правительства.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ извѣстій:

— Галицкіе бояре сожгли Анастасію, любовницу князя Ярослава (Карамзинъ III, 19).

— Въ 1227 г. Новгородцы сожгли 4-хъ волшебниковъ на дворѣ Ярослава (Карамз. III, 246, примѣч. 316).

— Въ 1230 г. былъ въ Новгородѣ голодъ; мѣхъ ядаху, кору липову и листъ ильмъ; иніи рѣзаху люди живыя и ядаху“... То свѣдавше, бояре иныхъ сожигаху, тако творящихъ“ (Карамз. III, примѣч. 135) [1]).

— Въ 1442 г. народъ въ Новгородѣ безъ всякаго доказательства, обвиняя многихъ людей въ зажигательствѣ, сжегъ ихъ на кострахъ (Карамз. V, 298).

— Гетманъ Бруховецкій (бояринъ-гетманъ) всенародно сжегъ живьемъ полковницу Гострую „за малую вину“, по выраженію лѣтописца (Грабянки, 197); на это намекаетъ укоръ казаковъ: „за гетманомъ только и дѣла, что вѣдьмъ жжетъ“ (Соловьевъ XI, 221; Костомар. Руина „Вѣстн. Евр.“ 1879 г., № 6, стр. 450).

— Въ декабрѣ 1671 г. Долгорукій сжегъ въ срубѣ одну старуху, обвиненную въ чародѣйствѣ (Солов. XI, 441).

— Въ 1677 г. атаманъ Михайло Самаринъ и все войско донское, по воинскому праву, сожгли въ Черкаскѣ какого-то попа-раскольника за то, что онъ не молился Богу за царя (Солов. XIII, 309).

— Въ 1687 г. во время паденія гетмана Самойловича казаки Прилуц-

[1]) Въ 1235 г. галицкіе бояре составили заговоръ съ цѣлью сжечь Даніила и Василька Галицкихъ; заговоръ этотъ не удался (Карамзинъ III, 269).
I. Б.

каго полка сожгли въ горящей печи своего полковника Лазаря Горленка (Костомар. „Русск. Истор. въ жизнеоп.“ II, 322).

— Въ концѣ XVII вѣка по приказанію московскаго патріарха были сожжены нѣмцы Кульманъ и Нордерманъ по обвиненію въ распространеніи ереси [1]).

Составленный здѣсь списокъ, какъ мы уже сказали, далеко неполонъ; но если даже собрать всѣ сохранившіяся извѣстія о случаяхъ казни черезъ сожженіе, то и тогда мы врядъ-ли будемъ имѣть даже приблизительное понятіе о дѣйствительномъ числѣ сожженій; лѣтописецъ не считалъ нужнымъ занести ихъ въ свою хронику: они казались ему неважными.

Выше въ примѣчаніяхъ мы привели статьи уложенія царя Алексѣя Михайловича и указъ Анны Іоанновны, опредѣляющіе случаи наказанія сожженіемъ; до насъ дошло еще нѣсколько подобныхъ законовъ.

Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича при Заиконоспаскомъ монастырѣ былъ устроенъ „храмъ, чиномъ академія, для сѣянія мудрости“; въ уставѣ этой академіи читаемъ: „за хулу на православную вѣру (учителя) будутъ сожжены безъ всякаго милосердія... Если какой нибудь иностранецъ, или русскій будутъ обвинены въ хулѣ на православную вѣру, то отдается на судъ блюстителю и учителямъ, и если обвиненіе окажется справедливымъ, то преступникъ подвергается сожженію... Запрещается преподаваніе магіи и учителей этой науки вмѣстѣ съ учениками сожигать..! Если какой нибудь пришелецъ былъ прежде восточной вѣры, а потомъ приметъ другую, то такой долженъ быть преданъ сожженію“ (Солов. XIII, 327—329; Костом. „Русск. ист. въ жизнеоп.“ II, 419).

Указомъ 1684 г. велѣно было хватать всякаго, кто не ходилъ въ церковь, не исповѣдывался, не пускалъ къ себѣ священника въ домъ. Такихъ приказано было подвергать пыткѣ и не покаявшихся велѣно было сжигать живьемъ (Костом. Ibid. II, 502).

Существованіе всѣхъ этихъ законовъ доказываетъ нужду въ нихъ, доказываетъ, что они имѣли приложеніе въ юридической практикѣ. Это доказывается также слѣдующимъ мѣстомъ грамоты московскаго правительства сѣверн. города, которой они извѣщаются о появленіи Лжедмитрія I и первыхъ его успѣхахъ: „люди, которые въ государствѣ за ихъ богомерзкія дѣла приговорены были на сожженіе, а другіе къ ссылкѣ, бѣжали въ Литовскую землю за рубежъ и злые плевелы еретическіе сѣяли“ (приставали къ Лжедмитрію) (Солов. VIII, 99).

Было бы очень желательно имѣть серьезное изслѣдованіе объ этомъ, въ высшей степени интересномъ для исторіи нравовъ, предметѣ.

І. Берхинъ.

---

[1]) Въ 1792 г. въ южной Россіи начали преслѣдовать духоборцевъ и многіе изъ нихъ были приговорены къ сожженію, но помилованы ссылкой въ Сибирь („Русск. Архивъ“ 1865 г., 818). Мы не говоримъ о случаяхъ сожженія во время непріятельскихъ дѣйствій, весьма впрочемъ частыхъ; см. напримѣръ (Солов. V, 294; Карамз. IV, примѣч. 262), а также о пыткѣ огнемъ, причемъ часто случались смертные случаи, что совершенно равносильно сожженію.

І. Б.

АЛЕКСАНДРЪ I И НИКОЛАЙ I.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ТЕММЕ.

Erinnerungen von J. D. H. Temme. Herausgegeben von St. Born. Leipzig. 1883. in 8°.

I.

Темме и его записки.

Нѣтъ сомнѣнія, что записки, воспоминанія и автобіографіи видныхъ дѣятелей какой либо эпохи даютъ богатый матеріалъ историкамъ того времени и бросаютъ нерѣдко яркій свѣтъ на факты, до тѣхъ поръ никѣмъ незамѣченные, или же освѣщенные не съ надлежащей стороны.

Историческая литература западныхъ европейскихъ государствъ весьма богата такими матеріалами, тогда какъ русскимъ исторіографамъ приходится преимущественно откапывать свои жемчужины въ кучахъ архивной пыли, такъ какъ записками и дневниками наши отцы и дѣды — въ особенности стоявшіе у кормила — насъ не избаловали. Поэтому для насъ русскихъ особенно интересными оказываются записки и мемуары видныхъ дѣятелей нашей коварной сосѣдки, ибо въ нихъ мы часто находимъ не одинъ лишній лучъ для освѣщенія фактовъ нашей внѣшней политики. Положимъ, что освѣщеніе это нерѣдко пристрастное и одностороннее; преломляясь чрезъ призму нѣмецкаго самодовольства, самомнѣнія и самохвальства, лучи, освѣщающіе русскихъ дѣятелей, дадутъ, конечно, послѣднимъ нѣсколько иной колоритъ, иной оттѣнокъ; но суть же все таки останется правдивою, ибо нѣмецъ не лжетъ никогда, онъ только подчасъ... привираетъ.

Еще недавно, благодаря Ранке, мы ознакомились (1883 г.) съ записками прусскаго государственнаго человѣка Гарденберга, освѣтившаго ими темную страницу прусской исторіи. Горячему патріоту, первому министру и другу короля Фридриха Вильгельма III и королевы Луизы—Гарденбергу привелось дожить до полнѣйшаго уничиженія своей родины послѣ Іены и Тильзитскаго свиданія монарховъ. Понятно, что записки такого человѣка должны представлять собою верхъ интереса. Нынѣ же мы обращаемъ вниманіе читателей на записки

простого смертнаго: сперва—дѣльнаго юриста, затѣмъ — политическаго трибуна и демократа, а впослѣдствіи — талантливаго романиста и добровольнаго изгнанника. Записки его интересны не потому только, что онѣ ярко освѣщаютъ эпоху февральской революціи и послѣдовавшее затѣмъ реакціонное время, но и какъ записки человѣка, котораго не только друзья, но и враги считали за правдивѣйшаго изъ смертныхъ, и который во всю свою жизнь ни разу не покривилъ душою. Въ Темме какъ бы олицетворялся идеалъ человѣка съ желѣзной непреклонной волей и съ глубокимъ уваженіемъ къ правдѣ и законности. Всю жизнь свою онъ боролся за права народа, и ни угрозы, ни интриги, ни благосклонность сильныхъ міра сего — не могли свернуть его съ разъ принятаго имъ пути; и даже легко дававшаяся ему въ руки популярность среди крайнихъ революціонныхъ фракцій не могла подкупить его.

Темме былъ юристомъ и законникомъ въ самомъ идеальномъ значеніи этого слова; для него право и законъ были священнѣйшими понятіями.

Родомъ изъ Вестфаліи, онъ, по сдачѣ государственнаго экзамена, былъ назначенъ ассесоромъ въ надворный судъ въ Арнсбергѣ (въ Вестфаліи); но ему недолго пришлось служить на родинѣ. Въ то время прусское правительство имѣло обыкновеніе переводить способныхъ чиновниковъ съ одного конца королевства въ другое, дабы они не засиживались долго на одномъ мѣстѣ и не пріобрѣтали себѣ большой популярности.

По этой причинѣ въ 1833 году Темме перевели уѣзднымъ судьею въ маленькій пограничный городокъ близъ Мемеля. Имѣя часто дѣло съ контрабандистами, укрывавшимися то по сю, то по ту сторону границы, ему приходилось нерѣдко переѣзжать на русскую территорію и знакомиться съ нравами и обычаями, съ административными и судебными порядками тогдашней Литвы, которой Темме посвящаетъ цѣлую главу.

Эта характеристика литовскихъ порядковъ того времени весьма интересна и мы постараемся съ ними познакомить нашихъ русскихъ читателей въ другое время; теперь же остановимся на приводимыхъ Темме двухъ анекдотахъ, касающихся императоровъ Александра и Николая Павловичей. Они очень характеристичны и, сколько намъ помнится, вовсе неизвѣстны русской публикѣ. Усомниться въ дѣйствительности описанныхъ Темме фактовъ нѣтъ никакого основанія, такъ какъ не вѣрить маститому автору — невозможно, не оскорбляя его памяти.

Когда Темме умеръ на 83-мъ году своей жизни въ Швейцаріи въ добровольномъ изгнаніи, вся Германія его оплакала и какъ поклонники, такъ и противники его политическихъ идеаловъ отдали дань его памяти. Никто не могъ отказать ему въ томъ, что, при всѣхъ его достоинствахъ и недостаткахъ, онъ былъ „цѣльнымъ человѣкомъ", какъ выразился его біографъ Борнъ; а таковыхъ цѣльныхъ людей въ нашъ практическій и опортунистскій вѣкъ появляется ахти какъ немного. Тогда какъ время и обстоятельства измѣнили и

даже передѣлали совсѣмъ убѣжденія многихъ изъ его сподвижниковъ, Темме остался непреклоннымъ и какъ скала непоколебимо стоялъ за то, что считалъ правильнымъ, хотя самъ, въ то же время, весьма снисходительно относился къ слабостямъ людскимъ вообще и къ слабостямъ своихъ противниковъ въ особенности. Рыцарь честности и благородства, мягкій и сердечный въ обращеніи, добрый, правдивый и вѣрный другъ, онъ, какъ вѣковой дубъ, стоялъ безъ колебанія среди бурь и непогоды и отъ убѣжденій своихъ никогда не отступалъ ни на іоту.

У Темме, какъ и у всякаго недюжиннаго человѣка, было много враговъ, но и тѣ не отказывали ему въ уваженіи. Онъ провелъ 30 лѣтъ въ Швейцаріи, въ добровольномъ изгнаніи, и тамъ, устроивъ себѣ новое отечество, былъ любимъ и уважаемъ не только швейцарцами, но и соотечественниками, посѣщавшими его новую отчизну. Замѣчательно, что Темме былъ ярымъ противникомъ — какъ онъ выражался—„всенивеллирующаго" единаго германскаго государства.

Эта краткая характеристика автора „Воспоминаній" даетъ, какъ намъ кажется, достаточно основаній не сомнѣваться въ правдивости приводимыхъ Темме историческихъ фактовъ и отнестись къ двумъ слѣдующимъ анекдотамъ съ полнымъ довѣріемъ:

II.

Александръ I и Меттернихъ.

1820 г.

Дипломатію обыкновенно считаютъ наукой; правильнѣе будетъ назвать ее искусствомъ приводить къ соглашенію, на мирной почвѣ переговоровъ, спорныя отношенія, несогласія и ссоры между различными государствами.

Для современной дипломатіи, говоритъ Темме, это опредѣленіе кажется не совсѣмъ подходящимъ, и мы склонны скорѣе ее назвать искусствомъ поставить во время войны разныя государства въ запутанное положеніе.

Въ 1820 году европейская дипломатія чувствовала себя въ удрученномъ состояніи; то тамъ, то здѣсь вспыхивали бунты, возмущенія. Положимъ, въ Германіи „Карлсбадскими постановленіями" удалось скоро подавить возстаніе; это оказалось нетруднымъ уже и потому, что проявленіе недовольства было скорѣе теоретическое и бумажное, высказывавшееся въ статутахъ нѣмецкаго студенчества и находившее откликъ лишь въ кабацкихъ пѣсняхъ. „Карлсбадскимъ постановленіямъ" легко было справиться съ такого рода проявленіемъ недовольства. „Кровь и желѣзо" было бы въ то время излишнею роскошью. Но не то было внѣ Германіи: во Франціи, Испаніи и Италіи.

Священный союзъ трепеталъ. Монархи Австріи, Пруссіи и Россіи съѣхались на конгрессъ въ Тропау, для обсужденія мѣръ, которыя бы слѣдовало предпринять для подавленія народныхъ возстаній.

Во Франціи аристократическая партія имѣла въ то время перевѣсъ надъ демократическою; а потому вмѣшательство во французскія дѣла было не только ненужнымъ, но и опаснымъ. За то Испанію и Италію надлежало не выпускать изъ вида. Побѣди въ Испаніи бунтовщики, во Франціи тотчасъ восторжествовалъ бы духъ возмущенія и революція разлилась бы широкимъ потокомъ отъ запада къ востоку. Революція въ Италіи угрожала даже непосредственно одному изъ членовъ священнаго союза, именно: Австріи и австрійскимъ владѣніямъ въ Италіи. И потому представлялся вопросъ: могутъ ли и должны ли государства священнаго союза вмѣшаться въ дѣла Италіи и Испаніи?

Вопросъ вмѣшательства привлекъ государей трехъ державъ въ Тропау и былъ предметомъ ихъ совѣщаній. Австрія стояла за вмѣшательство; Россія была противнаго мнѣнія; Пруссія держала себя нейтрально.

Императоръ Австрійскій Францъ, прозванный „добрымъ Францлемъ" (der gute Franzl), обладалъ большою способностью ловить мухъ, но еще большею— фабриковать сургучъ. Все остальное онъ предоставилъ своему государственному канцлеру князю Меттерниху.

Русскій императоръ Александръ I былъ самодержцемъ Россіи и оставался таковымъ вполнѣ и на конгрессѣ: Италія лежала далеко отъ его владѣній, Испанія еще дальше, а Пруссія, какъ сказано выше, держала себя нейтрально.

Меттернихъ былъ внѣ себя, онъ терялъ подъ собою почву, ибо если Россія выскажется противъ вмѣшательства, то таковое не могло бы состояться, а потому онъ пустилъ въ ходъ все свое дипломатическое искусство, чтобы убѣдить императора русскаго въ необходимости вмѣшательства; ничто однако-же не помогло: Александръ I оставался непреклоннымъ.

Конгрессъ въ Тропау приходилъ къ концу. Совѣщанія прекратились и договаривающіяся стороны не пришли ни къ какому результату. На слѣдующій день предполагались прощальные визиты монарховъ и вслѣдъ затѣмъ долженствовалъ послѣдовать отъѣздъ ихъ изъ Тропау.

Наступилъ день отъѣзда; все было къ нему приготовлено.

Князь Меттернихъ былъ нравственно убитъ: первый разъ въ жизни онъ потерпѣлъ политическое пораженіе, и пораженіе тяжкое, самое тяжкое, какое только могло его постичь. Если онъ и не былъ отцомъ священнаго союза и— какъ свѣтлая голова — не могъ къ политикѣ примѣшивать религіозныя мечтанія, за то онъ былъ самымъ рѣшительнымъ и послѣдовательнымъ поборникомъ монархическаго начала, гнушался всякаго народнаго движенія, направленнаго противъ этого начала, да и самый-то народъ Меттернихъ отъ души ненавидѣлъ. И не очутилось ли бы это монархическое начало въ опасности,

если-бъ принципъ вмѣшательства не подоспѣлъ бы на помощь? И разрѣшеніе этого вопроса не имѣлс ли непосредственнаго рѣшительнаго и важнаго послѣдствія больше всего для Австріи?...

Въ положеніи близкомъ къ отчаянію находился князь Меттернихъ въ это утро. Какъ вдругъ ему докладываютъ, что курьеръ пріѣхалъ прямо изъ Петербурга съ весьма важными депешами и желаетъ немедленно видѣть его сіятельство.

Было 7 часовъ утра. Князь сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ за утреннимъ кофе и въ раздумьи пускалъ клубы дыма изъ своей любимой трубки. Онъ—маэстро дипломатіи—съ отчаяніемъ утопающаго, тщетно отыскивалъ въ своемъ умѣ какую либо политическую соломинку, какой бы то ни было выходъ изъ этого дипломатическаго лабиринта, въ которомъ онъ былъ до сихъ поръ своимъ человѣкомъ? Курьеръ изъ Петербурга! съ важными депешами?! Лицо князя мгновенно прояснилось; въ глазахъ его блеснулъ лучъ надежды. Курьера тотчасъ же впустили въ кабинетъ; онъ подалъ князю депешу. Судорожною рукою сорвалъ князь печать, прочелъ содержимое, съумѣлъ побороть въ себѣ то сильное впечатлѣніе, которое на него произвела депеша и ограничился лишь вопросомъ:

— „Не встрѣтили ли вы въ дорогѣ курьера къ императору Александру?"

— Курьеръ къ императору Александру, отвѣчалъ тотъ, отправился изъ Петербурга до меня. Нашъ посланникъ зналъ это и приказалъ мнѣ употребить всѣ усилія, чтобы перегнать русскаго курьера.

— „И вы перегнали?"

— Не доѣзжая до послѣдней станціи, я его обогналъ. На станціи мнѣ удалось такъ устроить, что я тотчасъ же поѣхалъ далѣе, а русскій былъ задержанъ.

— „Когда можетъ прибыть сюда русскій курьеръ?"

— По моему разсчету черезъ полчаса.

— „Хорошо. Ступайте и подкрѣпите свои силы. Вамъ нуженъ отдыхъ".

Этими словами курьеръ былъ отпущенъ.

Меттернихъ пилъ свой кофе въ халатѣ и въ туфляхъ; на головѣ его покоилась зеленая бархатная ермолка съ золотой кисточкой. Какъ только курьеръ оставилъ кабинетъ, князь засунулъ депешу въ карманъ халата, взялъ свою дымящуюся трубку и, покинувъ въ такомъ видѣ свой кабинетъ и свой домъ, вышелъ на улицу и пошелъ тихимъ мѣрнымъ шагомъ, принявъ видъ задумчивый и покуривая свою трубку.

— „Меттернихъ, это вы? и въ столь раннюю пору?"

Князь содрогнулся, изумился и, принявъ крайне растерянный и испуганный видъ, пролепеталъ:

— Ахъ, ваше величество!

Онъ очутился какъ разъ передъ домомъ, занятымъ русскимъ царемъ, и у того самаго окна, у котораго стоялъ Александръ.

— „И въ такомъ задумчивомъ настроеніи?"

— Ваше величество можетъ себѣ легко объяснить, почему мои шаги невольно приняли направленіе въ эту сторону; воистину невольно, государь, побуждаемый сдѣлать еще послѣднее усиліе, послѣднюю попытку...

Лицо императора омрачилось. Князь Меттернихъ прервалъ свою рѣчь.

— „Вы знаете мой взглядъ, мое рѣшеніе, сказалъ государь. Оно непоколебимо!" добавилъ онъ.

— Даже, возразилъ Меттернихъ, если необычайныя извѣстія изъ Петербурга?... Онъ остановился.

Любопытство государя было задѣто.

— Курьеръ изъ Петербурга еще не пріѣхалъ къ вашему величеству? спросилъ князь.

— „Курьеръ изъ Петербурга? Развѣ онъ везетъ необычайныя извѣстія?"

— Необычайныя и вѣскія извѣстія!..

На лицѣ монарха выразилось безпокойство.

— „Сообщите мнѣ ихъ!"

— Измѣнникъ могъ-бы насъ подслушать. Ахъ, государь! измѣна!...

Князь Меттернихъ подозрительно оглядывается во всѣ стороны.

— „Войдите ко мнѣ!"—приглашаетъ императоръ. Князь оглядываетъ свой халатъ и туфли.

— „Идите-же!"—повторяетъ нетерпѣливо и озабоченно Александръ.

— Если ваше величество приказываете!—и князь входитъ въ домъ и въ кабинетъ государя; государь самъ отворяетъ ему дверь.

— „Ваши извѣстія?" настаиваетъ императоръ.

— Преображенская гвардія.... началъ князь, но запнулся на послѣднемъ словѣ. Лицо императора выражаетъ страхъ.

— „Мои преображенцы! вскрикнулъ онъ, что съ ними?"

— Полкъ возмутился, мятежъ въ полномъ разгарѣ!

Александръ поблѣднѣлъ.

— „Въ моемъ вѣрнѣйшемъ изъ полковъ? Въ полку?..."

— Въ первѣйшемъ и наипреданнѣйшемъ полку, государь! Въ томъ самомъ войскѣ, въ которомъ, по мнѣнію всѣхъ, да, конечно, и вашего величества,—каждый солдатъ, отдѣльно взятый, готовъ съ радостью отдать свою жизнь за своего государя. И вотъ, среди вѣрнѣйшихъ изъ вѣрныхъ, вспыхнуло открытое возстаніе, измѣна, которая гигантскими шагами можетъ облетѣть весь міръ!... Но неугодно-ли вашему величеству прочесть депешу, которую я получилъ?"

Князь вытаскиваетъ изъ кармана депешу и подаетъ ее императору; императоръ ее читаетъ.

Въ Преображенскомъ [1]) полку дѣйствительно вспыхнулъ мятежъ, давно въ тайнѣ созрѣвавшій. Полкъ этотъ, дѣйствительно, пользовался репутаціею самаго преданнѣйшаго во всей гвардіи. Петръ Великій образовалъ лейбъ-гвардію изъ своихъ потѣшныхъ и она съ тѣхъ поръ и понынѣ была наипреданнѣйшей защитницей русскихъ царей.

Извѣстіе о возмущеніи этого полка какъ громомъ поразило императора. Растерянный ходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатѣ и видимо боролся съ самимъ собою, не зная на что рѣшиться. Это не могло ускользнуть отъ хитраго Меттерниха. Онъ пришелъ къ государю на помощь.

— Измѣна облетаетъ всю Европу, государь!

Императоръ молчитъ.

— Она направлена противъ монарховъ!

То же молчаніе.

— И если она посмѣла дойти до трона вашего величества, государь, и если въ сердцѣ Европы не будетъ сдѣлано ничего такого, чтобы задержать ея разрушительный полетъ...

Князь остановился.

Въ это самое мгновеніе прискакалъ русскій курьеръ, котораго австрійскій перегналъ на цѣлые полчаса.

Адъютантъ входитъ и подаетъ государю депешу, которую привезъ курьеръ. Александръ пробѣжалъ ее. Лицо его прояснилось.

— „Дѣло не такъ страшно, какъ казалось! Прочтите!..." обратился онъ къ князю, передавая ему депешу.

Князь читаетъ ее съ особеннымъ вниманіемъ.

— Государь, сказалъ онъ, прочтя депешу. Если слуга передаетъ своему господину новость, которая для него непріятна, то истину слѣдуетъ искать между строкъ. Я и не ожидалъ другаго извѣщенія вашему величеству. И именно потому я и счелъ своимъ долгомъ не утаивать отъ вашего величества сообщеніе нашего посланника, изложенное безъ всякихъ прикрасъ. Затѣмъ имѣю честь откланяться вашему величеству.

Князь Меттернихъ отвѣшиваетъ глубокій поклонъ и хочетъ удалиться.

— „Останьтесь!" не то приказываетъ, не то проситъ государь.

Князь остается.

— Что прикажетъ ваше величество?

Три раза съ конца въ конецъ обходитъ комнату императоръ, не произнеся ни единаго слова. Затѣмъ останавливается передъ Меттернихомъ; но отвѣтъ у него еще не готовъ.

---

[1]) Здѣсь Темме дѣлаетъ грубую ошибку: безпорядокъ произошелъ не въ Преображенскомъ, а въ Семеновскомъ полку. Этотъ эпизодъ всесторонне изслѣдованъ на стр. „Русской Старины" какъ по подлиннымъ документамъ, такъ и на основаніи разсказовъ современниковъ-очевидцевъ. Ред.

Князь приходитъ ему на помощь.

— Вмѣшательство, государь?

— „Вмѣшательство,“ рѣшилъ императоръ.

Князь Меттернихъ отвѣшиваетъ глубокій поклонъ.

— Ваше величество даетъ миръ Европѣ,—сказалъ князь вслухъ; про себя-же, съ своею утонченною улыбкою, князь проговорилъ: „роковые-же были эти полчаса!“

Неизвѣстно только, относилось-ли это замѣчаніе къ тому, что его курьеръ обогналъ курьера русскаго на полчаса, или-же къ получасовой бесѣдѣ съ русскимъ императоромъ.

Монархи остались еще въ Тропау.

Вмѣшательство было рѣшено.

Темме ручается за достовѣрность этого историческаго анекдота, объясняя, что разсказало ему лицо, близко стоявшее къ дѣйствующимъ лицамъ и при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

„Я былъ, говоритъ Темме, въ 1830-хъ годахъ президентомъ уголовнаго суда въ Стендалѣ, въ альтмаркѣ. Проживалъ въ этомъ городѣ пенсіонеръ прусской арміи маіоръ Фонъ-Гольбекъ. Онъ былъ очень милымъ и свѣдущимъ собесѣдникомъ. Долгое время служилъ онъ при генералъ-адъютантѣ короля Фридриха Вильгельма III-го и находился въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ короля въ Тропау.

Въ Стендалѣ я подружился съ нимъ и отъ него узналъ я всѣ эти подробности“.

Слѣдующее примѣчаніе Темме не выдерживаетъ критики и доказываетъ лишь какое смутное понятіе о Россіи имѣли даже интеллигентные иностранцы; для характеристики Темме приводимъ однако-же его примѣчаніе цѣликомъ:

„Можетъ казаться страннымъ, что императоръ Александръ I-й такъ настойчиво отклонялъ идею вмѣшательства противъ революціоннаго движенія народовъ; и что именно онъ—рѣшительный врагъ (?!) всякаго свободнаго движенія въ народѣ (?!). Скорѣе можно было ожидать, что онъ встанетъ во главѣ коалиціи, цѣлью которой было подавленіе того революціоннаго движенія, которое было направлено къ ниспроверженію монархической власти въ Европѣ“.

Разъясняетъ-же Темме это противодѣйствіе императора такъ: „оно все таки совершенно понятно: въ Россіи хотя и были перевороты, но народъ никогда не принималъ въ нихъ участія. Въ русскомъ народѣ никогда не было замѣчено движенія къ ниспроверженію трона. Въ Россіи полагали, что народы производятъ революціи изъ-за своихъ правъ, или изъ-за свободы, но никогда и мысли не могло быть у русскихъ, что на свѣтѣ существуютъ народы, которые могли имѣть какія-бы то ни были права противъ своихъ

государей. Слѣдствіемъ-же русскаго вмѣшательства могло быть то, что многіе тысячи русскихъ были бы двинуты въ чужіе края и тамъ русскій народъ узналъ-бы въ чемъ суть дѣла и за что они борятся".

„И такъ, не должно-ли бы вмѣшательство, которое требовалось отъ Александра, внести непосредственно въ русское государство революціонныя идеи?"

„Хитрый Меттернихъ тонко воспользовался минутой, чтобы застать въ расплохъ русскаго царя".

Все это примѣчаніе въ послѣдней своей половинѣ весьма наивно и подтверждаетъ лишь слова покойнаго Ѳ. И. Тютчева, сказавшаго разъ при случаѣ, что „самый умный нѣмецъ, когда начнетъ говорить о Россіи, непремѣнно окажется глупцомъ".

III.

Императоръ Николай и король Фридрихъ-Вильгельмъ IV.

1840 г.

7-го іюня 1840 года, около 4-хъ часовъ пополудни, скончался Фридрихъ-Вильгельмъ III, король прусскій. Кончины его ожидали уже нѣсколько часовъ.

Король находился въ опочивальнѣ одинъ съ лейбъ-медикомъ своимъ, тайнымъ совѣтникомъ Шенлейномъ. Онъ нуждался въ полнѣйшемъ покоѣ; ни въ какомъ случаѣ не должны были быть прерываемы его послѣднія минуты. Члены королевской семьи находились въ смежной комнатѣ, дабы успѣть проститься съ королемъ, какъ только онъ того пожелаетъ.

Около половины четвертаго часа королевскому семейству было доложено, что русскій императоръ только что пріѣхалъ, потребовалъ скорѣе переодѣться и черезъ десять минутъ будетъ у постели короля.

При этомъ извѣстіи наслѣдный принцъ страшно испугался. Фридрихъ-Вильгельмъ IV чувствовалъ безотчетное нерасположеніе къ своему зятю Николаю Павловичу. Встрѣтиться же съ императоромъ у одра своего отца было ему нежелательно и по другой причинѣ: больной король, предчувствуя близкую кончину, желалъ этого свиданія. Политическое духовное завѣщаніе короля Вильгельма III было: вѣчная вѣрность и искренній союзъ Пруссіи съ Россіей. Кронпринцъ не желалъ и боялся такого союза; его нѣмецкой натурѣ не могла отвѣчать русская дружба.

Фридрихъ-Вильгельмъ III зналъ обо всемъ этомъ и горячо желалъ передъ смертью взять съ сына и зятя торжественное обѣщаніе всегда и во всемъ искренно стоять другъ за друга. Съ этою цѣлію онъ и призвалъ императора къ своему смертному одру.

Одна мысль о подобной примирительной сценѣ приводила въ ужасъ крон-

принца. Во чтобы то ни стало нужно было постараться отъ нея избавиться. Отъѣздъ курьера въ Петербургъ откладывался настолько, чтобы императору невозможно было пріѣхать въ Берлинъ до кончины короля. Но разсчетъ оказался невѣрнымъ, хотя только на полчаса.

Чрезъ 10—12 минутъ по пріѣздѣ, императоръ вошелъ во дворецъ.

Кронпринцъ не потерялъ присутствія духа. Въ пріемномъ покоѣ, вмѣстѣ съ членами королевской фамиліи, находился также одинъ изъ преданнѣйшихъ друзей короля, оберъ-камергеръ князь Витгенштейнъ.

Къ нему и обратился кронпринцъ.

— „Король не долженъ болѣе видѣть императора!“

— Слушаю, ваше высочество.

Князь отправляется въ опочивальню короля, останавливается у дверей и подзываетъ къ себѣ Шенлейна, сидящаго у кровати короля.

Шенлейнъ на ципочкахъ подходитъ къ князю.

Князь шепотомъ объясняетъ ему:

— „Императоръ пріѣхалъ... Король не долженъ болѣе его видѣть!“

— Понимаю. Ваша свѣтлость можетъ быть покойна... Я все устрою, какъ слѣдуетъ.

Князь возвращается въ сосѣднюю комнату, куда въ то же самое время вошелъ императоръ.

— „Король еще живъ?“ были первыя слова Николая Павловича.

— Еще живъ! но...: хочетъ возразить кронпринцъ.

Императоръ его не слушаетъ и съ присущею ему скорою и рѣшительною походкою направляется къ спальнѣ короля.

Князь Витгенштейнъ загораживаетъ ему дорогу.

— Государь, говоритъ онъ, безъ разрѣшенія доктора никому нельзя входить къ его величеству. Я спрошу врача.—И вслѣдъ затѣмъ князь направляется къ спальнѣ короля.

Императоръ не обращаетъ вниманія на слова князя, опережаетъ его, первымъ подходитъ къ дверямъ, отворяетъ ихъ и хочетъ войти въ опочивальню больного, но его удерживаютъ. Въ дверяхъ онъ наталкивается на тайнаго совѣтника Шенлейна, тотъ даетъ знакъ князю и оба загораживаютъ ему путь.

Ваше величество не можете сюда войти!

Императоръ — по словамъ самого Шенлейна, разсказавшаго впослѣдствіи одному изъ своихъ друзей эту сцену — великій русскій царь бросилъ на маленькаго нѣмецкаго доктора взглядъ, которымъ, казалось, хотѣлъ уничтожить его. Но нѣмецкій докторъ ни на шагъ не отступилъ отъ русскаго самодержца, въ то время могущественнѣйшаго человѣка въ мірѣ.

— Государь, произнесъ онъ съ увѣренностью и съ полнѣйшимъ спокой-

ствіемъ, жизнь короля поручена моему попеченію. Если король въ эту минуту узнаетъ о присутствіи вашего величества, то это до того можетъ взволновать августѣйшаго больного, что неизбѣжно должна вспослѣдовать мгновенная смерть.

Императору не оставалось ничего другого, какъ удалиться. Докторъ заперъ дверь на ключъ.

Королевское семейство провело время съ императоромъ въ сосѣдней комнатѣ въ напряженномъ и молчаливомъ ожиданіи.

Черезъ четверть часа отворилась дверь, ведущая въ комнату больного и Шенлейнъ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

— „Послѣднія минуты его величества настали. Если угодно присутствующимъ проститься...“ — онъ не могъ окончить начатой фразы.

Императоръ поспѣшилъ къ королю; прочіе слѣдовали за нимъ.

Минуты короля были сочтены. Тихо, утомленный, лежалъ онъ на своемъ смертномъ ложѣ; безъ агоніи разставался онъ съ жизнью.

Императоръ наклонился къ постели и спросилъ умирающаго:

— „Sire, comment cela va-t-il?“

— „Cela va mal!“ еле слышно пролепеталъ король и съ этими словами испустилъ послѣдній вздохъ.

Прочіе вошедшіе въ опочивальню короля застали его уже покойникомъ.

Примиреніе и обѣтъ вѣчнаго союза такъ и не состоялись. Король обманулся въ своихъ надеждахъ. Фридриха же Вильгельма IV спасло это отъ тяжелой минуты, которая бы тяготѣла надъ нимъ всю жизнь. И знаменательно то, что „cela va mal“ должны были быть послѣдними словами одного изъ учредителей священнаго союза, пережившаго остальныхъ.

Въ какомъ положеніи оставлялъ король дѣла въ Пруссіи? въ Германіи?— „Cela va mal“—долженъ былъ сказать самъ король.

Эта маленькая исторія имѣла еще свой эпилогъ.

Всякій разъ, когда императоръ Николай оставлялъ Берлинъ, онъ имѣлъ обыкновеніе одарять придворныхъ чиновъ и слугъ орденами и подарками. Къ удивленію всѣхъ, въ этотъ свой пріѣздъ онъ оказался не въ мѣру щедрымъ— вѣроятно въ пику кому нибудь, который ничего не получилъ. Этотъ одинъ былъ тайный совѣтникъ Шенлейнъ.

Такой образъ дѣйствія императора Николая непріятно подѣйствовалъ на Фридриха-Вильгельма IV.

Прусское посольство въ Петербургѣ получило приказъ исходатайствовать у императора орденъ по избранію самого короля. Много прошло времени пока Шенлейну прислали орденъ, но все-таки онъ орденъ получилъ — св. Анны какой-то степени.

Темме, не любящій голословно приводить историческіе анекдоты, постарался объяснить въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, какимъ путемъ дошли до него свѣдѣнія объ этомъ фактѣ. Онъ вполнѣ ручается въ подлинности разсказанной имъ исторіи.

Дѣло было такъ: когда Темме служилъ еще въ Берлинѣ, онъ услыхалъ о ней отъ своего доктора Ортмана, находившагося въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Шенлейномъ, который и разсказалъ ему этотъ анекдотъ со всѣми приведенными выше подробностями.

М. З.

Къ воспоминаніямъ Л. И. Шестаковой о М. И. Глинкѣ.

[„Русская Старина“ изд. 1884 г., т. XLIV, декабрь, стр. 593—604].

— Портретъ брата, М. И. Глинки, о которомъ говорится, отданъ мною П. М. Третьякову, въ его галлерею въ Москвѣ.

— Географія, писанная братомъ, возвращена мнѣ, по моей просьбѣ, вдовою В. В. Никольскаго; въ ней описана подробно Италія, въ которой братъ провелъ передъ этимъ нѣсколько лѣтъ. А въ Испаніи онъ еще тогда не былъ.

— На счетъ денегъ, занятыхъ мною для печатанія партитуръ у В. В. Никольскаго, видя какъ онъ, больной, затрудняется въ нихъ, при послѣдней поѣздкѣ его заграницу, я упросила его взять отъ меня должную сумму и получила отъ него обратно документъ.

— Въ статьѣ сказано: „покойный Лядовъ“; это описка: Анатолій Константиновичъ Лядовъ находится въ живыхъ.

Л. Ш.

ИНЖЕНЕРЪ-ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ К. Ф. ДЕТЛОВЪ

1789—1840.

...«Я очень чувствую какъ несносна жизнь, когда честное имя поношено».

(Изъ письма маіора Детлова гр. Аракчееву отъ 27 окт. 1824 г.).

Составляя настоящій біографическій очеркъ, я столько же имѣю въ виду почтить память человѣка, моего отца, вполнѣ заслуживающаго не быть забытымъ, сколько и сообщить, сгруппировавъ, нѣсколько подлинныхъ фактовъ для характеристики Аракчеева и исторіи его дѣтища—военныхъ поселеній.

„Служа его величеству (императору Александру I) вѣрою и правдою, я не пріобрѣлъ ни чиновъ, ни почестей, ни богатства; я имѣлъ счастіе удостоиться одной только награды, превыше всѣхъ наградъ—его высочайшей къ себѣ довѣренности. Она одушевляла меня въ моемъ служеніи и до конца дней моихъ пребудетъ единственнымъ утѣшеніемъ и всемірный Судья, грядущее время и потомство изречетъ всему справедливый приговоръ“.

Это слова Аракчеева въ письмѣ къ императору Николаю отъ 9 апрѣля 1826 г. съ просьбою объ увольненіи, съ сохраненіемъ жалованья, заграницу для леченія. Въ нихъ, мнѣ кажется, довольно полно обрисовывается непомѣрное честолюбіе его. Человѣкъ, передъ которымъ трепетала и согнулась вся Россія, начиная съ высшихъ сановниковъ, человѣкъ, почти самовластно управлявшій нѣсколько лѣтъ государствомъ, полный генералъ и графъ,—осмѣливался говорить, что онъ не пріобрѣлъ ни чиновъ, ни почестей! Въ то же время онъ былъ искренно увѣренъ, что облагодѣтельствовалъ Россію, которая не понимаетъ еще этого блага, — но грядущее время оцѣнитъ его, Аракчеева, этого великаго государственнаго мужа и патріота.

Смѣю думать, что всякій фактъ, способствующій выясненію дѣйствительнаго характера этого историческаго лица, не долженъ залеживаться въ семейныхъ бумагахъ и забываться въ семейныхъ преданіяхъ. К. К. Д.

I.

Дѣдъ мой (Adam Friedrich Dettloff) былъ родомъ пруссакъ. Въ Поморьѣ эта фамилія встрѣчается и теперь и своимъ созвучіемъ свидѣтельствуетъ о славянскомъ происхожденіи нашего рода. Окончивъ курсъ въ 1780 г. по математическому факультету несуществующаго теперь университета во Франкфуртѣ на Одерѣ, дѣдъ мой получилъ должность землемѣра на государственной прусской службѣ. Въ то время шло регулированіе поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами и онъ состоялъ при комиссіяхъ, занимавшихся этимъ дѣломъ, — сперва въ Кюстринскомъ округѣ, а потомъ въ Восточной Пруссіи. Это былъ прямой человѣкъ и честный, исполнительный чиновникъ, какихъ много вырабатываетъ прусская общественная и государственная жизнь. Въ 1785 г. онъ женился на дѣвицѣ Каролинѣ Гарценъ, круглой сиротѣ, родители которой были когда-то зажиточными помѣщиками. Но вслѣдствіе раззоренія въ семи-лѣтнюю войну и какихъ то процессовъ изъ этого богатства досталось моей бабкѣ только одно: хорошее воспитаніе, которое она получила въ молодости въ домѣ Шельбаха (владѣвшаго имѣніемъ Бальцъ (Balz) на шоссе между Кюстриномъ и Ландсбергомъ на Вартѣ), за котораго моя прабабка, потерявъ перваго мужа, вышла вторично.

Бабка моя была женщина весьма образованная, умѣвшая, при крайней бѣдности, а порою даже нищетѣ, съ которыми ей пришлось бороться всю жизнь,—дать хорошее воспитаніе всѣмъ дѣтямъ своимъ, вложить въ нихъ непоколебимыя правила чести и внушить стремленіе къ добру. Въ старомъ альбомѣ, принадлежавшемъ моему дѣду и доселѣ сохранившемся, я нашелъ двустишіе, вписанное ея рукою, когда она была еще невѣстой (1779 г.):

„Nur nicht die Redlichkeit
Sonst mag uns Alles fehlen“,

которыми, думаю, она достаточно обрисовала себя.

Въ 1789 году дѣдъ мой служилъ въ городкѣ Зольдинѣ (Soldin), недалеко отъ Кюстрина, гдѣ 24 февр. (ст. ст.) и родился отецъ мой. Воспреемниками при крещеніи была мѣстная интеллигенція: суперъинтендентъ и городской голова (докторъ-медицины). Вскорѣ дѣдъ былъ переведенъ на службу въ Восточную Пруссію въ г. Лабіау, а въ 1797 г. въ Бѣлостокъ, который въ то время, послѣ послѣдняго раздѣла Польши въ 1793 г., принадлежалъ со всѣмъ своимъ округомъ Пруссіи. Самый городъ составлялъ нѣчто въ родѣ частной собствен-

ности прусскаго короля, который уплатилъ за него Потоцкимъ въ 1802 г. 270,970 талеровъ. Пруссаки, вступивъ во владѣніе Бѣлостокскою областью, принялись, со свойственною ихъ правительству энергіею и умѣньемъ, за разныя преобразованія. Тотчасъ началась постройка дорогъ, измѣреніе и береженіе государственныхъ лѣсовъ, были открыты школы и гимназія. «Въ короткое время вмѣсто ветхихъ деревянныхъ домиковъ на улицахъ Варшавской и Боярской явились двухэтажные, каменные дома, улицы вымощены камнемъ и проч.» [1]. Память и слѣды 12-лѣтняго прусскаго управленія до сихъ поръ живутъ въ населеніи и видны, между прочимъ, въ суконной фабрикаціи, насажденной по почину и при покровительствѣ прусскаго правительства.

Прибывъ въ Бѣлостокъ, гдѣ коронная служба вознаграждалась лучше, чѣмъ въ старыхъ прусскихъ провинціяхъ и пользовалась нѣкоторыми привиллегіями,—дѣдъ мой помѣстилъ отца во вновь открытую (польско-нѣмецкую) гимназію, изъ которой онъ, не вполнѣ окончивъ курсъ, вышелъ въ концѣ 1806 года. Кромѣ предметовъ, въ ней преподававшихся, онъ основательно изучилъ въ это время французскій языкъ, благодаря какому-то эмигранту-дворянину, жившему въ томъ же домѣ. Въ 1807 г. по Тильзитскому миру Бѣлостокская область была передана Пруссіею Россіи, а дѣдъ мой получилъ предложеніе отъ нашего правительства перейти въ русскую службу и продолжать свои работы по измѣренію лѣсовъ. Предложеніе это онъ принялъ и перешелъ въ русское подданство, но, по семейнымъ преданіямъ, до самой смерти (въ 1839 г.) раскаявался въ этомъ шагѣ, не умѣя и не желая уживаться съ нашими служебными обычаями и порядками того времени (да одного ли того?), гдѣ служить государству и не кормиться мѣстомъ было почти невозможно при нищенскихъ окладахъ казеннаго жалованья. Онъ до конца жизни боролся съ нуждою, не оставилъ, разумѣется, даже денегъ на свое погребеніе и получая, послѣ отставки въ 1826 г., когда переѣхалъ на житье въ Гатчину, сперва 400, а потомъ 750 р. ассигнаціями пенсіи, существовалъ на поддержку, оказываемую дѣтьми. На долю моего дѣда и бабки выпало рѣдкое счастіе: они прожили въ супружествѣ 53 года и 27 августа 1835 г. торжественно праздновали въ зданіи «Пріоратъ», въ Гатчинѣ, любезно предложенномъ на этотъ случай дворцовымъ правленіемъ,—день своей золотой свадьбы. Послѣдніе годы своей жизни оба провели на покоѣ, въ Гатчинѣ, гдѣ дѣти построили имъ на Маріинской улицѣ домъ, и, согласно своему желанію, погребены въ с. Скворицы, близь Гатчины.

[1]) Гродненская губернія, прекрасный трудъ Н. О. Бобровскаго, стр. 854.

Въ 1806 году въ Бѣлостокѣ стояли наши войска. Генералъ Игнатьевъ, кажется, командовавшій гвардейскою артиллеріею, обратился къ тогдашнему директору бѣлостоцкой гимназіи, Маціевскому, съ просьбою рекомендовать ему молодого человѣка изъ почтеннаго семейства на должность учителя къ его дѣтямъ. Директоръ предложилъ молодаго Детлова и это предложеніе, вѣроятно выгодное въ денежномъ отношеніи, было причиною оставленія имъ гимназіи до окончанія курса. Нужно было въ 17 лѣтъ не только самому заработывать средства къ жизни, но еще поддерживать родителей и сестеръ. Онъ провелъ въ домѣ Игнатьева около двухъ лѣтъ, странствуя съ семьей генерала и частью, которою онъ командовалъ, по западной Россіи до возвращенія въ Петербургъ. Завѣтною мечтою его въ это время было скопить столько денегъ, чтобы имѣть возможность прослушать курсъ въ университетѣ по филологическому факультету. Но въ Петербургѣ онъ перешелъ отъ Игнатьева въ домъ генерала графа Оппермана, вѣроятно также въ качествѣ наставника или учителя. Это рѣшило его дальнѣйшую судьбу.

Ген. Опперманъ завѣдывалъ въ то время инженернымъ вѣдомствомъ. Въ началѣ 1812 года онъ рекомендовалъ Детлова извѣстному барону Андрею Львовичу Николаи на должность домашняго секретаря. Должность эта, при весьма преклонныхъ уже лѣтахъ барона и благоволеніи его къ молодому человѣку, — была немногосложна и оставляла много свободнаго времени. Проживая въ Монрепо, близь Выборга, Детловъ, поддержанный съ одной стороны ученымъ барономъ (который въ молодости былъ профессоромъ страсбургскаго университета и талантливымъ писателемъ), а съ другой—пользуясь покровительствомъ графа Оппермана,—воспользовался досугомъ для подготовки себя къ поступленію во вновь открытый въ Петербургѣ институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія. Заведеніе это было, какъ извѣстно, учреждено при содѣйствіи Наполеона I, приславшаго для этой цѣли профессоровъ: генерала Бэтанкура, Карбонье, д'Этренна и Базэна (отца извѣстнаго маршала Базэна, сдавшаго Мецъ въ 1871 г., который родился въ Петербургѣ). Институтъ этотъ, гдѣ весь курсъ читался на французскомъ языкѣ, сразу овладѣлъ симпатіями общества и лучшая, способнѣйшая, жаждавшая знанія молодежь устремилась туда. Но институтъ, въ то время, былъ открытымъ заведеніемъ, гдѣ слушались только лекціи. О квартирѣ и содержаніи студенты должны были заботиться сами, получая, впрочемъ, по прошествіи перваго года офицерскій чинъ, дававшій уже жалованье. И тутъ помогъ Детлову великодушный и высокообразованный старецъ, баронъ Николаи. Онъ отвелъ ему безплатно помѣщеніе въ принадлежавшемъ ему въ Петербургѣ домѣ.

Каникулярное время Детловъ проводилъ въ Монрепо, гдѣ большею частью проживалъ баронъ, продолжая нѣкоторыя секретарскія занятія при немъ, и съумѣлъ заслужить расположеніе и даже любовь его. Уже въ 1820 году, за два мѣсяца до смерти, послѣ быстрыхъ служебныхъ успѣховъ Детлова у Аракчеева, престарѣлый баронъ написалъ ему весьма теплое письмо, гдѣ предсказывалъ хорошее будущее. «Примите», говоритъ онъ между прочимъ въ этомъ письмѣ, «не только мое поздравленіе съ полученными вами отличіями, но и мое увѣренное предсказаніе въ будущемъ дальнѣйшемъ вашемъ повышеніи и мою благодарность за вашу дружбу ко мнѣ».

Поступивъ въ институтъ 1-го октября 1812 г., Детловъ окончилъ курсъ въ 1815 г. съ чиномъ поручика, третьимъ. Первымъ былъ Рокосовскій. Это были бурные годы французскихъ войнъ, возвеличившія Россію. Кромѣ барона Николаи онъ нашелъ въ это время матеріальную и нравственную поддержку въ мужѣ своей старшей сестры, докторѣ Иванѣ Федоровичѣ Ержемскомъ, служившаго при военномъ госпиталѣ или при войскахъ, расположенныхъ въ казармахъ на Выборгской сторонѣ въ Петербургѣ. Тамъ проводилъ онъ обыкновенно праздники и впослѣдствіи любилъ вспоминать это голодное, но сердечно теплое молодое время.

По окончаніи курса Детловъ былъ назначенъ въ распоряженіе генерала Фабра, строившаго Петербурго-московское шоссе и работалъ у него около трехъ лѣтъ.

II.

Въ 1817 году началось устройство военныхъ поселеній въ Новгородской губерніи, вдоль Волхова, подъ непосредственнымъ руководствомъ Аракчеева, часто проживавшаго въ своемъ Грузинѣ, въ 30—40 верстахъ отъ мѣста работъ. Картина этого предпріятія, грандіознаго по своей жестокости къ людямъ и нелѣпости въ государственномъ отношеніи, грандіознаго по энергіи, рабочей силы и капиталамъ, быстро затраченнымъ на него,—достаточно обрисована «Русскою Стариною» и другими нашими историческими журналами. Тысячи людей 8 лѣтъ рубили лѣса, корчевали ихъ, пилили доски и дрова, жгли известь и кирпичъ, клали стѣны, проводили канавы и шоссе, сѣяли, косили, молотили и въ то же время еще дѣлали ружейные пріемы и учились ходить «шагомъ журавлинымъ». Аракчеевъ (по словамъ Герцена въ статьѣ его «Новгородъ Великій и Владиміръ на Клязьмѣ») заставилъ несчастныхъ военныхъ поселянъ «пахать землю по темпамъ, хотѣлъ

увѣрить мирнаго мужика, что онъ грозный воинъ, разрушилъ семью и деревню и все это легкимъ и простымъ средствомъ: засѣкая десятаго мужика до смерти, а всѣхъ остальныхъ степенью меньше».

8-го февраля 1817 г. Карлъ Федоровичъ Детловъ былъ переведенъ въ вѣдомство военныхъ поселеній, но продолжалъ еще занятія у генерала Фабра до весны 1818 года, когда вмѣстѣ со своимъ начальникомъ, назначеннымъ директоромъ всѣхъ инженерныхъ работъ въ военныхъ поселеніяхъ, поступилъ въ распоряженіе Аракчеева и немедленно былъ назначенъ производителемъ работъ полкового штаба гренадерскаго графа Аракчеева полка (нынѣ Селищенскія казармы, въ которыхъ долго стоялъ Гродненскій гусарскій полкъ). Это было первое строившееся военное поселеніе, долженствовавшее служить образцомъ для всѣхъ другихъ.

Постройка этого штаба производилась моимъ отцомъ болѣе 8 лѣтъ. Аракчеевъ скоро убѣдился, что въ Детловѣ нашелъ именно того человѣка, въ которомъ нуждался, почти идеальнаго исполнителя своихъ требованій: умнаго, честнаго, неутомимой дѣятельности, весьма честолюбиваго въ благородномъ смыслѣ этого слова, т. е. искавшаго не отличій въ видѣ чиновъ и крестовъ, а полагавшаго свою честь въ строгомъ и честномъ исполненіи долга. Въ то же время Аракчеевъ понималъ, что это вполнѣ его человѣкъ, безъ имени и состоянія, безъ протекціи, вполнѣ зависящій отъ службы.

Эту вполнѣ каторжную 8-ми лѣтнюю службу ярко описываетъ въ своихъ запискахъ, напечатанныхъ въ «Русск. Архивѣ» 1875 г., сослуживецъ и пріятель Детлова, впослѣдствіи сенаторъ, Егоръ Федоровичъ фонъ-Брадке, раздѣлившій въ нимъ труды, какъ офицеръ генеральнаго штаба, по устройству того же самаго поселенія.

«Лѣтомъ работы начинались въ 4 часа; отъ 11-ти до 1 или 2 часовъ отдыхъ, обѣдъ и сонъ; затѣмъ опять работы до 8-ми часовъ. Зимою мы занимались въ штабѣ военныхъ поселеній постоянно отъ 8 до 3 час.; но всего послѣобѣденнаго времени едва доставало, чтобы управиться съ занятіями по дому. Часто приходилось сидѣть до поздней ночи и затѣмъ приниматься за дѣло въ 4 часа утра. О воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ не было и помину. Я едва успѣвалъ причаститься св. Тайнъ, не то чтобы навѣщать кого нибудь.

«Трудное было время. Мы его выносили, пока оно длилось; а начинать опять такую жизнь никто бы по доброй волѣ не согласился. Но намъ выбора не было. Большая часть чиновниковъ не имѣли состоянія; а кто уходилъ отъ графа противъ его воли, тому уже нельзя было нигдѣ опредѣлиться».

Труднѣе всего было поставить себя въ мало-мальски человѣческія

отношенія съ графомъ, ни съ кѣмъ не церемонившимся. Детловъ, привыкшій къ изысканно-вѣжливому обращенію въ домахъ Игнатьева, Оппермана и Николаи, не могъ, какъ и Брадке, переносить казарменныхъ грубостей Аракчеева и вмѣстѣ съ нимъ заслужилъ названіе «карбонари» и «вольнодумца». Но, неуязвимые съ служебной стороны, эти карбонари вскорѣ полюбились графу, разумѣется по своему, какъ необходимые пѣшки въ извѣстной игрѣ. «Онъ обращался съ нами», говоритъ г. Брадке, «учтиво и привѣтливо, такъ что мы, молодые и незначительные офицеры, находились въ исключительномъ положеніи по сравненію съ важнѣйшими чинами, его окружавшими». Но расположеніе такого человѣка было тоже опасностью, едва не подвергшею Детлова, за пустой недосмотръ, разжалованію въ солдаты.

Съ весны 1818 года работа закипѣла: цѣлые полки были въ распоряженіи Детлова и, вѣроятно, Аракчеевъ остался доволенъ его дѣятельностію, потому что 14 ноября этого года онъ произведенъ въ капитаны. Все лѣто 1819 г. Аракчеевъ (кажется) отсутствуетъ изъ новгородскихъ военныхъ поселеній, но, по возвращеніи награды, буквально, посыпались: 14 апрѣля 1820 г. Владиміръ 4-й степени, 1-го мая единовременно 2,000 руб. асс., 28 мая чинъ маіора и, наконецъ, 12 декабря, все того же 1820 г., алмазный перстень. Кромѣ этихъ 4-хъ наградъ, 25 октября 1820 г., Аракчеевъ отдалъ приказъ по корпусу поселенныхъ войскъ:

„По засвидѣтельствованію директора работъ, ген.-маіора Фабра, и личному усмотрѣнію моему успѣха въ построеніи въ семъ году каменныхъ зданій въ штабахъ округовъ поселенія гренадерскихъ полковъ: его величества короля прусскаго и имени моего, подъ особеннымъ распоряженіемъ инженеръ-маіоровъ Рерберга и Детлова, въ особенное удовольствіе себѣ вмѣняю, какъ чиновникамъ отлично усерднымъ, изъявить имъ по корпусу поселенныхъ войскъ мою совершенную благодарность, объявляя таковую и инженеръ-поручику Львову [1]) и за содѣйствіе“ и т. д.

Но такія милости смѣнялись и строгостью не только суровой, но и нелогичной. Въ приказѣ 20 мая 1823 г. Аракчеевъ объявляетъ:

„Инж.-маіоръ Детловъ вошелъ съ представленіемъ, что отъ неровной осадки стѣнъ каменной церкви, которую онъ строитъ, могутъ быть трещины въ стѣнахъ и сводахъ, что таковое поврежденіе угрожаетъ прочности строенія, и что онъ не находитъ возможности отвратить оное. Представленіе это было разсмотрѣно ген. Фабромъ (директоромъ работъ) обще съ архитекторами Стасовымъ и Штаубертомъ и всѣ они признали опасеніе сіе неосновательнымъ.

Маіоръ Детловъ извѣщенъ о семъ подробно отъ директора работъ, а я

[1]) Кажется извѣстный музыкантъ, авторъ „Боже царя храни“?

К. Д.

предупреждаю его, что всякое послѣ сего въ строеніи церкви поврежденіе или непрочность подвергнутъ его взысканію посредствомъ военнаго суда какъ за упущенія, происшедшія собственно отъ несмотрѣнія за производствомъ работъ».

Такимъ образомъ съ одной стороны «опасенія неосновательны», а съ другой, если эти опасенія сбудутся,—военный судъ.

Другіе болѣе строгіе, но столь же неосновательные выговоры получилъ Детловъ въ приказахъ 11 мая и 8 января 1823 г., по которымъ кромѣ выговора подвергнутъ еще денежному начету за передержку кирпича противъ смѣты, не имъ составленной, не смотря на то, что заранѣе предупреждалъ о недостаточности кирпича по этой смѣтѣ.

Въ началѣ 1824 года, все продолжая постройку штаба, Детловъ познакомился въ Гатчинѣ, куда ѣздилъ по какимъ-то дѣламъ, въ домѣ доктора Филиппа Филипповича Деппа съ дѣвицею Александрою Исакіевной Гранбаумъ, влюбился, въ апрѣлѣ сталъ ея женихомъ, а въ іюнѣ мужемъ и перевезъ молодую жену въ «Поселенія», Аракчеевщину, самое названіе которыхъ возбуждало уже какой-то страхъ.

Съ апрѣля по іюнь 1824 г. Детловъ велъ съ своей невѣстой очень оживленную переписку, всю сохранившуюся. Дѣлаю изъ нея нѣсколько выписокъ:

(Письмо 20-го апрѣля). „Передѣлка нашей будущей квартиры подвигается. Мои люди работали усердно и я велѣлъ дать имъ по большому стакану вина, желая, чтобы и они хоть на нѣсколько часовъ были счастливы и забыли свою тяжелую судьбу“.

(24 апрѣля). „Посѣти, пожалуйста, Л—ко! Несчастные (Л—ко былъ бѣденъ) всегда думаютъ, что ими пренебрегаютъ, хотя бы никому и въ голову не приходило пренебрегать. Это просто какая-то горечь, возбужденная превратностями судьбы. Я поставилъ себѣ святымъ правиломъ всегда оказывать страждущимъ болѣе вѣжливости и почтенія, чѣмъ тѣмъ, которымъ счастіе покровительствуетъ“.

(26 апрѣля). „Провелъ безсонную ночь, благодаря вчерашнимъ непріятностямъ по службѣ. Сердце мое неспособно быть жестокимъ, а тутъ приходится прибѣгать къ жестокости, чтобы оградить себя“.

(1-го мая). „Господи, что за безпокойный день! Это ужаснѣйшее рабство! Графъ пріѣхалъ сегодня... Не могу дальше писать, — желчь разливается! Никогда не считалъ себя способнымъ ненавидѣть! До завтра“.

(2-го мая). „Безъ твоей любви жизнь стала бы невыносимою. Кажется я уже давно въ Россіи, можно бы привыкнуть, но не могу покорить своихъ ощущеній: непріятное слово, слово, задѣвающее мою честь, мучитъ меня сумрачными мыслями цѣлые дни. А тутъ необходимо привыкнуть къ этому: грубость повторяется такъ часто и никого не обходитъ! Ахъ! Лучше и не думать...“

„Сперва графъ поздравилъ меня женихомъ; потомъ посовѣтывалъ, зна-

чить приказалъ, обождать со свадьбой до проѣзда государя, котораго мы ожидаемъ сюда 24 іюня, и позволилъ по воскресеньямъ ѣздить иногда къ тебѣ. Но сейчасъ же раскаялся въ этомъ снисхожденіи и прибавилъ, что когда захочу ѣхать, то могу обратиться къ нему за разрѣшеніемъ".

(18 іюня) „Ты находишь, что я мало пишу тебѣ. Если-бъ нашъ графъ зналъ, что я пишу тебѣ каждую почту, то мнѣ навѣрно пришлось бы услышать такое замѣчаніе: „вы, сударь, занимаетесь болѣе любовными письмами, чѣмъ дѣлами". Въ его сердцѣ никогда не жила благородная любовь. Впрочемъ оставимъ его въ покоѣ, забудемъ его страсть: никому не доставлять радостей".

Я думаю эти выписки достаточно показываютъ, что, служа въ Аракчеевщинѣ, Детловъ остался человѣкомъ. Аракчееву, вѣроятно, не понравилась уже самая просьба о разрѣшеніи жениться: онъ хотѣлъ, чтобы люди всецѣло отдавались его дѣлу, службѣ, ни о чемъ другомъ даже не думали. Разрѣшеніе, однако, было дано, хоть и съ кислой миной и съ отсрочкою дня свадьбы. Но не прошелъ еще медовой мѣсяцъ, какъ пришлось почувствовать тяжелую руку временщика.

III [1]).

17 іюля 1824 г., въ 3 часа дня, произошелъ въ штабѣ Аракчеевскаго полка во флигелѣ учебнаго баталіона незначительный пожаръ, тотчасъ же потушенный. На рапортѣ командира полка, извѣстнаго Фрикена, Аракчеевъ 22 іюля пишетъ резолюцію: «Назначить комиссію, изслѣдовать, кто виновенъ въ ономъ упущеніи, что труба столь близко была у балки. Комиссіи сей быть изъ г-лъ м-въ Эйлера, Воронова, полковн. Фрикена и проч. Нужное».

28 іюля уже составленъ журналъ комиссіи, которая нашла, что пожаръ произошелъ потому, что труба камина изъ погребного этажа, гдѣ помѣщалась столярная (камина, спеціально устроеннаго, первоначально, для варки клея) проведена слишкомъ близко отъ балки. «Хотя изъ объясненій маіора Детлова видно, что онъ сдѣлалъ сіе упущеніе, избѣгая ломки уже оштукатуренныхъ стѣнъ и потолка, и въ томъ предположеніи, что въ каминѣ погребного этажа огонь никогда не

[1]) Эта глава составлена по подлинному военно-судному дѣлу штаба отд. корпуса воен. поселеній 1824 г. № 664, которое хранится теперь въ Архивѣ бывш. воен. поселеній (С.-Петербургъ, Знаменская ул., № 55). Въ томъ же переплетѣ дѣло объ унт.-оф. Колесниковѣ „отличнаго поведенія", дѣлавшаго походы 1812—1815 гг., бѣжавшаго единственно отъ нежеланія служить въ батальонахъ, находившихся на работахъ въ воен. поселеніяхъ. Резолюція суда: „повѣсить". Смягчена Аракчеевымъ: „прогнать черезъ 500 чел. четыре раза".
Е. Д.

будетъ въ такой степени силы, чтобы могъ разгорячить раздѣлку на высотѣ до 10 аршинъ отъ топки камина», — но комиссія нашла его, тѣмъ не менѣе, виновнымъ въ неправильномъ размѣщеніи трубъ и полагала произвести передѣлку печей и обгорѣвшей балки на счетъ маіора Детлова и сдѣлать ему строгій выговоръ.

Тѣмъ бы, вѣроятно, дѣло и кончилось, если бы, случайно, въ то же время не примѣшалось другое обстоятельство. 21 іюля Аракчеевъ, пріѣхавъ въ «штабъ», между прочимъ, словесно приказалъ Детлову отправиться «въ первое свободное время» (мы видѣли выше сколько, служа у него, оставалось этого свободнаго времени) въ Царское Село для снятія детальныхъ чертежей съ тамошней фермы, для отдѣлки по онымъ внутренняго расположенія скотнаго двора, который строился въ Аракчеевскомъ полку.

Въ тотъ же день Детловъ подалъ Аракчееву докладную записку, прося выдать прогоны и подорожную. На этой запискѣ резолюція проначальника штаба Клейнмихеля, 23 іюля: «подорожную дать, а прогоны употребить изъ своихъ, кои и будутъ возвращены». Вѣроятно, что разъ издержанные «изъ своихъ» прогоны не легко возвращались, а потому, не удовольствовавшись рѣшеніемъ Клейнмихеля, Детловъ 24 іюля подалъ записку въ экономическій комитетъ съ тою же просьбою о прогонахъ. Предсѣдатель, полковникъ Мевесъ, отказалъ «по неимѣнію суммы и по запрещенію графа выдавать прогоны изъ суммы, имѣемой на мелочной расходъ». 25 іюля Детловъ подаетъ вторую записку Клейнмихелю съ просьбою «по неимѣнію въ наличности собственныхъ денегъ выдать прогоны». Не получивъ ни отвѣта, ни прогоновъ, Детловъ прождалъ до 2 августа, поѣхалъ, наконецъ, на свои деньги (которые, дѣйствительно, никогда не были возвращены) и снялъ чертежи. Нашлись доброжелатели, сообщившіе Аракчееву объ этомъ промедленіи въ смыслѣ строптивости и «вольнодумства.

Журналъ комиссіи, разслѣдовавшей пожаръ, лежитъ, между тѣмъ, у Аракчеева (или въ штабѣ, у Клейнмихеля) цѣлый мѣсяцъ безъ движенія, съ 28-го іюля по 29-е августа. Въ этотъ день Аракчеевъ пишетъ на рапортѣ генерала Эйлера, при которомъ представленъ ему журналъ: «предать военному суду маіора Детлова съ исправленіемъ должности», а на самомъ журналѣ дѣлаетъ надпись: «доложено государю, г. Ст. Русса, 29 августа 1824 г.».

Въ тотъ же день отдается приказъ по корпусу воен. поселеній (№ 283), въ которомъ сперва прописано дѣло о пожарѣ, доложенное государю, а потомъ сказано:

„Вслѣдствіе того предписываю инж.-маіора Детлова какъ за сіе, такъ и за ослушаніе отданнаго мною ему лично приказанія съѣздить въ г. Царское Село для осмотра тамошней фермы, чего онъ не исполнилъ, принося въ

оправданіе многія неосновательныя отговорки,—предать суду и т. д. Судъ сей учредить въ полковомъ штабѣ гренадерскаго графа Аракчеева полка. Презусомъ въ комиссію военнаго суда назначаю полковника Шварца [1]), а прочихъ членовъ и аудитора изъ полка графа Аракчеева".

16 сентября начался судъ, 7 октября уже объявлена сентенція, которою маіоръ Детловъ найденъ виновнымъ:

1-е, въ случившемся пожарѣ, о коемъ подсудимый въ объясненіяхъ своихъ противъ донесенія слѣдственной комиссіи, обвиняющей его въ томъ, главнѣйше оправдываетъ себя тѣмъ, что при порученіи ему строенія флигеля не имѣлъ тогда еще опытности и достаточныхъ свѣдѣній по части гражданской архитектуры, и что при проведеніи 5 дымовыхъ трубъ между балокъ, полагаясь на принятыя имъ мѣры осторожности отъ теплоты (обмазка глиною), не предвидѣлъ въ томъ никакой опасности и считалъ излишнимъ перемѣнять направленіе онымъ трубамъ и разбирать для того оштукатуренную стѣну,—но сіи причины не могутъ быть уважительными, ибо онъ непремѣнно долженъ былъ сообразиться съ общими правилами, наблюдаемыми при проведеніи дымовыхъ трубъ; если же считалъ нужнымъ отступить отъ нихъ, то обязанъ былъ представить объ этомъ на разрѣшеніе начальству. Во 2-хъ, въ ослушаніи приказанія главнаго надъ военнымъ поселеніемъ начальника съѣздить въ Царское Село для осмотра фермы. Подсудимый объяснилъ, что несвоевременное исполненіе имъ приказанія сего произошло главнѣйше по неимѣнію, будто бы, тогда у него денегъ и полагалъ возможнымъ отложить поѣздку въ Царское Село до другого свободнаго времени, что и исполнилъ вмѣсто 26 іюля уже 2 августа, занявши у маіора Кохіуса на прогоны 50 руб.; притомъ же ему нужно было, по приказанію ген.-маіора Эйлера, явиться въ комиссію, производившую слѣдствіе о случившемся пожарѣ. Объясненіе сіе признается военнымъ судомъ вовсе неосновательнымъ. Во 1-хъ, приказаніе главнаго начальника обязанъ онъ былъ въ точности исполнить безъ всякихъ отговорокъ въ повелѣнное время безъ отлагательства; во 2-хъ, сумма на прогоны ему требовалась самая незначительная, которую во всякое время могъ достать, ибо если онъ нашелъ способъ изворотиться въ прогонныхъ деньгахъ ко 2-му августу, то сей же самый способъ могъ имѣть и къ 26-му іюля, тѣмъ болѣе, что приказаніе ему отъ главнаго начальника объявлено было еще за 5 дней, т. е. 21 числа, и деньги сіи получилъ бы онъ отъ казны по возвращеніи изъ Царскаго Села, какъ о семъ сказано было ему и въ предписаніи начальника штаба; въ 3-хъ, требованіе подсудимаго Детлова въ слѣдственную комиссію никакъ не могло остановить его отъ своевременнаго исполненія приказанія главнаго начальника, ибо приказаніе сіе онъ долженъ былъ исполнить 26—27-го чиселъ (отъ штаба до Царскаго Села, кажется, было 100 в.), а въ комиссію требовался 28-го числа. А потому судъ, находя маіора Детлова виновнымъ по означеннымъ 2-мъ предметамъ: первому—въ самопроизвольномъ отступленіи отъ общихъ правилъ, наблюдаемыхъ при проведеніи дымовыхъ трубъ,—чѣмъ и былъ причиною случившагося пожара, и по второму—въ ослушаніи приказанія главнаго начальника, чрезъ несвоевре-

---

[1]) Кажется, это знаменитый бывшій командиръ л.-гв. Семеновскаго полка, виновникъ гибели его въ 1820 году. К. Д.

менное исполненіе онаго по своей безпечности и небрежной медленности, приговорилъ: согласно войск. сухопутн. устава, къ 28 артикулу, подсудимый инженеръ-маіоръ Детловъ имѣетъ по состоянію и важности дѣла отъ службы либо весьма или на довольное время отставленъ быть и по вся разы, на сколько времени онъ отставится, за рядового служить. Сей приговоръ въ присутствіи комиссіи суда подсудимому объявленъ.

А артикулъ 28 говоритъ:

„Буде же кто отъ лѣности, глупости или медленія, однако же безъ упрямства, злости и умыслу оное не управитъ, что ему отъ его начальника повелѣно: оный имѣетъ по состоянію" и проч.

Директоръ работъ, генералъ-маіоръ Вороновъ (заступившій мѣсто Фабра) 8 окт. представляетъ все судное дѣло на утвержденіе Аракчеева съ своимъ мнѣніемъ, гдѣ полагалъ:

„Что хотя маіоръ Детловъ и подлежитъ наказанію по приговору комиссіи согласно 28 арт. воен. устава, но принявъ въ уваженіе прежнюю безпорочную его службу, признаю достаточнымъ въ примѣръ другимъ за нерадивое выполненіе приказанія главнаго начальства арестовать маіора Детлова на одинъ мѣсяцъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ и штрафъ сей внести въ формулярный его списокъ, а сверхъ того взыскать съ него тѣ издержки, кои были употреблены на исправленіе поврежденнаго пожаромъ во флигелѣ учебнаго баталіона, и за таковое упущеніе въ производствѣ работъ сдѣлать ему строжайшій выговоръ въ приказѣ".

Вороновъ, видно, не находилъ виновнымъ Детлова въ пожарѣ, за который онъ, собственно, судился и говоритъ только о нерадивомъ выполненіи приказанія гл. начальства. Но Аракчеевъ не шутилъ и сотни людей уже пострадали за мнимыя вины. 27 окт. Детловъ написалъ ему слѣдующее письмо:

„Простите великодушно, ваше сіятельство, сокрушенному, дерзающему васъ обременить сими строками. На краю бѣдствія, до коего моя неопытность меня довела, остается моя послѣдняя надежда: великодушіе в. с—ва.

После 13-лѣтней вѣрноподданной, безпорочной службы е. и. в. всемилостивѣйшему государю, въ теченіи коей 7 лѣтъ имѣлъ счастіе служить подъ начальствомъ в. с—ва, я сдѣлалъ проступокъ единственно отъ неопытности, недоумѣнія и недостатка въ способѣ, покрывающій меня стыдомъ и поношеніемъ.

Понятіе о неповиновеніи такъ чуждо какъ разсудку, такъ и положенію моему, что я никогда не дерзнулъ объ ономъ помышлять. Будучи иностранцемъ, не имѣющимъ никакихъ способовъ, вступилъ я въ службу е. и. в. и что я въ теченіи оной достигъ—обязанъ единственно в. с—ву.

Увѣренный, что моя участь, мое бытіе зависитъ отъ воли в. с—ва, я съ усердіемъ сносилъ труды и надѣялся въ награду сего: составить счастіе свое и престарѣлыхъ моихъ родителей, коихъ единственная подпора и надежда я есмь. И я,—коему вы единожды были благодѣтелемъ, я бы могъ

дерзнуть не повиноваться вашимъ повелѣніямъ? Повелѣніямъ друга и перваго министра величайшаго монарха въ Европѣ? Всевышній тому будетъ свидѣтель, что я всегда имѣлъ истинное желаніе въ точности выполнить волю моего начальства, а единственно моя неопытность и недоумѣнія сдѣлали меня преступникомъ. Если же я достоинъ наказанія, то предаюсь волѣ в. с—ва. Участь моя въ рукахъ вашихъ и осмѣливаюсь только испрашивать одной милости: не лишить меня чести моей, до сего безпорочной и службы, она есть единственное богатство, которое я въ теченіи 13-ти лѣтъ успѣлъ пріобрѣсть; я очень чувствую какъ несносна жизнь, когда честное имя поношено.

Извлеченъ будучи новымъ доказательствомъ милосердія в. с—ва изъ бѣдственнаго моего положенія, съ неограниченнымъ усердіемъ буду я служить въ утѣшительной надеждѣ, что в. с—во со временемъ изволите увѣриться, сколь тщился я быть достоинъ милости в. с—ва, которой осмѣливаюсь себя поручить, имѣю счастіе съ высокопочитаніемъ" и проч.

Аракчеевъ пишетъ на этомъ вполнѣ частномъ, тепломъ, дышащемъ правдою и горемъ, письмѣ: «присоединить къ дѣлу». Новое оскорбленіе и униженіе: пусть всѣ знаютъ, какъ я тебя придавилъ и какъ ты трепещешь. Въ письмѣ вовсе не говорится о пожарѣ, который, очевидно, былъ только предлогомъ для отдачи подъ судъ.

Наконецъ 7 ноября Аракчеевъ кладетъ резолюцію:

„Во вниманіе того, что онъ съ начала устройства и постройки перваго штаба находился въ оной должности, то арестовать его на недѣлю съ содержаніемъ на гауптвахтѣ и взыскать 50 р. съ его жалованья и бытіе сіе подъ судомъ и сей штрафъ внести въ формулярный списокъ и отдать обо всемъ ономъ по корпусу въ приказѣ. 7 ноября 1824 г. Графъ Аракчеевъ".

Я не нахожу нужнымъ сказать что либо въ оправданіе моего отца по этому осужденію, тяготѣвшему надъ нимъ 9 лѣтъ, до 1833 г., когда штрафъ былъ вымаранъ изъ формуляра въ видѣ награды. Факты говорятъ сами, а судъ подъ предсѣдательствомъ Шварца была одна формальность и не могъ имѣть мужества оправдать невиннаго. Тутъ дѣйствовали какія то постороннія вліянія, враждебныя Детлову, который подозрѣвалъ Клейнмихеля. Но Аракчееву, кажется, стало совѣстно. Онъ дулся еще до іюля 1825 г., а потомъ перемѣнилъ обращеніе на старое. «Я уже не «вольнодумецъ», пишетъ Детловъ 17 іюля женѣ своей въ Петербургъ, а опять Карлъ Федоровичъ».

Между тѣмъ постройка штаба приближалась къ концу и Детлову предстояло получить новое назначеніе. Аракчеевъ, бывшій въ это время на зенитѣ власти и вліянія, предложилъ ему, 17-го іюля, словесно, остаться у него въ поселеніи «при ремонтныхъ работахъ». Детловъ, не колеблясь, вѣжливо, но рѣшительно отклонилъ это предложеніе. Аракчеевъ промолчалъ... и 25 августа Детлову былъ пожалованъ «за отличіе по службѣ» брильянтовый перстень.

IV.

Въ сентябрѣ 1825 г. случилось извѣстное происшествіе: въ Грузинѣ была зарѣзана любовница и экономка Аракчеева, Настасья Минкина. Извѣстенъ также звѣрскій розыскъ Аракчеева послѣ этого происшествія, розыскъ, передъ которымъ блѣднѣютъ даже ужасы святой инквизиціи и Преображенскаго приказа. Въ ноябрѣ того же года скончался императоръ Александръ I, 14-го декабря вступилъ на престолъ Николай I и безпримѣрная власть Аракчеева разомъ прекратилась: онъ остался только начальникомъ военныхъ поселеній.

И вотъ безъ всякаго напоминанія со стороны Детлова, который вообще никогда, никого, ни о чемъ не просилъ, Аракчеевъ, собираясь уже сложить съ себя и эту должность, входитъ 28-го февраля 1826 г. къ новому государю съ такимъ докладомъ:

Въ Бозѣ почивающему государю императору Александру Павловичу благоугодно было предположить, чтобы по совершенномъ окончаніи отстройки каждаго изъ полковыхъ штабовъ поселенныхъ полковъ производителю работъ онаго, въ воздаяніе понесенныхъ имъ трудовъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и для поощренія въ примѣръ прочимъ, назначать пожизненный пенсіонъ по двѣ тысячи рублей въ годъ.

Въ округѣ военнаго поселенія гренадерскаго графа Аракчеева полка строеніе полкового штаба нынѣ совершенно отдѣлкою оканчивается, и большая часть онаго поступила уже на ремонтное содержаніе.

Производителемъ работъ по строенію сего штаба находился инженеръ-маіоръ Детловъ, и теперь съ окончаніемъ онаго долженъ получить другое назначеніе.

Основываясь на предположеніи покойнаго императора Александра Павловича и будучи доволенъ службою инженеръ-маіора Детлова и тѣмъ усердіемъ, съ коимъ онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ по званію производителя работъ занимался, я осмѣливаюсь испрашивать высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія о всемилостивѣйшемъ пожалованіи ему по смерть пенсіона по двѣ тысячи рублей въ годъ изъ суммъ военнаго поселенія съ тѣмъ, чтобы онъ симъ пенсіономъ пользовался доколѣ находиться будетъ при военномъ поселеніи, сверхъ жалованья, имъ получаемаго; есть-ли же оставитъ службу по военному поселенію, то производство пенсіона сего входитъ въ общій о пенсіонахъ законъ.

По званію главнаго надъ военными поселеніями начальника имѣю обязанность испрашивать сей милости, дабы каждый производитель работъ полкового штаба, имѣя въ виду таковую награду, усугубилъ стараніе свое въ возведеніи порученнаго ему строенія и имѣлъ попеченіе о скорѣйшемъ его окончаніи. Отъ окончанія строеній полкового штаба зависитъ и главное устройство поселеннаго полка [1]).

---

[1]) Г. Суворинъ издалъ въ 1882 году сочиненіе г. Н. Богуславскаго подъ заманчивымъ заглавіемъ „Аракчеевщина". Это нѣсколько отдѣльныхъ по-

Государь кладетъ резолюцію на этомъ докладѣ не тотчасъ, а только черезъ двѣ недѣли, 15-го марта. Аракчеевъ былъ въ это время въ Грузинѣ и, получивъ рескриптъ, утвердившій докладъ, тотчасъ же, 17-го марта, послалъ Детлову засвидѣтельствованную имъ лично копію съ рескрипта при собственноручной запискѣ:

„Препровождаю къ вамъ Карла Федоровичь, копію съ Указа, изъ коего вы увидитѣ, что я слово свое здержалъ; а васъ съ онымъ вѣрнымъ кускомъ хлѣба поздравляю, вашъ покорный слуга Г. Аракчеевъ. Г. М. Детлову“ [1]).

На конвертѣ послѣ адреса рукою Аракчеева приписано: «въ собственные руки» и «нужное».

Еще до полученія этого высочайшаго указа, но послѣ доклада испрашиваемой въ немъ награды, маіоръ Детловъ получилъ отъ Аракчеева слѣдующее собственноручное же письмо, не мало, вѣроятно, его удивившее:

„М. Г. Карла Федоровичъ, много наслышавшись о порядкѣ въ домѣ вашемъ, заведенномъ почтенною вашею супругою, я рѣшился просить васъ, дабы вы приняли на себя трудъ, попросили Милостивую Государыню Александру Исакіевну здѣлать мнѣ одолженіе, принять въ вашъ домъ мою дворовую дѣвку, Прасковью Григорьеву, на цѣлый годъ для пріученія ее въ хорошіе прачки, дабы она могла содержать со временемъ мое бѣлье и могла бы оное починивать.

Сколько же нужно на ее годовое содержаніе какъ за кушанье, такъ на платье и на обувь, то прошу прислать ко мнѣ въ Грузино записку, то я съ моею благодарностью оные деньги немедленно къ вамъ доставлю.

вѣстей, большею частью написанныхъ еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ (не знаю, были ли онѣ прежде напечатаны), въ которыхъ историческія данныя перемѣшаны съ неостроумными фантазіями и безцвѣтными впечатлѣніями автора. Вмѣсто того, чтобы изучать аракчеевщину въ историческихъ журналахъ послѣднихъ лѣтъ и въ богатомъ архивѣ военныхъ поселеній въ С.-Петербургѣ, г. Богуславскій покупалъ въ Новгородской губерніи брошенныя книжки старыхъ поселенныхъ комитетовъ, сохранившіяся у писарей и, между прочимъ, говоритъ о бывшемъ штабѣ Аракчеевскаго полка (стр. 381):

„Оно немудрено, что постройки имѣютъ такой привлекательный видъ; а чудно то, что онѣ до сихъ поръ не развалились. Главные строители не имѣли и понятія объ инженерномъ искусствѣ“ и т. д.

Видно имѣли, если зданія красивы и до сихъ поръ прочны и крѣпки?

Г. Богуславскій невѣрно даже выписываетъ изъ своихъ книжекъ. На стр. 386 онъ цитируетъ приказъ отъ 10 марта 1827 г. о нарядѣ войскъ на работы въ округъ графа Аракчеева полка и называетъ инженеръ-капитана Детлова. Въ 1827 г. отецъ мой былъ уже подполковникомъ и жилъ въ Ярославлѣ; всѣ постройки въ Аракчеевскомъ полку были окончены, какъ мы видѣли, еще въ началѣ 1826 г. и потому такой приказъ не могъ быть отданнымъ въ 1827 г.

[1]) Сохраняется орѳографія подлинниковъ. К. Д.

Посылаемая девка хорошаго поведенія и ни в чемъ дурномъ незамечена, но не худо содержать в строгости и никуда изъ дому не отпускать. Я прошу на сіе письмо вашего отвѣта ко мнѣ в Грузино.

Съ истиннымъ почтеніемъ пребуду вашъ покорный слуга Г. Аракчеевъ".

С.-Петербургъ,
11 марта 1826 г.

Письмо это очень характерно и рисуетъ личность Аракчеева въ частной жизни во всей ея мелочности и пошлости. Онъ представляетъ своего подчиненнаго къ «вѣрному куску хлѣба», и вмѣстѣ съ тѣмъ, по понятіямъ нашего времени, просто беретъ съ него взятку, насильно вводя къ нему въ домъ для обученія, разумѣется, дароваго свою Прасковью Григорьеву,—возлагая, нѣкоторымъ образомъ, даже отвѣтственность за ея нравственность. Замѣчательно различіе между изысканно вѣжливою просьбою въ началѣ письма и концемъ его, гдѣ (вѣроятно одновременно съ письмомъ), не ожидая согласія на просьбу, «посылается» уже и будущая прачка.

24-го марта Аракчеевъ отдаетъ приказъ № 106 о пожалованіи Детлову пожизненнаго пенсіона, къ которому приложенъ весь докладъ государю, «дабы гг. производители работъ видѣли, что отъ нихъ требуется лишь постоянное усердіе и что усердіе сіе вознаграждается постоянною и значущею наградою».

Такимъ образомъ человѣкъ, найденный судомъ виновнымъ въ небрежномъ производствѣ постройки и достойнымъ разжалованья, формуляръ котораго былъ запачканъ, — спустя полтора года тѣмъ же Аракчеевымъ, который отдалъ его подъ судъ, за тѣ же постройки, находится достойнымъ крупной, необычайной награды. Чѣмъ объяснить такую перемѣну: угрызеніемъ-ли совѣсти или простою справедливостью,—наградою, дѣйствительно обѣщанною и вполнѣ заслуженною?

Лѣтомъ 1826 г. Аракчеевъ сдалъ начальство надъ военными поселеніями и уѣхалъ заграницу лечиться, предварительно, вѣроятно, сдѣлавъ представленіе о новой наградѣ Детлову, такъ какъ 23-го августа этого года онъ былъ произведенъ въ подполковники.

Такъ кончились отношенія Детлова къ Аракчееву. Послѣ удаленія Аракчеева отъ всѣхъ дѣлъ онъ, однако, нѣсколько разъ посѣтилъ его въ Грузинѣ (между 1828 и 1834 г.) и былъ ласково принятъ какъ пріятный гость.

Кто же былъ Аракчеевъ? спрашиваетъ г. Богуславскій (въ названной нами книгѣ «Аракчеевщина», стр. 5) и отвѣчаетъ:

„Замѣчательный человѣкъ только не по уму и способностямъ, а по усердію и трудолюбію, по холодности и жестокости, по отсутствію мысли въ дѣйствіяхъ, по привязанности къ формамъ и внѣшности".

Я думаю, что почти противуположный отзывъ о немъ Е. Ѳ. фонъ Брадке гораздо вѣрнѣе. Онъ говоритъ («Русскій Архивъ» 1875 г., кн. 1, стр. 47):

„Что Аракчеевъ былъ человѣкъ необыкновенныхъ способностей и дарованій, едва ли можетъ быть подвержено сомнѣнію со стороны тѣхъ лицъ, кто его хоть нѣсколько зналъ и кто не увлекался безусловно своими предубѣжденіями. Быстро охватывая предметъ, онъ въ то же время не лишенъ былъ глубины мышленія, когда самъ того желалъ и когда она не вовлекала его въ противорѣчія съ предвзятыми его намѣреніями".

„Ему казалось, что онъ стоялъ одинокимъ, что его высота была умственно-недосягаема, и съ этого воображаемаго величія взиралъ онъ на бѣдное человѣчество и пользовался его слабостями и страстями для достиженія своей цѣли и для усиленія своего безгранично возраставшаго самолюбія. Поистинѣ рѣдкая и строго направленная дѣятельность, необыкновенная правильность въ распредѣленіи времени и воздержаніе отъ безмѣрнаго пользованія плотскими наслажденіями,—давали ему очевидную возможность совершать болѣе того, что могло быть сдѣлано обыкновеннымъ путемъ и служили въ его беззастѣнчивой рукѣ бичемъ для всѣхъ его подчиненныхъ".

V.

Окончивъ постройку «штаба», Детловъ былъ командированъ Клейнмихелемъ, неблаговолившемъ къ нему за что-то, въ г. Ярославль, гдѣ провелъ лѣто 1827, 1828 и 1829 годовъ, занимаясь исправленіемъ казармъ тамошняго батальона военныхъ кантонистовъ. Зимою онъ работалъ въ штабѣ военныхъ поселеній въ Петербургѣ. Такое незначительное занятіе, притомъ сопряженное съ безконечными проволочками и пререканіями съ гражданскимъ вѣдомствомъ (которому не позволялось грѣть руки), съ постоянными разъѣздами, обременительными для семейнаго человѣка,—очень тяготило его. Въ письмахъ къ женѣ онъ нѣсколько разъ высказываетъ желаніе, окончивъ дѣло въ Ярославлѣ, просить Клеймихеля о службѣ постоянной и опредѣленной, соотвѣтствующей его чину и положенію, а въ случаѣ отказа — оставить военныя поселенія и возвратиться къ своей спеціальности—въ вѣдомство путей сообщенія. 19-го сентября 1829 г. желаніе его, наконецъ, сбылось назначеніемъ, по высочайшему повѣлѣнію, корпуснымъ инженеромъ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, расположеннаго въ военныхъ поселеніяхъ Харьковской губерніи.

Въ это время постигло его семейное горе: Александра Исакіевна послѣ продолжительной болѣзни скончалась 26-го января 1830 года, оставивъ дочь [1]). Похоронивъ молодую жену въ с. Скворицы, близь

---

[1]) Нынѣ Александра Карловна Юргенсенъ, рожд. Детлова, жена пастора гатчинской лютеранской церкви. К. Д.

Гатчины (гдѣ она и родилась, такъ какъ отецъ ея былъ тамъ пасторомъ),—Детловъ поѣхалъ на югъ, въ Чугуевъ, и въ маѣ принялся за новую службу.

Чугуевъ,—хорошенькій, чистенькій городокъ на возвышенномъ правомъ берегу Донца съ прямыми, широкими улицами, обставленными каменными домами, крытыми черепицею и желѣзомъ, нынѣ начинающими терять свое поселенское однообразіе. Центръ его составляетъ обширная площадь съ громаднымъ, 3-хъ-этажнымъ зданіемъ, въ которомъ теперь помѣщается пѣхотное юнкерское училище. Тутъ же, съ другой стороны, ютится скромный одноэтажный, деревянный, царскій дворецъ съ большимъ садомъ, изъ котораго открывается прелестный видъ на низменныя, лѣсистыя окрестности города, прорѣзанныя рѣкою. Съ 1818 года, послѣ изгнанія почти силою около сотни разныхъ обывателей-старожиловъ неподатнаго состоянія, и послѣ кроваваго усмиренія Аракчеевымъ лично чугуевцевъ, нежелавшихъ подчиниться благодѣяніямъ военныхъ поселеній [1]), здѣсь было сосредоточено управленіе всѣми весьма многочисленными военными поселеніями, въ которыхъ квартировала кавалерія: уланскіе и кирасирскіе полки.

Начался послѣдній въ нравственномъ отношеніи самый спокойный періодъ дѣятельности Карла Федоровича. Между прямымъ его начальникомъ, командиромъ корпуса, старымъ графомъ Алексѣемъ Петровичемъ Никитинымъ, человѣкомъ простымъ, иногда взбалмошнымъ, но не злымъ, всѣмъ говорившемъ «ты», но не позволявшимъ себѣ дерзостей съ людьми, которыхъ чувствовалъ выше себя по уму, образованію и неуязвимыхъ съ служебной стороны,—и молодымъ, сравнительно, полковникомъ (былъ произведенъ 6-го декабря 1830 г.) сразу установились вполнѣ хорошія отношенія. Южныя военныя поселенія не были

---

[1]) Подробности см. въ книгѣ: „Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія, 1809—1831 гг.“. Изданіе „Русской Старины“ 1871 г., стр. 151.

Мнѣ случилось еще въ 1859 г. разсказывать въ Варшавѣ одному французскому инженеру, по фамиліи Vinot, эту ужасную чугуевскую драму, описанную тогда въ „Колоколѣ“ Герцена. Будучи всегда вольными, чугуевцы отказались косить даромъ казенные луга. Судъ приговорилъ 275 человѣкъ къ смерти. Аракчеевъ замѣнилъ для 40 главныхъ виновныхъ смерть быструю на смерть медленную, ужасную—12,000 шпицрутеновъ каждому. Передъ экзекуціей, 18 августа 1819 г.. Аракчеевъ обѣщалъ имъ прощеніе, если покорятся. Почти всѣ отвергли это и умерли... Французъ, только что пріѣхавшій, не хотѣлъ вѣрить возможности существованія въ русскихъ простолюдинахъ такого героизма. Наконецъ, онъ воскликнулъ: „какое же можетъ быть сомнѣніе въ великой будущности государства, граждане котораго умѣютъ такъ умирать за то, что считаютъ своимъ правомъ! Этотъ неизвѣстный подвигъ гораздо выше прославленнаго подвига Леонида и его спартанцевъ въ Өермопилахъ!“ К. Д.

тогда окончены устройствомъ и работы еще продолжались, притомъ работы разбросанныя на сотни верстъ. Въ самомъ Чугуевѣ строился соборъ, военный госпиталь, гостинный дворъ и, главное, мостъ черезъ р. Донецъ съ большими спусками къ нему. Капитальное сооруженіе это, оконченное въ 1834 г., къ сожалѣнію погибло въ 1861 г. во время сильнаго разлива Донца. Выше моста была смыта тогда большая деревянная мельница, которую понесло водою и ударило о мостъ. Мостъ не выдержалъ удара и разрушился. До сихъ поръ торчитъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ свай и возвышаются колоссальныя насыпи, напоминая переправляющемуся въ разливъ на паромѣ путнику, что не все было хуже при военныхъ поселеніяхъ.

При постройкѣ собора въ Чугуевѣ Детловъ едва не вышелъ въ отставку. Графъ Никитинъ отдалъ какія-то приказанія, противорѣчащія его мнѣнію. Довольно продолжительное и подъ конецъ громкое со стороны графа объясненіе на мѣстѣ постройки не привело къ соглашенію. Карлъ Федоровичъ въ тотъ же день подалъ въ отставку и рапортовался больнымъ. Черезъ два дня графъ пріѣхалъ къ нему въ домъ, произошло объясненіе въ кабинетѣ, графъ взялъ назадъ свое требованіе, а Карлъ Федоровичъ свою отставку,—и добрыя отношенія навсегда возстановились.

Во всѣхъ харьковскихъ военныхъ поселеніяхъ пришлось Детлову воздвигнуть десятки церквей, манежей, казармъ, мостовъ и т. п. сооруженій, которыя служатъ здѣсь памятниками его десятилѣтней дѣятельности. Кромѣ того онъ возвелъ нѣсколько частныхъ зданій: напр. усадьбу въ г. Бурлукѣ для генерала В. Д. Задонскаго, большой флигель на Сабуровой дачѣ, близъ Харькова и т. д. Замѣчательно, что, производя всѣ эти постройки, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только одного спеціалиста, архитектора Шрейбера. Остальные его помощники были простые чертежники изъ кантонистовъ, которыхъ онъ самъ образовалъ (гг. Колодежный, Мартыненко и другіе). Теперь, когда новыхъ построекъ вовсе не производится, а все дѣло въ ремонтѣ старыхъ, которыхъ тоже стало меньше за передачею дорогъ земству и за продажею многихъ домовъ въ частныя руки, начальникъ чугуевской инженерной дистанціи имѣетъ въ своемъ распоряженіи трехъ инженерныхъ офицеровъ. Но кромѣ работъ, лежавшихъ на прямой его обязанности, Клейнмихель возлагалъ на Детлова и разныя особыя порученія. Такъ, въ 1836 г., онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и прожилъ тамъ четыре мѣсяца, работая надъ планомъ орловскаго кадетскаго корпуса, который былъ утвержденъ государемъ, а составитель награжденъ орденомъ Владиміра 3-й ст. Самая постройка корпуса была поручена другому лицу. Въ 1839 г. былъ вызванъ вторично въ

Петербургъ и ѣздилъ вслѣдъ затѣмъ въ Ростовъ на Дону для осмотра тамошнихъ казенныхъ зданій.

21-го октября 1834 г. Карлъ Федоровичъ женился вторично на Антуанетѣ Антоновнѣ Майеръ, дочери инспектора харьковской врачебной управы, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Антона Эмануиловича Майера,—моей покойной матери.

Внѣ служебныхъ занятій жизнь въ Чугуевѣ представляла въ то время много пріятнаго. Это не была уже новгородская каторга 1818—1825 годовъ. Кавалерійскіе полки были наполнены зажиточными дворянами и въ Чугуевѣ жилось весело. Устраивались часто балы и вечера. Кромѣ того тутъ былъ тѣсный кружокъ образованныхъ семей: генераловъ Сиверса, Воина Дмитріевича Задонскаго, Александра Ивановича Лизогуба (партизана 1812 г., женатаго на Елизаветѣ Андреевнѣ Жерве, которая жива доселѣ), генерала Линдгрена, полковника Александра Григорьевича Розаліонъ-Сашальскаго и другіе. Изъ многочисленной молодежи, имѣвшей доступъ въ этотъ кружокъ, упомяну объ уланскомъ поручикѣ Афанасьевѣ-Чужбинскомъ, впослѣдствіи извѣстномъ писателѣ, адъютантахъ Ефимѣ Васильевичѣ Голубинѣ (живетъ на покоѣ въ Москвѣ) и покойномъ Колокольцовѣ (бывшемъ потомъ витебскимъ губернаторомъ) и проч. Многія лица этого кружка были молоды въ первыя двадцать лѣтъ нашего столѣтія, всѣ были хорошо образованы, были сверстники декабристовъ и на нихъ, даже противъ ихъ воли, отражались нѣкоторыя идеи, воодушевлявшія молодежь царствованія Александра I.

Тѣмъ не менѣе во всѣхъ сохранившихся письмахъ къ матушкѣ моей, писанныхъ изъ Петербурга, Орла и Ростова на Дону (съ 1836 г. по 1840 г.), проглядываетъ утомленіе безпокойною службою съ вѣчными разъѣздами. Въ нихъ же часто высказывается желаніе сдѣлаться собственникомъ хоть небольшого клочка земли. Онъ выписывалъ разныя сельско-хозяйственныя сочиненія и часто любилъ мечтать на тему: окончить жизнь въ тиши деревенскаго уединенія мирнымъ земледѣльцемъ. Средства для осуществленія этой идеи нашлись: 10-го января 1836 г. высочайше были пожалованы 2,000 десятинъ земли въ Ставропольской губерніи. Земля эта, при тогдашнихъ сообщеніяхъ, была трудно досягаема и не соотвѣтствовала его понятію объ имѣніи и деревенской жизни. Поэтому онъ продалъ ее В. Д. Задонскому, одновременно получившему участокъ рядомъ. Интересна тогдашняя цѣна на землю, нынѣ прорѣзанную кавказскою желѣзною дорогою: полуимперіалъ за двѣ десятины.

«Служба слишкомъ тяготитъ меня, чувствую, что не въ состояніи долго нести ее и если не куплю имѣньица и не устроюсь въ немъ,

ГРАВИРОВАЛЪ ВЪ ПАРИЖѢ ПАННЕМАКЕРЪ.

ИНЖЕНЕРЪ-МАІОРЪ, ВПОСЛѢДСТВІИ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ

КАРЛЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ДЕТЛОВЪ

1789—1840.

ПОРТРЕТЪ ИЗДАНЪ ИЖДИВЕНІЕМЪ К. К. ДЕТЛОВА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 21 МАРТА 1883 Г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

то возьму годовой отпускъ, чтобы хоть разъ въ жизни пожить по человѣчески»,—писалъ онъ въ 1838 г. Но работа не уменьшалась, подходящее имѣніе не отыскивалось и не покупалось, отпускъ не брался,—а время шло. Наконецъ, осенью 1839 г., Карлъ Федоровичъ купилъ въ г. Харьковѣ на углу Екатеринославской улицы и Дмитріевскаго переулка пустое мѣсто и началъ на немъ постройку дома, желая, если не въ деревнѣ, то хоть въ городѣ, основать уголъ для семьи, состоявшей уже изъ трехъ дѣтей. Но не суждено было сбыться скромнымъ мечтамъ о спокойной старости, посвященной воспитанію дѣтей.

14-го апрѣля 1840 г. вышло производство въ генералы. 28-го апрѣля было воскресенье и въ этотъ день, по обыкновенію, назначенъ въ Чугуевѣ разводъ, на которомъ, по тогдашнимъ требованіямъ, обязанъ былъ присутствовать и Карлъ Федоровичъ въ полной парадной формѣ. Онъ жилъ въ Чугуевѣ въ казенномъ домѣ, проданномъ потомъ, на Харьковской улицѣ, рядомъ съ нынѣшней городской управой. Случайно этотъ день, 28-го апрѣля, когда въ первый разъ пришлось надѣть генеральскіе эполеты, совпалъ съ семейнымъ торжествомъ: это былъ день рожденія старшей сестры моей, Александры, отъ перваго брака, которой исполнилось 14 лѣтъ. По обычаю протестантовъ ей были приготовлены подарки, испеченъ крендель, зажжены свѣчи и проч. Все это въ восьмомъ часу утра было разставлено на чайномъ столѣ вмѣстѣ съ самоваромъ. Но виновница торжества что-то замѣшкалась, а такъ какъ разводъ былъ назначенъ въ 8 часовъ, то Карлъ Федоровичъ, боясь опоздать, наскоро выпилъ стаканъ чаю и велѣлъ подавать дрожки. Уже накинувъ въ передней шинель и взглянувъ на себя въ зеркало, онъ опять вернулся въ столовую и, шутя, сказалъ матушкѣ:

— «Живо, Антуанета! Напомадь мнѣ волосы. Надо явиться сегодня генераломъ во всей красѣ».

Матушка, весело исполнивъ это, поцѣловала его въ лобъ. Это было прощаніе на вѣкъ.

Выѣхавъ изъ дому, Карлъ Федоровичъ завернулъ на нѣсколько минутъ къ генералу Задонскому, жившему на Манежной площади въ домѣ, гдѣ нынѣ помѣщается офицерскій клубъ, и нашелъ здѣсь нѣсколькихъ другихъ знакомыхъ, дружески привѣтствовавшихъ его въ густыхъ эполетахъ. Оттуда въ четырехъ экипажахъ всѣ двинулись на плацъ, что передъ юнкерскимъ нынѣшнимъ училищемъ. Дорога отъ Манежной площади къ плацу идетъ по Дворянской улицѣ нѣсколько подъ гору. Пара лошадей, запряженная въ легкія дрожки того времени, такъ называемую гитару, на которыя садились верхомъ, какъ на лошадь,—понесла. Карлъ Федоровичъ поднялся и старался помочь

кучеру осадить коней, но безуспѣшно. Доскакавъ до плаца, уже заставленнаго выстроившимися войсками, кучеръ у угла Гостиннаго двора повернулъ налѣво, но сдѣлалъ это слишкомъ круто,—дрожки закатились, опрокинулись и соскочили со шкворня. Карлъ Федоровичъ упалъ на землю у угла ограды построеннаго имъ собора,—и остался безъ чувствъ... изо рта и ушей хлынула кровь. Лошади понеслись далѣе, волоча по землѣ кучера, не выпустившаго вождей.

Между тѣмъ въ домѣ всѣ собрались и только что, въ праздничномъ настроеніи, размѣстились вокругъ чайнаго стола, какъ увидѣли, что лошади безъ кучера [1]) бѣшенно влетѣли во дворъ вмѣстѣ съ разбитымъ передкомъ отъ дрожекъ. Матушка, крайне встревоженная, выбѣжала на улицу въ чемъ была и направилась къ плацу. Встрѣтивъ адъютанта г. Палицына, ѣхавшаго въ экипажѣ, и чуя горе, она безъ церемоніи попросила его везти ее туда. Она нашла мужа уже перенесеннымъ въ залу гостинницы, помѣщавшейся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ плаца на Дворянской улицѣ. Два военныхъ медика хлопотали около него, прикладывали ледъ, дѣлали ванну. Пригласили извѣстнаго профессора Харьковскаго университета, Ванцетти, случайно находившагося въ Чугуевѣ,—но всѣ усилія врачей были тщетны и не могли привести его въ чувство: черезъ два часа послѣ паденія, глубоко вздохнувъ, онъ умеръ.

Такъ внезапно прекратилась эта богатая трудомъ, бѣдная радостями жизнь, которую 22 года «аракчеевщины» не смогли лишить ни одного изъ ея высокихъ нравственныхъ качествъ. К. Ф. Детловъ не могъ выдвинуть себя по своей профессіи: злая судьба да нужда обрекли его всю жизнь строить казенныя зданія и дороги по готовымъ образцамъ, бросили его въ такое безплодное дѣло, какимъ оказались военныя поселенія, на устройство которыхъ, можно сказать, онъ положилъ себя. Въ этомъ отношеніи онъ заслуживаетъ памяти не какъ талантливый инженеръ, какихъ въ Россіи было не мало,—а какъ честный инженеръ, не допускавшій и мысли о личныхъ выгодахъ въ казенномъ дѣлѣ,—а такихъ въ тогдашней Россіи было очень мало. Многіе изъ знавшихъ его современниковъ еще живы и я смѣло могу повторить, примѣняя къ нему слова внука его благодѣтеля, Александра Павловича Николаи: «нѣтъ сомнѣнія, что всѣ тѣ, которые его близко знали, подтвердятъ, что это былъ человѣкъ самыхъ благородныхъ правилъ и самыхъ возвышенныхъ чувствъ» [2]).

---

[1]) Кучеръ Степанъ Чуприна, нынѣ харьковскій мѣщанинъ, отдѣлался тогда, сравнительно, легкимъ ушибомъ и живъ до сихъ поръ. Это 80-ти лѣтній, бодрый еще старикъ, ѣздящій извощикомъ въ Харьковѣ.

[2]) Замѣтка о баронѣ Л. П. Николаи. „Русская Старина", сентябрь 1877 г., тр. 103.

К. Д.

К. Ф. Детловъ былъ ростомъ выше средняго, крѣпкій, плечистый человѣкъ, немного сутуловатый, пользовавшійся хорошимъ здоровьемъ и свѣжимъ цвѣтомъ лица. Имѣлъ густые темнорусые волосы и, доживъ до 50-ти лѣтъ, не имѣлъ ни одного сѣдого. Обращеніе его было ровное, безъ тѣни заискиванія или подобострастія къ высшимъ, безъ надменности и высокомѣрія къ низшимъ. Съ подчиненными на службѣ былъ требователенъ и строгъ, но строгъ по убѣжденію, добродушно, безъ жестокости. Только ложь и низость возбуждали его гнѣвъ и вызывали иногда къ крутымъ мѣрамъ. Дома у себя былъ самымъ любезнымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ, хотя всегда жилъ скромно, по средствамъ, и на знакомства былъ разборчивъ. Удѣляя много времени труду, дѣлу,—находилъ однако въ Чугуевѣ и для потѣхи часъ: охотно игралъ въ шахматы, любилъ въ веселомъ обществѣ стаканъ хорошаго вина и не уклонялся отъ партіи бостона. При скудныхъ средствахъ онъ, однако, ежегодно удѣлялъ нѣсколько сотъ рублей на книги и журналы. Изъ древнихъ классиковъ любилъ читать Виргилія (въ оригиналѣ), изъ новыхъ—Байрона (въ нѣмецкомъ переводѣ) и Шиллера.

По распоряженію графа Никитина были устроены торжественные похороны, на которыхъ при выносѣ присутствовалъ, буквально, весь Чугуевъ. Матушка пожелала предать тѣло землѣ въ Харьковѣ на лютеранскомъ кладбищѣ, гдѣ покоились ея родители. Цѣлый полкъ уланъ съ артиллеріей проводили гробъ до Харькова.

Въ то же время между сослуживцами покойнаго, по инициативѣ друга его, полковника А. Г. Розаліонъ-Сашальскаго [1]), была открыта подписка на сооруженіе памятника на могилѣ. Подписка эта въ нѣсколько дней дала 1,900 руб. асс. и служитъ лучшимъ доказательствомъ любви и уваженія, которыми онъ пользовался. Памятникъ изъ бѣлаго мрамора былъ поставленъ въ 1841 г. На лицевой сторонѣ его сдѣлана надпись: «сооруженъ друзьями-сослуживцами».

Рядомъ съ этимъ памятникомъ я похоронилъ матушку въ 1877 г. († 13 сентября, на 76-мъ году жизни). У ногъ его надѣюсь когда нибудь самъ опочить отъ земныхъ суетъ и былъ бы счастливъ, если бы сынъ мой съ одинаковымъ чувствомъ уваженія взиралъ на могилы дѣда и отца.

Императоръ Николай Павловичъ, по представленію графа Никитина, поддержанному графомъ Клейнмихелемъ, пожаловалъ матушкѣ

[1]) Впослѣдствіи генералъ. Оставилъ очень интересныя записки о своемъ плѣнѣ у турокъ въ 1829 г., которыя были напечатаны въ „Военномъ Сборникѣ“ въ 1859 г. (если не ошибаюсь). К. Д.

единовременно 8,058 руб. асс. и, главное, кромѣ обыкновенной пенсіи по чину, оставилъ ей пожизненно ту необычайную пенсію въ 2,000 р. изъ суммъ военнаго поселенія. Этой щедрой, истинно монаршей, милости мы, дѣти покойнаго, обязаны своимъ воспитаніемъ и гордясь памятью честнаго отца, построившаго сотни казенныхъ зданій, но не оставившаго намъ, буквально, ничего кромѣ подареннаго государемъ,— должны вѣрить, что служба за царемъ не пропадаетъ.

Образцомъ для приложеннаго—въ гравюрѣ парижскаго ксилографа г. Паннемакера, — портрета Карла Федоровича Детлова служитъ большой, писанный масляными красками, поясной портретъ неизвѣстнаго художника, снятый около 1832 года, вѣроятно, въ Чугуевѣ. Впослѣдствіи инженерамъ было разрѣшено носить усы, отростивъ которые Карлъ Федоровичъ получилъ нѣсколько другую физіономію. Но имѣющійся у меня акварельный портретъ его съ усами, снятый въ 1836 г. въ Петербургѣ художникомъ Векерлиномъ, по отзыву знавшихъ покойнаго, менѣе сходенъ и не передаетъ выраженія глазъ. При выборѣ портрета къ нашему очерку, мы именно остановились на этомъ хотя болѣе старомъ, но болѣе вѣрномъ изображеніи.

К. К. Детловъ.

Харьковъ.
1877—1883 гг.

Д. В. ДАВЫДОВЪ И Д. П. БУТУРЛИНЪ.

ЗАМѢТКА.

16-го іюля 1884 года исполнилось, какъ извѣстно, 100 лѣтъ со дня рожденія нашего знаменитаго партизана-поэта, Дениса Васильевича Давыдова († 22-го апрѣля 1839 г.). „Русская Старина", напечатавшая съ самаго начала своего существованія цѣлую массу матеріаловъ для біографіи Давыдова, напомнила, въ своей іюльской книжкѣ 1884 года, о приближавшемся знаменательномъ для всей образованной Россіи днѣ тѣмъ, кто, быть можетъ, не думалъ или не помнилъ о немъ, и помѣстила, вслѣдъ за тѣмъ, рядъ новыхъ статей и замѣтокъ о Давыдовѣ. Этотъ новый матеріалъ въ связи съ тѣмъ, что было сообщено о Давыдовѣ прочими журналами, составилъ богатый вкладъ для составленія пространнаго очерка жизни и дѣятельности нашего знаменитаго воина-поэта.

Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что вкладъ этотъ далеко не такъ богатъ, какъ можно было бы ожидать и что нельзя не надѣяться и не желать его увеличенія.

Съ своей стороны, владѣя двумя автографами Д. В. Давыдова, я не считалъ нужнымъ, покамѣстъ, говорить о нихъ, боясь, чтобы они не показались слишкомъ ничтожными въ сравненіи съ тою массою новыхъ и болѣе интересныхъ матеріаловъ для біографіи Д. В. Давыдова,—массою, которая должна была, какъ я ожидалъ, появиться въ печати, по поводу недавно исполнившагося столѣтія со дня его рожденія. Теперь же, видя, что и мои два автографа, вѣроятно, не пройдутъ незамѣченными, въ ряду напечатаннаго по этому поводу о поэтѣ-партизанѣ, я считаю необходимымъ сообщить редакціи „Русской Старины" о существованіи ихъ въ моей библіотекѣ, въ надеждѣ, что уважаемая редакція дастъ мѣсто моей замѣткѣ на страницахъ своего изданія.

Автографы эти, находящіеся на двухъ книгахъ сочиненія Давыдова, имѣютъ, мнѣ кажется, значеніе для будущаго составителя пространной біографіи нашего знаменитаго партизана потому, что изъ нихъ видно время сближенія Давыдова съ Д. П. Бутурлинымъ, извѣстнымъ военнымъ писателемъ и историкомъ, авторомъ сочиненій: „Исторія нашествія Наполеона на

Россію въ 1812 году", „Исторія смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVII вѣка" и другихъ [1]).

Одна изъ находящихся въ моей библіотекѣ книгъ, съ автографами Д. В. Давыдова, „Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія. Сочиненіе Дениса Давыдова. Москва. Въ типогр. С. Селивановскаго. 1821 г.", имѣетъ на заглавномъ листѣ надпись ея автора:

„Его высокоблагородію Дмитрію Петровичу Бутурлину. Отъ сочинителя".

На другой изъ этихъ книгъ, „Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія. Сочиненіе Дениса Давыдова. Изданіе второе. Москва. Въ типогр. С. Селивановскаго, 1822 г." (превосходный экземпляръ на веленевой бумагѣ), рукою Давыдова написано:

„Любезному другу Дмитрію Петровичу Бутурлину. Отъ сочинителя".

Какъ видно, надписи Давыдова весьма неодинаковы.

Цензурное разрѣшеніе первой изъ этихъ книгъ помѣчено 21-го октября 1821 года, изъ чего слѣдуетъ, что Д. В. Давыдовъ сдружился съ Д. П. Бутурлинымъ послѣ этого времени и вѣроятно въ концѣ 1821 г. или началѣ 1822 г. (цензурное разрѣшеніе 2-го изданія помѣчено 5-го іюня 1822 г.), такъ какъ, подаривъ Бутурлину 1-е изданіе своей книги, Давыдовъ, конечно, прислалъ ему второе, появившееся, какъ видно, всего годъ спустя, вскорѣ послѣ отпечатанія его, ибо Бутурлинъ, напечатавшій до 1822 г. уже пять военно-историческихъ сочиненій, по всей вѣроятности принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, о которыхъ Давыдовъ такъ выражается, въ предисловіи къ

[1]) Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, 2-й сынъ Петра Михайловича Бутурлина (р. 21-го іюня 1763 г., † 2-го февраля 1828 г.) и жены его Маріи Алексѣевны, рожденной княжны Шаховской, родился 30-го апрѣля 1790 года. Въ молодости служилъ въ Ахтырскомъ гусарскомъ полку, изъ котораго, 19-го февраля 1810 г., переведенъ за отличіе, тѣмъ же чиномъ (корнета), въ кавалергардскій. 25-го января 1816 года Бутурлинъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералъ-адъютанту князю Волконскому, а 1-го іюля 1817 г. флигель-адъютантомъ, продолжая оставаться въ спискахъ кавалергардскаго полка до 1-го января 1824 г., когда онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. (Въ спискахъ полка того времени это Бутурлинъ 2-й, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ его старшимъ братомъ, Михаиломъ Петровичемъ Бутурлинымъ 1-мъ, бывшимъ съ нимъ одновременно какъ адъютантомъ князя Волконскаго, такъ и флигель-адъютантомъ, и находившимся въ спискахъ кавалергардскаго полка съ 3-го іюля 1808 г. по 22-е іюля 1825 г.). Въ 1830 году Д. П. Бутурлинъ оставилъ военную службу и, перейдя на гражданскую, былъ впослѣдствіи александровскимъ кавалеромъ, дѣйств. тайн. совѣтн., сенаторомъ и членомъ государственнаго совѣта (въ 1840 г.). Въ 1842 г. онъ былъ назначенъ директоромъ с.-петербургской публичной библіотеки и скончался въ этомъ званіи 9-го октября 1849 года. Д. П. Бутурлинъ былъ женатъ на Елизаветѣ Михайловнѣ Комбурлей (р. 13-го августа 1805 г., † 7-го іюля 1859 г.), отъ которой оставилъ сына Петра Дмитріевича, р. 1826 г., и дочь Анну Дмитріевну, за графомъ Павломъ Сергѣевичемъ Строгановымъ. Человѣкъ отличнаго ума и прекрасно образованный, Д. П. Бутурлинъ занимался исторіей, преимущественно военной, и оставилъ нѣсколько сочиненій, писанныхъ имъ, напечатанныхъ по русски и по французски въ 1812—1839 гг., подробный списокъ которымъ приведенъ въ превосходномъ трудѣ Г. Геннади «Словарь русскихъ писателей». Ч. I. Берлинъ. 1876 г. Стр. 120.

В. В. Голубцовъ.

этому второму изданію: „нѣкоторые военные люди прислали мнѣ разсужденія свои, исполненныя истины, и я не замедлилъ исправить погрѣшности сего сочиненія“. Разсужденія эти, если Бутурлинъ дѣйствительно участвовалъ въ нихъ, вѣроятно и были причиною сближенія этихъ двухъ участниковъ отечественной войны и измѣнили ихъ взаимныя отношенія съ оффиціальнаго „его высокоблагородію“ на пріятельское „любезному другу“.

Быть можетъ на сближеніе Давыдова съ Бутурлинымъ имѣло вліяніе еще и то, что оба они служили, нѣкогда, въ однихъ и тѣхъ же полкахъ, хотя и въ разное время,—въ Ахтырскомъ гусарскомъ: Бутурлинъ до 1810 г., а Давыдовъ съ 17-го апрѣля 1812 г. (былъ командиромъ этого полка въ 1814 году), и въ кавалергардскомъ: Бутурлинъ съ 19-го февраля 1810 г. по 1-е января 1824 г., а Давыдовъ съ 9-го сентября 1802 г. по 13-е сентября 1804 г. Давыдовъ, кромѣ того, служилъ, какъ извѣстно, до производства въ генералъ-маіоры, въ Лубенскомъ гусарскомъ полку, съ 13-го сентября 1804 г. по 4-е іюля 1806 г., а съ этого времени, до перевода своего въ Ахтырскій гусарскій полкъ, лейбъ-гвардіи въ гусарскомъ (нынѣ его величества) полку, находясь съ 5-го декабря 1806 г. адъютантомъ у князя П. И. Багратіона.

Какъ бы то ни было, изъ вышеприведенныхъ автографовъ нашего знаменитаго партизана видно, что дружба съ Д. П. Бутурлинымъ возникла у него около 1822 года, иначе, если-бы вышепомянутыя двѣ книги были посланы Бутурлину обѣ вмѣстѣ, т. е. спустя много времени послѣ выхода ихъ въ свѣтъ, онѣ носили бы болѣе одинаковую надпись.

В. В. Голубцовъ.

24 октября 1884 г.
Село Александровское, Пермской губ.

Къ описанію рукописей А. С. Пушкина.

А. А. ЖАНДРЪ.

Въ „Русской Старинѣ" изд. 1884 г., т. XLIV, декабрь, стр. 541, помѣщено черновое письмо Пушкина къ какому-то неизвѣстному, какъ сказано въ статьѣ, лицу, съ которымъ, однако-жъ, Пушкинъ былъ на ты. Онъ проситъ его представить кн. Меншикову нѣкоего молодого человѣка Хл. съ ходатайствомъ объ опредѣленіи его на службу во флотъ. Это обстоятельство совершенно раскрываетъ личность пушкинскаго корреспондента: ни къ кому другому письмо это не могло быть писано, какъ къ Андрею Андреевичу Жандру, который былъ близко знакомъ съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Вяземскимъ, что не мѣшало ему быть столь же близкимъ, если не болѣе, пріятелемъ и Гречу. Грибоѣдову онъ былъ другъ, и съ нимъ въ сотрудничествѣ написалъ или, лучше сказать, передѣлалъ съ французскаго въ 1820-хъ годахъ, а можетъ быть и ранѣе,—комедію „Притворная невѣрность", нынѣ забытую, какъ и всѣ впрочемъ сочиненія Грибоѣдова, кромѣ его знаменитой комедіи. Мнѣ случилось видѣть экземпляръ этой пьесы въ библіотекѣ Лонгинова. (Что сдѣлалось съ этою чрезвычайно любопытною библіотекою и гдѣ она теперь?). Ходатайствовалъ же Пушкинъ предъ нимъ объ опредѣленіи своего protegé во флотъ, потому что Жандръ долгое время считался правою рукою кн. Меншикова—тогдашняго начальника главнаго морского штаба его императорскаго величества, былъ директоромъ его канцеляріи, потомъ, сколько помню, членомъ адмиралтействъ-совѣта (хотя онъ былъ статскій); онъ умеръ въ глубокой старости, лѣтъ 10, 12 тому назадъ не болѣе, въ званіи сенатора и чинѣ дѣйств. тайн. совѣтника. У него находилась подлинная рукопись „Горе отъ ума", подаренная ему Грибоѣдовымъ; въ этой комедіи есть точка (.), принадлежащая князю П. А. Вяземскому, не мало посодѣйствовавшая сохраненію общаго тона въ этомъ безсмертномъ сочиненіи. Вяземскій не очень задолго до своей смерти и до смерти Лонгинова писалъ сему послѣднему, кажется въ 1874 году, что онъ радуется тому, что въ „Горе отъ ума" есть его собственная, если не капля меду („И моего тутъ капля меду есть"), такъ по крайней мѣрѣ точка, кстати поставленная. Вотъ въ чемъ дѣло: во II дѣйствіи, въ сценѣ паденія Молчалина съ лошади, Чацкій, возмущенный обморокомъ Софьи, говоритъ (какъ было написано прежде): „желалъ бы съ нимъ убиться для кампаньи". Вяземскій, съ обычною ему тонкостію критика, замѣтилъ, что это послѣднее слово слишкомъ тривіально и вовсе не соотвѣтствуетъ негодующему чувству Чацкаго; Грибоѣдовъ съ нимъ вполнѣ согласился и тогда кн. Вяземскій поставилъ точку послѣ словъ: „желалъ бы съ нимъ убиться", а слово „для кампаньи" отнесъ въ реплику Лизы.

Р.

БИБЛІОТЕКА ИЗЪ ТРУДОВЪ ПИТОМЦЕВЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

19-го октября 1884 г.

Ровно пять лѣтъ тому назадъ, 19-го октября 1870 г., въ лицеѣ было положено основаніе устройству Bibliothecae Puschkinianae. Благодаря трудамъ и попеченіямъ лицъ, принявшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ, благодаря въ особенности неутомимой энергіи и обширнымъ библіографическимъ свѣдѣніямъ покойнаго инспектора лицея, В. В. Никольскаго, эту мысль можно считать выполненною, такъ какъ для полноты библіотеки не достаетъ всего нѣсколькихъ изданій, представляющихъ большую библіографическую рѣдкость.

Пушкинъ—лучшая слава лицея. Геніемъ Пушкина лицей гордится вмѣстѣ со всею Россіей. Но справедливо ли было бы забывать намъ о другихъ, болѣе скромныхъ дѣятеляхъ литературы и науки, воспитанныхъ лицеемъ?

Устроивъ Пушкинскую библіотеку, лицей не долженъ останавливаться на этомъ. Въ настоящее время появилась мысль образовать при лицеѣ такую библіотеку, въ которую входили бы сочиненія всѣхъ, безъ исключенія, бывшихъ лицеистовъ. Эта мысль не лишена глубокаго значенія. Осуществленіе ея представило бы собою всю сокровищницу знаній, внесенную въ общество питомцами нашего заведенія; оно могло бы послужить для оцѣнки лицея, какъ явленія общественной жизни; наконецъ, оно дало бы богатый матеріалъ для исторіи лицея.

Мы не хотимъ скрывать отъ себя всей трудности, которую представляетъ это дѣло, уже въ силу своей новизны, такъ какъ такой библіотеки нѣтъ еще ни при одномъ учебномъ заведеніи; мы однако твердо убѣждены, что при горячемъ сочувствіи, съ которымъ бывшіе лицеисты относятся къ своей alma mater, она все-таки выполнима. Не разсчитывая на свои собственныя силы, мы рѣшаемся обратиться

съ просьбою ко всѣмъ бывшимъ лицеистамъ оказать намъ содѣйствіе въ этомъ многосложномъ и трудно выполнимомъ дѣлѣ какъ пожертвованіями, такъ и библіографическими указаніями.

Въ составъ библіотеки должны войти:

1) всѣ отдѣльныя изданія сочиненій бывшихъ лицеистовъ;

2) всѣ альманахи, сборники и періодическія изданія, въ которыхъ были помѣщаемы сочиненія ихъ;

3) важнѣйшія сочиненія о нихъ, ихъ біографіи, мемуары, разборы произведеній и т. д.

Всѣ желающіе принести посильныя пожертвованія, или дать какія либо указанія, благоволятъ обращаться къ начальству лицея.

19-е октября 1879 г. останется навсегда памятнымъ днемъ въ лѣтописяхъ лицея, какъ день основанія Пушкинской библіотеки; пусть же 19-е октября 1884 года ознаменуется основаніемъ библіотеки, еще болѣе обширной и всеобъемлющей, Bibliothecae Liceianae.

НЕСОСТОЯВШІЙСЯ БРАКЪ.

НАРОДНОЕ ПРЕДАНІЕ.

Изъ нѣдръ земныхъ пробилась Волга
И потянула на Уралъ,
Гдѣ мѣдь, и серебро, и злато
Подземный богъ для ней ковалъ.
А тамъ, за грудью исполина,
Ей путь лежалъ до тѣхъ морей,
Которымъ нѣтъ нигдѣ границы,
Гдѣ бѣлый властвуетъ Борей.
Но съ первыхъ дней пошли дѣтишки:
Молога, Шексна и Унжà...
Провѣдавъ замыселъ опасный,
Лепечутъ, съ холода дрожа:
„Зачѣмъ, родная, намъ пускаться
Въ такую глушь, въ такую даль?
Тамъ вѣчный холодъ и безхлѣбье...
Неужли насъ тебѣ не жаль?
И безъ того мы терпимъ горе:
Снѣдь — черный хлѣбъ, да лебеда,
Полгода ледъ... сестеръ все больше ..
И впереди — одна нужда...
Взгляни на югъ — теплынь какая!
Арбузъ, пшеница, виноградъ,
И море ближе; женихами
Весь край полуденный богатъ:
Широкій Днѣпръ съ Днѣстромъ и Бугомъ,
Красавецъ Донъ съ своимъ добромъ;
И ты обзаведешься другомъ,
И мы друзей себѣ найдемъ".
Поприздумалася Волга,
Вперивъ на югъ пытливый взглядъ,
И видитъ, что къ морямъ недальнимъ
Борцы отважные спѣшатъ...
Одинъ изъ нихъ красы красивѣй,
Богаче всякихъ богачей,
Себѣ онъ русло прочищаетъ
Напоромъ рыцарскихъ плечей.
Вокругъ него поля и нивы,

Пшеница, зеленъ-виноградъ
И солнца яркіе отливы
Его поверхность золотятъ.
И приглянулся хмурой Волгѣ
Красавца Дона статный видъ
И, какъ сирена, сладкогласно
Ему мать-рѣчка говоритъ:
„Здорово, храбрый Донъ Иванычъ,
Куда, красавецъ, такъ спѣшишь,
Съ такимъ упорствомъ покидаешь
Ты нашу сѣверную тишь?
Постой. И я имѣю въ думкѣ
Пуститься съ дѣтками на югъ,
Лишь только-бъ ты своимъ согласьемъ
Меня потѣшилъ, юный другъ.
Вѣдь одиночество не сладко —
И ты, какъ вижу, одинокъ...
Не хочешь-ли, на диво свѣту,
Составимъ общій мы потокъ —
И сивій, сѣдовласый Каспій
Въ объятья приметъ насъ свои —
Тамъ проведемъ мы въ наслажденьи
Минуты первыя любви...
Но въ немъ жить долго станетъ скучно;
Насъ старику не удержать...
Мы къ сторонѣ земного рая
Своихъ дѣтей поднимемъ рать.
Достигнувъ скоро океана,
Гдѣ дышетъ вѣчною весной,
Наполнимъ міръ своею славой
И опояшемъ шаръ земной —
Кто противъ насъ тогда? Покуда-жъ
Господь благословитъ нашъ бракъ —
Прими моихъ холодныхъ дѣтокъ
Въ благословенный твой очагъ,
Прими, и я — твоя рабыня!“
Встряхнулъ кудрями юный Донъ,
Своей далекой чародѣйкѣ
Отвѣсилъ низкій онъ поклонъ
И отвѣчалъ: „спасибо, Волга,
И за любовь, и за привѣтъ —
Я вѣрю имъ. Разумнымъ мыслямъ
Сопротивляться мнѣ не слѣдъ.
Твой сѣверъ — врагъ свободной долѣ,
Въ немъ мѣста нѣтъ сынамъ степей;
Я чую въ немъ страну неволи —
И свистъ кнута, и лязгъ цѣпей.
Пусть идутъ дѣтки поскорѣе:
Есть чѣмъ мнѣ всякому помочь;
Я никогда съ полей родимыхъ

Не гналъ нуждающихся прочь".
И быстро Волга повернула
На югъ; Донъ принялъ на востокъ,
Сгарая юношеской страстью
Соединить съ ней свой потокъ.
Пока невѣста разрывала
Глухую степь, гдѣ нынѣ спятъ
Симбирскъ, Саратовъ и Самара,
Не видя этому преградъ,
А Донъ, подругу поджидая,
Средь Кременскихъ гранитныхъ скалъ,
Какъ у дверей запертыхъ рая,
Двойною скукой изнывалъ,—
Явились волгины дѣтишки
Покушать южнаго добра.
Ока, Унжа, молодка-Кама,
Ветлуга, Шексна и Сура...
И скоро сталъ хозяинъ гостемъ,
А гости такъ вступили въ роль,
Что, мнилось, дымомъ самымъ ѣдкимъ
Ихъ не повыкурить оттоль.
„Но, ладно, думаетъ красавецъ,
Не въ этомъ сила; я—люблю
И съ „ней" когда соединюся—
Добра я снова накоплю".
Межъ тѣмъ что годъ, то и утрата:
Погибла дѣвственность полей,
Зачахли собственныя дѣти
Отъ жгучихъ, солнечныхъ лучей;
Преданьемъ сдѣлалась пшеница,
Напрасенъ сталъ и тяжкій трудъ...
Одной лишь батюшкиной страстью
Хоперъ съ Медвѣдицей живутъ!
Но вотъ предѣлъ нѣмымъ страданьямъ
Двухъ очарованныхъ друзей:
Ихъ ложе брачное готово
Среди Царицынскихъ полей...
Донъ скалы рветъ, невѣста-Волга,
Волною мутной шелестя,
Ему объятья посылаетъ
Какъ шаловливое дитя.
Единый мигъ—и нѣтъ преграды...
Покуда-жъ длился этотъ мигъ
И Донъ главой своей покорной
Передъ невѣстою поникъ,—
Одна изъ дочекъ загулявшихъ,
Счастливо-мудрая Ока,
Юркнула къ матери и, взявшись
За ожирѣвшіе бока,
Шепнула ей: „напрасно, матка,

Идемъ мы съ рыцаремъ въ союзъ:
Онъ нагъ и босъ, лишь въ правду вѣритъ,
Да не измѣнникъ и не трусъ...
Изъ этихъ качествъ благородныхъ
Шубенки нынѣ не сошьешь—
И намъ на правду опираться
Едва ли лучше, чѣмъ на ложь.
У Дона то-жъ явились дѣтки,
Должно быть съ праведныхъ трудовъ,
А прокормить такую стаю
Не хватитъ всѣхъ земныхъ плодовъ...
Да и къ чему искать неволи?
Пойдемъ дорогою своей,
А Донъ пойдетъ своей дорогой
Среди обглоданныхъ степей.
Мы похозяйничали важно—
Пора и честь сестрицамъ знать!"
Прослушавъ дочку со вниманьемъ,
Слегка задумалась мать.
„И впрямь! въ отвѣтъ сказала тихо,
Безъ Дона мы не пропадемъ:
Насъ Каспій выручитъ сердитый
Съ двухъ странъ награбленнымъ добромъ,—
Идетъ!" И къ Дону обратила
Свое ехидное лицо,
А онъ ступалъ уже проворно
На вожделѣнное крыльцо...
„Остановись, мой храбрый рыцарь,
Сказала Волга жениху,
Хоть смутно, чуяла давно я,
Что быть тяжелому грѣху:
Я далеко тебѣ не пара—
Ты храбрый воинъ, я—вдова,
Старуха, скучная ворчунья,
Дѣтей кормлю своихъ едва...
Промаюсь какъ нибудь одна я,
За честь спасибо, мой родной!"
И круто къ Каспію свернула,
Кивнувъ страдальцу головой.
Не взвидѣвъ отъ измѣны свѣта,
Донъ шлетъ проклятье ей во слѣдъ.
На мѣсто прежняго привѣта—
Глядитъ—въ проклятьи силы нѣтъ!
И богатырь напрягъ послѣдній,
И слезъ и крови полный, валъ
И къ персямъ лужи Меотійской
Онъ, какъ прострѣленный, упалъ...

А. А. Карасевъ.

Г. Новочеркаскъ.

ЗАПИСКА О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27 іюня 1740 г.

I.

На обширномъ и давно уже упраздненномъ кладбищѣ на Выборгской сторонѣ, близъ церкви Сампсонія, находится вполнѣ историческая могила трехъ государственныхъ дѣятелей XVIII вѣка: кабинетъ-министра Артемія Петровича Волынскаго, Петра Еропкина и Андрея Ѳедоровича Хрущова, павшихъ, какъ извѣстно, жертвою злобы Бирона и погребенныхъ здѣсь послѣ казни 27 іюня 1740 года.

Въ слѣдующемъ же 1741 году признана была несправедливость этой казни, каковое признаніе выразилось тѣмъ, что какъ дѣти ихъ, такъ и всѣ близкіе къ казненнымъ люди, одновременно, такъ или иначе, пострадавшіе, были немедленно возвращены изъ ссылки, возстановлены въ прежнихъ званіяхъ и отличіяхъ. Дочери же Волынскаго настолько приближены ко двору императрицы Елисаветы Петровны, что повыходили замужъ за лицъ, по положенію и родству близкихъ къ царствовавшей государынѣ императрицѣ. Такъ, Марія Артемьевна сочеталась бракомъ съ генералъ-поручикомъ графомъ Иваномъ Илларіоновичемъ Воронцовымъ, Анна Артемьевна—съ дѣйствительнымъ камергеромъ графомъ Андреемъ Симоновичемъ Гендриковымъ, двоюроднымъ братомъ императрицы Елисаветы Петровны.

Какъ императрица Елисавета, такъ въ особенности императрица Екатерина II почтили знаками особаго вниманія и сердечнаго сочувствія дѣтей и близкихъ невиннаго страдальца Артемія Волынскаго.

Несправедливость гоненія, какія претерпѣлъ Волынскій отъ Бирона, жестокая казнь кабинетъ-министра окружили его имя въ памяти императрицы Екатерины II свѣтлымъ ореоломъ, скрывшимъ многія темныя стороны личнаго характера этого знаменитаго сподвижника великаго преобразователя Россіи—Петра I. Таковое сочувствіе и вниманіе особенно сильно выражено императрицею Екатериною II, въ запискѣ, напечатанной съ подлинника въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества» изд. 1872 г., томъ X, стр. 56—57, между про-

чими документами, изданными этимъ общестомъ, имѣющимъ счастіе состоять подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора.

Въ этой запискѣ, великая государыня, между прочимъ, замѣчаетъ, что Волынскій по собственному приказанію императрицы Анны Іоанновны: «сочинилъ проектъ о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ, который онъ ей и подалъ. Осталось ей полезное употребить, неполезное оставить изъ его представленія. Но, напротивъ того, его злодѣи (герцогъ Биронъ), и кому его проектъ не понравился, изъ того сочиненія вытянули за волосы, такъ сказать, и взвели на Волынскаго измѣнническій умыселъ, чего отнюдь на дѣлѣ не доказано». И далѣе: «Волынскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнилъ; но напротивъ того былъ добрый и усердный патріотъ и ревнителенъ къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества, и такъ смертную казнь терпѣлъ бывъ невиненъ».

Такимъ образомъ въ XVIII же вѣкѣ, скоро послѣ смерти Волынскаго, признана была его невинность съ высоты трона.

Затѣмъ въ XIX столѣтіи, въ средѣ русскаго общества та же личность Волынскаго и его сострадальцевъ окружены были поэтическимъ ореоломъ и Волынскій послужилъ героемъ какъ поэтическихъ Думъ одного изъ талантливѣйшихъ поэтовъ эпохи Александра I, такъ вслѣдъ затѣмъ извѣстнаго романа Лажечникова «Ледяной домъ», появившагося въ 1835 г. Въ этомъ романѣ, имѣвшемъ большой успѣхъ въ русскомъ обществѣ, эпохи императора Николая Павловича, Волынскій воскресъ въ памяти потомства, хотя въ сильно изукрашенномъ видѣ.

Романъ этотъ произвелъ въ свое время весьма сильное впечатлѣніе и обратилъ вниманіе его читателей и въ особенности читательницъ въ Петербургѣ на могилу Волынскаго. Ограда храма Сампсонія Странноприіимца, съ упраздненнымъ за нимъ кладбищемъ, сдѣлалась на нѣкоторое время мѣстомъ любознательнаго паломничества. Обоего пола жители столицы начали посѣщать до той поры почти невѣдомую могилу Волынскаго.

II.

На могилѣ этой, въ первые же годы царствованія императрицы Елисаветы Петровны, дѣтьми бывшаго кабинетъ-министра Волынскаго поставленъ былъ памятникъ. При Екатеринѣ II, памятникъ этотъ былъ обновленъ, но въ настоящее время представляетъ собою совершенную развалину.

Памятникъ состоитъ изъ каменной плиты, перетрескавшейся въ куски

и наискось вросшей въ землю; въ могилѣ погребены трое, а между тѣмъ плита занимаетъ пространство не болѣе какъ въ $1\frac{1}{2}$ аршина въ длину и около $\frac{3}{4}$ аршина въ ширину. На плитѣ стоитъ цоколь изъ желтоватаго плитняка, на немъ желобчатая колонка изъ цѣлаго камня и на ней была урна бѣлаго мрамора. Урна эта давно уже исчезла, колонка пообвалилась, а на плитѣ сохранилась полуистершаяся слѣдующая надпись:

„Во имя въ трех лицех
Единаго Бга
Здѣ лежитъ Артемеі
Петровичь Волынскоі
Котороі жизни своея
. . . . мѣлъ . . . . . годъ
Преставися июня
27 дня 1740 году
Ту же погребен
Андрей Ѳ(едорови)чь
Хрущовъ и . . тръ
Еропкинъ.

Въ историческомъ журналѣ «Русская Старина», въ маѣ 1883 г., появилось описаніе общей могилы Волынскаго, Еропкина и Хрущова, съ нѣкоторыми по поводу ея историческими данными и съ приложеніемъ рисунка. Статья эта обратила на себя вниманіе нѣкоторыхъ почитателей русскихъ историческихъ дѣятелей, которые прислали взносы на возобновленіе полуразрушеннаго памятника, безспорно составляющаго одну изъ историческихъ достопримѣчательностей города С.-Петербурга и по самому своему положенію близь храма, воздвигнутаго Петромъ Великимъ въ память Полтавской побѣды.

Вслѣдъ за помянутою статьею непрерывно стали поступать взносы на тотъ же предметъ, что и подало мысль редакціи «Русской Старины» печатать ежемѣсячно въ своемъ изданіи о поступленіи сихъ взносовъ. Общая ихъ сумма къ 1-му январю 1885 г. достигла до 1,789 руб. Первоначально имѣлось въ виду, подправя нынѣ существующій памятникъ, обнести оный желѣзною рѣшеткой, вмѣсто крайне безобразныхъ жердей, нынѣ окружающихъ могилу. Между тѣмъ оказалось, что и въ средѣ С.-Петербургской Городской Управы давно уже было обращено вниманіе на необходимость привести въ порядокъ, какъ историческій памятникъ, могилу Волынскаго, такъ и прилегающій къ ней пустырь, бывшій еще во второй половинѣ XVIII вѣка кладбищемъ. Городской голова, д. ст. сов. Иванъ Ильичъ Глазуновъ, и камергеръ двора Его Величества д. ст. сов. С. С. Благово давно уже обращали вниманіе на необходимость этого улучшенія. Такимъ образомъ вслѣд-

ствіе ихъ настоянія былъ убранъ большой общественный ретирадникъ, весьма грязно содержавшійся у самаго входа за церковную ограду, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ упомянутой могилы Волынскаго.

При взаимномъ желаніи возобновить памятникъ на могилѣ Волынскаго и привести въ порядокъ мѣстность, къ нему прилегающую, образовался кружокъ лицъ, взявшихъ на себя обсудить вопросъ о возобновленіи памятника Волынскаго. Въ этотъ кружокъ или комитетъ вошли: гг. И. И. Глазуновъ, М. И. Семевскій, С. С. Благово, Я. А. Брусовъ, академики Н. Л. Бенуа, М. О. Микѣшинъ; проф. археологич. живописи Ѳ. Г. Солнцевъ, проф. архитектуры М. А. Щуруповъ, проф. историч. живописи В. И. Якобій; художники: А. Н. Трусовъ, А. Н. Ковако (владѣл. гальванопласт. заведенія), А. А. Бариновъ, и сотрудники журнала «Русская Старина»—И. И. Ореусъ, Н. Г. Крыловъ и И. Н. Божеряновъ.

Этотъ комитетъ, разсмотрѣвъ нѣкоторые проекты и эскизы памятника на могилѣ Волынскаго, остановился на проэктѣ профессора Щурупова и призналъ возможнымъ осуществить сей проектъ.

III.

Сущность проекта проф. М. А. Щурупова состоитъ въ слѣдующемъ: памятникъ имѣетъ видъ пирамидальнаго монолита, вышиною пять арш., приподнятаго на плитномъ фундаментѣ и насыпи еще на одинъ арш.; къ пьедесталу его примыкаетъ саркофагъ, изъ подножія котораго, въ свою очередь, выступаютъ внаружу меньшіе два саркофага, выходя всего одною четверью своей величины и украшенные вѣнками. Такимъ образомъ основаніе памятника показываетъ, что здѣсь находится не одна, а три могилы. Въ средней части памятника съ лѣвой стороны помѣщается барельефъ, представляющій женскую фигуру — богиню исторіи, держащую въ рукахъ пальмовую вѣтвь и свитокъ съ начертанными на немъ строками изъ записки императрицы Екатерины II:

— „Волынскій былъ добрый и усердный патріотъ и ревнителенъ къ полезнымъ поправленіямъ своего Отечества“.

(Слова императрицы Екатерины II, 1765 г.).

Ниже этихъ строкъ два стиха:

. . . . будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной.

(Дума: «Волынскій», 1822 г.)

Ниже свитка, къ правому углу барельефа, изображена урна съ числомъ и годомъ кончины: «27-го іюня 1740 года», и подъ нею змѣя,

какъ аллегорія зла. Надъ нею находится горящій свѣтильникъ—олицетворяющій правду, обвитый оливковымъ деревомъ въ знакъ примиренія съ прошлымъ.

На обратной сторонѣ барельефа на памятникѣ предполагается исполнить контуръ прежняго монумента на могилѣ Волынскаго, и подъ нимъ надпись, находящуюся на плитѣ его, такъ какъ послѣдняя настолько попорчена временемъ, что при поднятіи ея она неминуемо разсыплется на части.

Верхняя часть памятника, украшенная полукруглымъ фронтономъ, заканчивается валютами, обращеными вверхъ; въ срединѣ помѣщенъ гербъ Волынскаго, на щитѣ котораго находится одинъ лишь крестъ—словно нарочно поставленный къ нему судьбой, въ ознаменованіе несенія тяжелаго креста, ниспосланнаго на долю Волынскаго. Такое соображеніе заставило художника украсить памятникъ Волынскаго именно его гербомъ.

На бокахъ памятника находятся потухающіе факелы, обращенные огнемъ внизъ; кругомъ саркофага предполагается сдѣлать надпись именъ тѣхъ лицъ, по почину, заботами и иждивеніемъ которыхъ сооруженъ настоящій памятникъ.

По обсужденію вопроса изъ какого матеріала осуществить сей проектъ, высказано было, что произвести его изъ гранита будетъ слишкомъ дорого, да и самый гранитъ, вывѣтривающійся при нашемъ климатѣ, не представляетъ еще полнаго ручательства за прочность и долговременность сооруженія. Частью поэтому, но главнымъ образомъ въ виду недостаточности фонда, собраннаго на памятникъ (къ 1 январю 1885 г. 1,789 руб.), необходимости удешевить сооруженіе онаго и для того, чтобы не откладывать на неопредѣленное время вполнѣ доброе дѣло, признано было — 20-го октября 1884 г. — возможнымъ отлить памятникъ изъ цинка, съ нарощеніемъ на него мѣди, и поставить его на гранитномъ цоколѣ, который, въ свою очередь, положить на плитномъ фундаментѣ.

Художникъ А. Н. Трусовъ взялъ на себя отливку монумента изъ цинка; при чемъ, во вниманіе къ тому, что этотъ памятникъ созидается въ честь историческихъ русскихъ дѣятелей, изъявилъ готовность взять эту работу съ значительною уступкою противъ дѣйствительной стоимости такого сооруженія, а именно: за тысячу четыреста шестьдесятъ одинъ рубль (1,461 руб.).

Академикъ М. О. Микѣшинъ выразилъ готовность безплатно вылѣпить весь барельефъ по рисунку проф. М. А. Щурупова.

С.-Петербургскій первой гильдіи купецъ Я. А. Брусовъ еще ранѣе выразилъ желаніе поставить гранитный пьедесталъ, а равно принялъ

на себя безплатно же постановку бута и плитняка для фундамента, равно какъ исполнить и всю земляную работу при сооруженіи основанія монумента.

А. Н. Ковако съ своей стороны изъявилъ готовность безвозмездно на своемъ гальванопластическомъ заведеніи исполнить, если то понадобится, гербъ и барельефъ на памятникѣ.

П. Н. Собенниковъ (владѣлецъ кузнечнаго и слесарнаго заведенія) вызвался выковать, безплатно же, изъ желѣза въ своей мастерской рѣшетку вокругъ памятника, по рисунку профес. Ѳ. Г. Солнцева.

С. С. Благово принялъ на себя наблюденіе за разбивкой вокругъ памятника садика.

Такимъ образомъ, настоящее дѣло можно считать вполнѣ подготовленнымъ и можно надѣяться, что историческая могила бывшаго сподвижника Петра I, а затѣмъ кабинетъ-министра императрицы Анны Іоанновны, Артемія Волынскаго, а также представителей родовитыхъ фамилій, памятныхъ своими заслугами отечеству и государямъ: Петра Еропкина и Андрея Ѳедоровича Хрущова будетъ увѣковѣчена вполнѣ достойнымъ ихъ памяти монументомъ.

Ред.

О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27-го іюня 1740 г. [1]).

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

Отъ	полковника Ильи Федоровскаго (изъ г. Одессы), 13 декабря 1884 г.	5 руб.
„	Ивана Котляревскаго (изъ Екатеринбурга), 14 декабря 1884 г.	20 „
„	Г. А. Залюбовскаго (изъ г. Екатеринослава), 15 декабря 1884 г.	1 „
„	Н. П. Конопатова (изъ Москвы) 16 дек. 1884 г.	100 „
	А съ прежде поступившими всего . .	1,789 руб.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221; май, стр. 407; іюнь, стр. 671; т. XLIII, августъ, стр. 448; сентябрь, стр. 676; т. XLIV, октябрь, стр. 194; ноябрь, стр. 444; декабрь, стр. 624.

† 23-го ноября 1881 г.

Третья годовщина смерти

НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА

1881 $\frac{\text{ноября}}{23}$ 1884.

Чтеніе Іосифа Васильевича Бертенсона въ засѣданіи соединенныхъ Пироговскаго и С.-Петербургскаго Медицинскаго обществъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1884.

О НРАВСТВЕННОМЪ МІРОВОЗЗРѢНІИ Н. И. ПИРОГОВА.

Читано докторомъ І. В. Бертенсономъ въ торжественномъ засѣданіи 23-го ноября 1884 года.

Сегодня минуло три года со дня смерти Николая Ивановича! Установившійся въ с.-петербургскомъ медицинскомъ обществѣ, впервые, обычай: въ соединенномъ засѣданіи съ Обществомъ врачей, носящимъ его имя, вызывать, ежегодно въ день кончины, въ памяти свѣтлый образъ усопшаго,—само собою свидѣтельствуетъ не только о благоговѣйномъ уваженіи къ памяти о немъ, но говоритъ краснорѣчиво и о томъ, какой глубокій слѣдъ оставилъ Николай Ивановичъ въ общественномъ сознаніи...

Опредѣлить значеніе Пирогова какъ ученаго, мыслителя и знаменитаго хирурга, указать на заслуги его въ дѣлѣ образованія и воспитанія, сдѣлать оцѣнку началъ, внесенныхъ имъ въ основу народной школы—принадлежитъ будущему. Изъ сокровищницы многочисленныхъ его трудовъ, оставленныхъ имъ намъ, въ числѣ которыхъ нынѣ печатающіяся въ «Русской Старинѣ» посмертныя Записки его, составляющія, по словамъ почтеннаго редактора этого журнала, — чуть ли не событіе — дана возможность почерпать поучительныя знанія старику и юношѣ, вѣрующему и сомнѣвающемуся, крѣпкому и слабому духомъ, писателю и ученому... Посмертный трудъ Николая Ивановича коснулся многихъ важныхъ вопросовъ жизни и дастъ надолго поводъ къ глубокому размышленію; и чѣмъ распространеннѣе сдѣлаются воззрѣнія его на жизнь и на нравственныя основы ея,—тѣмъ глубже и глубже внѣдрятся въ сознаніе нашего Общества великія заслуги, оказанныя имъ отечеству.

Въ первыхъ главахъ этихъ Записокъ, напечатанныхъ въ сентябрьской, октябрьской и ноябрьской книгахъ «Русской Старины» за текущій годъ, мы знакомимся, впервые, съ нравственнымъ міросо-

зерцаніемъ автора. Съ свойственною Николаю Ивановичу правдивостью, простотою и глубиною мыслей, неподражаемою ясностію и образностью изложенія, онъ вводитъ читателя въ міръ отвлеченнаго мышленія, съ перваго момента поглощающаго все вниманіе его. Читая эту часть Записокъ, забываешь, по словамъ «Русской Старины», что онѣ «выливаются изъ подъ пера и, потомъ, карандаша человѣка, мучимаго страшнымъ недугомъ, обреченнаго близкой смерти, ясно сознающаго это и—съ стойкостью величайшаго философа—ее ожидающаго!»

Записки о жизни въ Москвѣ и Дерптѣ писались Николаемъ Ивановичемъ съ 12-го сентября по 1-е октября 1881 г. — въ дни страданія...

Dies illae, dies irrae—восклицаетъ умирающій Николай Ивановичъ и присовокупляетъ:

«Благодарю Господа Бога, что страданія не лишили меня способности живо вспоминать старое, думать и писать. Да будетъ воля святая Твоя!»

М. Г.! Да позволено мнѣ будетъ на нѣкоторое время занять ваше вниманіе сегодняшній вечеръ краткимъ, по возможности, изложеніемъ нравственнаго міровоззрѣнія Николая Ивановича послѣ того, какъ мы только что молились объ успокоеніи души дорогого усопшаго...

«Нашъ вѣкъ извѣрился», восклицаютъ нерѣдко, въ наше время, то тутъ, то тамъ наши доморощенные мыслители и непрошенные руководители общественнаго мнѣнія. Благодаря этому напускному безвѣрію, и отрицательнымъ, крайне непригляднымъ, сторонамъ современной общественной жизни, наука и знаніе сдѣлались какимъ-то пугаломъ, отъ котораго чуть не открещиваются нынѣ и нѣкоторые передовые люди въ сферѣ нашей общественной дѣятельности.

Но никакое знаніе вообще не подвергалось у насъ бо̀льшей опалѣ, какъ естествознаніе и никакое прикладное знаніе послѣдняго не вызывало на себя, въ частности, такихъ горькихъ нареканій, какъ медицина. Еще свѣжи въ памяти событія, повліявшія на существованіе у насъ высшихъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, приведшія ихъ нынѣ къ медленной агоніи...

Растлѣвающая, по мнѣнію многихъ, нравственность молодыхъ людей наука наша, развѣнчанная и какъ бы приниженная, терпится лишь въ силу необходимости и съ нею вмѣстѣ представители и адепты ея... Не говоря уже о слабой логикѣ подобнаго воззрѣнія на нашу науку, врачу достаточно на сто хорошихъ качествъ обнаружить лишь одно сомнительное, или отрицательное, чтобы на него посыпались нападки и упреки въ матеріализмѣ, безчеловѣчіи, корыстолюбіи и въ атеизмѣ.

Въ понятіяхъ большей части публики вѣрующій врачъ есть мономанъ и, съ легкой руки Тургенева, Базаровъ представляется родовымъ типомъ молодежи, посвящающей себя изученію медицины.

Не избѣгъ этихъ нарѣканій и Николай Ивановичъ при жизни, и даже послѣ смерти...

Но достаточно остановиться на приводимомъ, въ названныхъ Запискахъ, разсказѣ Пирогова о слишкомъ 40 лѣтъ тому назадъ имъ оперированномъ старикѣ, чтобы убѣдиться сколько тенденціозной лжи относительно его нравственныхъ качествъ разносили по міру его антогонисты.,.

„Только однажды", — разсказываетъ авторъ Записокъ, — „я такъ грубо ошибся при изслѣдованіи больного, что, сдѣлавъ литотомію, не нашелъ камня. Это случилось, именно, у робкаго и богобоязненнаго старика; раздосадованный на свою оплошность, я былъ такъ неделикатенъ, что измученнаго больного нѣсколько разъ послалъ къ чорту.

— „Какъ это вы Бога не боитесь", произнесъ онъ томнымъ, умоляющимъ голосомъ, „и призываете нечистаго злого духа, когда только имя Господне могло бы облегчить мои страданія".

„Какой урокъ, — говоритъ Пироговъ, — въ этихъ словахъ страдальца; я ихъ, какъ будто, и теперь еще слышу. Да, и мнѣ приходится, вспоминая прошедшее, нерѣдко относиться охая къ жизни и повторять слышанное, однажды, восклицаніе стараго капитана, страдавшаго непроходимою стриктурою и свищами мочевого канала. Измученный тщетнымъ позывомъ на мочу, трясясь и всхлипывая, онъ, съ разстановкою, выкрикивалъ: „охъ, охъ, ты жизнь матушка!"

Но не только о больномъ, оперированномъ имъ старикѣ Пироговъ вспоминаетъ съ глубокою скорбію; ему тяжело вспоминать о тѣхъ вивисекціяхъ и операціяхъ, въ которыхъ онъ, «по незнанію, по неопытности, легкомыслію или, Богъ знаетъ, почему», заставлялъ животныхъ мучиться понапрасну. «Да, самая ѣдкая хандра есть та»,— говоритъ онъ,—«которая наводитъ воспоминанія о насиліяхъ, нанесенныхъ нѣкогда чужому или собственному чувству. Какъ бы равнодушно мы не насиловали чувствъ другого, никогда не можемъ быть увѣрены, чтобы это насиліе не отразилось, рано или поздно, на нашемъ собственномъ чувствѣ». Лѣтъ 30 тому назадъ самъ Николай Ивановичъ счелъ бы сказанное фразологіею. «Я, говоритъ онъ, считалъ всякую жалость къ страданіямъ собаки при вивисекціяхъ, а еще болѣе привязанность къ животному, одною нелѣпою сантиментальностью. Но время все измѣняетъ—присовокупляетъ онъ—и я, нѣкогда безъ всякаго состраданія къ мукамъ (хлороформа тогда еще не знали), дѣлавшій ежедневно десятки вивисекцій, теперь не рѣшился бы и съ хлороформомъ рѣзать собаку изъ-за одного научнаго любопытства»...

«Когда моя Лядка» (любимая собаченка Николая Ивановича), продолжаетъ онъ, «околѣвала въ страданіяхъ, устремивъ на меня свои глазенки, стоная и, не смотря на муки, выражала мнѣ привѣтъ легкими движеніями хвоста,—во мнѣ, съ жалостью къ любимой собаченкѣ, пробудились воспоминанія о мученьяхъ, причиненныхъ мною, лѣтъ 30—40 тому назадъ, цѣлымъ сотнямъ подобныхъ Лядкѣ животныхъ,—и мнѣ стало невыносимо тяжело на душѣ»...

Читая эти строки, наше молодое учащее и учащееся поколѣніе, по всей вѣроятности, найдетъ ихъ по меньшей мѣрѣ смѣшными, а многіе, пожалуй, усмотрятъ въ словахъ Пирогова несомнѣнные признаки упадка умственной дѣятельности, на старости лѣтъ... Ничего нѣтъ легче подобнаго заключенія для людей, которые рѣшаютъ спорные жизненные, нравственные и всякіе другіе вопросы—съ плеча. Нашего знаменитаго сатирика Гоголя упрекали въ томъ, что въ своей предсмертной перепискѣ съ друзьями онъ самъ, сдѣлавъ строгій выговоръ своимъ заблужденіямъ и сжигая 2-ю часть «Мертвыхъ душъ», обнаружилъ, по мнѣнію критиковъ, непростительное малодушіе, которое и спѣшили объяснить душевнымъ разстройствомъ этого писателя.

Но, по мнѣнію Пирогова, не одна внѣшняя правда, а раскрытіе правды внутренней предъ самимъ собою, и вовсе не съ цѣлью оправдать или осудить себя, должно быть назначеніемъ автобіографіи мыслящаго человѣка.

„Пришедъ на мысль писать о себѣ *для себя*",—говоритъ Пироговъ,—„и рѣшившись не издавать въ свѣтъ о себѣ ничего при моей жизни, я не прочь, чтобы мои записки обо мнѣ читались, когда меня не будетъ на свѣтѣ, и другими. Это я говорю, положа руку на сердце, вовсе не потому, чтобы я боялся при жизни быть критикованнымъ, осмѣяннымъ или вовсе нечитаннымъ. Хотя я и не мало самолюбивъ и не безразлично отношусь къ похвалѣ, но самое самолюбіе мое все таки болѣе внутреннее, чѣмъ внѣшнее. Притомъ я эгоистическій самоѣдъ, и потому опасаюсь самого себя, чтобы описаніе моего внутренняго быта во всеуслышаніе не было бы принято мною самимъ за тщеславіе, желаніе рисоваться и оригинальничать, и все это, въ свою очередь, не повредило бы внутренней правдѣ, которую я желалъ бы сохранить, въ наичистѣйшемъ видѣ, въ моихъ запискахъ".

Я думаю, что приведенныхъ словъ покойнаго Николая Ивановича достаточно, чтобы отклонить удары тупыми стрѣлами той низменной критики, которая вздумала бы, нечистыми руками, касаться памяти о свѣтлой личности усопшаго.

Но о всемъ томъ, о чемъ я по сію пору говорилъ, по поводу нравственнаго міровоззрѣнія Николая Ивановича—вы, М. Г., могли сами уже составить себѣ понятіе и по достоинству оцѣнить значеніе ихъ читая его Записки въ IX, X и XI книгахъ «Русской Старины».

Къ счастію, я поставленъ въ возможность подѣлиться съ вами сегодня съ продолженіемъ этихъ Записокъ [1]), въ предѣлахъ, разумѣется, мотива, мною затронутаго.

«Было время, говоритъ Николай Ивановичъ, когда вопросъ о существованіи Бога рѣшался въ Гостинномъ дворѣ, при встрѣчѣ двухъ знакомыхъ.

— «Слышали ли, Петръ Ивановичъ, что Бога нѣтъ».

— «Что вы, какъ это можно?»

— «Говорю вамъ, что нѣтъ,—Иванъ Ивановичъ сказывалъ вчера».

«Это было, кажется, присовокупляетъ Николай Ивановичъ,—въ Фонъ-Визинскія времена, а то и не такъ давно (въ 1850 годахъ) задавали такого рода вопросы ученикамъ въ фельдшерской школѣ второго сухопутнаго госпиталя въ Петербургѣ:

«А почемъ ты знаешь, что Богъ есть?» и получали не менѣе умный отвѣтъ: «такъ стоитъ въ Катехизисѣ?»

«Во времена, когда возможны бываютъ такія проявленія грубаго кощунства въ разныхъ слояхъ общества, конечно находятъ, пожалуй, еще оправданіе и запретительныя мѣры противъ соблазна. Культурное же общество не можетъ допускать безцеремоннаго обращенія ни съ кѣмъ, и въ особенности съ Богомъ. Другое дѣло область современной науки; тутъ не можетъ быть и рѣчи о грубости нравовъ, неуваженія къ святынѣ, говоритъ Пироговъ, а потому въ этой области никакія церковныя и государственныя запрещенія не должны, да и не могутъ нарушать свободу совѣсти, мысли и научнаго разслѣдованія.

«Какимъ бы предметомъ, однако, не занимался человѣкъ науки, всѣ знаютъ, что онъ никакъ не отдѣлается отъ назойливаго вопроса: во что онъ вѣритъ? и этотъ вопросъ самый главный: согласны ли его вѣрованія съ убѣжденіями науки?»

Николай Ивановичъ, въ отношеніи религіозныхъ убѣжденій, дѣлитъ людей науки на три категоріи: «къ одной принадлежатъ люди, какъ покойный физіологъ Рудольфъ Вагнеръ, споривишій съ Карломъ Фохтомъ—въ наукѣ скептики, въ дѣлѣ вѣры искренно вѣрующіе прихожане приходскихъ церквей; къ другой категоріи принадлежатъ ученые, старающіеся примирить свои научныя убѣжденія съ религіозными, а когда они не достигаютъ такого примиренія, то переходятъ въ третій лагерь,—ни во что невѣрующихъ, охотно открывающій къ себѣ доступъ и только что сошедшимъ со школьной скамьи».

«И вотъ я полагаю, говоритъ Николай Ивановичъ, что каждый человѣкъ науки и тѣмъ болѣе, конечно, и автобіографъ обязанъ прежде всего рѣшить, чистосердечно, главный вопросъ жизни: къ которой

[1]) См. въ „Русской Старинѣ“ 1884 г., кн. декабрь.

изъ трехъ категорій онъ причисляетъ себя, во что онъ вѣруетъ и что признаетъ? Но, задавая себѣ этотъ вопросъ,—продолжаетъ Николай Ивановичъ, не надо робѣть передъ собою, вилять хвостомъ, пятиться назадъ и отвѣчать самому себѣ двусмысленно.

«Виляньe, нерѣшительность и неоткровенность непремѣнно приведутъ къ пагубному разладу съ самимъ собою, къ несогласію дѣйствій съ убѣжденіями, упрекамъ совѣсти, и къ самоубійству нравственному и физическому».

Но вмѣсто дальнѣйшихъ коментарій о сущности нравственнаго міровоззрѣнія Николая Ивановича позвольте, М. Г., привести здѣсь цѣликомъ отрывокъ изъ ненапечатанной еще главы его «Записокъ»: О дѣтствѣ и юности его:

То, что называется свободою ума и мысли, не есть какой-то безшабашный и беззаконный произволъ, говоритъ Николай Ивановичъ. Умъ всегда долженъ на чемъ-нибудь останавливаться и находить точку опоры; его станціи, можетъ быть (не знаю навѣрное), и безпредѣльны, то есть могутъ переноситься въ безграничныхъ предѣлахъ, но все таки будутъ для ума современнаго (существующаго въ извѣстное, опредѣленное время) предѣльными.

Но эта конституція ума не въ силахъ уничтожить въ немъ стремленіе въ безвыходную безпредѣльность, и вотъ онъ самъ, управляемый своимъ habeas corpus, долженъ самъ же слѣдить за его исполненіемъ, обуздывая свое стремленіе къ безпредѣльной свободѣ; оно такъ сильно, что въ переживаемое нами время я слыхалъ отъ молодыхъ людей даже вопросы въ родѣ слѣдующаго:

— „А почему мнѣ необходимо принимать, что дважды два—четыре? почему я не свободенъ думать иначе?“ и это не въ шутку.

Опытъ жизни и примѣры большинства обуздываютъ въ единичныхъ случаяхъ разгулъ мнимо-беззаконной свободы ума; но, періодически, эта тяга къ безвыходному положенію, съ непреодолимою силою, увлекаетъ умы цѣлаго общества.

Дѣйствіе конституціи нашего ума и его стремленія находить новыя исходныя или опорныя точки, то есть стремиться все далѣе и далѣе въ безпредѣльность, всего яснѣе проявляются въ рѣшеніи главныхъ вопросовъ жизни. Смотря по тому, которое изъ двухъ направленій беретъ перевѣсъ, и главный вопросъ жизни, — вопросъ о Богѣ, — рѣшается умомъ (умомъ, — не вѣрою, nota bene) различно.

Умъ конституціонный, ищущій постоянно исходныхъ точекъ и несклонный блуждать въ безпредѣльности, приходитъ скоро къ рѣшенію; для этого онъ находитъ исходную точку въ самомъ себѣ, переноситъ ее внѣ себя, въ самую безпредѣльность, но, не оставляя своей опоры, останавливается,— nec plus ultra. Гдѣ приходится остановиться, ближе или дальше отъ себя, это будетъ зависѣть отъ склада конституціоннаго ума, насколько этотъ складъ допуститъ развиться стремленію ума въ безпредѣльность.

Умъ конституціонный и положительный можетъ быть только деистомъ или пантеистомъ. И тотъ, и другой свою исходную точку находятъ въ творческой силѣ; но одинъ переноситъ ее внѣ міра, а другой—въ самый міръ.

Умъ, повидимому, не менѣе положительный, можетъ останавливаться и ближе, принявъ самую вселенную за Бога; въ сущности, это было бы колебаніе между пантеизмомъ и атеизмомъ, между желаніями остановиться и блуждать въ безвыходномъ хаосѣ. Между тѣмъ, такое міровоззрѣніе весьма заманчиво для юнаго ума.

Я разскажу, впослѣдствіи, какъ нѣкогда я самъ былъ поборникомъ этого воззрѣнія; современная философія безсознательнаго (которую я, признаюсь, не читалъ) вѣроятно безсознательный творческій міровой умъ (или міровую жизнь) полагаетъ также въ самую вселенную. Для чего, думалось мнѣ во времена оны, служитъ предположеніе о существованіи Бога? Что объясняется имъ въ мірозданіи? Развѣ матерія не можетъ и не должна быть вѣчною? Къ чему же лишній ипотезъ, ничего не объясняющій?

Мнѣ было 25 лѣтъ, когда эти назойливые вопросы волновали меня и, скажу въ мое оправданіе, навязались ко мнѣ malgré moi, а я, въ то время, былъ отчаяннымъ спеціалистомъ моей науки.

Но лѣта, а съ ними и другой образъ жизни и другія, какъ я увѣренъ, болѣе прочныя думы убѣдили меня въ полной неосновательности этого міровоззрѣнія и наносимомъ имъ (рефлективномъ) вредѣ самому уму. Если и всякое размышленіе требуетъ исходныхъ точекъ, то, при размышленіи о предметахъ отвлеченныхъ, умъ, ненаходящій нигдѣ самой крайней и, такъ сказать, неприступной опоры, не можетъ сдѣлать ни шагу впередъ, не подвергаясь опасности потерять ее и заблудиться.

Основать же точку опоры на вселенной — значитъ строить зданіе на пескѣ. Главная суть вселенной, не смотря на всю ея безпредѣльность и вѣчность, есть проявленіе творческой мысли и творческаго плана въ веществѣ (матеріи), а вещество подвержено измѣненію (въ составѣ и видѣ) и чувственному (научному) разслѣдованію.

Все же измѣняющееся (какъ и въ чемъ бы то ни было) должно имѣть не одни положительныя, но и отрицательныя свойства, а все подлежащее чувственному анализу и разслѣдованію не можетъ считаться за нѣчто законченное, абсолютно вѣрное и опредѣленное.

Но молодой умъ, также какъ и желудокъ молодыхъ людей, все переваривающій, легко усвоиваетъ себѣ, какъ я узналъ изъ опыта, и пантеистическое міровоззрѣніе, не ощущая, до поры и до времени, — несносныхъ колебаній, ни сотрясеній отъ шаткости основы.

Верховный разумъ и верховная воля Творца, проявляемые цѣлесообразно посредствомъ мірового ума и міровой жизни, въ веществѣ, — вотъ nec plus ultra человѣческаго ума, вотъ то прочное и неизмѣнное, абсолютное начало, далѣе котораго нельзя идти положительному уму, не сбившись съ толку и съ пути.

Такимъ представляется оно моему складу ума, блуждавшаго не мало въ непроходимыхъ дебряхъ и топяхъ.

Къ чести моего ума, я долженъ упомянуть, однако же, что онъ, и блуждая, никогда не грязнулъ въ полнѣйшемъ отрицаніи недоступнаго для него и святого.

Мой бѣдный умъ, и останавливаясь на вселенной (вмѣсто Бога), благоговѣлъ предъ нею, какъ предъ безпредѣльнымъ и вѣчнымъ началомъ.

Никогда онъ, то есть мой умъ, не доходилъ до обожанія случая, и

только теперь, уже состарѣвшись, онъ съ удивленіемъ и отвращеніемъ узнаетъ, что такой апотеозъ и осуществимъ на дѣлѣ.

Юные и зрѣлые современники моей старости, живя и дѣйствуя въ эпоху лотерей, ажіотажа, рулетки и биржевой игры, пріучили себя видѣть въ случаѣ одинъ изъ главныхъ рычаговъ жизни. Немудрено, что и основу всего мірозданія и исходную точку своихъ міровоззрѣній современное поколѣніе можетъ легко перенести на случай.

При случайномъ стеченіи благопріятныхъ условій, изъ первобытной клѣтки (яйца) развивается первобытный организмъ; онъ, при новомъ случайномъ стеченіи другихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, принимаетъ тотъ или другой видъ; этотъ видъ, въ свою очередь, случайно встрѣтивши въ окружающей его средѣ или удобство, или препятствіе, принимаетъ то высшую организацію, то, лишаясь того или другого органа, переходитъ въ другой видъ или же и исчезаетъ. Уродилось-ли случайно въ какомъ нибудь органическомъ видѣ болѣе крѣпкихъ и здоровыхъ особей, подборъ вышелъ удачнымъ и побѣда въ борьбѣ за существованіе за этимъ видомъ.

Такъ случай за случаемъ доводитъ, переходами изъ одного вида въ другой, до вида млекопитающаго, а отсюда рукой подать и до человѣка, умъ котораго открываетъ ему, наконецъ, что клѣтка, произведшая его (то есть человѣкъ, а потому, пожалуй, и умъ), ничѣмъ существеннымъ не отличаясь отъ другой животной клѣтки, только благодаря окружающей средѣ, случаю и времени, вывела на свѣтъ его, или ему сродственную обезьяну.

Не мнѣ быть критикомъ, противникомъ или защитникомъ и приверженцемъ современнаго ученія; въ немъ очевидна геніальность наблюдателя, умѣвшаго придать глубокое научное значеніе добытымъ имъ фактамъ и разслѣдованіямъ явленій.

Доктрина, обязанная своимъ происхожденіемъ такому геніальному наблюдателю, не могла не дать повода къ новымъ взглядамъ на органическій міръ и къ новымъ его изслѣдованіямъ.

Все это, однако же, не сдѣлаетъ меня легковѣрнымъ. О перерожденіи и переходахъ животныхъ видовъ и родовъ говорилось не со вчерашняго дня. Извѣстно, какъ Гёте изумилъ всѣхъ своимъ восклицаніемъ, когда начался объ этомъ дѣлѣ знаменитый споръ во французской академіи между Кювье и Жофруа Сент-Илеромъ; подумали, что восклицаніе это относилось къ какому-либо міровому, политическому событію.

Ламаркъ, если не ошибаюсь, говорилъ или, лучше, намекалъ и о происхожденіи человѣка отъ обезьяны; по крайней мѣрѣ, этотъ взглядъ былъ въ ходу и въ 1830 годахъ; я помню, какъ однажды мой дерптскій учитель, профессоръ хирургіи Мойеръ, (въ 1832 году), ѣхавъ со мною за городомъ, удивилъ меня вопросомъ: „а какъ вы думаете, Пироговъ, не происходимъ ли мы всѣ отъ обезьянъ?“

Такъ, зная, что доктрина, занимающая современные умы, не была terra incognita и для предшественниковъ, какъ-то держишь себя осторожнѣе отъ увлеченій.

Впрочемъ, я нисколько не скандализируюсь происхожденіемъ человѣка отъ обезьяны; тѣмъ болѣе чести уму какого бы то ни было существа, если оно съумѣло выйти, хотя бы и случайно, въ люди. Для меня, однако же, не

менѣе вѣроятенъ и обратный переходъ человѣка въ обезьяну,—совершающійся почти на нашихъ глазахъ.

И почему, въ самомъ дѣлѣ, въ тѣ до-историческія времена, когда наша планета производила ихтіозавровъ, мамонтовъ и другихъ великановъ, она не могла произвести и допотопнаго человѣка-гиганта, съ огромнымъ мозгомъ; а такъ какъ умъ нашъ мозговой, то почему бы и онъ не могъ быть огромнымъ; въ такомъ случаѣ это былъ бы совершеннѣйшій изъ людей, великъ и уменъ. Ихтіозавры и мамонты перевелись и переродились, и человѣкъ-гигантъ могъ также перевестись и переродиться въ шимпанзеевъ, орангутанговъ, буммасовъ, обитателей Новой Гвинеи и т. п.

Принимая, весьма хладнокровно, взглядъ на происхожденіе мое отъ обезьяны, я не могу слышать безъ отвращенія и перенести ни малѣйшаго намека объ отсутствіи творческаго плана и творческой цѣлесообразности въ мірозданіи; а потому никогда не допущу, чтобы первобытная клѣтка и даже первобытная протоплазма не заключала въ себѣ творческой мысли о ея конечномъ назначеніи и творческое (цѣлесообразное) предопредѣленіе всѣхъ формъ, прототипъ которыхъ долженъ былъ изъ нея развиться.

Не странно ли, однако, что прежде вовсе нетруднымъ казалось вѣрить въ происхожденіе людей и всего животнаго царства отъ нѣсколькихъ паръ и даже отъ одной; а теперь, также безъ труда вѣрятъ въ переходы и перерожденія самыхъ отдаленныхъ типовъ животныхъ.

Причину легковѣрія въ обоихъ случаяхъ я нахожу въ задней мысли, всѣмъ подсказывающей, что самая суть дѣла ни въ томъ, ни въ другомъ взглядѣ не выясняется.

Пара ли готовыхъ уже животныхъ, или одна безформенная протоплазма вышли впервые на свѣтъ,—въ обоихъ случаяхъ остается иксъ, что заставило атомы вещества складываться въ обформенное существо, способное къ самостоятельному бытію, къ борьбѣ за существованіе, наслѣдственности и произведенію новыхъ себѣ подобныхъ или несходныхъ съ собою (Generationswechsel) существъ.

Могу ли же я легко убѣдиться въ непогрѣшимости доктрины, увлекающіеся приверженцы которой готовы, пожалуй, поставить на пьедесталъ случай, замѣнивъ имъ Бога и отвергнувъ, какъ лишній хламъ, и планъ, и цѣлесообразность въ мірозданіи? По моему, это значило бы признать себя какими-то бастардами отъ случки случая съ случайною же природою. Но современное міровоззрѣніе имѣетъ для естественника ту привлекательную сторону, что въ немъ предполагаемое прошлое соглашено съ настоящимъ и соотвѣтствуетъ ему пока, т. е. до поры и до времени, болѣе, чѣмъ въ другихъ міровоззрѣніяхъ.

Все рождено, не сотворено. Не опредѣленная, по предначертанному творческою мыслью плану, типичность органическихъ формъ, не творческая цѣлесообразность въ устройствѣ типическихъ организмовъ и переходныхъ формъ занимаютъ первое мѣсто въ современномъ міровоззрѣніи, а внѣшнія физическія условія и случайная индивидуальность, и такъ какъ искусство перерожденія и размноженія животныхъ и растительныхъ организмовъ, съ практическою цѣлью улучшенія разныхъ продуктовъ, не достигало еще такого совершенства, какъ въ переживаемое нами время, то понятно, что добытые практическимъ путемъ весьма наглядные результаты не могли не повліять и на умственныя отвлеченія.

Отвлеченное творчество, творческіе планъ и мысль, предначертанная цѣлесообразность типовъ въ мірозданіи, все это ушло на заднiй планъ, и что достигается искусствомъ современныхъ культиваторовъ органическихъ расъ, породъ и видовъ, то въ натурѣ поручилось дѣлать случайному подбору особей и случайному стеченію разныхъ физическихъ условій.

И вотъ уже слышится и мораль переживаемаго: „а ларчикъ просто открывался".

Но что же такое это—случай? Какой это простой deus ex machina, играющій такую видную роль въ нашихъ дѣлахъ и мысляхъ?

Едва-ли не придется мнѣ отвѣтить на это: не знаю.

Одно изъ двухъ мнѣ кажется несомнѣннымъ: или нѣтъ вовсе случая, или между случаемъ и тѣмъ, съ кѣмъ онъ случился—есть какое-нибудь отношеніе; впрочемъ, оба предположенія въ конечномъ результатѣ сводятся на одно и то же.

Видя, на каждомъ шагу, связь между дѣйствіями и причинами, отыскивая по безсознательному (невольному) требованію разсудка вездѣ причину, гдѣ есть дѣйствіе, мы, неминуемо, роковымъ образомъ, приходимъ къ заключенію, что и между всѣми дѣйствіями и всѣми причинами существуетъ неразрывная вѣчная связь.

При такомъ взглядѣ, случай будетъ не болѣе какъ дѣйствіе, причина или причины котораго намъ еще неизвѣстны, а для многихъ событій, можно утверждать a priori, и никогда не будутъ извѣстны. Это почему? А потому, что стеченіе обстоятельствъ въ одну бьющую точку, — случай, — бываетъ до того сложно, что для опредѣленія его понадобилось бы невозможное знаніе всего прошлаго и настоящаго.

Мы такъ привыкли къ случайностямъ, что случай кажется намъ самымъ обыкновеннымъ, естественнымъ дѣломъ,—и это слава Богу; не живя въ миражѣ обыкновеннаго и незаслуживающаго вниманія, мы бы нажили себѣ галлюцинацію висящаго надъ нами Дамоклова меча.

Но какъ только мы остановимся, почему бы то ни было, хотя на одномъ самомъ обыкновенномъ событіи, касающемся насъ лично, то не избѣгнемъ невольнаго вопроса: при чемъ я тутъ, зачѣмъ оно коснулось именно меня?

По большей части причины нашей прикосновенности къ какому нибудь событію для насъ ясны и просты, то есть кажутся для насъ такими; но нерѣдко причины отношеній моихъ къ событію для меня скрыты, а не быть имъ нельзя.

Что я де покуда не знаю, или не хочу знать почему, или же это ясно для всѣхъ, почему? потому что, видите ли, случай.

Такъ что же, послѣ этого, ты казуистъ или фаталистъ что-ли?—задаю себѣ вопросъ.

Я независимый, то есть независимый отъ предвзятыхъ мнѣній и доктринъ. Въ сужденіяхъ объ отвлеченныхъ предметахъ, въ примѣненіи ихъ къ практической жизни, не нужно добиваться, во что бы то ни стало, послѣдовательности.

Сказать, что случай все рѣшаетъ въ жизни—нелѣпо; но считать нелѣпымъ прежнее убѣжденіе, что и маловажныя, повидимому, событія могутъ имѣть роковыя послѣдствія—еще болѣе нелѣпо.

Какое дѣло, что маловажному событію предшествовалъ цѣлый рядъ другихъ, скрытыхъ, но болѣе существенныхъ обстоятельствъ; рѣшающимъ, и

именно въ данный моментъ времени, было все-таки то, что называется невидною случайностью.

Скалу подтачивала цѣлые вѣка вода, зданіе гнило и подтачивалось подъ землею; вдругъ, отъ небольшого сотрясенія, въ одинъ прекрасный день (они) падаютъ. Что тутъ рѣшающее обстоятельство? Все-ли равно, упади скала и зданіе днемъ ранѣе или днемъ позже? Всѣ правы, признавая самымъ главнымъ рѣшающимъ моментомъ тотъ, когда случается роковое событіе.

У Наполеона спотыкается конь о маленькій камушекъ; Наполеонъ падаетъ и, вставъ, говоритъ, что этотъ камушекъ могъ сдѣлаться рѣшителемъ судебъ Европы. Наполеонъ былъ совершенно правъ, дѣлая рѣшителемъ судебъ въ этотъ моментъ не себя, а камень.

Случай, часто и однообразно повторяющійся, перестаетъ, въ нашихъ глазахъ, быть случаемъ по двумъ причинамъ: мы получаемъ болѣе времени и средствъ для изслѣдованія и узнаемъ причину, или же мы просто привыкаемъ—и прежде случайное, рѣдкое и необыкновенное дѣлается обыкновеннымъ и насущнымъ.

Узнавъ, что большая часть браковъ совершается осенью, не трудно было догадаться почему; но, узнавъ по статистическимъ даннымъ, что ежегодно встрѣчается почти одна и та же цифра ошибочныхъ адресовъ на письмахъ, мы перестаемъ этому удивляться, хотя и не знаемъ причины почему люди всегда, въ извѣстной мѣрѣ, разсѣянны при отправкѣ своихъ писемъ на почту.

Еще необъяснимѣе для насъ, случающееся весьма нерѣдко, счастье въ азартныхъ играхъ, лотереяхъ, рулеткѣ и, наконецъ, вообще счастье въ жизни, но мы только завидуемъ этому, но не удивляемся.

Необыденность, разнообразность и безпричинность—вотъ признаки случайнаго событія.

Чѣмъ чаще повторяется одно и то же случайное, то есть, безпричинное событіе, тѣмъ невѣроятнѣе кажется намъ, что оно опять повторится; о томъ, кто всякій разъ попадаетъ въ цѣль, или выигрываетъ, мы, не безъ злорадства, думаемъ: авось (въ авосѣ всегда заключается извѣстная степень вѣроятности) промахнется или проиграетъ; если дождь льется цѣлыя недѣли, то съ каждымъ днемъ мы все болѣе надѣемся и увѣряемся, что онъ перестанетъ.

Но всѣ наши предположенія тотчасъ же принимаютъ другой характеръ, какъ скоро мы открываемъ или только подозрѣваемъ причину событія.

Тогда, при сужденіи, мы уже не на то смотримъ — часто ли или рѣдко оно случается; все вниманіе наше перемѣщается съ событія на его причину.

Но причинность цѣлаго легіона міровыхъ событій и явленій можетъ быть разслѣдована только по двумъ направленіямъ; мы можемъ перемѣщать наше предположеніе объ этой причинности то въ самый субстратъ, то есть въ вещество, служащее субстратомъ явленія, то внѣ его; это перемѣщеніе зависитъ отъ степени точности нашихъ знаній; чѣмъ они точнѣе, тѣмъ болѣе перемѣщаемъ мы и причину внѣ явленія; всему, однако же, есть предѣлъ; чѣмъ болѣе дѣлаемъ мы, напримѣръ, причину какого-либо явленія въ органическомъ мірѣ внѣшнею, тѣмъ болѣе сообщаемъ ей случайный характеръ. Поэтому-то я въ современномъ міровоззрѣніи на органическій міръ и нахожу, что въ немъ случаю предоставлена слишкомъ главная роль.

Уже давно отважные пловцы въ полярныхъ странахъ мышленія застав-

ляли случай приводить въ порядокъ разсѣянные или скученные въ хаосѣ атомы вещества; Цицеронъ, сколько я помню, занимался уже опроверженіемъ этой знаменитой доктрины. Мнѣ кажется, въ наше время мы не далеки отъ подобнаго же ученія, только съ бо̀льшими притязаніями на точность и фактичность.

Но какъ бы ни были прогрессивны и точны наши свѣдѣнія, лишь только мы отвергнемъ присутствіе въ атомахъ первобытной органической образовательной силы, влекущей ихъ къ извѣстнаго рода группировкамъ, намъ придется все дѣло передать въ руки случая.

Если бы въ самые первые моменты творенія, при самомъ первомъ зарожденіи органическаго вещества, атомы его не имѣли этого влеченія къ группировкѣ, въ опредѣленныя типическія формы, то кто же, какъ не стихійныя силы, случайно производили тотъ или другой типъ, случайно же способствуя переходамъ и превращеніямъ одного въ другой. Откуда бы взяться различію особей одного и того же типа, если бы случайное стеченіе разныхъ условій не благопріятствовало развитію одной особи и не задерживало развитія другой. Чему-нибудь да нужно дать предпочтеніе — предопредѣленію или случаю.

Я—за предопредѣленіе,—говоритъ Пироговъ—и по моему все, что случается, должно было случиться и не быть не могло".

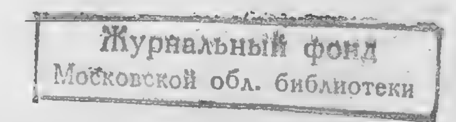
Не стану однако, м. г., утомлять далѣе вашего вниманія выдержками изъ посмертныхъ Записокъ Николая Ивановича, переполненныхъ глубокими всесторонними изслѣдованіями вопросовъ высшаго порядка.

Довольно сказать, что изъ міровоззрѣнія Николая Ивановича, откровенно имъ изложеннаго, проистекаетъ, что существованіе верховнаго разума, а слѣдовательно и верховной творческой воли, онъ считаетъ необходимымъ и неминуемымъ (роковымъ) требованіемъ (постулатомъ) его собственнаго разума, такъ что, говоритъ онъ: «если бы я и хотѣлъ, теперь, не признать существованія Бога, то не могъ бы этого сдѣлать, не сойдя съума!»

М. Г.! Изъ этого сжатаго очерка о нравственномъ міровоззрѣніи Николая Ивановича, бросивъ ретроспективный взглядъ на все его прошлое, сдѣлавшееся нынѣ достояніемъ исторіи, не трудно убѣдиться, что злорадство, благодаря которому покойный во время жизни былъ осыпаемъ всякаго рода обвиненіями и недостойными инсинуаціями, нынѣ, съ появленіемъ его посмертной исповѣди, еще рельефнѣе выдвигается незабвенный, нравственный обликъ его на темномъ фонѣ нашей будничной жизни...—Миръ праху его!

І. В. Бертенсонъ.

23-го ноября 1884 г.
С.-Петербургъ.

фактическій и ясный. Часть этого тома занята очеркомъ событій западно-русской церкви въ сказанный періодъ, а другая посвящена исторіи лицъ и учрежденій православныхъ и уніатскихъ епархій въ западномъ краѣ. Трудъ г. Чистовича безъ сомнѣнія составитъ весьма важное подспорье къ общимъ трудамъ по церковной исторіи, въ которыхъ не всегда съ достаточною полнотою излагаются событія западно-русской церкви.

Русскіе труды по исторіи Прибалтійскаго края.

Считаемъ необходимымъ занести въ нашу библіографическую лѣтопись два весьма почтенныхъ труда, посвященныхъ исторіи края, столь близкаго нашей исторіи, но имѣющаго свою судьбу и свою культуру. Исторія его богата матеріалами, которые съ большимъ стараніемъ и усердіемъ издаются мѣстными учеными и обществами; затѣмъ она представляетъ не мало цѣнныхъ монографическихъ работъ, преимущественно относящихся къ древнему періоду (до XIII в.). Многіе изъ нихъ съ большимъ вниманіемъ останавливаются на мелочныхъ и спорныхъ вопросахъ, часто мѣстнаго, сословнаго или экономическаго характера, но не всегда считаютъ нужнымъ обращаться къ болѣе общимъ историческимъ интересамъ. Русскому изслѣдователю не приходится руководствоваться такими соображеніями, а потому нельзя не привѣтствовать появленія въ нашей литературѣ трудовъ г. Трувнана «Введеніе христіанства въ Лифляндіи» (Спб. 1884, XXII + 442, ц. 3 р.) и г. Форстена: «Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ (Спб. 1884, 619 + 43, ц. 3 р.).

Въ первомъ изъ нихъ авторъ подробно останавливается на этнографіи края и религіи литовцевъ, латышей и эстовъ до принятія христіанства; затѣмъ слѣдитъ за сношеніями туземцевъ съ западомъ и востокомъ до XIII в., за завоеваніемъ Лифляндіи нѣмцами и, наконецъ, даетъ подро[illegible]черкъ внутренней жизни, церковныхъ [illegible]ежденій и состоянія народа по вв[illegible]стіанства. Вездѣ авторъ поль[illegible] своего труда источниками и ли[illegible]ю по каждому отдѣльному вопросу. [illegible]обенный интересъ для русскаго исто[illegible]ка представляетъ 2-я глава II части (167—200), въ которой онъ разбираетъ извѣстія и мнѣнія о первыхъ сношеніяхъ, степени подчиненности края русскимъ князьямъ и позднѣйшихъ притязаніяхъ (XVI в.) на владѣніе имъ, основывавшихся на тѣхъ же отношеніяхъ.

Второй трудъ только вскользь затрогиваетъ отношенія къ Россіи; но, по своему несомнѣнному историческому интересу (ганзейскія дѣла и судьба балтійскаго поморья до XVI в.), близко стоитъ къ ея исторіи; авторъ остановился, такъ сказать, у самаго порога болѣе систематическихъ стремленій къ балтійскому поморью со стороны Россіи. Въ примѣчаніяхъ же къ тексту и въ приложеніяхъ къ своему труду онъ постоянно помѣщаетъ важнѣйшія мѣста изъ своихъ источниковъ.

Кромѣ того, оба автора даютъ обстоятельный обзоръ и оцѣнку источниковъ и трудовъ, посвященныхъ разсматриваемымъ вопросамъ.

Сулимовскій архивъ. Фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей. XVII—XVIII вв. Съ 5-ю портретами. К. 1884. 316 стр. Ц. 2 р.

Изданіе этого сборника матеріаловъ сдѣлано извѣстнымъ изслѣдователемъ по исторіи Малороссіи Ал. Лазаревскимъ. Въ предисловіи къ нему, собиратель сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о судьбѣ частныхъ архивовъ въ Малороссіи и историческій очеркъ фамилій, матеріалы о которыхъ вошли въ изданный сборникъ. Изданіе сопровождается портретами, родословными списками и указателями.

Указатель къ изданіямъ временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ (1845—1877 гг.). Составилъ И. П. Новицкій. К. 1883. 978 стр. Ц. 4 р.

Первый томъ этого труда (указатель лицъ) появился въ 1878; второй томъ— посвященъ географическимъ именамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ носитъ заглавіе матеріаловъ для исторической географіи южной и западной Россіи, служа такимъ образомъ дополненіемъ недавно изданнаго труда г. Головацкаго. Указатель не ограничивается только номенклатурою памятниковъ коммиссіи, но опредѣляетъ и нынѣшнія названія и положенія мѣстъ. Такимъ образомъ и работа составителя получила уже характеръ ученаго изслѣдованія. В. И.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій.**

